РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА

СОХРАНИ МОИ ПИСЬМА...

СБОРНИК ПИСЕМ ЕВРЕЕВ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выпуск 5

Составители:
Роман Жигун, Леонид Тёрушкин

МОСКВА
Центр и Фонд «Холокост»
Издательско-полиграфическая фирма «Полимед»
2019

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)62 «1939/1945»
М94
ISBN: 5-88832-032-3

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

И. А. Альтман (отв. редактор), А. Е. Гербер, Ю. А. Домбровский,
Ю. И. Каннер, Б. Н. Ковалев, Г. В. Костырченко, Е. С. Розенблат (Беларусь),
Л. А. Тёрушкин (отв. секретарь), д-р Кирилл Феферман (Израиль),
д-р Арон Шнеер (Израиль)

«Сохрани мои письма...» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 5. / Составители: Р. Е. Жигун, Л. А. Тёрушкин // Под ред. и с предисловием И. А. Альтмана. — М.: Центр «Холокост», 2019 — 368 с.

Пятый выпуск сборника содержит более 300 писем и 2 дневника, а также около 190 фотографий. Эти семейные реликвии поступили в Архив Научно-просветительного Центра «Холокост» в течение трёх последних лет. В основном их передали родные и близкие авторов или адресатов, проживающие в России, Израиле, Латвии, США и Украине. Подавляющее большинство документов публикуется впервые. Особую ценность представляют письма, отражающие Холокост на оккупированной территории РСФСР (Ростов-на-Дону, Псковская и Брянская области, Ставропольский край, Крым). Публикуемые документы также рассказывают о фронтовых буднях, мыслях и чувствах воинов-евреев, судьбах их близких в тылу, в эвакуации.

Сборник рассчитан на исследователей Второй мировой войны, преподавателей, студентов, школьников, широкий круг читателей.

Издано при содействии Российского еврейского конгресса, Claims Conference (США) и фонда «Генезис»

© Центр «Холокост», 2019
© И. А. Альтман, предисловие, научная редакция
© Издательско-полиграфическая фирма «Полимед», художественное оформление, вёрстка, дизайн обложки, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Альтман.
Тема войны и Холокоста в переписке советских евреев 5

Р. Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин. От составителей 25

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ФОТОГРАФИИ 32

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Письма и дневники
после окончания Великой Отечественной войны 337

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Список сокращённых слов 346

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Перечень авторов писем и дневников 351

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Перечень лиц,
предоставивших документы для публикации 353

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Географический указатель 355

ТЕМА ВОЙНЫ И ХОЛОКОСТА В ПЕРЕПИСКЕ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ

Асна, Блюма, Рахиль, Мирьям, Сарра, Хана, Хая, Шифра-Двойра; Авраам, Борух, Лейзер, Меир, Моисей, Рафаэл-Арье, Шмуэл, Янкев-Ицхок, Соля, Хона, Элья… Это женские и мужские имена из исчезнувшего навсегда мира еврейских местечек не часто услышишь в России. Как и редкие строчки и слова на идиш, они остались в письмах, хранимых десятилетиями в семейных архивах.

Одно из них, семьи **Иткиных** из Невеля, отправленное в Ленинград в первый день войны, 22 июня 1941 года, передаёт *«адское настроение»* советских евреев, предчувствие бед от *«разбойника, который режет людей»*. Автор успокаивает родных: *«ведь так много боли на свете, и поэтому мои болячки не причиняют мне боли»*.

Эту же мысль продолжает письмо столяра **Якова Паскова** из г. Стародуба от 3 августа 1941 года, также адресованное в ещё не блокадный Ленинград сыну Меиру: *«Мы верим очень сильно, что эти разбойники непременно получат хорошую взбучку»*. В 1943 году из ответа на свой запрос Меир узнает, что его родители, вместе с младшей дочерью, семьями старших сына и дочери были помещены в гетто и расстреляны в 1942 году.

Писал из госпиталя родным на идиш **Залман Якуб**. Отдельные слова на идиш вставлялись в письма **Анатолием Хейфетцем** и уроженцем Бессарабии **Максом Гольденштейном**, который нередко обращался к жене «Нешумкале» («Душечка»).

Разумеется, подавляющее большинство публикуемых писем написано на русском языке. В них гораздо полнее, чем в предшествующих выпусках нашего сборника, представлены факты Холокоста в разных регионах оккупированной территории РСФСР — Ростов-на-Дону, Северный Кавказ (Кисловодск, Минеральные Воды), Крым (Симферополь и Керчь), Брянская, Псковская и Смоленская области — а также на территории Белоруссии и Украины.

Письма о Холокосте не исчерпывают проблематику сборника: в нём преобладают документы, отражающие повседневную жизнь фронта и тыла, облик, мысли и чувства их авторов. У каждого из них перед войной были свои планы, надежды, любимые люди.

Иосиф Брагилевский, собиравшийся поступать в военную академию, сообщает родным 19 июня 1940 года, что *«очутился в Литве»*. Любопытна оценка настроений местных жителей, встретивших советские войска *«очень дружелюбно»*. Через месяц автор уточняет, что счастливы *«приходу Советов»* отнюдь не все: *«Видел первых полицейских. Козыряют нам и, видимо, чувствуют себя не совсем в своей тарелке»*.

Переписка с любимой девушкой бакинца **Евгения Войскунского**, призванного в армию после первого курса ленинградского художественно вуза, — отражение облика поколения, которое встретило войну. Эти письма представляют интерес для истории советской военно-морской базы на полуострове Ханко (до войны и во время её обороны летом-осенью 1941 года). Но в них же — эрудиция, юмор, жажда жизни, настоящая любовная лирика. Среди множества книг в переписке упоминается «Мендель-букинист» Стефана Цвейга — с явно выраженной «еврейской темой», отмечается знающий идиш сослуживец-украинец. Чувствуется подготовка к войне: в феврале 1941 года Евгений просит прислать ему учебник финского языка. А в начале мая 1941-го пишет о том, что закончил читать роман Тургенева «Накануне». И обсуждает его героев. Ни он, ни его адресат не подозревали, насколько символично название этого произведения… А **Яков Карасик** пишет матери в эти же дни (10 мая 1941 года) из Эстонии: *«У нас ходят всевозможные слухи, не обещающие ничего положительного»*. Лейтенант **Дмитрий Вайнер**, находясь в лагерях в приграничном Владимире-Волынском, в начале июня 1941-го отмечает замену лошадей на автомобили и тракторы в своём подразделении.

А на «гражданке» продолжалась мирная жизнь. Груня Сонина из Почепа с гордостью пишет в Москву сестре в середине июня 1941 года о своих дочерях Лизе и Мирре (старшая — отличница, *«сидит над учебниками день и ночь»*, собирается поступать на будущий год в столичный вуз). Письмо продолжают трогательные рассказы девушек об их школьных успехах, первых купленных туфельках (которые они вряд ли наденут), о желании побывать в Москве на каникулах... Планам не суждено будет сбыться — родственники получат эти письма уже после начала войны. В Почепе же не уцелеет никто из Сониных. Девочек вместе с родителями казнят в начале весны 1942 года. Пройдёт семьдесят шесть с половиной лет, прежде чем их имена появятся на стелах у памятника погибшим. А их старший брат, двадцатилетний лейтенант **Михаил Сонин**, погибнет на фронте.

Молодые еврейские парни чаще всего шли в бой или возвращались с войны (как мой отец Эся, ставший Александром) с русскими именами или отчествами. Кто-то, как бежавший из плена и попавший в штрафную роту **Борис Орлов**, не только переставал быть Борисом Абра́мовичем (о чём искренне каялся в письме сестре), но и вынужденно менял национальность.

Отнюдь не в каждой переписке фронтовиков с родными есть свидетельства о Холокосте. Это не должно удивлять. Не у всех авторов — москвичей, ленинградцев, бакинцев — родные оставались на оккупированной территории. Другим, погибшим в начале войны, не

пришлось узнать об «окончательном решении», которое (за полгода до конференции в Ванзее) начало отрабатываться на советских евреях — детях, женщинах, стариках. Значительная часть авторов погибла ранее 1943 года, когда началось освобождение Юга России, Украины и Белоруссии. Так, **Борис Крупкин** был убит до того, как Красная Армия освободила его родной город Борисов, где жертвами Холокоста стали его мать и другие родственники.

Но ошибочно полагать, что эти события не были важны или были неизвестны солдатам и командирам-евреям. Без сомнения, всех фронтовиков, потерявших связь с близкими, особенно оказавшимися в оккупации, интересовала их судьба. Тётя **Якова Попелянского**, ставшего впоследствии известным учёным-медиком, погибла в оккупации вместе с мужем и детьми. У минчанина **Соли Рубенчика**, сына оперного певца, расстрелянного в 1938 году за участие в сионистской деятельности, в гетто погибли тётя с мужем. Их дочери, 16 и 17 лет, бежали из Минского гетто и были укрыты местными жителями. Соля писал родным с фронта о мести врагу: *«буду их бить, пока цел мой автомат»*.

Отступавший с боями летом 1942 года **Михаил Сигал** записывал в дневнике: *«Как бы я хотел знать, где все близкие и родные, хотя бы уже те, которых я с таким трудом разыскал в Пятигорске, не говоря уже о родителях. Где они все, мои дорогие? Неужели я уже не увижу маму, папу, Розочку?»*.

Волнует этот вопрос и **Анатолия Хейфетца**, строки письма которого полны драматизма: *«О своей семье я ничего не знаю. Или они остались у немцев, или уехали, или погибли»*.

Отметим несколько факторов, которые важны при оценке публикуемых писем с фронта. Во-первых, нередко они писались в ходе боёв, в необычных условиях, при отсутствии света, тепла, бумаги. **Залман Якуб** из Даугавпилса, ставший впоследствии историком Холокоста в родном городе, перечисляет немало евреев-земляков, с которыми встречался в эвакуации или в действующей армии. Но он ни словом не обмолвился о еврейских жертвах. Это, отчасти, объяснимо обстоятельствами написания писем: *«пишу тебе от огневой позиции, на поле боя — пули свистят, самолёты гудят, рвутся снаряды и мины»* (1 января 1944 года). **Яков Попелянский** просит у невесты извинения *«за каракули»*, так как пишет при свете коптилки. Для подробных писем элементарно не хватало бумаги. Об этом постоянно говорится в переписках, и это точно выразил **Михаил Мостинский**: *«теперь не могу много писать, ибо с большим трудом достал листок бумаги»*. Гвардии лейтенант, двадцатилетний командир батареи **Михаил Гольдштейн** просил родителей *«в каждый конверт вкладывать пару листиков по-*

чтовой бумаги». Поэтому, прежде всего, было важно сообщить о себе (жив и здоров), отреагировать на письма родных, поинтересоваться судьбами близких, поучаствовать в решении бытовых вопросов.

Во-вторых, фронтовики с 1943 года чаще всего становились свидетелями других преступлений нацистов, помимо Холокоста: они могли слышать немало личных историй именно от местных жителей других национальностей, так как почти все евреи в освобождаемых населённых пунктах были убиты. Но конкретных фактов уничтожения мирного населения в письмах немного. Либо они не содержат деталей, а лишь, как у **Ильи Ивянского**, взывают к чувству мести.

Наконец, существовала угроза перехвата «пессимистических писем» военной цензурой. Проблема цензуры возникала также при описании боевых действий, упоминании видов вооружения и указании на местонахождение автора *(«большего сообщать не буду, дабы не марали письма»*, — отмечал защитник Севастополя **Лев Рафальзук**).

Нужно учитывать и особое отношение сыновей к родителям, отражённое в письмах. **Анатолий Хейфетц** писал: *«Сердце разрывается — это за папу и маму. Вы бы их сейчас не узнали, постарели, одряхлели, и мой уход в армию совсем их подкосил»*. **Михаил Мостинский** вспоминал прощание с родными: «моё сердце обливалось кровью, видя рыдание мамы и бедных сестёр в далекой чеченской степи». Подавляющее большинство фронтовиков старались лишний раз не травмировать родных. Были случаи, что даже об участии в боях они сообщали лишь в самом конце войны: *«Я вам никогда не писал, что нахожусь на фронте (но об этом вы, конечно, догадывались»*, — пишет **Евсей Рудинский** уже накануне Победы.

Рядом с фронтовиками каждый день гибли или получали ранения боевые товарищи. Мысль о потере родных и близких, равно как и о возможной гибели на фронте тщательно скрывались. Хотя были и исключения, подчас неожиданные, — секретарь партийной организации части (!) **Лев Сорока**, который по должности обязан был быть оптимистом, регулярно предупреждал родных, что обязательно погибнет. Но более типичными были строки **Александра Смоляра**: *«я вернусь к вам, ваше благословление вернёт меня к вам, оно предохранит меня»*. К сожалению, автор этого письма трагически погиб в июне 1945-го, уже после Победы.

Фронтовики не писали родителям о своих ранениях, либо преуменьшали их тяжесть. Вот почему, даже узнав о казни близких, они старались не сообщать об этом, либо стремились максимально оттянуть сообщение такой вести. Так, родственники находившегося в армии **Исаака Игдалова** погибли в оккупации и в блокадном Ленинграде, но сообщивший ему об этом брат-фронтовик просит *«родителям не писать»*.

Хотя участники войны крайне редко (чаще всего после ранения или в ходе командировок) могли видеться с близкими, такие встречи случались. Так, в первые месяцы войны пересеклись на Украине отец и сын **Вайнеры**, вскоре после этого погибшие. Встретились в военном училище подполковник **Борис Ревзин** и его сын-призывник **Вилен**, также потом убитый на войне. Без осознания особых отношений авторов с родителями и того, что мужской характер формировался у молодых людей именно в ходе войны, — сложно понять и оценить содержание писем.

У некоторых авторов (**Михаил Сигал**, **Михаил Гольдштейн**) возникла потребность в ведении дневников. **Михаил Гольдштейн** реализовал её частыми и длинными письмами домой. Они очень близки по тематике (самоанализ, юмор, интерес к книгам, музыке, событиям культурной жизни) с письмами **Евгения Войскунского**. Но с одной существенной разницей: Евгений писал невесте, ставшей в конце войны его женой, а у погибшего в 1944 году в Молдавии Михаила так и не появилась девушка, *«ждущая моих писем»*.

Близок к этим авторам по образу мыслей и кругозору капитан медицинской службы **Яков Попелянский** (он всего на несколько лет старше Михаила и Евгения, ему в 1941-м исполнилось 24 года): *«Я люблю свободу, капризную, прихотливую свободу распоряжаться своим временем. Это пока мечта, кощунственная фантазия. Хотелось бы читать любимые книги, слушать любимую музыку, хмелеть театром»*.

Подобных, отнюдь не банальных, писем ждали с нетерпением родители и друзья двадцатилетних фронтовиков. Мать просила **Евсея Гохмана**: *«Твои письма такие хорошие, они меня согревают. Сыночек, постарайся описывать всё пережитое. Я и мои друзья убеждены, что у тебя писательский талант, и все советуют, чтобы ты это постарался воспитать в описании пережитых тобой событий»*.

Война не только формировала характеры каждого из этих молодых людей, но позволила задуматься о роли их поколения и долге каждого. **Евгений Войскунский** в письме от 2 июля 1941 года вспоминал свои ещё предвоенные предчувствия: *«нашему поколению предстоит вынести жестокие, опустошительные войны <…> лишь бы она была последней и избавила бы человечество от необходимости истреблять друг друга и обеспечила бы прочный мир»*. Предоставим слово и другим авторам нашего сборника, которые анализировали то, что происходило с ними на войне. **Иосиф Брагилевский**: *«Людей я стал меньше идеализировать, стал жёстче к ним. Жизнь учит перестраивать свой характер»*. **Михаил Мостинский**: *«Говорят, на фронте делаются грубым и чёрствым человеком, — неправда, именно здесь, на фронте, мы делаемся ещё добрее и ласковей к нашей семье, кото-*

рая трудится в тылу и помогает нам». **Михаил Гольдштейн** (ноябрь 1943 года): *«Я сильно вырос за эти месяцы. Стал строже, разумнее. Юность уже ушла, растворилась во фронтовой дали, изменились все понятия, все идеалы»*.

Родные, находившиеся в эвакуации, также старались не травмировать своих близких подробностями гибели оставшихся в оккупации или в блокадном Ленинграде родственников. Так, уроженец Гомеля **Яков Плоткин** спрашивает у жены 27 декабря 1942 года: *«Дорогая Шурочка, объясни мне фразу в твоём последнем письме, а именно: "отомсти этим проклятым фрицам за всех, в особенности за Феню и Регину, которые были". Что значит это, что с ними случилось?»*. Хотя такие сведения о погибших в оккупации и на фронте закаляли характер и взывали к мести. **Михаил Гольдштейн** писал отцу: *«За своего брата я только ещё начинаю расплачиваться с ними»*.

Остановимся подробнее на теме гибели евреев в оккупации.

Первую группу свидетельств о Холокосте составляют письма участников войны. Некоторые из них узнали о массовых казнях евреев уже в начале осени 1941 года. Из писем можно установить источники этой информации. 7 сентября 1941 года в письме из Полтавы **Семён Паперно**, выражая уверенность, что *«немецкую сволочь уничтожим»*, добавлял: *«и тогда <…> евреев не будут выгонять сотнями на площади и в Синагоги, расстреливая и сжигая их, не смотря на то, дети ли это или женщины»*. И хотя про зловещие планы нацистов сообщалось в отчётах центральных и местных газет о прошедшем двумя неделями ранее (в августе 1941 года) митинге еврейской общественности, не из газет узнавали о Холокосте фронтовики. Семён Паперно сообщает о своих источниках: *«Очень много я видел своими глазами, будучи в разведке, много мне рассказывали товарищи. Очень много мне рассказывали евреи — очевидцы»*. В конце письма Семёна Паперно приводится первая строка молитвы «Шма Исраэль»: *«Слушай, Израиль: Г-сподь — Б-г наш, Г-сподь один!»*, что также свидетельствует о связи информации о Холокосте с еврейским самосознанием автора.

Кстати, газетным сообщениям о зверствах оккупантов в начале войны доверяли не все. Это отмечали в первых письмах и пережившие Холокост евреи, и их родственники. Жена еврея-фронтовика **Зинаида Куклина** (**Серпик**) писала из Ростова-на-Дону, после окончательного освобождения города: *«Немцы превзошли всё, что мы могли читать в газетах. К газете мы привыкли, читали в ней эпизоды о сём-то и о ком-то. Сами этих ужасов не переживали и относились к написанному именно как эпизоду»*.

Уехать или остаться? Эта дилемма встала перед каждой еврейской семьёй в прифронтовой зоне. 30 июля 1941 года **Сима Фарбер**

пишет из дер. Дудичи (Белоруссия) племяннице в Москву (отмечая, кстати, что её предыдущее письмо было на идиш): *«фронт приближается, и одна дума: куда ехать и как ехать с малыми детьми, всё оставить и остаться как мать родила?»*.

Эвакуации мешала невозможность уволиться с работы (тот же муж Симы не мог бросить почту, начальником которой он был), а тётю известного советского поэта-фронтовика Павла Когана, врача **Шифру-Двойру Гурович** из Киева не отпускала больница. К тому же её терзало нежелание быть обузой семье эвакуировавшегося в Харьков сына (вопрос, где и на какие средства жить в случае отъезда, стоял перед каждой семьёй). Врач Гурович и её сестра остались в Киеве и погибли в Бабьем Яру…

Важен был выбор места эвакуации, как и места будущей работы. Осенью 1941 года Ставрополь (тогда — Ворошиловск) казался недосягаемым для нацистов. Вот почему профессор Днепропетровского мединститута **Фёдор Бриккер** едет именно сюда: *«Хотя я имел возможность поехать в Иркутск или Сталинабад. Мы остановились на Ворошиловске, решив не оставлять своего коллектива»*.

Купить билеты на поезд уже в первые недели войны было нереально. Для эвакуации нужны были денежные средства и транспорт (машина или телега). Так, **Михаил Мостинский** вывез свою мать и сестру на подводе из Одессы в Чечню. Далеко не всем, кто пытался уйти пешком из прифронтовой зоны, повезло — их настигали войска вермахта. Тот же профессор Фёдор Бриккер не сумел (в отличие от нескольких своих коллег-евреев) уйти пешком из Ворошиловска и был убит с женой и дочерью. **Рахиль** и **Борух Иткины** вместе с четырьмя малолетними детьми пешком ушли из Невеля, но вынуждены были вернуться, стали узниками гетто. Родители, их трёхлетний сын и годовалая дочь были расстреляны. А старшие братья, девяти и одиннадцати лет, сумели бежать, пешком добрались до Украины, чудом выжили под вымышленными именами, но потеряли друг друга. Лишь спустя 70 лет после войны Лейзер (ставший Алексеем Хомичевым) через телепередачу «Жди меня» найдёт детей уже умершего брата и других своих родственников.

Сведения о гибели родных некоторые евреи, преимущественно офицеры, смогли узнать ещё в ходе войны, посетив вскоре после освобождения свою малую родину. Как правило, они проводили там несколько дней, стараясь выяснить все подробности гибели близких. Одним из первых узнаёт о судьбе семьи побывавший на месте казни **Яков Бранопольский**, 29 марта 1944 года он сообщает родным:

«Сегодня я вынужден написать одно из самых грустных писем. <…> О тоске и переживаниях моих я не могу написать, а также о

муках и страданиях наших родненьких родителей». Автор рассказывает, что к девушке Лизе «домой приходил немецкий офицер и делал с ней, что ему хотелось. А когда её забрали на расстрел, то её заставили раздеться. Она разделась, причесала свои волосы и подошла к этому офицеру, и говорит ему, что я хочу, чтобы ты меня застрелил, и он без жалости расстрелял её и отнёс в овраг».

Об обстоятельствах гибели родных **Анатолий Фарбер** узнал, приехав в родные места в апреле 1944 года. В его письме брату и сестре, находившимся в эвакуации, почти что дневниковыми записями описаны встречи с земляками, их рассказы с важными деталями о разном отношении соседей к судьбе евреев — включая попытки сельского учителя спасти одного из детей и действия старосты, старавшегося сохранить жизнь евреям под предлогом необходимости использования их на сельхозработах в бывшем еврейском колхозе. Анатолий Фарбер встречался с очевидцами, причём не только индивидуально, но и со многими свидетелями одновременно, фиксируя их рассказы по свежим следам. Вспоминали свою погибшую учительницу Александру Исааковну — сестру Анатолия — её ученики, сохранив память и о своих убитых сверстниках: *«Заходил в школу. Ребятишки гурьбой стали рассказывать о Шуриных детях: как "буйствовал" Варик, какой смешной был Вовка, какие игрушки были у Гали и Сони»*. В письме зафиксированы данные о повседневной жизни евреев в рабочем лагере и гетто в сельской местности — достаточно редко встречающиеся не только в официальных документах расследований преступлений оккупантов, но и в воспоминаниях уцелевших.

Анатолию Фарберу удалось установить обстоятельства гибели своих родных и число казнённых земляков (эти сведения не были зафиксированы в других документах). В письме рассказывается, как мужественно вели себя жертвы: девушка сама идёт к месту казни, бывший председатель сельсовета просит расстрелять его первым, но его заставляют смотреть на казнь односельчан до конца. *«Почти трое суток я провёл в тех местах,* — сообщал Анатолий, — *видел всех, кого можно было. Трудно передать, что́ я переживал, пока был там, слушал рассказы людей»*. Автору потребовалось время, чтобы зафиксировать то, что он узнал. Неслучайно это письмо было отправлено почти через два месяца после посещения места событий…

Михаил Сигал, у которого мать погибла в г. Баре, также весной 1944 года посетил место казни и писал об этом родным.

Ровно за один год до Победы приехал в родной город майор **Абрам Грановский**. Его письмо жене, копию которого он направил писателю Илье Эренбургу, было впервые опубликовано в «Чёрной книге» на русском языке в 1980 году. При подготовке к печати нового издания

«Чёрной книги» в 2014-м мы ещё не располагали данными о биографии автора, который, как оказалось, после войны был репрессирован, лишён боевых наград, а после освобождения и реабилитации жил в Ростове-на-Дону, где, возможно, был знаком с легендарным Александром Печерским, также одним из тех, кто предоставил свидетельства для «Черной книги». Важен и такой факт в биографии офицера-фронтовика: он вплоть до своего ареста материально помогал упомянутой в письме единственной чудом выжившей землячке — пятнадцатилетней Соне Диамант, которую оккупанты трижды вели на казнь.

Своё письмо, в котором подробно описана жизнь в гетто и казни евреев нескольких городов нынешней Черкасской области, танкист Абрам Грановский заканчивал словами: *«Я был у могил, и я как будто видел родных, земляков; они мне говорили из-под земли: “Мсти!” Я обещал, что отомщу. Дважды в жизни я присягал на верность своему народу: когда мне вручили мою грозную боевую машину и второй раз — у могилы Екатеринополя»*.

Письма фронтовиков после встреч с земляками дают несколько примеров попыток (иногда удачных) спасения евреев. Староста в белорусском селе пытался отсрочить казнь родителей **Анатолия Фарбера** и других евреев. **Яков Бранопольский** сообщал: *«За нашего папу три деревни (крестьяне) ходили к старосте города просить, чтобы сохранить жизнь, и в результате чего ему было разрешено выехать в д. Чернечево, но через некоторое время он был вызван оттуда, и совместно с мамашей и всеми остальными евреями города машинами были вывезены за город и расстреляны 9-го января 1942 года»*.

Разные люди прятали отца и сестру **Михаила Сигала**. Спаситель его отца получил звание Праведника народов мира.

Таким образом, именно личные впечатления евреев-фронтовиков, посетивших места казни, либо получивших сведения от уцелевших, сотрудников советских учреждений, соседей и родственников, а затем пересказавшие их в своих письмах, — одна из важнейших характерных черт переписки советских евреев периода Великой Отечественной войны как источника о Холокосте. Их особенность — как правило, сдержанные эмоции и мысли о мести.

Заслуживают внимания строки о том, как именно рассказывали о гибели евреев их соседи: *«Каждый встречающий житель города, знающий меня, со слезами на глазах разговаривал со мной с тяжёлым сожалением о наших родителях»*, — пишет Яков Бранопольский. Сочувствие проявляли и боевые товарищи евреев, получивших трагичные известия: *«Я читал это письмо, и у меня и у моих бойцов были слёзы в глазах»*, — сообщал брату **Абрам Игдалов**.

К этой группе документов примыкают письма родственникам,

написанные фронтовиками после получения ими письменных свидетельств о гибели близких от знакомых или других родных. Например, Абрам Игдалов, со ссылкой на полученное им самим письмо, сообщал брату Исааку о расстреле под Невелем его жены Елены с двухлетней дочерью Аней, младшей сестры с мужем и пятилетним сыном и других родственников: *«Саша, тебе, конечно, очень тяжело будет это перенести, но крепись, как я, сообщаю, что получил письмо из Невеля из горсовета, что Вера, Леночка и Анечка расстреляны немцами 25 августа 1941 г. Писала, которая видела сама. Нам остаётся мстить и мстить»*.

Вторую группу свидетельств о Холокосте составляют письма евреев, скрывавшихся на оккупированной территории, посетивших вскоре после освобождения родные места, а также письма их родственников. Наиболее ярко личные переживания, обстоятельства жизни в оккупации и спасения переданы в письме **Семёна Криворучко**, узника Харьковского гетто, бежавшего с места казни и спрятанного русской женой. Несмотря на то, что более поздняя версия воспоминаний Семёна Криворучко опубликована в «Неизвестной Чёрной книге», публикуемое в данном сборнике письмо позволяет узнать новые факты биографии автора.

Ф. Я. Тарло, родственник погибших в г. Бар Винницкой области, эвакуировался в Кузбасс и приезжал в родной город летом 1944 года. Он сообщал о гибели земляков сёстрам **Эсфири** и **Фаине Пивенштейн**, эвакуированным на Урал. Их родители были расстреляны оккупантами в Баре 19 августа 1942 года.

В этой группе писем мы встречаем важные подробности о попытках спастись в семьях нееврейских родственников. **Блюма Глущенко** (**Грановская**), бежавшая из Ростова-на-Дону и скрывавшаяся у родителей мужа в маленьком селе в Краснодарском крае с двумя сыновьями девяти и четырёх лет, прекрасно понимала, что́ её ждет в случае ареста: *«Мы живём в вечном страхе. Многие с нашего города эвакуировались далеко, у меня средств нет, и я осталась здесь. Что ждёт меня, если враг займёт наше село? Конечно, нужно ждать самого худшего, ибо я еврейка»*.

Но реальная угроза жизни была и для детей-полукровок и даже для нееврейских родственников.

Некоторые письма почти дословно передают последние слова и мысли жертв. **Анна Сегеда** из небольшого городка Корюковка рядом со Сновском (Щорсом), ставшим легендарным благодаря роману Анатолия Рыбакова «Тяжёлый песок», с небывалым драматизмом передаёт сцену ареста трёх еврейских детей — своих двоюродных сестёр и брата: *«Этой минуты никогда, никогда нам не забыть. Невинных ма-*

люток вели под конвоем, точно разбойников! Как они плакали, кричали: "Тётя Шура, спасите нас! Нас расстреляют!"; а Марочка, была же сама ещё ребенок, всё успокаивала их…».

Сообщая о казни матери мужа и его сына от первого брака в Ростове-на-Дону, **Зинаида Серпик** пишет и о своих личных переживаниях: *«описать все ужасы, весь кошмар, пока здесь были немцы, в одном письме невозможно. Скажу только, что я и дочь моя были бы расстреляны тоже, как и все, если бы попались им в лапы. В течение семи месяцев, каждый час и днём и ночью, я ждала, что вот придут и расстреляют, и это было бы, если бы они оставались здесь дольше»*.

Третья группа — письма соседей, знакомых и коллег, которые лично стали свидетелями трагедий на оккупированной территории. Эти свидетельства — не менее пронзительные страницы истории Холокоста. Написанные вскоре после освобождения, они гораздо эмоциональнее сухих строчек протоколов расследований зверств оккупантов. Так, учительнице Доре Пеккер, находившейся в эвакуации в Алма-Ате, о последнем дне её родителей, сестры и брата сообщила 3 марта 1942 года бывшая соседка из Керчи (после первого освобождения города). Вероятно, это одно из самых ранних личных свидетельств о казни 7000 керченских евреев, которые в начале 1942 года стали появляться в советских газетах и журналах, но чаще всего — без указания на национальность жертв. Это письмо содержит важные детали как уничтожения, так и спасения чудом уцелевших.

Упомянутое ранее письмо **Зинаиды Серпик** о казни евреев и других мирных жителей Ростова-на-Дону дополняется рассказом **Ольги Хитарьян** о гибели её соседей — раввина Израиля Йоффе и его жены Фейги.

В письмах людей, которые не были членами семей погибших, сообщаются важные детали — обстоятельства их гибели и места захоронения, а это волновало их близких в первую очередь. Сообщается в таких письмах и о пропаже имущества, фотографий, о судьбе домов и квартир, где жили жертвы.

Надежда Бормотова из Симферополя стала свидетельницей ареста семьи известного филолога, преподавателя местного пединститута **Петра Михайлова**, незадолго до войны закончившего докторскую диссертацию о творчестве И. С. Тургенева. Его жена Рива *«была "помилована" как жена русского»*. Но через полтора месяца за ней и её сыном приходит агент полиции. Автор письма сообщает сестре погибшей: *«Женечку пришедший агент сказал взять тоже, тогда Рива просила его зайти в 5 ч., когда придёт П. М., чтобы он простился с сыном. Агент пришёл через час. П. М. пошёл со всей семьёй и больше никто не возвратился»*.

Схожий подвиг — не бросить больную коллегу (сестру известного врача **Иоанна Баумгольца**) и пойти с ней на казнь — был совершён в Минеральных Водах: *«Мелания, как преданная медсестра, изъявила желание следовать вместе с доктором Баумгольц, несмотря на то, что она имела право остаться в Кисловодске, так как она по происхождению не еврейской национальности»*.

Опасность грозила русским жёнам евреев. Зинаида Серпик из Ростова-на-Дону сообщала родным мужа: *«Все евреи, начиная с только что рождённого и кончая глубоким стариком, и все русские жёны евреев и их дети расстреляны»*. И хотя это свидетельство не достоверно — оккупанты на Северном Кавказе не убивали нееврейских супругов — оно передаёт атмосферу страха, в которой жили люди.

Письма соседей и коллег — важнейший источник о судьбах жертв Холокоста. Чаще всего именно к ним обращались родственники жертв, либо в их руки попадали письма, которые были адресованы погибшим**.** Так, **Михаил** и **Екатерина Токаренко** пишут в 1944 году из Одессы семье Мостинских: *«Вы пишете своему папе письмо, но <…> мы вам отвечаем, что вашего папы нет, он погиб со всеми нашими соседями. <…> У нас соседи все погибли семьями»*.

Профессор **Яков Лазарис** сообщает о гибели одного из самых известных преподавателей Ставропольского мединститута **Фёдора Бриккера**, с которым он проработал около двадцати лет, его отцу. Знаменитого специалиста по лечению онкологических заболеваний оккупанты сначала оставили в живых вместе с женой и дочерью, но через считанные недели после уничтожения в Ворошиловске тысяч других евреев их также казнили. Яков Лазарис сообщает важные подробности о попытке Фёдора Бриккера бежать из города перед вступлением туда германских войск в начале августа 1942 года. В его письме фигурируют имена и других известных врачей и преподавателей мединститутов, эвакуированных в Ворошиловск из Киева, Одессы и других городов.

О расстреле одного из самых знаменитых врачей Кавказских Минеральных Вод, **Иоанна Баумгольц**а, и его сестры сообщил сыну последней **Павел Аксаков** из Кисловодска, отметив, что *«официальных сведений об участи вывезенных немцами еврейских семейств из городов Кисловодска, Ессентуки, Пятигорска и сельских местностей нет. Но упорные слухи передают, что всё еврейское население, вывезенное немцами, погибло на стекольном заводе»*.

О судьбе расстрелянных в Воронеже в августе 1942 года родителей **Доры Иоффе**, которым было около 80 лет, и месте их захоронения ей сообщила соседка, **Евгения Панасенко**.

Четвёртая группа свидетельств о Холокосте — официальные письма или записки сотрудников советских учреждений. Такое пись-

мо было написано, например, секретарём горсовета г. Стародуба **Меиру Паскову**: *«Горсовет сообщает, что Ваши родители Пасковы, а также брат с женой и детьми, погибли от рук немецких палачей 1 марта [19]42 г. <…> Все они не эвакуировались и были сосланы в лагерь немцами, а потом расстреляны»*.

В ряде писем содержатся сведения о зверствах местных пособников нацистов. **Яков Бранопольский** сообщал родным: *«Поле Слуцкой полицейский Кабачок, из лагерного, выбил золотые зубы изо рта и забрал, после чего она сошла с ума. <…> Папин "приятель", который жил напротив, в финотделе, Степан Шевченко, оказался на стороне немцев и всячески старался своими гнусными действиями изжить наших родителей, забрать их имущество и занять дом. Но с ним расправились партизаны, однако и я бы ему пощады не дал и расстрелял бы как собаку»*.

Об идеологическом коллаборационизме свидетельствует письмо **Анны Сегеды**: *«Папа через неделю ездил в Чернигов узнать, как дальше будет, но никто ничего не сказал, и только недели через две полицейский, который возил их (трёх еврейских детей — И. А.), кому-то с насмешкой сказал, что "избавились от большевиков"»*. Из её же письма мы узнаём и том, что в дома бежавших евреев вселились другие люди, которые категорически отказались отдать её тете — украинке, бывшей замужем за евреем, — какие-либо вещи.

И в других письмах содержатся сведения о том, что люди, вселившиеся в квартиры и дома евреев, присваивали их имущество и отказывались отдавать его им, либо их родственникам или друзьям: *«Стыдно сказать, но и наши жители не стеснялись и позорно грабили»*, — писала из Керчи **Анна Давыдовна** (фамилия, к сожалению, в письме не указана). Лишь высадка советского десанта в конце декабря 1941 года не позволила разграбить вещи эвакуированной в Алма-Ату **Доры Пеккер**, которой адресовано это письмо. Анна Давыдовна обещала: *«Буду жива — всё сохраню»*. Удалось ли это сделать во время второй оккупации Керчи — неизвестно.

О мебели и другом имуществе погибших соседей-евреев заботится и **Ольга Хитарьян** из Ростова-на-Дону: *«Напишите, что с ними (вещами — И. А.) делать. Если приедете, возьмите, или просто пришлём вам деньги»*.

Пропадали не только вещи, но и семейные фото. **Яков Бранопольский** с горечью отмечал: *«Из имущества не осталось ничего. Даже не сохранились фотографии»*.

В этих, казалось бы, мелких бытовых деталях отражена целая палитра позиций и отношений людей в суровые и голодные военные годы: от стремления любой ценой завладеть «бесхозными» вещами, до

желания, несмотря на риск, не просто сохранить вещи, но и вернуть владельцам или их родственникам имущество — или же оплатить его стоимость.

Особая тема в сборнике — это отражение в переписке жизни в тылу и эвакуации. **Евгений Войскунский**: *«Из рассказов ребят, которые съездили в командировки в далёкий тыл, я знаю, как трудно сейчас всюду»*. Этим словам вторит письмо **Зинаиды Стейкер** о вынужденном переселении в другую квартиру (начало 1942 года): *«живём как беженцы», «с продов[о]л[ьствием] в Москве очень плохо, голодно очень»*. В письме её дочери, **Ирины Брагилевской**, отражена борьба за жилплощадь в Москве — при неуплате за три месяца её отбирали; для оплаты за отсутствующих родных требовалось разрешение. А вернуться в Москву было непросто даже жёнам командиров. Старшего сына Ирине Брагилевской пришлось оставить у сестёр мужа, сама она — беременна и не может вернуться в Москву. У **Льва Рафальзука** подробно описан нелёгкий быт родных, эвакуированных в Узбекистан. **Роза Игдалова** пишет брату на фронт о тяжёлом материальном положении родителей в Свердловске, несмотря на то, что их дети — командиры РККА, сражавшиеся на фронте.

Фронтовики постоянно сообщают о высланных ими небольших денежных суммах и интересуются, доходят ли они. Советуют продавать в первую очередь их личные вещи. Есть в письмах сведения о питании, ценах на продукты, урожаях.

Как уже отмечалось выше, подробно в письмах отражены боевые действия и личные отношения супругов, в том числе будущих, а также вопрос о детях.

Авторы писем с фронта — от рядового до подполковника — представляют многие военные специальности (пехотинцы, десантники, артиллеристы, танкисты, лётчики, сапёры, кавалеристы, медики, военные журналисты, политработники). Хотя среди них (в отличие от наших предыдущих выпусков) не встречаются имена известных уже тогда писателей или музыкантов, Героев Советского Союза, полных кавалеров Ордена Славы.

Иосиф Брагилевский, комиссар бригады, подполковник, воевал в полку, которым командовал сын легендарного героя гражданской войны В. И. Чапаева: *«крепко бил в эти дни фрицев»*, *«война стала привычным делом»*. Лётчик **Мирон Паперно**: *«От моей руки погиб не один бандит. Последние 2 месяца работал на штурмовиках. Работали довольно неплохо, за что получил благодарность и представили к награде». «Сделал 21 боевой вылет за 7 ночей. 21 раз я сбрасывал бомбы на голову врага и обстреливал его из пулемётов»*. В День Победы вспоминает свой боевой путь **Евсей Гохман**: *«Новгород и Калинин,*

Сталинград, снова Новгород, Бухарест, София, Белград, Будапешт и Вена». Подступы к Ленинграду — Ханко и Кронштадт защищал **Евгений Войскунский**, который на десятый день войны отмечает: *«Ханко надёжно защищён, обладает мощной современной артиллерией. Финны не увидят Ханко»*. В боях на Моозундских островах участвовал **Яков Карасик**. Несколько авторов писем погибли на Синявинских высотах.

Битву за Кавказ, отступление наших войск в августе 1942 года в районе Минеральных Вод, где через несколько недель начнутся массовые казни евреев, почти подневно освещает фронтовой дневник **Михаила Сигала**.

16 августа 1942 года он пишет: *«Я горжусь, что я сегодня своей грудью буду отстаивать советский Кавказ и хоть чем-нибудь воспрепятствую продвижению фашистов на юг. Я молод, очень мало прожил, хочу жить, но как видно, уже не придётся. Так пусть хоть вы будете счастливы. Не успеваю написать однокурсникам»*.

О Курской битве сообщает в письме жене **Лев Кабб** (13 июля 1943 года): *«Сейчас у нас происходят жаркие бои, начиная с 5-го числа. Мы упорно сдерживаем бешеный натиск врага, который лезет на новые авантюры. Веришь, золотко, я уже несколько дней не умываюсь, уже оброс солидной бородой, очень мало сплю, по 2-3 часа в сутки»*.

От Курска — через Белоруссию и Польшу — к Берлину пролегал боевой путь штурмана **Евсея Рудинского**. 7 мая 1945 года он сообщает родителям: *«Из больших городов был над Бобруйском, Березино, Лодзью, Бесковым, Франкфуртом-на-Одере, Дальвитцем (пригород Берлина) и, чем действительно можно похвастаться, два раза 25.04.1945 г. летал на столицу Германии — Берлин»*.

Яков Эйдельман лирично пишет о Латвии (где он вскоре погибнет): *«Здесь замечательная природа, прекрасные леса, рощи, много садов, преимущественно небольшие»*.

Яков Попелянский подробно описывает достопримечательности и уцелевшие старинные здания на фоне разрушенных кварталов польской Познани. Его привлекают женщины: *«стройны, красивы, лица их — одухотворённые и сохранили ещё печать извечной гордости и достоинства»*. **Евгений Войскунский** в 1945 году уже служит в Финляндии и пишет своей жене о загадочной *«стране Суоми»*.

Одной из важных тем в переписке, особенно в первые годы войны, стала тема открытия Второго фронта (причём сам факт высадки в Нормандии в июне 1944 года в публикуемых подборках не находит своего отражения).

Парторг части **Лев Сорока** отмечает в июне 1942-го: *«Доволен, что англичане бомбят германские города»*. Но надежду иногда

сменяет разочарование и риторика, которая найдет отражение не только в советской, но и современной российской историографии: *«Почему наши союзники медлят? Не придется ли нам ещё писать, что они любят загребать жар чужими руками. Это было бы очень печальным финалом. Я надеюсь на международную солидарность»* (Дневник **Михаила Сигала**, 8 августа 1942 года). В свою очередь, рядовой **Вилен Ревзин** летом 1943-го откликается на новость об аресте Бенито Муссолини и государственном перевороте в Италии: *«Сейчас хорошие вещи передают. Италия взволновалась. Она, всё-таки, самый сильный союзник Германии, которой теперь будет ещё хуже»*.

Особенности писем советских евреев за границу лишь недавно стали объектом научного интереса[1]. Их сохранилось немного. Вот почему значительную ценность (в том числе — по содержанию) представляет письмо **Блюмы Глущенко** (**Грановской**) от 17 ноября 1941 года, адресованное брату Григорию (Дэвиду), эмигрировавшему в США: *«Помогайте всем, особенно вы, жившие и родившиеся здесь, знающие наш быт, нашу жизнь, вы обязаны помочь всем, чем можете. Я знаю, что ты бедняк, даже безработный, — но ты можешь помочь. Ты культурный и образованный человек, владеющий несколькими языками. И этим ты нам поможешь»*.

Переписка советских евреев (хотя в несколько меньшей степени, чем «среднестатистические» тексты писем периода войны) отражает идеологические аспекты — речь об упоминании партии, имени Сталина и советских клише периода Великой Отечественной войны. Тем не менее, не следовало бы игнорировать эту составляющую — как реальное отражение мыслей и чувств советских евреев — граждан своей страны, сражающейся с нацистами и их идеологией. Ведь подобные слова можно найти в письмах не только членов партии (**Лев Сорока**, **Борис Орлов**, **Лев Кабб**), но и выпускника еврейской религиозной школы **Залмана Якуба**, который гордится вступлением в комсомол и поздравляет своих родителей в эвакуации не с приближающимся еврейским новым годом, а с… Международным юношеским днем.

Особая «глава» этой книги — отношение к женщине на войне, жажда любви и личного счастья. Угроза смерти обостряла чувства. Их выражают строки **Михаила Гольдштейна**: *«Как хочется любить, как хочется ласки. Особенно здесь, сейчас, в этом сыром маленьком блиндаже, когда неистовый бой гремит за дверьми»*. **Яков Плоткин**

[1] См. Смиловицкий Л. Евреи из СССР пишут за границу (письма и дневники Второй мировой войны как исторический источник) // Русский архив. 2017. № 5(1), С. 12–32; № 5(2), С. 106–124.

признавался жене: *«Если и я буду среди тех счастливцев, которые по окончании войны возвратятся домой, то можешь не сомневаться, что остаток своей жизни я посвящу вам, мои дорогие, так что, дорогая Шурочка, можешь не сомневаться в моей любви и преданности к тебе, как это было до войны»*. Поздравляя супругу с днём рождения, **Илья Ивянский** находит такие слова: *«Хочется поздравить тебя, поздравить так, чтобы ты почувствовала, как дорога ты мне, почувствовала всю мою любовь»*.

Примерами «хроники чувств» могут служить переписки с невестами (ставшими потом их жёнами) **Евгения Войскунского** и **Якова Попелянского**. Их сложно пересказывать или цитировать — нужно читать. Ибо Яков Попелянский верно подметил в своей шутливой «жалобе»: *«Ах, Галочка! Что ты сделала из меня? Был я нормальным человеком, а стал — влюблённым»*.

Не менее пронзительны ответные письма жён фронтовиков. Несмотря на тяготы эвакуации, полны настоящей любви строки **Софьи Ивянской**. **Мира Обшадко** пишет в августе 1944 года мужу после их встречи в Москве: *«Мне безумно хочется тебя вернуть, ещё и ещё целовать тебя, бесконечно целовать, уверять тебя в своей любви, мой единственный, да, единственный. <…> Борик, золотенький, всё сделаю так, что ты даже на расстоянии будешь чувствовать мою правдивость, искренность, любовь и преданность тебе»*. **Эсфирь Жосан (Райтбурд)** пишет мужу уже через несколько часов после расставания: *«Не забывай меня, мой родной Митенька, ведь между нами не было никогда плохого, может быть, иногда мы немного ссорились, но это было только потому, что мы крепко любили друг друга и ревновали безумно. Знай и не забывай, я люблю тебя, это говорит о многом, многом»*.

Эти прекрасные письма — лучшее опровержение распространенному мнению, что мужчины на войне и в тылу не стремились к прочным отношениям, а все женщины легко вступали в интимные связи. Вот и Евгений Войскунский пишет об этом любимой девушке: *«Тебе я верю, и ты это хорошо знаешь, Ли. Мои друзья даже удивляются подчас, когда заходит разговор на все эти волнующие темы о верности, и я отвечаю им, что никакие их "примеры" и "факты" не могут поколебать моей уверенности в тебе. "Ты идеалист", — говорят они»*.

Хотя разговоры о верности, отчасти, возымели действие и на Евгения. В мае 1943 года он пишет: *«Мы молоды, и если ты сегодня твёрдо решила ждать, то завтра ты начинаешь тяготиться ожиданием. Ты понимаешь, я хочу, чтобы ты чувствовала себя совершенно свободной»*. Ответное письмо невесты всё расставило по местам, а

её рассказ о навязчивом ухаживании со стороны некоего «туркмена» вызвал у жениха лишь желание поскорее узаконить отношения, что и произошло в августе 1944 года.

Тема ревности присутствуют в переписке и других авторов. И носит обоюдный характер. Так, **Лев Сорока** пишет жене: *«Если ты думаешь, что я установил какие-то связи с кем-то, так ты жестоко ошибаешься. Находясь в глубоком тылу, ты, очевидно, не представляешь себе, что происходит на войне»*.

Серьёзные отношения завязывались и в тылу. С братьями-фронтовиками их сестры обсуждали вопрос: время ли заводить семью? Вот как на него ответил **Михаил Мостинский**: *«Выскажу кратко моё мнение и прошу принять это за основу. Весть о твоём замужестве меня от души радует. Должен тебе сказать, что <u>именно</u> в тяжёлое время, как ты пишешь, и устраивают своё благополучие»*.

Исследователи писем периода войны уже отмечали, что переписка евреев очень важна для демонстрации отношения к детям. **Лев Кабб** в конце 1943-го обращается к жене: *«Поцелуй нежно-нежно наше юное создание и скажи ей, что папочка был бы счастлив её увидеть, но он ещё очень занят и не может себе позволить такой роскоши»*. Рефреном в письмах Льва Сороки (как отмечалось выше, он не верил, что вернётся живым) звучат два тезиса: *«поменьше говори Лялюсе обо мне»* и пронзительное: *«не бей её»*…

Письма и фотографии детей ждали с особым нетерпением. **Яков Плоткин** обращался к сыну: *«Мой дорогой и любимый Левёнок, когда папе напишешь пару слов? Как я соскучился по тебе, мой любимый сынок, будь хорошим мальчиком. Слушайся маму и дедушку, и тебя очень буду любить»*. А вот строки из писем **Хоны Хаита** девятилетней дочери: *«Как ты живёшь, ходишь в школу и как ты учишься и т. д.?» «Ты тоже выросла, большая барышня? Ты ведь у меня умница, Фирочка, надо папке писать, а ты писать можешь? Проси, мама тебе поможет написать»*. **Лев Кабб** отвечает жене насчёт просьбы дочери: *«Куклу я ей обязательно привезу, а если не достану, то мы с тобой постараемся сами сделать»*. **Макс Гольденштейн** обращается к сыну: *«Дорогой мой сыночек Боренька. Папа, конечно, по тебе соскучился, но приехать я не могу: ты ведь знаешь, что теперь война и все должны защищать нашу Родину — и я тоже, сыночек. Слушайся мамочку, живи с ней мирно». «Я вернусь к тебе, крошечка. Вернусь, и никогда больше мы не расстанемся»*, — писал **Абрам Грановский** семилетней дочери Евгении. Увы, вернулись к семьям немногие авторы публикуемых писем — более половины любящих отцов осталась на полях сражений.

Нередко подборки писем заканчиваются письмами от товарищей

погибших их родным (а иногда и начинаются перепиской с ними). Особый интерес представляют те письма, где дана не только информация о дате, месте и обстоятельствах гибели, но и искренние слова утешения, характеристика погибшего как воина, товарища, командира. **Шая Коган**, уходя на боевое задание, пишет последнее письмо жене в ночь на 13 февраля 1944 года. Оно приходит вместе с сообщением от его боевого товарища о смерти *«вашего мужа или брата»*, который погиб *«через полчаса, как он писал вам письмо»*.

Родители погибших нередко продолжали переписку с незнакомыми им, но ставшими близкими, однополчанами погибших сыновей. Они зовут их в гости, интересуются их здоровьем и личной жизнью. Иногда эта переписка получает неожиданное продолжение: одессит **Моисей Каплан** женится после войны на сестре своего погибшего товарища, семье которого он написал о его смерти.

А иногда даже на оставшихся в живых (например, на попавшего в плен **Бориса Орлова**) приходили «похоронки». О смерти **Залмана Якуба** ошибочно сообщили семье его знакомые.

Отдельных слов заслуживают письма, написанные в мае 1945 года. Чувства фронтовиков прекрасно выразил **Евсей Рудинский**: «*1 мая встретили 2-го числа очень пышно. Настроение, сами понимаете, было сверхотличное. Тем более что вечером ещё узнали о полном овладении Берлином»*.

Яков Пепелянский пишет невесте в день Победы: *«Через некоторое время только мы осозна́ем, что́ это за день — 9 мая 1945 г. 3 мая я был в Берлине, это был первый день после взятия его. Тогда, по существу, был праздник победы, и там я это ощутил особенно остро»*. Завершает основную часть нашего сборника письмо Евсея Гохмана от 9 мая 1945 года: *«Это нельзя передать словами. Наш лексикон ещё слишком беден.<…> Война кончилась! Как мы долго ждали этих двух простых слов. Сколько счастья и надежд принесли нам эти слова! Сколько бодрости они в нас влили!»*.

Судьбы оставшихся в живых авторов писем сложились по-разному. После восьми лет в ГУЛаге простым бухгалтером в ростовском речном порту работал **Абрам Грановский**. **Залман Якуб** стал одним из ведущих краеведов, писал об истории евреев родного Даугавпилса. **Иосиф Брагилевский** стал Заслуженным деятелем культуры, директором Московского сада «Эрмитаж. Яков Попелянский — профессором, автором фундаментальных работ по неврологии, Заслуженным деятелем науки РФ, почётным членом Евро-Азиатской академии медицинских наук.

Следует особо выделить двух офицеров, которые сами передали нам свои фронтовые письма. **Евгений Войскунский** — один из ста-

рейших писателей России, автор многих книг и лауреат литературных премий. «В строю» и **Евсей Рудинский**, долгие годы проработавший в Президиуме Совета ветеранов 16-й воздушной армии.

Наш сборник мы посвящаем авторам публикуемых писем и дневников — живым и мёртвым. Надеемся, что строки, опаленные войной и Холокостом, оценит читатель этой книги.

Илья Альтман

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящее издание является продолжением начатой в 2007 года серии публикаций писем и дневников евреев и членов их семей — погибших и переживших Холокост, Великую Отечественную и Вторую мировую войну. В пятый, юбилейный, выпуск вошли более 300 писем (свыше 80 авторов), два дневника, около 190 иллюстраций. Подавляющее большинство публикуемых документов хранится (в оригиналах или в отсканированном виде) в фондах и коллекциях Архива Научно-просветительного центра «Холокост» (далее — АНПЦХ), куда они были переданы на хранение гражданами России, Латвии, Украины, Израиля и США. В сборник вошли письма, дневники, фотографии, рисунки и личные документы из следующих фондов и коллекций АНПЦХ:

Ф. 4. Коллекция «Холокост на территории СССР»

Ф. 5. Коллекция «Холокост на территории РСФСР»

Ф. 6. Коллекция «Евреи-военнопленные»

Ф. 9. Коллекция «Евреи — участники Великой Отечественной войны»

Ф. 10. Коллекция «Евреи в тылу и эвакуации»

Ф. 51. Личный фонд Войскунского Е. Л.

Ф. 52. Семейный фонд Брагилевских

Ф. 53. Семейный фонд Ивянских.

Принадлежность публикуемых писем, дневников и фотографий к фондам и коллекциям указывается в конце каждой подборки (АНПЦХ, Фонд, (название фонда — при первом упоминании), опись, дело, единица хранения). Первыми из единиц хранения указываются письма и дневники, затем (после точки с запятой) фотографии.

В сборник включены также документы из коллекций Музея истории Ставропольского государственного медицинского университета (СтГМУ), Даугавпилсского краеведческого и художественного музея (Латвия), Музея «Энергия мужества» (Хадера, Израиль) и Архива Центра диаспоры Тель-Авивского университета (Израиль).

Основной корпус отобранных для публикации документов относится к периоду Великой Отечественной войны и представляет читателю личностный, но вместе с тем многогранный взгляд на события 1941–1945 гг. — в калейдоскопе персональных свидетельств того времени отражены Холокост, военная подготовка, боевые действия, эвакуация, жизнь в тылу, ненависть к врагу, любовная лирика. Для лучшего погружения в психологию некоторых авторов составители включили в сборник также ряд писем предвоенного времени — так, издание открывается письмами 1940 года Иосифа Брагилевского и Евгения Войскунского, которым впоследствии пришлось пройти всю войну. Публикуются также свидетельства первых послевоенных меся-

цев, в которых взгляд на события войны представлен в ретроспективе. Среди них — дневник и переписка фронтовика, прошедшего румынский плен, Никиты Жосана (Приложение 1) и письма военного врача Якова Попелянского, закончившего Вторую мировую войну на Дальнем Востоке.

Сборник делится на 52 подборки, которые размещены в хронологическом порядке: от более ранних — к более поздним, их последовательность определена датами первых публикуемых писем или дневниковых записей. Исключение сделано для авторов подборок, которые имели между собой родственные связи, — они публикуются вместе.

Заголовок каждой подборке даётся на основе цитаты (иногда сокращённой) из публикуемых в ней документов. Если в подборке фигурирует множество действующих лиц и/или различные населённые пункты, могут быть использованы дополнительные подзаголовки, уточняющие авторов, адресатов, места назначения, родственные отношения.

В каждой подборке публикуемым текстам предшествуют биографические аннотации — об авторах и адресатах, их родственниках и знакомых, от которых или которым адресованы письма. Составители стремились указать максимально полные сведения о датах жизни, местах рождения и проживания, об образовании, предвоенной профессии, о службе в РККА (участие в сражениях, ранения, награждения), о жизни в тылу, в эвакуации или на оккупированной территории, о важных вехах послевоенной биографии, а также месте и дате смерти и захоронения — если человек погиб в годы войны.

Географические названия в аннотациях указываются в соответствии с административно-территориальным делением, которое актуально для того периода времени, о котором идёт речь — на момент рождения, работы (службы), смерти и т. п. В круглых скобках указываются современные названия населённых пунктов; оговаривается, к какой административно-территориальной единице они сейчас относятся (если произошли какие-то изменения). Если населённый пункт или административно-территориальная единица в настоящий момент находится на территории зарубежного государства, это также оговаривается в круглых скобках. Указывается полное официальное название современных государств — бывших республик СССР (Республика Казахстан, Литовская Республика). Иногда не представлялось возможным точно определить принадлежность небольших населённых пунктов в годы Гражданской войны (1918–1922). Не оговаривается государственная принадлежность столиц бывших союзных республик, которые не меняли своего названия в XX веке (Минск, Киев, Баку).

При указании образовательных учреждений и мест работы авто-

ров и адресатов в круглых скобках даётся их современное название (если оно менялось, а учреждение или организация существует до сих пор). В ряде случаев даны их сокращённые названия.

Сведения о службе военнослужащих РККА приводятся, как правило, следующим образом: полк — дивизия — фронт (за исключением отдельных подразделений, частей и соединений, например, отдельной роты, подчинявшейся непосредственно армии). Подчинённость нижестоящих подразделений, частей, соединений и объединений вышестоящим единицам указывается на момент службы в них авторов и адресатов. Если военнослужащий служил во многих подразделениях (частях, соединениях, объединениях) и/или сменил множество должностей, упоминаются только самые важные для его биографии. В аннотации указывается последнее воинское звание, присвоенное военнослужащему в период Великой Отечественной войны, и/или звание на момент демобилизации или увольнения в запас. В некоторых случаях также указано воинское звание на начало войны (или на начало участия в войне).

Награды упоминаемых лиц перечисляются в порядке старшинства, в круглых скобках указывается год награждения (если он известен). В отличие от наград за личные подвиги или заслуги, реже удаётся точно установить факт награждения медалями за участие в обороне, освобождении или взятии тех или иных городов, так как в годы войны на них не составлялись индивидуальные наградные документы. Такие медали указываются в биографических аннотациях, если составителям о них известно. Награды, учреждённые после 1945 года, не оговариваются (исключение — медаль «За восстановление предприятий чёрной металлургии юга»). Не оговариваются в аннотациях медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией». Также не приводятся сведения о награждениях орденами Отечественной войны I и II степеней в тех случаях, когда они вручались в качестве юбилейной награды к 40-летию Победы.

Информация о родственниках авторов писем помещается или в их биографические аннотации, либо выделяется в отдельные аннотации. В тех случаях, когда в письмах упоминается большое количество родственников, друзей и сослуживцев, сведения о них даются в сносках.

В исключительных случаях в аннотациях приводится только биография адресата — если сведения об авторе писем выявить не удалось.

Завершается аннотация сведениями о лицах, передавших документы для публикации.

При подготовке биографических аннотаций составители проводили опрос авторов писем, их близких и потомков, работали с Центральной базой имён жертв Холокоста израильского мемориала «Яд Вашем» (содержит также некоторые сведения об эвакуированных и погибших на фронте), с базой документов Министерства обороны РФ «Память народа», Обобщённым банком данных «Мемориал», порталом «Бессмертный полк», научной и справочной литературой, опубликованными воспоминаниями. В отдельных случаях результаты давала работа с генеалогическими интернет-проектами, в частности, MyHeritage и Geni.

Внутри каждой подборки письма и дневники расположены по хронологии. Даты написания писем, если они отсутствовали в оригинальных текстах, указываются составителями в квадратных скобках. Даты определялись по почтовым штемпелям на конвертах и открытках, а также по содержанию текста — в сопоставлении с известными историческими событиями. В некоторых случаях указывается примерный промежуток времени, когда письмо было написано. Если и его определить по косвенным признакам невозможно, письмо помещается в конец подборки с указанием [Без даты].

Справа от даты приводится место отправления письма, если оно указано автором в оригинале. Если известно, что письма одного автора отправлялись из разных населённых пунктов, не обозначенных самим автором, составители указывают их в квадратных скобках. Если все письма одного автора отправлены из одного населённого пункта, то это оговаривается в биографической аннотации. Последнее относится и к адресам мест назначения.

Орфография и пунктуация текстов писем приведена в соответствие с современными нормами русского языка. В отдельных случаях может быть сохранено авторское написание некоторых слов, если оно ярко характеризует стилистические особенности текста («доценька», «партизанов»). В одном специально оговоренном случае письмо публикуется вообще без какой бы то ни было корректуры (письмо Самуила и Гении Игдаловых).

Речевые ошибки, нарушения норм стилистики, неправильные согласования в текстах не исправляются, однако смягчаются с помощью пунктуации. Написание слов с большой или маленькой буквы приводится к языковой норме, за исключением случаев, когда это может нарушить авторский замысел (так, например, некоторые авторы принципиально пишут слово «армия» с большой буквы). Обращения «вы» или «Вы» к единственному адресату сохраняется так, как было в оригинале (к нескольким адресатам — только «вы»). Написание чисел и числительных (цифрами или прописью, с буквенными наращениями

или без таковых) сохраняется как в оригинале. Исключение — обыкновенные дроби, которые приводятся в тексте в виде десятичных.

К словам и фразам на иностранных языках даны сноски с переводом. Ошибки авторов в их написании составителями не исправляются. Письма, написанные на идиш, публикуются в переводе на русский язык (письма Залмана Якуба, Якова Паскова, Рафаила-Арье и Асны Черневич).

Деление текста на абзацы максимально приближено к оригинальному. Заголовки писем оформлены как отдельные абзацы.

Сокращённые слова, кроме общеизвестных сокращений, могут быть раскрыты в тексте с помощью квадратных скобок (ст[арший] л[ейтенан]т). Используемые авторами писем и составителями инициальные аббревиатуры (ГЭС, бап), сложносокращённые слова (горсовет, парторг) и некоторые графические сокращения (м/с, с/с) перечислены и расшифрованы в списке сокращённых слов (Приложение 2). В отдельных случаях они могут быть объяснены в сносках — если имеют особое значение для понимания конкретного текста.

Пропущенные авторами слова, если это целесообразно для верного восприятия текста и не меняет его смысла, указаны составителями в квадратных скобках («я хочу тебе [написать] и каждый раз забываю»).

Слова, подчёркнутые авторами писем, переданы с помощью одинарного подчёркивания («Я требую этого»). Также составителями по умолчанию подчёркиваются даты написания писем и даты записей в дневниках. Слова, зачёркнутые авторами писем, если они разборчивы, переданы с помощью одинарного зачёркивания («~~Вы своими словами согрели моё сердце~~»). Присутствие в тексте нечитаемых зачёркнутых или вымаранных слов оговаривается, если оно является очевидным следствием работы военной цензуры.

Все текстологические примечания («два слова неразборчиво», «на письме видны следы слёз», «текст письма набран на пишущей машинке» и т. п.) обозначены звёздочками.

Примечания, относящиеся к содержанию писем, помещены в сноски, обозначенные цифрами. Среди них — сведения об упомянутых персоналиях, о фигурирующих в текстах произведениях искусства (книгах, кинофильмах), переводы иностранных слов на русский язык, объяснения терминов, жаргонизмов, неочевидных для современного читателя примет времени, а также исторические справки о военных действиях, о местах и событиях Холокоста (приводятся по: Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М. РОССПЭН, Центр «Холокост», 2009).

Дневники и некоторые письма приведены с сокращениями, не меняющими их смысла и не нарушающими понимание текста. Так, на-

пример, опускаются многочисленные, часто повторяющиеся приветствия друзьям, знакомым, дальним родственникам, если составителям выяснить о них ничего не удалось.

В сборнике публикуются фотографии большинства авторов и адресатов писем, как правило, они приводятся внутри подборок. При этом воспроизводятся часто встречающиеся надписи на обороте. Они позволяют уточнить время и место съёмки и иногда тоже являются своеобразной формой переписки и общения с близкими.

Сборник также содержит отдельную иллюстративную вкладку. Большинство публикуемых в ней изображений дополнительно иллюстрирует подборки писем и дневников — открытками, рисунками и портретами периода войны (например, фронтовой портрет М. Б. Гольдштейна), личными документами (документы семейной пары Жосан-Райтбурд), групповыми и одиночными фотографиями (коллекция снимков Б. И. Обшадко из Вены), документами о награждении и гибели (справка из милиции г. Воронежа о судьбе семьи Д. Я. Иоффе). Составители сборника очень признательны Е. Я. Рудинскому, который предоставил ряд уникальных фотографий 1942–1947 гг., посвящённых его службе в советских ВВС.

Часть изображений в иллюстративной вкладке представляет собой самостоятельные «рассказы» — опирающиеся только на визуальные источники — о судьбах людей, их близких и друзей, чьи письма не сохранились или не были включены в сборник. Особого внимания заслуживают фотографии и личные документы офицера КБФ А. М. Друзя и его супруги — С. М. Хазановой из семейного архива А. А. Друзя.

В конец сборника помещены пять приложений. В Приложении 1 приводятся дневник Н. И. Жосана и его переписка с Э. И. Райбурд, хронологически относящиеся к послевоенным месяцам 1945 года, но описывающие недавние события войны. Приложение 2 — Список сокращённых слов, Приложение 3 — Перечень авторов писем и дневников, Приложение 4 — Перечень лиц, предоставивших документы для публикации, Приложение 5 — Географический указатель.

Составители благодарят за помощь и консультации д-ра Л. Смиловицкого (Тель-Авив, Израиль), руководителя Музея «Энергия Мужества» Д. Зельвенского и научного сотрудника Музея Г. Рейхмана (Хадера, Израиль), сотрудников Музея истории СтГМУ А. В. Карташёва и С. М. Дугинец, главного специалиста исторического отдела Даугавпилсского краеведческого и художественного музея Инету Кульша (Латвия), д. и. н. Е. Ф. Кринко (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону), д-ра А. Шнеера (Израиль), Д. А. Алексеева (Москва), Е. В. Деревянко (Брянск), С. К. Каптерева (Москва), педагогов О. М. Петровскую (Почеп), О. В. Петрову (Невель), Т. Б. Пасман (Псков), Т. Г. Жукову (г. Дубровка Брянской обл.), О. Н. Горелую (Брянская областная науч-

ная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева), сотрудников НПЦ «Холокост» М. В. Гилеву, С. А. Тиханкину и В. В. Нагаеву, волонтёров проекта «Память. Помощь. Поколения» И. М. Бирман (РГАСПИ) и Н. Л. Черток, к. и. н. А. И. Кругова (Ставрополь), А. Ю. Иванова (Фонд «Достоверная история», Псков), К. Даташвили (Рига), О. Пеку (Радио «Балтком», Рига), С. Г. Соболева (Воронеж), М. Баркана (община «Шамир» и Музей Рижского гетто), А. Е. Войскунского (Москва), Г. С. Бунивера (РБОО «Хесед Хама», Москва), Г. М. Шмермана (Хадера, Израиль), руководителя проекта «Живой голос Победы» В. В. Нарского.

Благодарим за переводы с идиш Сергея Шупу и Д. А. Космодемьянского.

Благодарим также волонтёров, оказавших помощь в расшифровке текстов: Е. Ю. Жиркову, С. В. Кислова, А. А. Кононову, А. К. Куроптеву, А. С. Мелентьеву, М. В. Минаеву, А. В. Нечипоренко, А. В. Позднякову, М. А. Попову, Т. П. Радайкину, Э. П. Сарвилину, И. В. Соломонову, Н. А. Хайдину, Е. А. Чамкину.

Уверены, что идея сохранения, изучения и публикации писем и дневников евреев — участников, жертв и свидетелей войны, их родных, друзей и боевых товарищей не потеряет интереса и поддержки со стороны наших читателей и коллег-исследователей. Поиск писем, дневников, документов, фотографий, рисунков периода войны и Холокоста успешно продолжается уже третье десятилетие. Вы можете передать их для сканирования или постоянного хранения в Архивный отдел Научно-просветительного центра «Холокост» по адресу: 115035 Москва, ул. Садовническая, 52/45, Центр «Холокост». Справки по телефонам: +79164959318, +7(495)953-33-62 и по электронной почте: center@holofond.ru

Роман Жигун, Леонид Тёрушкин

«ЛОГИКА ВОЙНЫ УЧИТ: НАДО БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАТЬ ВРАГА»

Иосиф и Ирина Брагилевские. 1939-1940 гг.

***Брагилевский Иосиф Эммануилович (1913–1983)**. Родился в мст. Семёновка Черниговской губ. (ныне — г. Семёновка Черниговской обл., Украина). В 1930 г. переехал в Москву. В 1937 г. окончил рабфак при Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ныне — РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева). С 1938 г. — директор Школы театрально-художественных технических кадров. В 1939 г. женился на **Ирине Александровне Стейкер (Брагилевской) (1917–2002)** и усыновил её сына — Владимира (1937 г. р.). В конце 1939 г. призван в РККА. Участвовал в Советско-финляндской войне (радист 555-й отд. разведроты). После 15 июня 1940 г. некоторое время служил в Литве. 1 января 1942 г., пройдя ускоренное обучение в Военно-политической академии им. В. И. Ленина (ныне — Военный университет МО РФ) в г. Белебей Башкирской АССР (ныне — Республика Башкортостан), был направлен в г. Кузнецк Пензенской обл. на формирование воинских частей, затем — в действующую армию. Старший батальонный комиссар 119-й отд. сбр (Брянский фронт). С июля 1942 г. служил в противотанковой артиллерии. Замполит 1850-го ИПТАП 32-й ИПТАБр 40-й армии Воронежского, затем 1-го Украинского фронта. 1 сентября 1943 г. был тяжело ранен, год провёл в госпиталях. С ок-*

тября 1944 г. продолжил службу. В декабре 1945 г. уволен в запас в звании подполковника. Награждён орденами Боевого Красного Знамени (1943) и Красной Звезды (1943).

После войны — директор Московского театрально-художественного технического училища (ныне — Театральный художественно-технический колледж), с 1968 г. работал худруком и директором московского сада «Эрмитаж». Заслуженный работник культуры РСФСР (1975).

Письма И. Э. Брагилевского адресованы сёстрам — Рахили Эммануиловне Сорокиной (Брагилевской) (1899/1900 — 1986) и Симе (Серафиме) Менделевне Брагилевской (1909–1992). Рахиль жила в Москве, летом выезжала к младшей сестре — Симе в с. Березоточа Полтавской обл. УССР (ныне — Украина). После начала войны Рахиль помогла семье Симы добраться из Киева в Москву. Осенью 1941 г. Рахиль и Сима со своей семьёй эвакуировались в с. Бураево Башкирской АССР (ныне — Республика Башкортостан). Рахиль Сорокина вернулась в Москву в октябре 1943 г. Сима с мужем и дочерью вернулись в Киев в апреле 1944 г.

Старшая сестра И. Э. Брагилевского — Груня Менделевна Сонина (Брагилевская) (1898–1942) — погибла с семьёй в оккупации[1].

*Осенью 1941 г. жена И. Э. Брагилевского — **Ирина Брагилевская** с сыном Владимиром уехала из Москвы — сначала к мужу в Белебей, затем она перевезла сына в Бураево к сёстрам мужа (сын вернулся к матери в Москву в апреле 1943 г.). Рахили и Симе адресованы как письма Ирины, так и письмо её матери — **Зинаиды Сергеевны Стейкер*[2] *(ок. 1890 — 1960-е)**.*

Копии писем и фотографии переданы внучкой И. Э. Брагилевского — Н. М. Говоровой (Москва).

Письма И. Э. Брагилевского сёстрам — Рахили Сорокиной и Симе Брагилевской в Березоточу

19 июня 1940 г.

Дорогие!

Вместо лагерей, как видите, очутился в Литве.

10/6 выехали из Москвы и следовали железной дорогой и изрядный кусок пути на машинах. Чувствую себя хорошо. Сейчас ещё не-

[1] См. о ней следующую подборку: «Хотелось бы приехать к вам в Москву».

[2] Её мужем и отцом дочери — Ирины был знаменитый московский фотограф А. Ф. Стейкер (Штейкер) — выходец из Швейцарии, имевший своё фотоателье в Москве до революции и в годы НЭПа.

известно, где будем находиться. Возможно, и вернемся в Москву. Я за последнее, в связи с Академией[1].

Население Литвы встретило очень дружелюбно. Но мы пока с ними не общаемся. Живём хорошо. Кормят хорошо.

Как вы там? Уехал я до того неожиданно, что не успел написать. А при дальнейшем следовании не было возможности, да и неясна была обстановка. Сегодня имею свой адрес и пишу это письмо. Нового, кроме того, что вы знаете из газет, нет ничего. Думаю, скоро встретимся в Москве и посетим вместе с/х[2] (думаю, что всё же я раньше вас приеду).

Целую всех крепко, Юзик.

18 июля 1940 г. [Москва]

Дорогие!

Итак, в Москве опять. Получил отпуск для держания испытаний в академию. Времени осталось мало, но всё же испытания держать буду. Был в Литве. Интересного там особенного ничего нет. Страна в основном сельскохозяйственная. Изменения, которые там произошли за истекший период, вы уже знаете из газет. Видел первых полицейских. Козыряют нам и, видимо, чувствуют себя не совсем в своей тарелке.

Мне не удалось получить от вас ни одного письма, т. к. почта у нас работает довольно неважно. Очень хотелось бы знать все подробности. Как самочувствие, здоровье? Куда Мишу взяли[3]? На лагерный сбор, наверное. Нового в Москве нет ничего. Сейчас засаживаюсь заниматься. Чувствую себя хорошо. Во время марша там всё время был на свежем воздухе, в лесу. Дивизия наша, по имеющимся у меня сведениям, прибывает в Москву к концу августа.

Пишите, родные, побыстрей, т. к. очень давно уже не читал ваших писем. Как живёт карапуз[4]? Целую всех крепко, Юзик.

Привет от Иры.

---

[1] Летом И. Э. Брагилевский 1940 г. поступил в Военно-политическую академию; в октябре 1941 г. она была эвакуирована в г. Белебей.

[2] Вероятно, имеется в виду ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ныне — Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ)).

[3] Михаил Георгиевич Морехин (1912–1979) — муж Симы Брагилевской.

[4] Наташа (1938 г. р.) — дочь Симы Брагилевской.

Письмо З. С. Стейкер Рахили Сорокиной в Бураево

27 февраля 1942 г. Москва

Дорогая Рахиль Эммануиловна!

Сегодня я от вас получила телеграмму, за что очень вам признательна. <…>

Дорогая, прошу написать всё поподробней, как ведёт себя наш малыш Вова, о нём я и дедушка так скучаем, родной мальчик. Как живёте, как у вас; с продов[о]л[ьствием] в Москве очень плохо, голодно очень, да нас ещё переселили всех из этого дома, кого куда, в разные районы в комнаты эвакуированных, со всей обстановкой мы живём как беженцы, вещи наши лежат — бельё, платье — в мешках, которые шкафы есть в комнате — опечатаны, пользоваться ими нельзя, все вещи приняли под расписку. А наши вещи оставлены на Дербен[ёвской], на произвол судьбы, будут [ли] целы, не знаю, нас туда не пускают, говорят, что, может, только 1 мая вселят обратно, глядя по событиям. Комната неважная, только хорошо, [что] в центре, около Красной площади.

Часто получаю письма от Вадима[1], его, наверно, скоро отправят на фронт, писал, что получил форму десантную, говорит, очень удобная, тёплая. И вот остались мы совершенно одни, тоска жуткая, жизнь бесцельная.

Вовочку родного крепко-крепко обнимаю и целую, а он пусть поцелует свою подружку Наташу. С приветом.

З. Стейкер.

Письмо И. А. Брагилевской родителям в Москву

4 марта 1942 г.

Дорогие мои мамочка и папочка!

До сих пор нахожусь ещё в Кузнецке[2] и никак не могу выехать в Бураево, несмотря на то, что вещи уже давно собраны и было несколько попыток к отъезду, но всё без результата. Я очень боюсь одного, что Иосифа отправят, а я здесь останусь одна. Я не прописана, карточки на хлеб у меня нет, вообще я не представляю, что я буду делать, а месяца через 2,5 должна у нас прибавиться семья, нет ни пелёнок, ни одеяла,

[1] Вадим — сын З. С. Стейкер. Родился в 1923 г. В 1943–1945 гг. был на фронте. Младший лейтенант 600-го военно-транспортного авиационного полка особого назначения.

[2] В январе-мае 1942 г. И. А. Брагилевская находилась вместе с мужем в г. Кузнецке Пензенской обл.

даже малышку не во что будет завернуть, и вообще, перспективы лежать где-нибудь в больнице, и никто не проведает, совершенно быть одной, даже подумать страшно. Уже скоро 2 месяца, как мы здесь, и на 2-й день нашего приезда сюда мы послали телеграммы с адресом и вам, и в Бураево, но писем ниоткуда нет, как там Вовочка, как я уехала оттуда, ещё не получила от них ни одного письма. Как отъезд наш из Москвы был нескладный, так и до сих пор всё идёт кувырком. Жду от вас письмо. Крепко целую вас всех. <…>

Горячий привет от Иосифа. Он, бедный, совсем не спит, домой приходит в 3 часа ночи, а в 6 часов утра его уже нет, он сейчас комиссар стрелкового батальона, работы очень много. Ира.

Письмо И. А. Брагилевской Рахили Сорокиной в Бураево

12 апреля 1942 г.

Дорогая Рахилька!

На днях получили твоё письмо. Родная, ты на меня очень сердишься, что я оставила Вовочку, он тебя связал по рукам и ногам. Мне очень неудобно перед тобой, но в то же время положение было безвыходным, в январе месяце, когда мы уезжали из Белебея, стояли сильные морозы и вьюги, думать о поездке в Бураево было невозможно, поэтому Юзька решил меня взять с собой. После 20-дневной поездки мы приехали в Кузнецк, а оттуда я никак не могу выехать, Юзька со дня на день откладывает мой отъезд, а я одна сесть в поезд не смогу. Очень тяжело расставаться, ведь впереди нет никакой надежды на то, что мы будем вместе. Я никогда не видела Юзьку таким, несмотря на то, что он очень занят, ему трудно оставаться одному. Хоть несколько часов в сутки, но он дома буквально отдыхает, а он ему необходим. Вопрос о моём отъезде ещё твердо не решён, куда я поеду. Поеду туда, куда попаду. Литер[1] до Москвы у меня есть, но нет пропуска, не знаю, доеду ли я туда, но у нас из посёлков уехало в Москву уже несколько семей, и все доехали благополучно через проводников, а Юзька боится меня отпускать таким путём. Если в Москву не поеду, то в первых числах мая, вернее, с первым пароходом я приеду в Бураево.

Родной мой Вовочка, как я о нём скучаю. Хочется увидеть его хоть одним глазком. Малышка, слушайся тётю Рахиль. Надеюсь, что скоро увидимся.

Дорогая Рахиль, поцелуй за меня Вовочку. Горячий привет от нас всем. Крепко вас целуем.

Ира.

[1] Документ на право бесплатного или льготного проезда.

Письма И. Э. Брагилевского сёстрам в Бураево

7 июля 1942 г.

Дорогие!

После долгого перерыва пишу несколько строк. Жив и здоров. Крепко бил в эти дни фрицев. Очень хотел бы знать, как вы живёте. От Иры писем пока не получал. Подробнее в следующем письме. Пишите. В случае изменения адреса сообщу. Целую крепко, Юзик.

25 июля 1942 г.

Дорогие. Давно уже нет писем, и очень беспокоюсь. Адрес мой изменился, и сама работа. Стал артиллеристом. Война стала привычным делом. Высылаю, Ролик, тебе аттестат[1] на 400 рублей взамен старого. Скоро должна получить. На днях постараюсь и денег выслать. Берегите себя, родные, и пишите как можно больше, т. к. давно уже нет ничего ни от кого. Целую всех крепко, Юзик.

Рекомендовал Ире пока ехать в Бураево.

7 августа 1942 г.

Мои дорогие!

Теперь жду днями письмо и от вас. Сегодня получил по новому адресу первое письмо от Иры. От Москвы письмо идёт примерно 6-7 дней.

Узнал, что сынишку назвали Игорем[2] и что парень как будто подходящий, чувствует себя неплохо и буянит уже. Теперь жду днями письмо и от вас. Хочу знать, как себя чувствует Рахилька, ты, Симушка, Наталка, где Миша. Хочу знать, нуждаетесь ли в чём? Обо мне не беспокойтесь. Воюю, как и многие сотни тысяч. Изменил род оружия: пехоту на артиллерию. Эта вещь действует более фундаментально на фрицев. Несмотря на специфику части, уже их кое-какое количество заставили распроститься с земной жизнью. Жду с нетерпением письма.

Посылаю, Ролик, справку, может, нужна. Писать особенно о себе пока нечего больше того, что написал. Разобьём врага, и тогда будет другое дело, а бить его надо и нещадно. Целую крепко-крепко. Юзик.
<…>

---

[1] Документ, удостоверяющий право на получение денежного довольствия военнослужащего.

[2] Мальчик родился в июне 1942 г.

Письма И. Э. Брагилевского Рахили Сорокиной

28 августа 1942 г.

Родная моя!

Так замечательно, когда получил от тебя письмо. Давно уже не видал твоего почерка. Ты, родная, не волнуйся обо мне. Миллионы нас дерутся за страну. Это самое главное сейчас — уничтожить врага до полного основания, вычеркнуть этот бандитский сброд из истории. Обстоятельства сложились так, что род оружия мой оказался сейчас — артиллерия. Работаю сейчас пока вместе с Чапаевым[1]. О фронтовой жизни писать особенно нечего. Когда кончится война, тогда можно будет кое-что вспомнить. Сейчас же всё обычно. Логика и жизнь войны учит тому, что надо беспощадно и больше уничтожать врага. Хотелось бы, чтобы ты меньше волновалась и была бы спокойней. Поверь мне и делай так, как я пишу тебе.

Родная! Мне кажется, что тебе тяжело приходится с работой, и ты забываешь о том, о чём прошу в каждом письме — это беречь себя. Если речь идёт о материальных делах, то пока можно обойтись и без работы. Проживём. Я хочу выслать денег Симушке, но не знаю точно, как по паспорту у неё записаны имя и отчество. Обязательно напишите мне точно. Итак, родная, шлю мой самый горячий привет и обнимаю крепко-крепко тебя. Не волнуйся и береги себя. У меня всё в порядке.

Целую крепко, твой Юзик.

Выслал тебе вчера немного денег.

Письмо И. А. Брагилевской Рахили Сорокиной

20 сентября 1942 г. [Москва]

Дорогая Рахилька! От Юзеньки я получила письмо 15 сентября, написанное им 6 сентября с[его] г[ода]. От этого же числа и ты должна получить письмо. В ожидании твоего вызова в Москву с Вовочкой дело обстоит так: я до сих пор не получила разрешения на уплату денег за твою комнату, подала заявление в райжилотдел. Завтра будет оттуда ответ, так как после 3-х месяцев неуплаты за квартиру съёмщика лишают площади, а при получении разрешения на въезд в Москву, кроме всех других документов, надо справку о наличии жилплощади, которую сейчас ваше домоуправление не даёт. Написала об этом Юзе, он со своей стороны тоже примет меры. Главное то, что площадь свободна.

[1] Александр Васильевич Чапаев (1910–1985). Сын легендарного начдива В. И. Чапаева (1887–1919). Генерал-майор артиллерии. В августе 1942 г. — командир 1850-го ИПТАП.

Горячий привет Симе и Мише. Крепко целую ребятишек. Игорёк здоров и хорошо поправляется. Папа до сих пор в больнице. От Вадима ничего не имеем. Крепко целую вас всех, Ирина.

Письма И. Э. Брагилевского сёстрам в Бураево

27 сентября 1942 г.

Мои дорогие!

Очень беспокоюсь тому, что давно уже нет от вас писем. Прошу немедленно ответить и рассеять всяческие сомнения. У меня существенных изменений нет. Дела идут по-старому. Самое главное — пишите мне чаще. Фрицы уничтожаются в большом количестве. Если так будет продолжаться, то фашистам не успеть восполнять своё пушечное мясо. Берегите себя. Целую крепко, Юзик.

Письма И. Э. Брагилевского Рахили Сорокиной

9 апреля 1943 г.

Родная Рахилька!

Около двух месяцев ниоткуда не было писем, и твоё письмо сегодня — исключительное событие для меня. Родная моя! Обо мне не волнуйся. Условия вашей жизни, со всеми трудностями жизни в тылу, мы здесь не испытываем. Страна нас снабжает всем в изобилии. Лишь воюй как следует. У меня особых изменений нет, за исключением того, что Ч[апаев] переходит на другую работу от меня, но в этом же соединении. Я пока решил продолжить работать, а о дальнейшем подумываю. Был фотограф. От нечего делать в тот момент снялись. Пару из всех [фото]карточек посылаю вам. Пишите, родные, чаще. Думаю, что сейчас почта подводить уже перестанет. От Иры писем пока нет. Очень интересуюсь Игорем. Жду от вас писем. Сообщи подробно о здоровье, в чём нуждаетесь.

Целую всех крепко, Юзик.

Получил от Юзика[1] письмо. Пишет, что находится недалеко от Белгорода.

[1] Иосиф Винников — племянник И. Э. Брагилевского, сын Софьи Винниковой — сестры Серафимы и Рахили.

24 мая 1943 г.

Дорогая Рахилька!

Получил, родная, твоё письмо. Так тяжело, что я так далеко от тебя и не могу сам сейчас многого исправить. Не падай духом, родная. Дай кончить войну, и будем шагать вместе. Послал Ире письмо, чтобы она, если не устроится в Москве, то пускай устроится рядом с ней. Ехать в Бураево ей не рекомендовал, а предложил вытребовать тебя и Вовку. Ему место или с ней, или с её родителями. Выслал тебе аттестат на 150 рублей на год.

Родная! Ты пишешь, что волнуешься за меня. Я знаю, что где бы я ни был, ты всё равно будешь волноваться, и поэтому прошу тебя, не волнуйся за меня. Я жив и здоров. Я хотел бы, чтобы ты хранила себя, потому, что после войны, после того, как разгромим ненавистного врага, я хочу видеть живой и здоровой тебя.

В моей походной жизни пока особых изменений нет. Людей я стал меньше идеализировать, стал жёстче к ним. Жизнь учит, родная, перестраивать свой характер. Не унывай, моя родная, береги себя. При первой возможности, только без риска, поедешь в Москву. Надо держать связь с Ирой. Лучше ехать пароходом, а не ж[елезной] д[орогой], т. к. пароходом меньше риска заболеть, чище. Если на Хуторской [улице] нет квартиры, то есть таковая на Дербеневской. Пиши мне чаще.

Целую тебя крепко, Симку и Наталку.

Юзик.

Мой адрес: Действующая армия. Полевая почта 1764, 3 батальон. Ст[аршему] п[олитру]ку И. Брагилевскому.

Письма И. Э. Брагилевского Рахили Сорокиной в Москву

20 ноября 1943 г.

Дорогая Рахилька! Третий месяц не имею писем ни от тебя, ни от Иры, ни от Симки. Это очень беспокоит меня. Или почта, или смена адреса — не знаю, чья это вина. Одним словом, страстно желаю знать, что вы живы и здоровы. Мои дела неплохие[1]. Днями напишу подробней о своей жизни. Есть ли что-нибудь о Груне?[2] Жду твоих подробных писем, родная. Целую крепко.

Юзик.

---

[1] И. Э. Брагилевский скрывал своё ранение и нахождение в госпитале.

[2] Сестра И. Э. Брагилевского. Погибла с семьёй в г. Почеп Орловской (ныне — Брянской) обл. Её письма публикуются ниже: «Хотелось бы приехать к вам в Москву».

1 декабря 1943 г. [Ульяновск]

Моя родная!

Сейчас, когда я чувствую себя хорошо и всякая опасность миновала, я и решил после долгого периода сообщить тебе, что 1 сентября был ранен, правда, легко[1], и попал в госпиталь. Сейчас я в госпитале в г. Ульяновске. Ранен был осколком в левую ногу, слегка была касательно задета кость, но сейчас уже всё в порядке. Рана уже почти зажила и остальное, нужно ещё состояние покоя для ноги на некоторое время, и тогда начну шагать обеими ногами по-настоящему и опять двинусь бить фрицев. Однако перед тем как уехать, возьму отпуск и заеду домой. Вообще, можно перевестись в госпиталь в Москву. Для этого нужно, чтобы какой-нибудь госпиталь в Москве дал сюда заявку, что может меня принять. Однако, видимо, это вряд ли удастся, т. к. этим делом надо заниматься. Итак, родная, сейчас всё в порядке, и абсолютно беспокоиться не о чем. Присвоили мне звание подполковника. Питание здесь удовлетворительное. Месяца два не имел от вас писем, и жду их теперь немедленно.

Целую крепко-крепко, Юзик.

Архив Научно-просветительного центра «Холокост». Ф. 52. Личный фонд семьи Брагилевских. Оп. 1. Ед. хр. 10, 11, 14, 17, 18, 20, 21, 25, 27, 30, 31, 32, 34, 40, 42; 5.

[1] Ранение в действительности было тяжёлым, с последующей гангреной и многими операциями. Раненого И. Э. Брагилевского с риском для собственной жизни спас и вывез в медсанбат Василий Степанович Петров (1922–2003), впоследствии — генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза. Этот эпизод описан В. С. Петровым в его книге «Прошлое с нами. Книга вторая» (1989).

«ХОТЕЛОСЬ БЫ ПРИЕХАТЬ К ВАМ В МОСКВУ»

Груня Сонина (слева) и Рахиль Сорокина. 1935 г.

***Сонина (Брагилевская) Груня Менделевна (1898–1942)**. Сестра И. Э. Брагилевского[1]. Родилась в г. Пенза Пензенской губ. (ныне — областной центр). В 1903 г. переехала с родителями в мст. Семёновка Черниговской губ. (ныне — г. Семёновка Черниговской обл., Украина). В 1921 г. вышла замуж и переехала к мужу — Якову Борисовичу Сонину в г. Почеп Гомельской губ. (ныне — Брянской обл.). У них было трое детей: сын — Михаил (Мендель, Эммануил)[2], дочери — **Лиза (1925 г. р.)** и **Мирра (1926 г. р.)**. Лиза собиралась в 1942 г. поступать в московский вуз. В марте 1942 г. вся семья Сониных была расстреляна в оккупированном Почепе[3].*

Предвоенные письма Груни, Лизы и Мирры Сониных адресованы их сестре и тёте — Рахили Сорокиной в Москву.

Копии писем и фотографии переданы внучкой И. Э. Брагилевского — Н. М. Говоровой (Москва).

---

[1] См. выше о нём подборку: «Логика войны учит: надо беспощадно уничтожать врага».

[2] Михаил Яковлевич Сонин (1922–1943) — выпускник военного мотомеханизированного училища, лейтенант 64-го отд. мотоциклетного батальона. Погиб 8 августа 1943 г.

[3] 15–16 марта 1942 г., по данным Чрезвычайной государственной комиссии, в Почепе в противотанковом рву были расстреляны 1846 евреев.

Письмо Г. М. Сониной сестре — Р. М. Сорокиной

[Не позднее 5 июня 1941 г. Почеп]

Дорогая Рахилька, долго ли ты думаешь пробыть в Москве? Может быть, ты с Искрой[1] приедешь к нам, а от нас поедешь в Киев? Думает ли Искра приехать к нам? Как там у неё проходят испытания? Девочки наши почти сдали испытания, остался только один незначительный предмет. Лизочка — отлично, а у Миррочки тоже неплохие отметки, математика прошла на «посредственно» — и то хорошо. Лизочка сидит над учебниками день и ночь, я уже не могу слышать. Очень похудела.

Пиши, как твоё здоровье. Я тебе послала немного денег, получишь — напиши. Рахилька, снеси туфли в комиссионный магазин. Напиши, Рахилька, о своём самочувствии. Пиши, как там у Юзика[2].

Целуют тебя все. Будь здорова. [Подпись]

Письмо Мирры Сониной Р. М. Сорокиной

[середина июня 1941 г. Почеп]

Добрый день, дорогая, милая тётечка, как вы поживаете, как ваше здоровье? Напишите подробное письмо о вашем здоровье. Тётя, можете меня поздравить с переходом в 9 класс. У нас очень скучно. Не видно даже, что это каникулы. Хотелось бы очень увидеть вас. Тётя, мама будет с вами советоваться, куда поехать — в Москву или в Киев. Напишите ей, чтобы мы поехали в Москву, в Киеве без вас будет скучно. <…>

Тётя, сделайте, что я вас прошу. Пускай приедет к нам Искра. Передавайте привет дяде Юзе, Ире и поцелуйте Галочку.

Тётя, скорей поправляйтесь.

Целую вас крепко.

Мирра.

---

[1] Искра — двоюродная сестра Р. Э. Сорокиной

[2] Юзик — И. Э. Брагилевский.

Мирра (слева) и Лиза (справа) Сонины. Надпись на обороте: «1 мая 1936 г. Дорогой тёте Рахили, Иосифу и дяде Юзе. Лиза и Мирра бабочками».

Письмо Лизы Сониной Р. М. Сорокиной

[середина июня 1941 г. Почеп]

Здравствуйте, дорогая тётечка, мы получили ваше письмо, за которое очень вам благодарны.

Как бы хотелось видеться с вами! Но не знаем, как нам встретиться.

Мама ещё не знает, поедет ли в Москву или нет. Тётечка, пишите нам часто и сообщайте о вашем здоровье, так как мы очень беспокоимся. Вчера получили отметки. Я перешла с похвальной грамотой, у Мирры 4 «поср[едственно»], а остальные — «хорошо».

Мемка[1] нам пишет часто. У него всё хорошо. Вы, наверно, знаете, что их училище уже не пехотное, а мотомеханизированное. Мемка очень рад, что теперь не будет пехотинцем.

Туфли мне хороши. Костюмы мы одеваем часто. Мире туфли не сделали, но скоро будут готовы. <…>

В Почепе негде использовать каникулы, хотелось бы приехать к вам в Москву; надо уговорить маму.

Целуем крепко, крепко вас, от всей души. Поцелуйте за нас Галочку, она уже, наверно, большая девочка.

Привет от нас дяде Юзе, Ире, Искре, тёте Соне.

Будьте здоровы. Лиза.

АНПЦХ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 51, 52, 53; 8, 9.

[1] Брат Мендель (Михаил).

«ВЕРНЁТСЯ ВСЁ: И МОЛОДОСТЬ, И ЛЮБОВЬ, И СЧАСТЬЕ»

Е. Л. Войскунский

Войскунский Евгений Львович. *Родился в 1922 г. в Баку. В 1939 г. поступил на искусствоведческий ф-т Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры (ныне — Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина). В октябре 1940 г. призван в РККА. Начал службу в восстановительном железнодорожном батальоне. Участвовал в обороне п-ва Ханко[1] и Ленинграда. Летом 1941 г. в газете «Боевая вахта» был опубликован его первый рассказ. С октября 1941 г. служил в редакции газеты «Красный Гангут», затем — военным корреспондентом газеты «Огневой щит» Кронштадтской военно-морской базы КБФ. С осени 1944 г. — сотрудник газеты советской военно-морской базы Поркалла-Удд в Финляндии. До 1956 г. — редактор газеты бригады торпедных катеров в г. Пиллау (ныне — Балтийск), редактор газеты военно-морской базы в г. Свинемюнде (ныне — Свиноустье, Польша), газеты дивизии подводных лодок в г. Лиепае ЛатвССР (ныне — Латвийская Республика). Капитан-лейтенант. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП СССР с 1959 г. Автор книг в жанре научной фантастики и о войне. В 2009 г. опубликовал мемуарный роман «Полвека любви». Неоднократно становился лауреатом литературных премий, в т. ч. им. К. М. Симонова (1984). Номинировался на премию «Русский Букер» (2007). Награждён двумя орденами Красной Звезды (1946, 1956), орденом «Знак Почёта» (1984), медалью «За боевые заслуги» (1944). Один из старейших писателей России. Живёт в Москве.*

Письма Е. Л. Войскунского адресованы Лидии Владимировне Листенгартен (1921–1988) в блокадный Ленинград, где она учи-

[1] После окончания Советско-финляндской войны в марте 1940 г. п-ов Ханко (русское название — Гангут) был передан Финляндией в аренду СССР. Оборона Ханко в 1941 г. продлилась 164 дня.

лась на историческом ф-те ЛГУ (ныне — СПбГУ), позднее — в эвакуацию: в г. Саратов и в г. Байрам-Али ТуркмССР (ныне — Байрамали, Туркменистан). В 1944 г. Лидия стала его женой. Одно письмо Е. Л. Войскунского адресовано родителям — Льву Соломоновичу Войскунскому и Вере Соломоновне Войскунской (Розенгауз), жившим в Баку.

Копии писем и фотография переданы автором.

Письма Е. В. Войскунского Л. В. Листенгартен в Ленинград

11 октября 1940 г.

Моя дорогая Ли!

Пишу тебе сейчас, лёжа в трюме парохода, арендованного нами у Финляндии и идущего на полуостров Ханко. Мы едем уже почти сутки. На горизонте показались туманные очертания земли. Это финский берег. Я зачислен был в железнодорожный батальон, и нас везут проводить на Ханко ж/д пути. Служить буду 2 года или 3, если попаду в полк[овую] школу. Не в состоянии больше писать: качка, шум…

Надеяться на то, что отпустят в Ленинград, нечего. Как только узнаю, напишу тебе свой адрес, и ты пиши мне много-много писем. Целую бесконечно много мою любимую Ли.

12 октября 1940 г. [п-ов Ханко]

Ли, моя дорогая!

Итак, вчера мы прибыли на место назначения. Вокруг — сосновый лес, воздух замечательно свежий.

Постепенно втягиваюсь в армейскую жизнь: осваиваюсь с формой, с укладом жизни, ведь всё ново. Я думаю, что буду работать в клубе — художником.

Сейчас идёт разбивка по подразделениям, потом — размещение по палаткам.

А потом начнётся нормальная жизнь, и время полетит быстро. Я привыкну, обживусь, и всё будет all right[1]. Такая жизнь будет продолжаться 2 года.

Через 2 года в это время ты будешь уже ожидать меня. Пиши, любимая, чаще по адресу:

Ленинград, почтовое отделение 306, почтовый ящик 563.

Целую-целую. Твой Женя.

[1] В полном порядке (англ.).

29 октября 1940 г.

Ли, дорогая!

Вчера пришло, наконец, долгожданное письмо, первая ласточка. Корреспонденция вся проходит через клуб, и когда вчера при разборе писем писарь крикнул мне, что пришло письмо, я чуть не вцепился ему в глотку. Нечего и говорить, как я был рад ему. Всё то, что я до сих пор лишь мысленно представлял себе, вдруг ясно встало перед глазами. Я читал и перечитывал письмо, почти выучил его наизусть. И ведь правда: и летом мы обменивались довольно нежными письмами, но они не были так прочувствованы и искренни, как это. Как ты думаешь, Ли?

Так или иначе, мне кажется, я никогда ещё не упивался так письмом, не пытался так вникнуть в глубину его содержания и, прямо скажем, никогда не скучал так по автору этого письма.

Ли, моя дорогая, я всё ещё продолжаю ругать себя за первые 2 письма, в которых я поддался минутному скверному настроению и заставил тебя, нуждающуюся в тёплом слове утешения в большей степени, чем я, пережить тяжёлые настроения. Я в последние дни настолько занят работой в клубе (подготовка к праздникам), что буквально не могу урвать свободной минутки для письма. <…> Спать я ложусь в 9-10 часов, так что в 11 часов, когда ты думаешь обо мне (как мы уговорились), я сплю сном праведника. Зато в 6 часов утра и вплоть до начала работы в клубе мысли мои с тобой. Я вместе с тобой глотаю горячий чай (кстати, всё так же ты упиваешься им? («упиваешься» от слова «пить»)), вместе с тобой спешу по знакомым каменным плитам в университет и даже вхожу в аудиторию. А вот тут-то маленький тупик. Дело в том, что я сейчас настолько далёк от учёбы, что лишь с некоторым трудом представляю себе профессора, читающего лекции. <…>

Вот уже скоро как начался новый этап (!) моей жизни. Можно подвести первые итоги. Прежде всего, как я уже писал тебе, спокойствие и безразличие. Конечно, не всё время. Иногда, особенно если просыпаешься ночью перед побудкой, начинает подползать тоска. Я её гоню прочь, прочь. Затем бывает, что испытываю радостное чувство. <…>

Милая Ли, мне понятны твои настроения и переживания. Счастливое, подчёркнутое внимание окружающих часто действует на нервы, раздражает. Старайся не обращать на это внимания. <…>

Живи с надеждой на лучшее будущее. Работы тебе хватает. Занимайся, читай, старайся всегда быть чем-нибудь занятой, тогда не будет времени для тоски и скуки. Не отказывай себе в развлечениях: театр, кино, вечера. В конце концов, ничего особенного не произошло. Не я

первый, не я последний. И всё, что мы сейчас переживаем, что нас тревожит и волнует, — всё это обогащает наш запас жизненных впечатлений. И даже лучше, мне кажется, [когда] не всё даётся гладко, когда не во всём везёт, ибо понимаешь много новых сторон, оставшихся ранее незамеченными.

Я перестал чувствовать одиночество, и это меня особенно радует. Мысли мои — всегда с тобой! Не предавайся унынию ни на минуту, любимая! Ну, быстро улыбнись и смахни прочь предательскую слезу! Целую и целую.

Женя. <…>

29 октября 1940 г.

Дорогая моя Ли!

Вчера я был в городе во второй раз. Опишу подробно, как всё произошло. Днём наш политрук велел написать мне объявление (для комсостава), что вечером состоится лекция на тему…

Ты, конечно, при своей фантазии не догадаешься, на какую тему она.

Для меня она была полнейшей неожиданностью.

Итак, на тему: «Классический театр Древней Греции». (!)

Нечего и говорить, с первой же минуты я дал себе слово всеми способами попасть на эту лекцию. Предлог, как всегда в нужных случаях, быстро нашёлся: взять в городской библиотеке бланки для записи.

Прибавив к этому «благовидному» предлогу простое человеческое желание присутствовать на лекции, я получил от политрука увольнительный до 9 часов вечера. Бодро я зашагал по знакомой ещё по первому путешествию дороге. Идти мне пришлось недолго, т. к. вскоре подвернулась машина нашей части, которая мигом домчала меня в город. Прежде всего я зашёл в библиотеку. Я думаю в неё записаться. Она, безусловно, богаче, чем наша клубная. Затем — в фотографию. И УРА! Она работала. Снимали только на миниатюрки, но я не стал раздумывать. Запечатлев свою красноармейскую физиономию, я отправился на лекцию в радужном настроении. <…>

Итак, ровно в 8:00 началась лекция. Присутствовало 9 человек (!), но вскоре эта грандиозная цифра выросла до 15.

Лектор — некто режиссёр Смирнов, культурный, знающий человек. Я опасался, что лектор будет слишком популярно читать, приноравливаясь к уровню развития простого кр[асноармей]ца, что превратилось бы в сюсюканье. Но — ничуть не бывало: Смирнов читал как в хорошей ленинградской аудитории, и это доставило мне колоссальное удовольствие, которое должно быть тебе понятно. Я не сводил глаз с

его рта и думал только, не во сне ли я, правда ли, что я на Ханко, а не в академической аудитории. Странно было снова слышать такие имена: Эсхил, Софокл, Гомер, [а также] древние мифы, так хорошо знакомые.

Всё, о чём говорил режиссёр, было мне знакомо, но я его слушал тем не менее с неослабевающим вниманием… Но в 9 часов кончался увольнительный. И мне пришлось уйти во время перерыва, так что второй половины лекции я не слушал. Нечего и говорить, как не хотелось уходить…

Итак, я заглянул на один вечер, на один миг в иной мир, и это давало мне колоссальную зарядку для дальнейшего. Кажется, предвидятся ещё лекции в этом духе, и, надеюсь, я не пропущу и их. <…>

Вот такие дела, Ли, моя любимая девочка.

Как только получу [фото]карточки, перешлю, конечно.

А к тебе просьба: снимись на хорошей открытке и пришли [фото] карточку, — я ещё не знаю тебя «соломенной вдовой».

Целую бесчисленно мою Ли. <…>

15 декабря 1940 г.

Дорогая Ли! <…>

Меня сейчас занимает один вопрос: необходимо составить какой-то план работы над самим собой. В этот «план» я включу чтение, рисование, занятие языками, проработку философской литературы. Затем у меня уже давно зрела неясная сперва мысль, ставшая теперь определённой. Вот в чём дело. Каждый из нас имеет какие-то убеждения, взгляды; некоторые даже возводят эти убеждения до высоты принципов. Я не составлял, понятно, исключения, несмотря на то, что мы судим о жизни исключительно по книгам и своим предположениям. Так было там, в Баку. И действительно, какое знание о жизни могло быть у меня за 17 лет беззаботного существования под крылышком родителей, в узком кругу друзей и знакомых?!

И вот прошло больше года с тех пор, как я живу «самостоятельной» жизнью. Ты и сама понимаешь, Ли, (и знаешь по себе), как много дал этот год новой жизни. Я шире стал смотреть на вещи и явления, я встречался с самыми различными людьми, научился немного их понимать, различать.

Одним словом, я вижу действительность не со страницы романа, а «наяву». Нечего и говорить, что действительность эта самым безжалостным образом разбивает «доморощенные» убеждения и розовые мечты. Это больно, конечно, и это отчётливо я вижу на примере Генриха. Я признаю, что тоже был до некоторой степени таким «розовым мечтателем», немного идеалистом, хотя всегда старался внушить себе,

что всегда очень реально и здраво сужу о явлениях. Да и невозможно, в конце концов, особенно в годы юности, быть сухим рационалистом, расчётливым и «здравомыслящим».

Так вот к чему я всё это пишу: необходимо привести в порядок тот хаос мыслей и новых впечатлений, который царит сейчас в моей черепной коробке. Необходимо пересмотреть устаревший хлам своих прежних «убеждений» и без всякого сожаления отбросить то, что не соответствует действительности. Все эти проклятые и вечные вопросы о смысле нашего существования, о цели жизни теперь приобретут новую окраску.

В общем, ты должна понять, что́ меня сейчас тревожит. Всё это я изложил слишком сбивчиво, неясно, но трудно излагать словами то, что и сам как следует не уяснил. <…>

Женя.

17 декабря 1940 г.

Моя дорогая Ли! <…>

Я живу сравнительно в очень хороших условиях: встаю теперь не в 6 ч., а в 8-9 ч. — вообще, когда мне заблагорассудится. На зарядку меня теперь не гоняют, и мне не приходится, таким образом, подпрыгивать на морозе в одной гимнастёрке. <…>

У меня остаётся достаточно времени, чтобы почитать. На днях я взялся конспектировать «Материализм и эмпириокритицизм»[1]. С непривычки я на первый раз принял очень маленькую, гомеопатическую дозу: 3 страницы. В дальнейшем увеличу нормы, конечно.

А позавчера один шофёр по прозвищу Пиня (это украинец из Винницы, живший среди евреев и перенявший много еврейского, вплоть до акцента) принёс мне Стефана Цвейга[2]. Какой чудесный малый этот Пиня, не правда ли?!

Я с величайшим удовольствием перечитываю «Амок», «24 часа из жизни женщины»… А помнишь, как я рассказывал тебе «Менделя-букиниста» и «Женщину и ландшафт»? Это было в то счастливое лето, блаженное время! Эти книги, что я читаю, — большая (если не сказать единственная) отрада.

Дорогая Ли, вчера я свёл знакомство с ещё одним очень интересным человеком. Его фамилия не представляет собой ничего необыкновенного: Синицын. Он — сибиряк, окончил в Иркутске геологиче-

[1] «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1909) — работа В. И. Ленина по философии.

[2] Стефан Цвейг (1881–1942) — австрийский писатель и журналист еврейского происхождения.

ский ф[акульте]т, затем 4 года работал разведчиком руды на Колыме, в медвежьей глуши, в совершенно диких местах (кстати, родился он на Ленских золотых приисках).

В прошлом году он переехал в Москву и… держал экзамен в театр-студию Вахтангова. Он не готовился к этому особенно, но им руководило, по его словам, какое-то вдохновение. Он был принят, проучился 2 месяца и (тут наши судьбы, в остальном такие различные, сходятся) был призван в армию. В нём чувствуется какая-то сибирская сила, основательность; видно, что это глубокая натура, не терпящая поверхностности и упорная в достижении своей цели. Чувство юмора, несомненно, у него есть, а я очень ценю это в людях. В нём нет Славкиного задора и жизнерадостности, беспомощности и меланхолии Генриха, но это — волевой человек, обладающий некоторым жизненным опытом. Он прост в обращении, у него очень милая улыбка и немного лукавые морщинки у глаз, когда он смеётся. Я с первого взгляда почувствовал симпатию к нему.

Наше знакомство с ним происходило следующим образом. Он участник самодеятельности, будет читать на предстоящем смотре стихи Пушкина, Маяковского. Естественно, мы разговорились. Я взял Маяковского и стал читать долго и с выражением. Он с улыбкой слушал меня. Затем я спросил его, знает ли он языки. Оказалось, он владеет английским, хуже — немецким и отвратительно — французским. Мы с ним перешли на английский, на котором и велась наша дальнейшая беседа. Он знает язык примерно как я. Представь, мы беседуем довольно оживлённо (а я думал, что призабыл английский!) и решили, что теперь всегда будем speakать[1] по-английски. That is beautiful: now I'll have the practice in English![2] После обеда он принёс мне Шекспира: "A Midsummer Night's Dream". Он признался мне, что сделал дерзкую попытку начать переводить эту вещь («Сон в летнюю ночь»), но встретился с большими трудностями. Мы решили, что вместе займёмся теперь переводом. В общем, мы оба остались весьма довольны новым знакомством. <…>

Скоро Новый год… Как-то ты встретишь его, моя любимая девочка? Желаю тебе повеселиться как следует — и за меня тоже. В этот вечер я буду мысленно всё время с тобой. Как бы хотелось мне сжать тебя в объятиях!

Целую и целую. Женя.

Привет всем общим знакомым.

P. S. Если в магазинах появились учебники фин[ского] языка, то пришли один с Димой.

---

[1] Speak (англ.) — говорить.

[2] Это прекрасно: теперь у меня будет практика английского языка! (англ.)

2 февраля 1941 г.

Моя дорогая Лида!

Это письмо ты, наверное, получишь после своего приезда. Ведь занятия начинаются 7-го (во всяком случае, так было в прошлом году). Не знаю до сих пор, куда ты решила ехать: в Баку или к матери. В последнее время мне думается больше, что ты поедешь в Баку. Это полугодие быстро прошло. Скоро ты кончишь 2-й курс, уже серьёзней призадумаешься о своей специализации. Впереди интересные лекции, увлекательный материал. Я уверен, что когда вы на 3-м или 4-м курсе начнёте Французскую революцию, то эта эпоха увлечёт тебя ещё сильней, нежели средневековая Франция и античность. Об истории ты будешь иметь полное представление, особенно если учесть, что вы будете вдобавок проходить всевозможные истории пушечных ядер, отравляющих веществ, физкультуры и ещё разной всячины.

Далее предполагается научная работа (ведь не исключено, что ты останешься в аспирантуре), кропотливое изучение, копание в книгах, кабинетная деятельность…

Есть, конечно, привлекательные стороны в воскрешении прошлого, но нет ничего привлекательней, чем творить настоящее. Это творчество я вижу (ты же знаешь) в архитектуре, в литературе, в искусстве вообще.

Я отнюдь не собираюсь охаивать твою будущую профессию. Я с удовольствием занялся бы серьёзно историей. Просто я хочу сказать, что это одно не удовлетворит меня.

Не удовлетворит это и тебя, мне кажется. Впрочем, не следует забывать одну практическую возможность в профессии историка — это педагогическая деятельность. Если увлечься этим делом, то можно найти много интересного в наблюдении над психологией ребят или (что ещё интересней) студентов.

В общем, всё это — обрывочные мысли. Сейчас важно одно: учиться, учиться, впитывать в себя культуру и знания.

Пусть я это сделаю и с опозданием, но сделаю обязательно.

Хочется поскорей получить твои письма. Без них — скучно. Видишь, написал такое бессвязное письмо, которое вдобавок испортит тебе настроение. Ли, не придавай особенного значения этому письму. Каждая профессия по-своему хороша, и, прежде всего, надо учиться. Вот и всё. Дни проходят за работой, каждый день похож на предыдущий. Пишу маслом портрет Ворошилова (уже почти кончил). Получилось, в общем, недурно.

Книги, газеты, разговоры с друзьями, поездки в город и, главное,

письма — вот что разнообразит мою жизнь. Февраль дал о себе знать трескучими морозами; пароходы с трудом пробираются к нам из Таллина. Поскорее бы прошла зима! Доминирует безразличное настроение. Конечно, не без весёлых и радостных минут с одной стороны и тоски (иногда!) с другой.

Целую тебя горячо и много. Женя. <…>

5 апреля 1941 г.

Моя «гордая, странная, холодная» Ли! Ведь вот не все ещё знают, что Антарктида растоплена в памятное лето [19]39-го г., и склонны считать Ли холодной! Да, воистину роду человеческому свойственно заблуждаться. Я сегодня получил твоё письмо, где ты пишешь о своих академических делах и об открытиях, сделанных Васко да Гамой и тобой. Правда, о своих открытиях ты умалчиваешь, желая меня заинтриговать, но я не теряю надежды узнать их, слышишь? А вдруг меня удивят твои «открытия», хоть ты и подшучиваешь, что я всё знаю и ничему не удивляюсь! О нет, я не могу знать, подобно Зевсу, восседающему на Олимпе, обо всём великом и малом, творящемся на Земле. Увы, я не небожитель, и мне не дано вкушать амброзию и нектар — пищу богов; я скромно удовлетворяюсь пустыми щами и перловой кашей… Сегодня мы с Лоликом были в городе на концерте Ленэстрады. Положительно мне было стыдно за приставку «Лен…». То есть это была невообразимая дрянь. <…>

На обратном пути нам повезло: нас подобрала машина. Дома почти никого нет: ребята ещё не вернулись из кино. Оказывается, сегодня у нас ставили «Большой вальс»[1], и я чертовски жалею, что не попал на него. Даже хотел побежать посмотреть хоть конец, но почувствовал большую усталость. Перечитал твоё письмо (чудное, чудное, хорошее) и решил ответить. Представь, даже этот скверный концерт не испортил моего хорошего после твоего письма настроения. Конечно, ты права, что если у тебя есть внутреннее убеждение и сила, то можно пойти в кино с любым «Мишей». Глупо вести монашеский образ жизни, глупо и никому не нужно. Я очень ощущаю недостаток в женском обществе и очень скучаю по тебе, моя легкомысленная и склонная к размышлениям, видящая всё то в розовом, то в чёрном свете, моя противоречивая Ли!

Через несколько дней мне исполнится 19 лет. Ровно 19 лет тому назад богам взбрело в голову осчастливить мир новым образчиком

[1] «Большой вальс» (The Great Waltz) — американский музыкальный фильм 1938 г., реж. Жюльен Дювивье. Картина была куплена СССР в 1939 г. во время Всемирной выставки в Нью-Йорке.

рода человеческого. И этот образчик и не подозревал тогда, беспомощно барахтаясь в колыбели, что через 2 без малого десятка лет будет сидеть в домике на опушке финляндского леса и строчить письмо своей возлюбленной. Ну и озорницы эти три сестры, эти Парки[1], так причудливо сплетающие человеческую жизнь! <…>

Моя любимая, продолжай писать мне так же те подробные письма. Меня всё интересует в твоих делах: как академических, так и в делах, гм… душевного характера.

Пиши мне всё и не бойся, что я сочту что-либо глупым. Ничего подобного, уверяю тебя! Твои письма так непосредственно и живо передают твои настроения, что я сразу чувствую тебя ближе.

А почему я не имею обещанной твоей фотографии? Извольте прислать, сударыня! Также жду карточку Полины — она, должно быть, славная девушка.

Ну всё. Спокойной ночи. Good bye, my darling, good night![2]

Целую и целую. Женя. <…>

6 мая 1941 г. [п-ов Ханко]

Дорогая Ли!

Я тебе уже писал, что мы скрашиваем наше время тем, что «треплем старика» Тургенева. Вчера мы закончили «Накануне». Читала ли ты этот роман? <…> Эта вещь произвела колоссальное впечатление. А я её читал всего 4 года тому назад! Я в восторге от Елены. Возможна ли в наше время такая самоотверженная любовь?

Верно ли, что женщины идут на большие жертвы чаще мужчин и для некоторых самопожертвование является органической потребностью их натуры, способной так сильно и страстно любить?! Эти вопросы меня волнуют. Любовь неизбежно приходит в столкновение с целью жизни, которую себе ставит человек, и ведь как часто радость и блаженство любви одерживают верх над движением к намеченной цели. Правда, эта альтернатива была блестяще некогда разрешена Юлием Цезарем, который, будучи вынужденным выбирать между любовью Клеопатры и властью и славой, выбрал… и то и другое вместе! Вот это да! Недаром же говорят: «Aut Caesar, aut nihil»[3].

Во всяком случае, думаю, что, если и он и она имеют одну цель, одни стремления, они имеют полное право на счастье в любви.

Елена — та просто впитала в себя идеалы и стремления Инсарова. Лучше, когда обе стороны независимо приходят к одним убеждениям,

[1] Три богини судьбы в древнеримской мифологии.

[2] До свидания, моя дорогая, доброй ночи! (англ.)

[3] Или Цезарь, или ничто (Всё или ничего) (лат.).

и уж тогда их связывает не только любовь, но и общность духовная.

Прости мне за мои абстрактные мудрствования. Но меня эта вещь взволновала, и я не могу не писать об этом. И я обязательно хочу знать твои взгляды на это.

Милая моя девушка, эти наши чтения скрашивают нашу жизнь, уносят в иной мир. Это приятно. Ты же понимаешь, почему именно в нашей обстановке так волнуют эти бессмертные произведения.

Мы с Мишкой начинаем копировать картины. Он выбрал «Корабельную рощу» Шишкина, я — «Март» Левитана. Это трудная и интересная работа. <…>

Целую мою Ли бесчисленное множество [раз]. Женя. <…>

31 мая 1941 г.

Ли, это письмо я пишу в несколько необычной обстановке: в палатке караульного помещения. Сегодня я назначен в караул, и в 1 ч. ночи застаю на пост. Спать мне пока не хочется, и я решил написать тебе письмо. Как описать тебе всё, что я изведал и передумал за эти последние 4 дня! Как я уже писал тебе, 24-го я перебрался в роту. На следующий день нас подняли в 5 час[ов]. Начался мой первый действительно трудовой день. Работа заключается в том, что мы начали нагружать песком платформы. Конечно, с непривычки нелегко, но я присмотрелся к ребятам, приспособился, и дело наладилось. С нагруженным составом мы поехали разгружать его. <…>

В перерывах между погрузкой составов (а их 3 в день) мы растягиваемся прямо на траве, болтаем, загораем и… спим. Правда, вчера я взял с собой «Среднев[ековую] архитектуру» и читал с большим интересом. Лолька читает «Историю Древней Греции» Сергеева[1] и «Испанский театр XVIII–XIX вв.». Разумеется, и я читаю и то и другое.

Я нашёл одного бакинца, некого Рзаева (азербайджанца). Его я называю не иначе как “vətəndas”, что означает (если ты помнишь только) «соотечественник». Он работал зав[едующим] отделением пионеров, и мы обнаружили целую кучу общих знакомых, начиная от Гени Кричевской и кончая (last [but] not least)[2] мощной светильницей азерб[айджанского] театроведения — Анатолием Любарским. Вот находка, правда?

Мне положительно везёт на встречи с интереснейшими людьми. И если раньше я чувствовал себя несколько стеснённо в завязывании новых знакомств, то теперь я прямо иду навстречу им: чем проще, тем лучше.

[1] В. С. Сергеев (1883–1941) — советский историк античности, проф. МГУ, д. и. н.

[2] Последнее по списку, но не по значимости (англ.).

Да, ты права: я чувствую сам, что во многом изменился. В нашей обстановке всё осмысляешь по-новому, глубже и шире судишь о людях и событиях и зачастую находишь новые, прежде не замеченные нотки в перечитываемых книгах, в пережитых впечатлениях. Оттого-то и моё запоздалое (на твой взгляд) увлечение Тургеневым. Конечно, и раньше я задумывался над затронутым мною и развитым тобою вопросом… И мне хочется большой облагораживающей любви, как и вообще прекрасного в этой жизни: искусства, музыки, дружбы, наслаждений. Я чувствую в себе ещё не растраченные силы для этого. Иногда мне хочется (буду откровенен до конца) бурной оргии, разгула, вакханалии, потоков вина, женщин — необузданного веселья… Я очень хорошо понимаю Юджина Витла (ведь ты читала «Гения» Драйзера?). А с другой стороны — желание большой, настоящей, как ты говоришь, любви.

Вот это противоречие и было внутренней пружиной того, что я никогда не заводил разговора на эту тему. Особенно ясно я осознал это сейчас. Ты хочешь знать, что я о тебе думаю. Изволь: ты замечательная девушка, Ли, и я очень люблю тебя, и мысль о твоей любви мне несказанно приятна, и особенно в моей теперешней обстановке. Это самые простые слова для выражения моего чувства.

Признаться, я был удивлён, что ты изложила так полно и смело свои мысли. Да, я не знал, что ты уже давно пришла к ясному осознанию этого вечного вопроса. Ты излагаешь хорошие мысли, и их невозможно не принять, тем более что я и сам думал в таком же роде. Ведь в моём «тургеневском» письме я высказывал отнюдь не законченные мысли, а лишь сомнения.

Да и ты, несомненно, изменилась. Я читал у С. Цвейга, что у женщин в определённом возрасте, незаметно для них самих, но заметно для окружающих (близких), приходит большая и тонкая глубина чувства (чисто по-женски), жажда любви, понимания и счастья — одним словом, всё, что породило гётевский идеал — “Die ewige Weiblichkeit” [Ewig-Weibliche — Сост.][1].

Больше я ничего не скажу.

Ты видишь, что я вполне откровенен; во всяком случае, я излагаю проверенные мысли, не допуская ни рисовки, ни фальши, на которые нетрудно сорваться в таких щекотливых вопросах.

Ну, вот и всё.

Поскорее бы получить ответ от тебя.

Целую особенно нежно.

Женя. <…>

[1] «Вечная женственность» (нем.).

2 июля 1941 г. [п-ов Ханко]

Моя дорогая!

Я продолжаю писать тебе в Ленинград, т. к., думаю, тебе не удалось выехать из него. В случае же, если и удалось, то, надеюсь, эти письма всё же не пропадут. Не писать же тебе невозможно.

Помнишь, я тебе как-то сказал, что нам, нашему поколению, предстоит вынести жестокие, опустошительные войны и что я с радостью бы принял бы участие в такой войне? Пусть даже затяжной, лишь бы она была последней и избавила бы человечество от необходимости истреблять друг друга и обеспечила бы прочный мир.

Похоже, что нечто в этом роде сбывается. Я представляю, какой единый порыв, какое воодушевление царит сейчас там, на «Большой земле», и это учащение биения пульса страны передаётся и на наш маленький клочок земли.

Я привык уже к постоянному грохоту орудий, разрыву снарядов, неумолчному гулу моторов. Ханко надёжно защищён, обладает мощной современной артиллерией. Финны не увидят Ханко. Посылаю тебе вырезку из газ[еты] «Кр[асный] Балт[ийский] флот». Меня поразило, что и мне приходила в голову 11-месячная героическая оборона Севастополя, а тут и Вишневский[1] приводит эту аналогию.

Не только Севастополь я вспоминаю. Помнишь, мы с тобой смотрели «Мать» Чапека[2] в Александринке[3]? Я тогда очень остро почувствовал величие пафоса борьбы за Родину, к которой взывал взволнованный женский голос по радио. А это заключительное, простое и самоотверженное «Иди!»…

Сейчас всюду: в мысли, в чувства — в саму жизнь внесена особая, суровая простота.

И я так же честно готов исполнить свой долг, как и все мои друзья и сверстники. Я за себя спокоен. Меня волнует лишь мысль о беспокойстве там, дома. Я даже боюсь представить себе, что творилось с моими родителями. Но я не сомневаюсь, что это «Иди!» матери станет понятно для них.

Все эти дни меня не покидает мысль и о тебе. Поистине великие испытания приходится проходить нашей любви, милая моя Ли! Но я знаю, ты сильна духом, и слова утешения звучали бы фальшиво для

---

[1] В. В. Вишневский (1900–1951) — советский писатель, сценарист, журналист и военный корреспондент.

[2] Карел Чапек (1890–1938) — чешский писатель и переводчик.

[3] Государственный театр драмы (ныне — Российский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина (Александринский)).

тебя, моя дорогая девушка!

В эти дни все окружающие становятся ближе, роднее, даже старые споры забываются. А об оставленных там, на континенте, думается с особой нежностью…

Сегодня у нас была пристрелка оружия. Впервые я стрелял с боевой винтовки. И, представь, выбил 26 очков из 30, выполнив задание на «отлично».

Пока комары беспокоят нас значительно больше, чем финны. И главное, нельзя ни бить по ним из винтовки, ни колоть штыком. Атаки их бывают невыносимыми. Я даже начинаю подозревать, что они являются агентурой фашизма.

Я получил вчера твоё письмо от 18-го [июня], ещё «довоенное». Оно написано в игривом тоне, я невольно улыбался…

Итак, мужайся, Ли. Чем с большой твердостью перенесём мы предстоящие испытания, тем радостнее будет будущая встреча.

А будет она обязательно.

Целую особенно нежно. Женя.

Привет всем ребятам.

28 августа 1941 г. [п-ов Ханко]

Дорогая моя Ли!

Сегодня получил 2 твоих письма — это во второй раз. «Ты уже, наверное, совсем забыл меня, не то что мой почерк», — пишешь ты.

Нет, конечно, нет. Но, бывало, проходили дни, и я ловил себя на мысли, что не вспоминал о тебе. Мне становилось грустно от этой мысли. Это, наверное, жестоко, что я пишу об этом, но я должен тебе писать всё и честно. Я спрашиваю сам себя: «Неужели я очерствел, и чувства огрубели?» О нежном сердце юного Вертера[1] не может быть, конечно, и речи. Вообще смешна мысль о сентиментальном юноше в наше время. Да это никому не нужно и ни от кого не требуется.

Итак, огрубел. Да, может быть. Но нужно знать обстановку, чтобы понять это.

Сегодняшние твои письма вновь вернули меня к незабываемым дням, проведённым вместе. Ты мне по-прежнему дорога, и люблю я тебя ещё больше за то, что ты мужественно переносишь эти тяжёлые времена. Милая Ли.

Я представляю, какой сейчас патриотический подъём в Л[енингра]де. Если б я был там, я бы без сомнения пошёл добровольцем на защиту города.

[1] Главный герой романа Иоганна Вольфганга Гёте «Страдания юного Вертера» (1774).

Но ничего, и на Ханко хватит дела. Наш Гангут (как его теперь называют) неприступен и грозен, и можно с полной уверенностью сказать, что он никогда сдан не будет.

О себе могу сказать новое. Ещё в начале августа я послал в местную газету небольшой рассказ, фельетон и карикатуру. Дни проходили за днями, а в газете ничего не появлялось. Я уже думал, что всё кончено, как вдруг является редактор газеты с комиссаром. Наговорил мне много лестных вещей, расспросил, кто я и что я, и в заключение дал мне тему, чтобы я написал фельетон (о психическом состоянии Гитлера). Кажется, я неплохо справился с этим, т. к. вскоре и мой рассказ, и оба фельетона были напечатаны. Я стал нечто вроде сотрудника газеты, т. к. освобождён на полный день и занимаюсь исключительно «сочинительством». Ещё два фельетона были написаны и напечатаны, затем статья (нерядовая!) и карикатура. В общем, я стал местным «Рыклиным»[1]. «Маленький, но симпатичный талант», — так, кажется, раньше героически называли провинциальных газетных «писателей».

Так или иначе, чувство юмора, живущее во мне со времён «пупсов»[2], сослужило мне хорошую службу. Мишка Б. тоже увлёкся карикатурами, заставками, так что мы работаем на пару.

Техника печатания рисунков весьма примитивна, приблизительно времён Гутенберга, т. к. никакой цинкографии нет, и приходится самим вырезать клетки на линолеуме. Это кропотливая, чёрт возьми, работа.

Итак, я стал газетным «борзописцем».

Чему только не научишься в армии!

Но хватит об этом. Перо в любой момент можно сменить на винтовку, как ранее кисть была сменена на лопату.

Моя любимая девушка, я думаю о том счастливом дне, когда будет сказано слово «Победа!» и мы встретимся снова…

В победу я тоже твёрдо верю и тоже счастлив, что приму участие в её достижении.

Будь спокойна, не волнуйся, при каждом удобном случае буду давать знать о себе.

Целую мою Ли очень крепко.

Женя. <…>

P. S. Адрес мой изменился: КБФ, военно-морская почт[овая] станция 1108, п/я 563.

---

[1] Г. Е. Рыклин (1894–1975) — советский сатирик, писатель и журналист. В 1938–1948 гг. — главный редактор сатирического журнала «Крокодил».

[2] Пупс — игрушка в виде куклы-младенца.

7 октября 1941 г. [п-ов Ханко]

Дорогая!

Сегодня настоящий праздник: получил твоё письмо («сентиментальное»). Больше всего я рад твоему бодрому настроению. К тому же сегодня все повторяют радостные вести о том, что немцы откатываются от Л[енингра]да… Не знаю, насколько это достоверно, но это должно быть так. Во всяком случае, сегодня у меня всё поёт внутри. Что за беспричинное ликование, скажи на милость?..

Сегодня ровно год с того памятного вечера, последнего, проведённого вместе. Помнишь его? Ну, конечно, да.

На душе скребли кошки, и слова как-то не шли в голову, и как-то всё не мог я себе представить, что вот завтра не смогу прийти в эту комнату, потому что буду завтра уже далеко отсюда... Помнишь, как Мэри ловко забаррикадировала нас от Нины (слишком поздно, к сожалению, она поняла свою двусмысленную роль!)? А потом — долгое прощание в холодном коридоре, когда так неимоверно трудно было шагнуть через порог…

Итак, прошёл долгий год. Год жизни на далёком Ханко. Много пережито и передумано за этот год. Конечно, я не думал, что первая годовщина моей службы пройдёт в условиях войны. Всё заветное, дорогое запрятано сейчас в самые потайные уголки сердца, и я стараюсь реже извлекать их оттуда. Сейчас не время для этого: нужно прежде всего завоевать право свободно жить. Но, думается, развязка не за горами. Немцы не выдержат длинной кампании, а зима предвещает гибельную для них позиционную войну. Будущее, несомненно, за нами. Ли, ты знаешь, где я сейчас нахожусь? В редакции местной газеты «Красный Гангут». Ведь я писал тебе о том, что я стал пописывать фельетоны и очерки и печататься в газете. А вот уже неделя, как меня забрали в редакцию, и я работаю в ней как сотрудник её. Так скажешь: «Вписываю в скрижали истории (каковой ты являешься жрицей) немеркнущую славу героической обороны Ханко»… Окружение новое, несомненно, более культурное, есть симпатичные люди. Мне дали крохотную каморку, где с трудом умещаются кровать (!) и столик. И вот сижу я, замурованный в толстой стене, и строчу тебе же послание. Как это тебе нравится?

Финны неистовствуют. Прямо лезть они не решаются, зато засыпают полуостров снарядами. Но к этому давно привыкли, и вреда они почти не приносят. Такова жизнь. В редакционной суматохе быстро бегут дни, работы много, времени для «скорбных» <…> *.

Телеграфируешь ли ты ко мне домой по получении моих писем?

* Одна строка неразборчиво.

Я тебе очень благодарен за это, Ли, ибо мысль о том, как[ое] сильно[е] там беспокойство, мучает меня подчас. Я домой пишу так же, как и тебе, с каждой почтой, но пока письмо дойдёт в Баку, не считая разных неприятных сюрпризов по дороге!..

Вчера я (в который раз!) смотрел «Бесприданницу»[1]. Помнишь, мы смотрели её вместе с Гариком Ш., приехавшим с фронта[2] и заснувшим во время сеанса? Сейчас мне очень понятна его усталость, хоть я по-прежнему восхищаюсь этой замечательной картиной. Кажется, всё. Остаётся пожелать тебе терпения, бодрости; ты сама знаешь, чего только я не желаю тебе хорошего!

Целую мою дорогую девушку. Женя. <…>

25 октября 1941 г. [п-ов Ханко]

Дорогая!

Пользуюсь оказией и надеюсь, что письмо дойдёт по назначению.

Я сейчас в водовороте жизни. Жизнь интересная, кипучая. В редакции ежедневно много народу, шумно, сюда стекается всё: и героика событий, и последние новости. Крупных боёв пока не было, но, бесспорно, они предстоят. И драться Ханко будет крепко. Я уверен, что мы отстоим его до полной победы.

Я, как корреспондент боевой газеты, бываю в частях и вижу, какой в них замечательный народ. Люди рвутся в бой, и это не пустые слова.

Настроение у меня исключительно бодрое, и мечта одна — победа.

Мы все восхищались вами, ленинградцами (потому что «мы» и сами некоторым образом ленинградцы), что отстояли город. Теперь очередь за москвичами. Не сомневаюсь, что они отобьют проклятых бошей[3] так же, как ленинградцы.

Так хочется видеть тебя, ведь я так отвык от твоей близости, моя дорогая девушка…

Перед сном я прочитываю пару-другую глав из «Госпожи Бовари»[4], а потом позволяю себе самую малость помечтать, вспомнить…

Ли, если будет время, зайди, пожалуйста, на Невский, 24: меня беспокоит молчание моего дядюшки. Получаешь ли ты письма от моих родителей?

---

[1] Советский художественный фильм 1936 г. по одноимённой пьесе А. Н. Островского, реж. Я. А. Протазанов.

[2] Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

[3] Презрительное обозначение немцев, пришедшее из французского языка.

[4] «Госпожа Бовари» («Мадам Бовари») (1856) — роман французского писателя Гюстава Флобера.

Тороплюсь, т. к. тральщики отойдут сегодня ночью.
Целую, сжимаю в объятиях. Женя.
Привет Шурке, Нине, всем общим друзьям, партизанам и бойцам.

Письмо Е. В. Войскунского родителям в Баку

25 октября 1941 г. [п-ов Ханко]

Дорогие!

Я представляю ваше беспокойство. Ведь о Ханко ходят самые противоречивые слухи. Твёрдо знайте, что Ханко никогда сдан не будет — до конца, до полной победы останется советским. С каждым днём мы становимся сильней. Я сейчас работаю в боевой газете, бываю в частях и вижу, какой замечательный народ у нас. Работа у меня очень интересная, каждый день в редакции бывают новые люди, каждый день приносят героические дела.

Предстоят ещё, конечно, жестокие бои, но без них не придёт победа. А в том, что она придёт, я не сомневаюсь ни на минуту.

Как-то вы там живёте, дорогие мои, и когда же мы будем вместе?..

Время тяжёлое, трудное испытание выпало нам на долю, нашему поколению. Но мы будем драться за право жить свободно, за право учиться и трудиться свободно, за право быть счастливыми.

Не беспокойтесь, родные, верьте, что финал этой большой трагедии будет счастливым.

Когда-нибудь в семейном кругу, дома, мы будем все вместе вспоминать те тяжёлые испытания, которые мы сейчас переносим.

Я бодр и здоров и желаю вам много сил, и здоровья, и бодрости, прежде всего.

Целую вас по-сыновнему крепко. Женя.

P. S. Где Веня, где все мои друзья?

Привет всем родным и знакомым.

Письма Е. В. Войскунского Л. В. Листенгартен

4 января 1942 г. Кронштадт

Дорогая моя Лида!

Скоро месяц, как я в Кронштадте. Я телеграфировал тебе по приезде, и недавно послал вторую [телеграмму] — поздравлял с Новым годом. Я не писал, потому что всё питал надежду, что сам скоро буду в Питере, но вижу теперь, что мне не вырваться. И я всё это время

откладывал письмо, чтобы переслать его с Мишкой Дудиным[1]. Миша расскажет тебе обо всём. Мы с ним крепко сдружились. Он славный, и ты сможешь поговорить с ним по душам. Я ему во всём доверяю. Грустно, родная, что я сам не могу прийти к тебе, когда нахожусь так близко. Но делать нечего. Если б это от меня зависело!

После напряженной, интересной, полнокровной работы на Ханко я не находил себе места от бездеятельности здесь, в Кронштадте. Вдобавок примешивалось нетерпение, вполне понятное…

Что же, приходится запастись терпением снова. Я, столь неожиданно даже для самого себя ставший газетным работником, буду теперь работать в Кронштадтской газете «Огневой щит». Хотелось бы, конечно, работать во фронтовой газете, окунуться с головой во всю гущу событий.

Возникают в голове различные планы (хоть ты и утверждала, что у меня бедная фантазия). Вряд ли они, конечно, выполнимы, но не удержусь, чтобы не рассказать тебе. Я хочу стать переводчиком. Может быть, знание языка пригодится.

Разумеется, я не тешу себя иллюзиями, к тому же нужна какая-нибудь протекция… А работа заманчивая — живая и интересная. Ли, милая, не подумай, что я пессимистически настроен. Мне только хочется больше деятельности, больше активности, хочется дать всё, что могу. И потом — эти бесконечные разлуки с друзьями. Вспомни Славку. Где то он сейчас? Но больнее всего — потеря такого друга, такого человека, как Лолик Синицын. Я знаю, война жестока, но никак не могу привыкнуть к мысли, что никогда его больше не увижу. И никогда не увижу Мишу Беляева, Диму Миркина, Мишу Рзаева. Да, все они погибли.

Но хватит об этом. Моя дорогая, не расстраивайся. Мишка Дудин — живой привет от меня. Но и мы с тобой наконец увидимся, не позднее, как этой зимой. Я уверен в этом. [19]42-й год будет радостным для всех нас. Будь стойкой до конца, дорогая. Самые тяжёлые испытания уже позади. Только пиши чаще, как можно чаще. Я же тоже буду часто писать. Ну, веселей, дорогая, ещё много хороших дней ожидает нас впереди. Is it not so?[2] Я читаю хорошие книжки: «Сущий рай» Олдингтона[3] и «Гроздья гнева» Стейнбека[4]. Обязательно прочти

[1] М. А. Дудин (1916–1993) — военный корреспондент; после войны — известный поэт, переводчик.

[2] Не так ли? (англ.)

[3] Ричард (Эдвард Годфри) Олдингтон (1892–1962) — английский поэт, прозаик, критик.

[4] Джон Эрнст Стейнбек (1902–1968) — американский писатель. Его роман «Гроздья гнева» (1939) печатался в СССР перед войной огромным тиражом.

«Цитадель» Кронина[1]. Заставь Мишку прочесть свои стихи, особенно «Мечту». Он покажет тебе наши ханковские газеты, лучшие в мире.

Итак, до свидания, до новой встречи.

Целую и целую, обнимаю. Женя.

Мой адрес: КБФ, военно-мор[ская] почт[овая] станция 1001, п/я 503.

16 мая 1942 г.

Здравствуй, родная моя!

Два твоих письма лежат сейчас передо мной — из Саратова. Я их получил сегодня сразу вместе. Несмотря на полтора года разлуки, я снова почувствовал твою близость. Трудно передать это чувство, но твои слова, такие знакомые, тёплые, родные, согрели как-то меня. Может быть, я очень огрубел (пережитое накладывает свой отпечаток) и, случалось, ты мне казалась далекой, даже чужой, — и всё же это не так. Чувство осталось по-прежнему сильным и горячим. И стоило мне только вызвать в памяти твой образ, как на меня налетал вихрь воспоминаний, волнующих и даже невероятных, если подумать, что мы были счастливы. И неизбежно вслед за этим начинались мечты о будущем. Встреча. Вместо привычного «целую» на бумаге — самый горячий и животрепещущий поцелуй. Снова ощутить твоё тепло… Опьянение первой встречи, — ты представляешь его, Ли? И кто знает, быть может, повторится блаженное лето [19]39 года? Правда, мы будем к тому времени не школьниками-выпускниками, знающими жизнь по книжкам. Но и не будем строить из себя «всё испытавших», «видавших виды» людей. Чёрт возьми, ведь мы ещё молоды, молоды! Хорошо сказал Мишка Дудин:

«Нас время не берёт, и не изводит
Опасности непочатый резерв»…

Я не собираюсь бить в литавры, чтобы заглушить боль пережитых испытаний. Они уйдут в область воспоминаний, а мы будем заново строить жизнь. И тогда вернётся всё: и молодость, и любовь, и счастье. Я в это верю и не могу иначе. Так же должна и ты, Ли. Нам с тобой никак нельзя утратить нашего оптимизма. Понимаешь?

Воевать трудно, и, может быть, нескоро ещё придёт мир. Я так думаю, что к будущей зиме в основном всё будет закончено. Немцы не выдержат такой войны. В конце концов, моторами управляют люди с нервами. Эти лето и осень будут решающими. Итак, больше терпения и выдержки, дорогая. Самые чёрные дни (возможно, самые чёрные в нашей жизни) позади. Будем смотреть вперёд и не оглядываться на прошлое (недавнее). Читаю и перечитываю твоё письмо. Всё мне

[1] Арчибалд Джозеф Кронин (1896–1981) — шотландский писатель.

здесь знакомо: и настроение твоё, и быстрые его перемены, понятны мне и раздражение твоё на влюбившегося в тебя юнца (эх, поговорил бы я сейчас с ним!), и все твои «глупости», по твоему выражению, которые ты мне «наболтала». Но есть и новые нотки. Ты пишешь о своем голубом платье и прибавляешь: «надеюсь, ты его помнишь», или «ты ещё помнишь, какие у меня бывают настроения». Лида, дорогая, твердо знай, что этим «ещё» и «надеюсь» не должно быть места в твоих письмах. Знай, что забыть тебя невозможно. Es ist ausgeschlossen[1]. Ты сейчас, наверное, не узнала бы меня. Я хожу во флотской форме. Пришлось, так сказать, изрядно «оморячиться», особенно при переходе со старого места. Если будет возможность, сфотографируюсь и пришлю. Ты же обязательно пришли своё фото. Мой адрес теперь не изменится. Как с выездом твоим в Баку? Есть ли у тебя деньги на дорогу? Я вполне разделяю твоё нетерпение. Тебе надо отдохнуть после всего дома. Между прочим, я получил совершенно неожиданное письмо из Баку — от моей двоюродной сестры, тоже Жени.

Она жила в Минске, я её никогда не видел и считал маленькой девочкой. И тебе никогда не говорил о ней. И вот, оказывается, она эвакуировалась в самом начале войны, попала в Челябинск, грузила там уголь, а потом решила «зайцем» добраться до Баку. И добралась! Теперь учится в авиатехникуме, живёт у нас. Вот так «маленькая девочка»! А я и не подозревал, что у меня есть такая боевая кузина. Когда ты приедешь в Баку, обязательно познакомься с ней.

Родители мои страшно волнуются, что не получают от меня известий. Это очень странно, ведь я пишу им — и довольно часто. Брат мой Ионя[2] (ты его знаешь) — в Ташкенте, в Воен[ной] академии. Болел сыпняком[3], бедняга, теперь поправился. Другой брат — Веня[4] — на фронте, младший лейтенант. На фронте и дядюшка (Долькин отец) — военврач. Марка и Доля дома. Не пишут что-то, подлецы. <…>

Ну, надо кончать. И так много написал, излил душу. Следующее письмо буду писать в Баку.

Целую горячо и много, любимая, и не забываю.

Женя.

---

[1] Это исключено (нем.).

[2] Иосиф Ноевич Розенгауз (1919–1998) — двоюродный брат Е. Л. Войскунского. Родился в Ростове-на-Дону. Инженер-энергетик, изобретатель, канд. техн. наук. В 1980 г. эмигрировал в США.

[3] Сыпной тиф.

[4] Вениамин Исаакович Харик (1913–1969) — двоюродный брат Е. Л. Войскунского. Родился и жил в Баку. Участник войны. После войны — инженер-нефтяник.

24 мая 1942 г. Кронштадт

Лида, дорогая!

Сегодня получил ещё одно твоё саратовское письмо. Прочёл и невольно подумал: до чего различной жизнью мы сейчас с тобой живём.

Сегодня я должен сказать тебе всё, о чем я не раз задумывался в последнее время. Больше полутора лет мы не виделись с тобой, и, быть может, пройдут ещё годы разлуки. По какому-то молчаливому соглашению мы с тобой никогда не затрагивали темы, на которую, как ты чувствуешь, я собираюсь говорить. Я очень верю в силу твоего чувства, Ли. Ни ты, ни я никогда не забудем чудесных, счастливых дней, проведённых вместе. Расставаясь, мы не клялись в верности. Мы мало говорили в этот вечер, но читали мысли друг друга. И никаких клятв и не нужно было вовсе. Но время идёт, и всё сложилось далеко не так, как мы ожидали. Ты сейчас, по твоему выражению, «входишь в норму». Новые встречи и знакомства, новые впечатления. И я не хочу, чтобы ты чувствовала себя связанной, и не хочу, чтобы в один прекрасный день ты испытала бы угрызения совести и мучила себя бесконечным самоанализом по поводу того или иного шага. Я хочу, чтобы вопрос: «Честно или нечестно это будет по отношению к нему?» не возникал у тебя и чтобы ты всегда поступала так, как подсказывает тебе чувство — это честнее всего.

Мы молоды, и если ты сегодня твёрдо решила ждать, то завтра ты начинаешь тяготиться ожиданием. Ты понимаешь, я хочу, чтобы ты чувствовала себя совершенно свободной.

Ты не должна понять меня превратно, дорогая. Я тебя очень люблю, по-прежнему сильно. И только поэтому я написал тебе такое письмо. Ты ведь тоже понимаешь, что рано или поздно оно должно быть написано, пусть с болью, но начистоту. Ну, всё. Прости, дорогая, если я выразился резко или неумело: не каждый день приходится писать такие письма. Жду ответа.

Обнимаю тебя и горячо целую.

Женя.

24 июня 1942 г.

Лида!

Я, кажется, сделал огромную глупость. Но ты пойми меня. То письмо было написано под впечатлением твоих саратовских писем. Мне казалось, что в этой новой твоей жизни, среди новых знакомств, танцев, театров, — ты реже вспоминаешь меня. Когда ты была в Л[енингра]де, и мы переживали примерно одинаково тяжёлые дни, я думал о тебе с

особенной нежностью. Для меня было, конечно, огромной радостью, что ты выехала из Л[енингра]да. И вот твои саратовские письма…

Тут-то и явилась эта злополучная мысль о том, что не только территориальное «далеко» разъединяет нас.

Я очень верю в глубину твоего чувства, знаю твою честность перед самой собой и перед людьми. Но ведь была у нас зима 1940 года — самая холодная из всех зим. Правда, после этой зимы была и осень [19]40 г., но как мало продолжались эти чудесные дни!

Словом, я сам не заметил, как все эти обуревавшие меня чувства вылились на бумагу. И ведь знал же, знал, как больно тебе будет читать это письмо, и как не вовремя оно придёт. И всё же послал, и не послал даже вдогонку другого письма, чтобы то письмо ты разорвала на мелкие кусочки и бросила в Волгу, считая его как бы никогда не существовавшим! Ну вот, написал тебе, как ты просила, как я дошёл до того письма. Я думаю, ты поймёшь меня и простишь. Ведь сегодня, Ли, наша с тобой годовщина, уже третья. И ты подумай, ни одну годовщину мы не встречали вместе. В [19]40-м я был в Баку, а в [19]41-м мне было не до годовщины, на третий день войны.

Но тот день был неповторимый, счастливый, бесконечно счастливый день. Наш вечер, наша газета… И этот маленький переулок — я даже не знаю его названия, — который следует назвать «переулком первого поцелуя». Или даже сейчас, через 3 года, делаюсь прямо наэлектризованным, вспоминая до малейших подробностей тот вечер, лучший в моей жизни. А ведь как много пережито за эти годы, и особенно, за последний. Я видел, как земля встает дыбом, знаю, как свистят и ударяются оземь осколки и как тихие шхерные островки[1] рассыпаются фейерверком снарядов и пуль, и как грохочет мина, разорвавшаяся в корпусе корабля, и как обжигает декабрьская балтийская волна. Да что там перечислять, чёрт возьми. Кое-что их этих «прелестей» ведь и ты испытала.

Но как хочется, Ли, теплоты и ласки, и любви. «Хочется» — это слишком слабо сказано. Лида моя, дорогая, чувствуешь ли ты, как я тоскую по тебе. Когда ж мы будем, наконец, снова вместе, чтоб не писать тебе больше глупых писем, вызывающих досаду и недоумение.

Я больше не могу ни о чём писать. И без того письмо вышло сумбурное, но это всё от нахлынувших чувств. Вот кончим войну, уничтожим всю эту проклятую немецкую нечисть, а там, если буду жив, разыщу тебя, где бы ты ни была, чтобы сжать тебя в объятиях и целовать, целовать так горячо и страстно, как никогда.

Ещё раз прости.

Женя.

---

[1] Шхеры — скалистые о-ва, разделённые узкими проливами.

8 августа 1942 г. Кронштадт

Дорогая моя Ли!

Получил сразу два письма от тебя. Это после долгого молчания. Я ведь тоже высчитывал, успели ли письма из Баку проскочить через Воронеж. Но оставалось только высчитывать — писем же не было. То моё письмо, которое ты не получила, я посылал, кажется, в Саратов. Разве Валя не переслала его тебе? Когда я писал, что мы пришли к одинаковым выводам, то имел в виду, что я покончил со всеми сомнениями, породившими то письмо, и одновременно ты написала мне, что была неправа, когда говорила, что не могла утверждать, что любишь меня.

Родная, уже четвёртый наш год пошёл… Обидно, что бóльшая часть этого времени падает на разлуку. Могли ли мы в тот чудесный вечер 24 июня предвидеть всё то, что нам пришлось пережить?.. Я ещё часто вспоминаю, как мы с тобой сидели 1 сентября 1939 г. в Румянцевском сквере[1] (помнишь, около Академии[2]?) и прочли в газете о начале германо-польской войны. Уже тогда я почувствовал приближающуюся грозу — каким-то «шестым чувством». Тогда я впервые осознал со всей ясностью, что война неизбежна. И вот уже второй год войны…

Сейчас мне больше всего хочется на Юг. Они ведь рвутся в наши родные края[3]. Чёрт возьми, взять бы сейчас винтовку — и туда. Мне как-то особенно больно читать сводки последних дней… Но всё равно — выстоим, победим. Иначе я не мыслю существования. И мы с тобой ещё будем счастливы, родная, ещё счастливее, чем в то, первое лето. Счастьем будет уже то, что мы снова будем вместе, наперекор всему. Знаешь, мне сейчас уже как-то не верится, что со мной может что-нибудь случиться — после всего пережитого. Конечно, ещё много испытаний впереди, а я отнюдь не собираюсь оставаться в стороне.

Работы много, даже больше, чем было: газета наша расширяет свои функции. <…> Вышла новая книжка «Непобежденный Гангут». Написал её В. Рудный[4], он был у нас на Ханко. В книжке и наши скромные фамилии красуются. Если сможешь достать — прочтёшь об интересном. Картина довольно правдивая и полная.

---

[1] Один из романов Е. Л. Войскунского получит название «Румянцевский сквер» (2007).

[2] Императорская Академия художеств — дореволюционное название Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры, в котором учился автор писем.

[3] С конца июля 1942 г. началось наступление германских войск на Кавказ с целью захвата нефтяных месторождений Грозного и Баку.

[4] В. А. Рудный (1913–1984) — советский журналист и писатель, военный корреспондент.

Посылаю тебе фотокарточку. Всё же удалось сняться. Печать эдакого многодумья на лице и всё такое. Не умею я фотографироваться! Да уж ладно, какой есть… Пришли обязательно своё фото!

Крепко и горячо целую мою любимую.

Привет тебе горячий от моих друзей, а от меня — твоим и всем друзьям.

Женя.

27 февраля 1943 г.

Родная моя!

Вчера получил твоё письмо, такое тёплое, хорошее… Ты радуешься перемене, происходящей во мне. Ты права, разлука и война наложили большой отпечаток на мои мысли, чувства, поступки. Но прежде всего, я стал по-настоящему, «по-взрослому», если так можно выразиться, ценить тебя, твою любовь. Мне совершенно ясно, что без мысли о тебе, без надежды на нашу встречу моя жизнь была бы неполной, лишённой яркого содержания. Вот и теперь, перечитывая твоё письмо, я до боли ясно вижу тебя, моя Ли, оживлённую («варшавянка», как тебя как-то назвал один из твоих бакинских дядюшек), непосредственную, отзывчивую, с ~~ужасом и~~ бурным возмущением рассказывающую о предстоящих страшных экзаменах… Целый мир страстей и переживаний, самый дорогой мир.

Сегодня у меня выдался свободный вечер. После ужина мы засели за морского «козла». Я играл с Лёнькой, моим бессменным партнёром. Было азартно и шумно. Я оказался в выигрыше и очень доволен.

Сейчас пишу, а по радио передают «Арлезианку» Бизе. Чудная музыка! Не могу без волнения слушать хорошую музыку. К тому же всплывают вереницы воспоминаний — филармония, Мариинка, «Трубадур»[1], «Лебединое озеро»…

Колька по уши погрузился в «Войну и мир» Толстого. А ещё у нас такой Борис Раевский[2] — типичный ленинградский «жоржик». Этот человек не знает никаких сомнений, не знаком ни с внутренней борьбой, ни с чем другим, называемым «духовной жизнью». Его жизненная цель абсолютно ясна и определена: женщины и танцы. Как хорошо, правда? Впрочем, Борька добродушный малый, нельзя сказать, что глупый, с большим удовольствием читает «Занимательную механику» Перельмана[3]…

[1] «Трубадур» (1852) — опера итальянского композитора Джузеппе Верди.

[2] Б. М. Раевский (Ривкин) (1920–1984) — советский писатель.

[3] Я. И. Перельман (1882–1942) — советский математик и физик, популяризатор науки. Умер в блокадном Ленинграде.

Часто приходит к нам Александр Томашевич — старый морской волк, побывавший во всех уголках земного шара, включая Новую Зеландию и Золотой Берег[1], отлично знакомый с «салунами» всех портов в мире. Этот человек прожил большую, интересную жизнь. Несмотря на свои 40 лет, Сашка юношески бодр и даже романтичен. Мы с ним крепко подружились. Он всё уговаривает меня после войны отправиться в грандиозную арктическую экспедицию, подробности которой давно и тщательно продумал. Он отлично знает Арктику. Я же предлагаю ему выбрать места малость поюжнее. Должен сознаться, что Север не очень импонирует моей натуре южанина. Как видишь, Ли, даже теперь в нелёгкой обстановке мы способны мечтать и строить планы, пусть фантастические, но, в конце концов, вовсе не невыполнимые.

Знаешь, Ли, мы дали торжественную клятву. Мы — это Лёнька, Колька, я и ещё один наш новый друг — Иван Петрович Овчинников, инженер-плановик с оборонного завода. Мы поклялись встретиться в Москве, 15 июля 1950 г., в гостинице «Москва». Разумеется, с подругами жизни. Что ты думаешь об этом, моя любимая, моя подруга? Не сочти это «детством», мы всерьёз думаем исполнить эту клятву.

Мне не терпится узнать, как прошли твои страшные экзамены. Заранее поздравляю тебя, милая, так как не сомневаюсь (как всегда), что ты их выдержала успешно.

Да, ко времени моего возвращения уже будешь иметь университетское образование. А мне придётся начинать с начала… Но ты не задирай носа. Всё равно, догоню тебя! Надо только сперва завоевать победу, перебить проклятых немцев, помешавших нашему счастью, нашей жизни. Как хорошо идут дела на фронте. Словом, «всё идёт к лучшему в этом лучшем из возможных миров», как сказал вольтеровский доктор Панглосс[2].

Сейчас закурю и возьмусь за «Робеспьера» Р. Роллана. А засну с мыслью о тебе.

До свидания, Ли, спокойной ночи!

Целую и целую мою любимую. Женя.

P. S. Привет тебе от моих друзей (они все грозятся написать тебе), а от меня — твоей маме, Инночке, Миле, Норе.

Ещё P. S. Туркмену «своему» скажи, что если твой муж по приезде обнаружит его возле тебя, то бедняга уже никогда в жизни не сможет отличить крепдешин[3] от мадаполама[4].

Понятно? И никаких туркменов!

---

[1] Британский Золотой Берег — колония Великобритании в Западной Африке (ныне — Республика Гана).

[2] Персонаж повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1758).

[3] Разновидность шёлковой ткани.

[4] Разновидность хлопчатобумажной ткани.

20 марта 1943 г.

Моя любимая!

Как радостно получать от тебя добрые письма, такие тёплые, родные. Я так ясно вижу тебя за этими письмами — впечатлительную с быстрыми сменами настроений, искреннюю, такой, как я тебя знал и какова ты есть теперь.

Правда, прорываются у тебя нотки неуверенности, грусти. Это мне знакомо. Да иначе и быть не может — мы же сделаны не из железобетона. У самого отъявленного оптимиста бывают минуты грусти. Но это проходящее. Нам с тобой, моя милая, славная Ли, нужен большой запас жизненной энергии, чтобы добиться своего. Как ни тяжело иной раз вечно тащить на своем кресте груз надежд и желаний, — придёт всё же счастливый день, когда мы распакуем его и облечём в действительность. В этой своего рода «Голгофе» я вижу жизнь, смысл нашей жизни. Я знаю, что ты поймёшь меня, так как мои мысли — твои мысли. Ведь так, Ли?

Ты удивляешься, как я смог остаться жив после всего пережитого на Х[анко]. Видно, моя счастливая звезда, о которой я шутил в добрые довоенные времена, не изменила мне и во время грозы.

А между тем, я всегда был далёк от мысли, чтобы выбрать местечко потише. Впрочем, таких мыслей там вообще не было. Знаешь, Ли, я не раз наблюдал за собой (совершенно сознательно) во время жестоких обстрелов. Конечно, было страшно. Стон раненых, проклятия, бледные, перекошенные лица.… Но я заставлял себя оставаться спокойным. Напряжением воли подавлял страх. Бесстрашия не существует, в него я не верю. Есть способность человека превозмочь естественное чувство страха и ещё есть привычка. Я бы мог привести не один пример, подтверждающий это, но об этом долго говорить. Отложим до нашей встречи эту нехитрую «психологическую» войну.

Рад, что ты отлично сдаёшь экзамены. В этом я всегда был твёрдо уверен, да ты сама в глубине души знаешь, что иначе и быть не может. Ведь ты — ленинградская студентка, Ли, а эти слова сейчас исполнены особого значения. Не говори, что твоё присутствие в Байрам-Али ничем не оправдано. Ты учишься, заканчиваешь образование — это ли не оправдание? А если бы ты осталась в Питере, то была бы, правда, возможность встречи, о которой мы так долго мечтаем, но вряд ли была бы у тебя возможность учиться. Так говорит разум. Чувство, конечно, говорит иное, но не в первый раз уж нам приходится заглушать его голос…

Наше «трио» осиротело. Лёнька получил новое назначение, сейчас он под Ленинградом. Грустно было расставаться с ним. Долго мы делили пополам всё — горести и весёлые минуты, последнюю корку

хлеба и последнюю горстку табака. Такие друзья остаются в сердце на всю жизнь. Когда я тебе писал, что, быть может, изменится мой адрес, я имел в виду подобное Лёнькиному назначению. Теперь же я остался на месте, по крайней мере, на некоторое время. Остались мы вдвоём с Колькой. Работы прибавилось, но это не беда. Когда начнётся навигация — будет ещё больше. Новостей больше особых нет. Разве ещё то, что присвоили мне очередное звание. Сейчас пишу при свете коптилки. Колька тоже что-то строчит. Оба мы потягиваем ersatz-махорку, которую здесь называют «Сказкой Венского леса» или «БТЩ» (брёвна, тряпки, щепки), т.к. она наполовину состоит из древесных листьев. Наши цыгарки потрескивают, как дрова в хорошем камине.

Посылку я получил, разве ты не получила этих писем, где я пишу об этом?

Теперь вот что, Ли. Как у тебя обстоит дело с финансами? Напиши мне откровенно, без утайки. Мне здесь совершенно не нужны деньги, и я хочу выслать их тебе. Там они будут нужнее. Ты должна разрешить мне оказать тебе эту маленькую помощь, родная. Ну, надо кончать, уже поздний час.

Горячо целую тебя, моя любимая. Женя. <…>

P. S. Как поживает «твой» туркмен?

5 апреля 1943 г.

Родная!

Я уже недели две не писал тебе. Прости меня, — здесь, конечно, не может быть никаких ссылок на занятость. Это тем более гадко с моей стороны, что два дня назад я получил два твоих письма. Снова вынырнул этот «твой» туркмен. Если бы мне только хоть на денёк попасть в Байрам-Али! Мы бы с этим шелководом поговорили «по душам».

Я тебя прошу, Ли, пришли мне его адрес. Я не боюсь, конечно, что этот претендент сладкоречивыми уговорами и всякими подарками добьётся успеха. Но я хочу сделать хоть то немногое возможное, чтобы избавить тебя от его приставаний. Пришли его адрес обязательно, хорошо?

Из рассказов ребят, которые съездили в командировки в далёкий тыл, я знаю, как трудно сейчас всюду. Мораль низко пала. Женщин «завоёвывают» буханкой хлеба, банкой консервов. В Кронштадте каждая мало-мальски смазливая девчонка имеет такого «консервного» покровителя. А, чёрт с ними! Стоит ли об этом говорить… Тебе я верю, и ты это хорошо знаешь, Ли. Мои друзья даже удивляются подчас, когда заходит разговор на все эти волнующие темы о верности, и я отвечаю

им, что никакие их «примеры» и «факты» не могут поколебать моей уверенности в тебе.

«Ты идеалист», — говорят они. Пусть так. Конечно, ребята спорят со мной не из желания поколебать эту мою уверенность. Они просто «трезво смотрят на жизнь»…

Мы с Колькой мечтали как-то раз: кончится война, и мы вчетвером отправимся в этакое путешествие — по горам, по морю, — нечто вроде «медового месяца». В этой мечте всё — любовь и счастье, веселье и радость жизни… Разве это так уж неосуществимо? Во всяком случае, мы будем добиваться этого, бороться за это, за нашу мечту…

Ли, дорогая, любимая моя Ли, как ни тяжело бывает подчас — держись. Ты говоришь: «Мне это надоело». Подумай, как всё могло быть в тысячу раз хуже. Ты сама удивляешься, каким чудом я остался жив. Вспомни о страшной судьбе многих ленинградцев в блокадную зиму, так хорошо знакомую тебе. Ты скажешь, может быть: «Мне нет до этого дела. Я принимаю всё, как оно есть сейчас, в настоящее время». Пусть так. Но если ты нашла в себе силы остаться стойкой и сильной духом в ту ленинградскую зиму, то ты должна, обязана, победить все сомнения сейчас, не спасовать перед трудностями сегодняшнего дня. Нет ничего «ненужного», «неполезного». Не только на линии огня люди делают настоящее дело. Ты отлично это знаешь. Совесть твоя должна быть абсолютно спокойной. Было время — ты дежурила в Ленинграде на вышке[1], это было нужно. Теперь ты учишься, скоро начнёшь самостоятельную профессиональную работу — и это не менее нужно.

Das Wunderbarste soll geschehen[2], как ты мне писала однажды. Верь, моя милая Нора, случится это долгожданное чудо, «чудо в Байрам-Али».

До встречи, любимая. Горячо целую и целую тебя. Женя. <…>

28 ноября 1944 г. [Поркалла-Удд]

Родная, хорошая моя!

Ты получила уже, конечно, мои письма отсюда, да и деньги тоже. А я ничего, ничего не имею. Просто иной раз хочется пойти в лес и волком выть от тоски. Даже писать трудно, выразить невозможно, как я истосковался по твоим письмам, не говоря уж о тебе самой…

Дни проходят в работе. Масса хлопот — за всем нужно следить самому, ни на кого нельзя положиться. А делать дрянь, лишь бы побыстрее — не хочется, не в моей это натуре. Я послал тебе первые свои

[1] Наблюдательная вышка ПВО.

[2] Самое замечательное должно случиться (нем.).

номера газет. Не суди строго, родная. Это ведь только начало.

Никуда не хожу, и не тянет даже. Есть здесь Дом Флота, кино, танцы. Ни разу не был ещё там. Да и времени мало. Начал писать одну небольшую вещь (ночью, на дежурстве в политотделе). Читаю «Падение Парижа» Эренбурга.

Позавчера произошла неожиданная встреча: вдруг вламывается Борька Раевский (помнишь, я тебе рассказывал о нём). Оказывается, он после штрафной[1] долго сидел в экипаже и потом был направлен сюда. Долго рассказывал о своих похождениях. Я был рад ему, хотя прежде мы частенько ругались. Он, в сущности, хороший малый, хоть и забулдыга. <…> Постараюсь выцарапать Борьку, хотя это очень, очень трудное дело. Сейчас он в одной из частей, сегодня звонил, жаловался на скуку и одиночество.

Месяц назад я сел на транспорт, направлявшийся сюда. А 2 месяца назад… Маленькая комнатка в Макач-Кала[2]. Вывеска «Регистрация смертей и разводов». Моя любимая маленькая Ли — моя жена. Моё счастье. Берег моря. «Так же вечно, как этот прибой…» Посадка на поезд. Какие были прекрасные минуты! Ты спишь, такая родная и близкая. Я сижу рядом, прислушиваясь к твоему дыханию, укутываю твои ноги в бушлат… До чего я был счастлив, полон тобой! Да, это forever[3]. <…>

Крепко целую мою любимую жену.

Твой Женя.

7 января 1945 г.

Моя родная, любимая Ли!

Сегодня мне вручили сразу 8 твоих писем. Знаешь, взяв их в руки, я почувствовал, что эти два месяца молчания, вернее, отсутствия писем от тебя — были не легче 4-х лет разлуки. Лидка, ты не представляешь, какие это были месяцы для меня. Я мог смеяться шутить, и вдруг, резко оборвав смех, подолгу смотреть в окно, в одну точку, не слыша ничего вокруг. Бедного Гришу удивляли мои неожиданные вспышки гнева, ничем не оправданные по отношению к нему. Моё настроение откладывало отпечаток даже на письма к тебе, моя родная, ты, наверно, чувствовала это.

И вот сегодня… С какой жадностью, да, именно жадностью, я набросился на твои письма! Мне хотелось прочесть всё сразу, глаза разбегались. Я разложил их по числам и поглотил одно за другим. Потом

[1] Вероятно, имеется в виду штрафная рота или штрафной батальон.

[2] В Махачкале. Там Е. В. Войскунский и Л. В. Листенгартен заключили брак.

[3] Навсегда (англ.).

перечитал снова. Наверно, я напоминал человека, после долгих лет заточения увидевшего дневной свет. Твой милый, родной, бесконечно дорогой почерк — как я тосковал по нему! Самая страшная полоса прошла — слава богу! По-видимому, всё-таки письма пропадали, особенно в первое время, когда связь ещё не была здесь налажена. Я тебе писал всё время регулярно, был только один перерыв (недели полторы), когда я мучился с рукой. Все письма, полученные сегодня, мне переслали из К[ронштад]та, на мой новый адрес ты ещё не пишешь.

Ли, я чувствовал, что с комнатой у тебя плохо. Страшно тревожит меня, что ты мёрзнешь. И, ко всему тому, я никак не могу ~~всё ещё~~ добиться, чтобы выслать тебе аттестат (я писал уже об этом). Главная преграда — это, конечно, то, что не офицерское звание. Временами я даже жалею об этом, и именно потому, что мне хочется как можно скорее наладить нашу жизнь с тобой. В моем же положении — немало трудностей. Всем, всяким чинушам приходится без конца доказывать свои права. Посланы документы на мою аттестацию. Во мне борются противоречивые чувства, которые должны быть тебе понятны, родная.

Теперь о самом главном. Котовича вызвали в Москву на совещание редакторов. Я дал ему справку, подписанную командиром базы и разрешающую тебе въезд в нашу базу. Это всё, что возможно сейчас сделать. Из Москвы Котович вышлет тебе справку или ценным письмом, или с оказией. Так будет вернее. Эта справка — общепринятая форма разрешения на въезд в в[оенно]-м[орские] базы для жён офицеров, и ты так и говори там, когда будешь оформлять свой отъезд. Родная, если справка эта не возымеет действия (чего я в глубине души боюсь), сразу дай знать, и я постараюсь уговорить нач. политотдела выслать официальное письмо, подтверждающее твоё право на проезд в Л[енингр]ад. Напиши только, кому адресовать это письмо.

Всё-таки, наперекор всем силам ада, мы будем вместе, и в ближайшем будущем. Нач. п[олит]о[тдела] со мной считается, вообще, я не на плохом счету, и он пойдет мне навстречу.

Ли, если какой-нибудь день сможет ещё сравниться с 27 сентября 1944 г., то это, конечно, тот день, когда я на Московском вокзале [Ленинграда] заключу в объятия мою любимую женщину, когда мы снова пройдём по Невскому [проспекту]. Об этом дне я мечтаю, и он скоро настанет. Разве мы не выстрадали своё счастье? Главное — быть вместе, всё равно, где. Недаром поётся: «Нам с любимой хорошо и в бунгало». А потом придёт остальное: твоя учёба и диплом, моя работа над тем, что задумаю, Ленинград. Всё это будет проникнуто, освящено нашей любовью, неугасающей силой чувства, твоим самоотвержением. Ли, счастье моё, иначе я не мыслю жизни.

Вчера имел беседу с нач. п[олит]о[тдела]. Речь шла об увеличе-

нии штатов (это связано с разукрупнением базы). Я указал на необходимость штата корректора (вольнонаёмного!). Он спросил меня, сумеем ли мы подыскать такого человека. Я ответил: «А моя жена?» Он улыбнулся, ничего не сказал и записал этот штат.

Теперь, насчёт комнаты. В домике, в к[ото]ром мы сейчас живём, нач. п[олит]о[тдела] запретил жить с семьёй. Есть тут поблизости, в лесу, один домишко, похуже, правда, но всё-таки дача. Я договорился с одним мл[адшим] лейтенантом из политотдела, что мы займём этот домик (он тоже хочет выписать семью). Дело, как будто, на мази. Словом, комната у нас будет, родная. Ведь нам много не нужно, правда? А твоё присутствие превратит любую комнату в дворец, полный света и радости. Во всяком случае, комната будет несравненно лучше глатманских апартаментов и твоей теперешней резиденции. [Фото]карточку я не получил. Сейчас пойду на почту и спрошу, есть ли заказные письма. У нас тут есть фотограф, и он обещал щёлкнуть меня на фоне нашей виллы.

Я теперь остался за редактора. Сегодня подписал первую газету. Всю ночь не спал, но сейчас спать вовсе не хочется. Я чувствую себя совсем другим человеком после твоих писем. Видишь, какую они имеют магическую силу!

Ты переменила паспорт, и я этому рад. Ты стала ещё ближе и родней, если это только возможно ещё.

Крепко целую тебя, моё счастье кареглазое.

Твой Женя.

P. S. Сегодня напишу твоей маме — теперь я могу ей писать.

27 марта 1945 г.

Родная моя девочка!

Я тебе уже писал об этой неприятности с моим штатом. Пока ещё нет никаких видимых последствий нового положения (т. е. паёк я получаю прежний). Но скоро дело подойдет к выплате жалования. Я написал в Москву, посмотрим, что ответят. До сей поры я только слышал разговоры о себе, как о «растущем товарище», не больше.

Ли, во мне крепнет всё более убеждение, что нужно попытать свои силы в литературе. Кое-что я начал делать. Всё же сомнения посещают меня. Вот если бы мы были вместе, всё было бы так ясно…

Родная, я говорил со многими, кто собирается выписать сюда своих жён. Все подтверждают, что помимо ком[андировочного] предписания нужно обязательно разрешение упр[авления] милиции. С женой одного нашего офицера произошёл прямо-таки анекдотический случай. Она ехала с ком[андировочным] предписанием (кстати, из Баку),

и в Бологом её высадили с детьми из поезда и отправили обратно в Москву, причём на командировке местный Грибков написал: «недействительно за неимение разрешения от исполкома города Хельсинки»!!! Ты представляешь, какой потрясающий идиотизм?

До сих пор ведутся (так, по крайней мере сказал мне Трусков) бесконечные переговоры о разрешении на проезд в Л[енингр]ад (транзитом) жёнам офицеров с ком[андировочным] предписанием, подписанным нашим командиром базы. Но когда это будет разрешено — одному всевышнему известно. <…>

Родная моя, мне очень грустно, что я не могу сообщить тебе ничего утешительного, и что мои письма только расстраивают тебя. Я чувствую по твоим письмам, что ты сильно нервничаешь. Да, эта разлука особенно, особенно тяжела. После тех чудесных, счастливых дней… Ведь завтра уже ровно полгода, как ты стала моей женой. Моя маленькая Ли, ты говоришь: «пиши подробнее о своей жизни». Мне даже писать о ней не хочется, настолько она сера и однообразна. Только тепло воспоминаний о наших двух неделях и надежды на будущее счастье согревают меня, и милые, ласковые слова твоих писем. Твои письма — это бальзам для меня. Вот я вижу отношения Котовича с его женой. Они лишены, мне кажется, той сердечности, того большого чувства, которые заслоняют все мелкие материальные невзгоды и озаряют ярким светом всю жизнь. Мы с тобой будем счастливы, моя девочка, потому что счастье для нас выражено в двух словах: быть вместе.

Вот я поговорил с тобой, пусть мысленно, и мне стало легче, теплее. Сейчас лягу спать с мыслью о тебе.

Крепко целую мою родную, любимую Ли.

Твой Женя

P. S. Твоей маме я на днях написал второе письмо.

Привет тебе от Гриши.

Как тебе нравится бумага, на которой я пишу? Это бумага из твоих блокнотов.

.

11 мая 1945 г.

Моя родная!

Поздравляю тебя с победой, с долгожданным и светлым праздником. Даже как-то не верится, что война кончена и снова настала мирная жизнь…

Праздник застал меня не здесь, а в Х[ельсин]ки. Я был там несколько дней в командировке и только сегодня приехал. Они (финны) знали о победе ещё утром 8-го, и всюду пестрели флаги. При встрече я расскажу тебе о своих впечатлениях. Время я провел неплохо, и будь

у меня больше валюты, можно было бы сделать ещё больше. Я купил тебе хороший подарок, родная. Хотел преподнести тебе при встрече, как сюрприз, но не вытерпел и пишу: замечательные чулки, до того тонкие, что страшно брать в руку (недаром их называют «паутинка». Это — «10 звёздочек»). Купил ещё кой-какую мелочь: духи (в ампулах), помаду, пудру, бювар[1] с великолепной бумагой и конвертами. Продавщица в магазине, где я покупал бювар и тетради, была очень удивлена и обрадована, что я говорю по-немецки и [по-]английски, и мы с ней около часу болтали на обоих языках. В заключение она написала мне на память латинское изречение, которое означает: «Для тех, кто любит, время мчится незаметно» и вложила в бювар (я ей сказал, что покупаю для своей жены). Очень мило, правда?

Ли, как тошно приниматься снова за осточертевшую работу. Особенно теперь, когда война — позади, когда снова наступает (как странно это звучит!) мирное время. Каково оно будет? Конечно, последствия войны нескоро ещё изгладятся. Будет нелегко на первых порах. И демобилизация нескоро ещё пройдет. Но главное — всё страшное уже позади, и можно смело, с чистой совестью смотреть в будущее. И главное — быть вместе, вместе с тобой, моя хорошая, моя любимая девочка.

Пред[седатель] горсовета ещё не приехал, и мое заявление всё ещё лежит там. Ждут его со дня на день. Как хорошо было бы провести лето вместе, в тихой Суоми[2]!

Моя родная, меня беспокоит, как у тебя дело с финансами, напиши подробно. Сделала ли ты пальто или не успела?

Сейчас напишу письма домой и твоей маме. Потом лягу спать — очень устал за поездку. К тому же — от финской водки сильно болит голова. До скорой встречи, любимая!

Крепко и горячо тебя целую. Люблю.

Твой Женя.

АНПЦХ. Ф. 51. Личный фонд Войскунского Е. Л. Оп. 1. Ед. хр. 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 26, 28, 29, 31, 33, 40, 41, 44, 46, 47, 50; 61.

[1] Настольная папка.

[2] Самоназвание Финляндии.

«НАЛЁТЫ НА МОСКВУ ВСЕЛЯЮТ НЕВЕРОЯТНУЮ ТРЕВОГУ»

Я. И. Карасик. Надпись на обороте: «Дорогому отцу от сына-красноармейца. Яша. 14.2.40».

***Карасик Яков Ильич (1917–1941)**. Родился в г. Екатеринославе Екатеринославской губ. (ныне — Днепр Днепропетровской обл., Украина). В семье его звали Аликом. Окончил индустриальный институт в г. Сталино (ныне — Донецк), работал на Макеевском металлургическом заводе им. С. М. Кирова. Призван в РККА в декабре 1939 г. С весны 1941 г. служил в 39-м артполку береговой обороны КБФ на о-ве Даго ЭССР (Моонзундский архипелаг; ныне — Эстонская Республика) в Балтийской море. Собирался поступить в военную академию. Краснофлотец Я. И. Карасик пропал без вести в октябре 1941 г., обороняя Моонзунд.*

Письма Я. И. Карасика адресованы матери — Ольге Борисовне Карасик (Котиной) (1894–1945) в Москву. О. Б. Карасик была переводчицей с немецкого и французского, в годы войны работала в госпитале. Жена Я. И. Карасика — Людмила Александровна Наруцкая (1913–1992) — трудилась в эвакуации на Ново-Тагильском металлургическом заводе (ныне — Нижнетагильский металлургический комбинат им. Ленина).

Копии писем и фотографии переданы двоюродной внучкой Я. И. Карасика — И. А. Щедровой (Москва).

10 мая 1941 г.

Дорогая мамочка!

Очень рад за такое удачное и неожиданное разрешение квартирного вопроса. Признаться, я с удовольствием воспользуюсь твоим любезным приглашением и постараюсь обосноваться в Москве. Мне Донбасс явно не симпатичен.

Надежд на встречу этой осенью у меня почему-то нет. У нас ходят всевозможные слухи, не обещающие ничего положительного.

Решил твёрдо, если только не приеду в этом году, то перечеркну одним взмахом пера всё, что было пережито, забуду то, что было любимо, и начну новую жизнь.

Чувствую, что моя армейская летаргия меня опускает всё ниже и ниже, в то время как мои собратья, жена — медленно ли, быстро ли — но упорно лезут вверх, накапливая знания и опыт.

Самолюбие требует отрешения от прошлого, и я в жертву ему готов принести самое дорогое.

Живу обычно, чувствую себя хорошо.

У нас погоды тоже не ахти какие хорошие — упорные холодные ветры забираются под рубаху, заставляя дрожать.

Посылка Люды пришла в порядке, но сейчас со своей повремени — вышлешь её по моей просьбе. Для меня самое неприятное — получать посылки тогда, когда в них нет потребности, и я их не жду. Учти это.

Будь здорова. Целую крепко.

[Подпись]

О. Б. Карасик

18 мая 1941 г.

Милая мамочка!

Я сегодня отдыхаю: воскресенье, да ещё в наряд не попал. Это в совокупности называется «красноармейское счастье».

До обеда спал беспробудным сном, затем занимался около часа самообразованием: изучал орудие.

А сейчас с приятелями ушёл в наш еловый лесок. Расположившись на берегу большой лужи, развели костёр, сняли сапоги и сушили портянки. Идиллия.

Шли в лес, предупредив дежурного по батарее. Вдруг вдогонку свист и крики. Сердце сразу упало: неужто и в выходной день боевая тревога? Но, к счастью, всё обошлось благополучно: просто уточняли наше место пребывания.

Так каждый день. Уходишь на занятия и не знаешь, придётся ли бежать по тревоге в казарму. Ночью ложишься, складываешь всё своё немудрёное имущество. На ремень вешаешь лопатку и подсумок, закрываешь затвор у винтовки и вешаешь шинель в приметном месте.

Как будет странно жить мирной жизнью по возвращении домой.

Мамочка, у меня к тебе колоссальная просьба: пришли мне книгу «Пособие по [стрельбе] артиллерии для младших лейтенантов» Ф. Я. Винарского и Б. И. Пеха. Это для меня необходимо в настоящее время. Надеюсь, что постараешься найти в каком-нибудь из военизда-товских[1] магазинов. И ещё — жёсткие воротнички.

Буду очень благодарен, если выполнишь мою просьбу.

Будь здорова, родная.

Целую крепко.

Алик.

22 июня 1941 г.

Моя дорогая!

Удел матери — вечно волноваться за своих детей; он не минул и тебя. Ко всем ненастьям прибавилось ещё одно.

Родная, не волнуйся: я бодр и крепок духом. Целую крепко.

Времени мало, и у кого что будет, не знаю. Поэтому, возможно, буду писать редко.

Ещё раз целую тебя и всех.

Все мои мысли с тобой.

Алик.

25 июля 1941 г.

Моя родная!

Пиши мне теперь каждый день. Умоляю тебя. Налёты на Москву этих проклятых разбойников вселяют в меня невероятную тревогу. Пиши о себе. От Людмилы узнал, что ты работаешь теперь в госпитале.

Моя дорогая благородная мать, как хочется быть похожим на тебя.

Пиши же о себе. Обо мне не беспокойся, у нас всё тихо.

Целую крепко. Привет всем.

Твой сын Алик.

АНПЦХ. Ф. 9. Коллекция «Евреи — участники Великой Отечественной войны». Оп. 1. Ед. хр. 361; 370, 371.

[1] Воениздат — Военное издательство Наркомата обороны СССР.

Д. М. и М. Л. Вайнеры

Вайнер Дмитрий Михайлович (1921–1942). *Родился в г. Житомир Волынской губ. (ныне — Житомирской обл., Украина). В 1937–1940 гг. учился в артиллерийском училище в Киеве. В звании лейтенанта был направлен на службу в г. Владимир-Волынский Волынской обл. УССР (ныне — Украина). На фронте с первого дня войны. Сражался на Юго-Западном фронте в 822-м артполку 300-й сд. В начале войны в Житомирской обл. случайно встретил своего отца — Михаила Леонидовича Вайнера (вскоре тот пропал без вести). Старший лейтенант, начальник разведки дивизиона Д. М. Вайнер погиб под Харьковом 29 марта 1942 г. Похоронен в с. Кулаковка (ныне — Першотравневое) Печенежского р-на Харьковской обл. УССР.*

Письма Д. М. Вайнера адресованы матери — Марии (Эстер-Малке) Матвеевне (Морковне) Вайнер (Карант), младшим братьям — Михаилу (1928 г. р.) и Леониду (1933 г. р.). Мать и младшие братья на грузовике, присланном штабом дивизии для семей комсостава, выехали из Житомира в Харьков. Из Харькова поездом семья направилась

в г. Ворошиловград (ныне — Луганск), туда адресована часть писем. Позднее семья жила в эвакуации под г. Самаркандом УзССР (ныне — Республика Узбекистан). Михаил работал в совхозе № 8 им. Сталина Пахтакорского р-на, затем в 1942–1945 гг. обучался в Одесской артиллерийской спецшколе, эвакуированной в г. Сталинабад ТаджССР (ныне — Душанбе, Таджикистан).

Вайнер Михаил Леонидович (Лейбович) (1896–1941). *Родился в Одессе в семье рабочего табачной фабрики. В 1911 г. окончил 4-классное начальное училище. До 1915 г. работал табельщиком в 3-й артели портовых грузчиков, позднее — на металлическом заводе. В августе 1917 г. вступил в Красную гвардию. В годы Гражданской войны — рядовой-красноармеец, участник боёв на Южном и Юго-Западном фронтах. Впоследствии продолжил службу в РККА, главным образом, на административно-хозяйственных должностях. В 1934 г. окончил в Киеве военно-финансовые курсы УкрВО. Награждён медалью «XX лет РККА». В июне 1941 г. — техник-интендант 2-го ранга, инспектор начальника снабжения 228-й сд (Юго-Западный фронт). Пропал без вести в сентябре 1941 г.*

Письма М. Л. Вайнера адресованы жене — М. М. Вайнер (в письмах — Мусенька), сыновьям — Михаилу и Леониду. Старший сын Дмитрий упоминается в письмах как Митя.

Копии писем и фотографии переданы сыном М. Л. Вайнера — М. М. Вайнером (Хадера, Израиль).

Письмо Д. М. Вайнера родителям и младшим братьям в Житомир

[Начало июня 1941 г. Владимир-Волынский]

Здравствуйте, дорогие мамаша, папаша, Мишечка и Лёнечка!

От вас письмо я получил, но ответил сразу же после получения его. Но, так как я выехал в лагерь, я не мог сразу сообщить вам свой новый адрес, а решил написать по приезде туда. Побыв в лагере несколько дней, меня перевели в новую часть в том же городе — Вл[адимир]-Волынске. Я думал, что меня переводят в какой-либо новый город, но пришлось остаться, там же часть новая только организовалась. Люди все молодые, а посему приходится очень много работать, условия немного трудноватые, но со временем будет гораздо легче. Если б я был в старой части, так я б сейчас не умел ничего делать, ибо люди были все обучены. Мл[адшие] командиры очень хорошие. Сейчас начинаю всё с начала.

Немного легче в том, что у меня нет лошадей. Наша часть на мех[анизированной] тяге, т. е. на тракторах и автомобилях. На работу

из старой квартиры ходить было очень далеко, а посему я переехал на новую квартиру. Квартира очень хорошая, но вход через кухню хозяйки. Хозяева — люди замечательные.

Я договорился с ними на всём готовом за 350 руб., включая и стирку, и квартиру.

С переездом получил повышение и назначен на должность начальника разведки дивизиона, а в данное время работаю начальником штаба дивизиона, пока нет у нас начальника. Жалования повысились на 50 руб. Но работы в 3 раза больше, чем раньше. Новостей больше нет. Пишите, что у вас слышно. Как вы живёте, кем ты работаешь и как твоя работа. Как Лёня перешёл во второй класс, и Миша — сдал или сдаёт зачёты? Какие погоды и вообще, что нового слышно в Житомире?

На этом кончаю.

Привет всем. Целую, Митя.

Пишите по адресу:

гор. Владимир-Волынский,

п/я 284/5 л[ейтенан]ту Вайнеру

Письма М. Л. Вайнера жене и сыновьям Михаилу и Леониду в Ворошиловград

12 июля 1941 г.

Здравствуйте, дорогие мои — Мусенька и детки!

Сообщаю, что пока жив и здоров, что радостно было бы от вас слышать. Нахожусь на фронте (Новоград-Волынского направления), описывать не стану, сами должны знать, как приходится на фронте. Если останусь живым и увидимся, тогда будет что рассказать. Твоё письмецо, что передала с каким-то военным, получил. Перед этим ещё одно письмецо послал тебе в Житомир (6 числа), писал на наш адрес. Если тебя не найду дома, так я указал адрес мамы. Но наш человек тебя не нашёл и мамы тоже. Он сказал, что двери закрыты и, вероятно, уже уехали, и возвратил мне письмо.

Я хотел сам съездить в Житомир, но никак не мог выбраться, работы много же стало по ночам, приходится по целым дням не кушать иногда, а не спать я уже привык, и как будто ничего, втянулся в это дело. Сейчас в Житомир нельзя съездить, я послал один раз 2-х человек, второй раз 2-х человек, и до сих пор ещё не возвратились. Я хотел бы знать, что ешь, что слышно, как квартира обеспечена? Ты, вероятно, поручила Шолковской смотреть за квартирой, ибо ты мне писала, что ключ находится у Шолковской.

Сейчас хочу знать, как вы все поживаете, как устроились, как здоровье твоё и детей, что мама[1] и Сурка[2] делают, как их здоровье и т. д., как настроение? Мусенька, напиши, если получаешь деньги по аттестату, предъяви в гор[одской] военкомат, и будешь получать ежемесячно по 800 рублей. Если аттестат потеряли — напиши.

12 июля 1941 г.

Дорогие мои, напишите, где сейчас Хаим, выехал ли из Житомира или остался там; где Этька с детьми сейчас, куда она поехала? В общем, всё подробно напишите, я просто много не могу писать, нельзя в этой обстановке сосредоточиться, кругом грохот гудит.

Напиши, как Борис с семьёй поживает. Будьте здоровы. Привет Борису и его семье. Целую всех крепко много-много раз.

Ваш Миша.

12 июля 1941 г.

Обратный адрес:

Действующая Красная Армия

Почтовая полевая станция № 659

п/я 173 Вайнер М. Л.

6 августа 1941 г.

Здравствуйте, дорогие мои Муся и детки.

Сообщаю, что жив и здоров, что хотелось бы от вас как можно скорее услышать, послал уже два письма, но ответа ~~нет~~ не имею, не знаю, как живёте, как устроились, как здоровье ваше и т. д. О себе писать много не буду, так как вам, должно быть, известно, как приходится мне сейчас всё переживать, и за вас, и за себя, и в каком положении я нахожусь, и в какой обстановке — можно желать хотя бы чуточку лучше. Я знаю, что вам тоже не лучше, и вы также находитесь не в удобном положении. Мусенька! Напиши, как и где устроились, получаешь ли деньги по аттестату, так как по аттестату можно в каждом городе получать. Если бы я уже получил от тебя письмо, мне хотя бы немного легче сделалось, так как хочу знать, где ты сейчас находишься с детьми, ведь я как сумасшедший хожу всё время, мне очень тяжело всё это переносить.

Мусенька, напиши, как переезжали, что успели захватить с собой и т. д. Где мама, Сурка, Этя с детьми, Хаим с семьёй? О Зусмане что-нибудь знаешь? Где он с семьёй? Будь здорова. Целую крепко тебя

[1] Бела Лейбовна Вайнер.

[2] Сурка Матвеевна, сестра Марии Матвеевны Вайнер.

и детей. Не унывайте, дайте о себе знать, ибо мне очень тяжело. Пусть дети тоже напишут.

Ваш [подпись]

20 августа 1941 г.

Здравствуй, дорогая Мусенька и дорогие детишки!

Спешу сообщить, что жив и здоров, что желаю от вас всех слышать. Наконец вчера получил от тебя первую открытку в ответ на все мои письма, где очень обрадовался, ибо я уже не знал адрес, по которому писать, и в Одессу писал, спрашивал про вас. Мне казалось, что, может быть, поехали в Одессу, но ответа и здесь тоже ещё не имею. Когда я получил открытку вчера вечером от тебя, так меня все поздравляли, ибо большинство ещё не имеют ответа от своих семей, и многие не знают, где семьи находятся. Мусенька, насчёт Мити могу тебе писать, что я сам всё время смотрю, где какая-нибудь артиллерийская часть проходит, спрашиваю, но все эти части, которые я встречал, не оттуда, где Митя служил. Вероятно, Митя находится в другом направлении, ибо он был в другом месте. Я имел беседу с некоторыми, которые находились в этом самом городе, где Митя. Эти ребята из пехотного полка Митю не знают, но они мне сказали, что все части, которые находились там, все успели уйти оттуда. Если бы мы знали номер его части, это облегчило бы розыски. Но сейчас вообще нельзя будет так скоро навести справку, это можно будет сделать позже, но я всё же пока буду стараться как-нибудь узнать.

Мусенька, ты мне пишешь, что послала телеграмму домой. Я не знаю, куда ты думаешь — в Одессу или в другое место, потому что я в письме запрашивал тебя, где мама, Сурка, Этя, и ты в открытке ничего не пишешь про них, поэтому я думаю, что ты как будто телеграмму посылала в Житомир, но мне не верится, что мама осталась в Житомире, так как ты в записке ещё из Житомира писала мне, что мама и Сурка тоже едут с вами, а потом мне передали, что вы как будто разъединились с машинами. Сурка поехала отдельно с женой командира дивизии, а ты отдельно на машине, так это или нет? Напиши, где сейчас Хаим с семьёй. Как все поживают — мама, Сурка, Этя, Боря с семьёй? Что сейчас Боря делает, где он работает и т. д.?

Мусенька, пиши, за какое время ты деньги получила? Ты должна была получить за июль и август по 80 рублей. И так ежемесячно должна получать, в каком бы городе ни находилась, то должна в военкомате получать по этому аттестату, только должна быть отметка на обороте аттестата.

Проклятых фашистов-людоедов бьём ежедневно, планомерно истребляем их, этих ненавистных гадов-зверей.

Будьте все здоровы. Целую всех крепко. Привет всем нашим. Что дети делают? Ваш Миша.

Скоро ответ побольше пишите, пусть дети напишут.

*Письмо * Д. М. Вайнера матери и младшим братьям в Ворошиловград*

23 января 1942 г.

Здравствуйте, дорогие родные. Хочу сообщить, что пока жив, здоров, чего и вам желаю. Написал вам уже несколько писем, но ответа никак не получу, может, мои письма вам не доходят, или что? Прошу с получением этой открытки немедленно сообщить о вашем местонахождении. Как живёте, как живут ребята? Я хочу вам послать денежный аттестат, но пока не получу ответа, не буду ничего высылать.

Целую, Митя.

Письмо Д. М. Вайнера матери в Ворошиловград

30 января 1942 г.

Здравствуй, мамаша!

Пишу тебе уже не первое письмо, но ответа добиться никак не могу. Чем это объяснить, не знаю, возможно, ты из этого [города] выезжала куда-либо. Пока жив, здоров, чего и вам желаю.

Обеспечен хорошо, армия и правительство беспокоятся о нас. Одеты очень тепло, так что никакие морозы для нас не страшны. Бьём немца, а он удирает. Собираюсь скоро быть в Харькове. Пиши, как ты живёшь, нужны ли вам деньги? Если мамочки нет, прошу соседей ответить на эту открытку.

Митя.

Письмо Д. М. Вайнера матери и младшим братьям в Ворошиловград

25 февраля 1942 г.

Здравствуй, дорогая мамаша, братишки и все остальные!

Вчера, то есть 24 февраля, получил письмо из Ворошиловграда

* Текст письма набран на пишущей машинке.

от Бориса. Ты себе не можешь представить, как был я рад, когда мне товарищи вручили письмо — первое письмо на протяжении 8 месяцев войны. <…>. Мамаша, меня очень волновала твоя судьба и судьба ребят. Когда мне пришлось драться под Житомиром, я дрался как лев, и у меня, кроме мысли не допустить его [врага — Сост.] в Житомир, ничего не было. Я волновался, успели ли вы куда-либо, или этот подлый враг застал вас в городе? Мне не жалко было жизни, лишь бы только остановить его продвижение.

Впоследствии совершенно случайно встретил папашу, и он получил от тебя открытку. Нам удалось побывать вместе около 4 часов, после чего разъехались, и больше я его не видал. Для тебя передал 1500 рублей. Аттестат тебе не передал, ибо должен был перейти в другую часть, а с доставкой почты было плохо, посему я решил немного воздержаться.

Затем искал связи с тобой, но ты не отвечала. Сейчас высылаю 1000 рублей и с получением ответа вышлю аттестат.

Где отец? Я не знаю, с ним связи не имею. Если тебе что-либо о нём известно, так напиши мне. Получаешь ли ты какие-либо средства для жизни, и вообще, как живёшь, как уехали и т. д.?

Ты начни поиски папаши по адресу: г. Бугуруслан, отделение НКО, или по такому адресу ищи: штаб Ю[го]-З[ападного] Ф[ронта], отдел кадров. Там напиши, что он раньше находился по адресу: ППС № 659. Пусть сообщат, где он находится сейчас. Я, в свою очередь, тоже буду делать поиски.

Я пока живу хорошо, чего и вам всем желаю.

К дню Красной Армии[1] получил очередное звание — старший лейтенант.

Привет всем.

Целую, ваш Митя.

Пишите по адресу: ППС 972

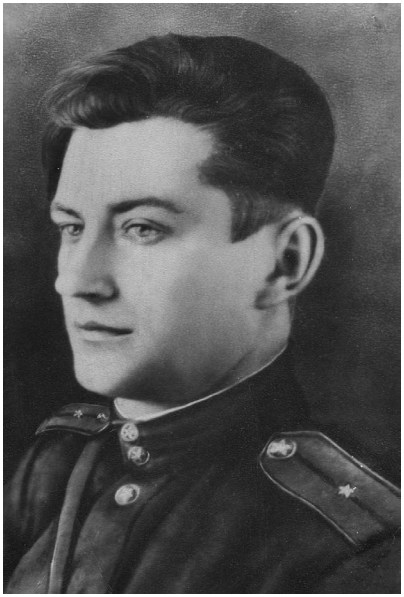
822 Арт[иллерийский] полк, штаб полка

Вайнер.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 374, 379; 381.

[1] 23 февраля — День Красной Армии (ныне — День защитника Отечества).

«МЩЮ КЛЯТЫМ ИРОДАМ ЗА МОЮ РАССТРЕЛЯННУЮ МАТЬ»



М. П. Сигал. 1943-1944 гг.

Сигал Михаил (Моисей) Петрович (1920–1944). *Родился в г. Бар Подольской губ. (ныне — Винницкой обл., Украина). В семье его звали Мусей. Окончил три курса исторического ф-та Одесского педагогического института (ныне — Южноукраинский национальный педагогический университет). Призван 25 июля 1941 г., зачислен курсантом в Полтавское военное тракторное училище (ПТУ), вместе с ним эвакуирован в г. Пятигорск Орджоникидзиевского (ныне — Ставропольского) кр. В числе курсантов училища участвовал в боях на Северном Кавказе. По окончании училища — младший воентехник 781-го артполка 215-й сд. Награждён орденом Красной Звезды (1944). В декабре 1944 г. дивизионный автомеханик младший лейтенант М. П. Сигал был тяжело ранен на 3-м Белорусском фронте в ходе боёв в Восточной Пруссии. Умер от ран 17 декабря (по другим сведениям — 27 декабря), тело было вывезено для захоронения на территории СССР в г. Кудиркос-Науместис ЛитССР (ныне — Литовская Республика).*

Семья М. П. Сигала: мать — Берта Моисеевна Сигал (Маргулис), отец — Пётр Соломонович Сигал и младшая сестра — Роза (1928 г. р.) — после оккупации Бара была помещена в Барское гетто[1]. Летом 1942 г. семья совершила побег. Вскоре бежавшие потеряли связь друг с другом; мать была схвачена и убита, отец укрыт в Баре местным жителем Антоном Ивановичем Новаком[2], их дочь Роза бежала в соседнюю дер. Мытки, находившуюся в румынской зоне оккупации, где её укрывала друг семьи — Марина. Там Роза, скрывая национальность, работала уборщицей в румынской жандармерии. После освобождения Винницкой обл. в конце марта 1944 г. Роза вернулась в Бар,

[1] Гетто в г. Бар существовало с декабря 1941 г. по октябрь 1942 г. В Баре в период германской оккупации погибли от 4750 до 5600 евреев.

[2] Признан Праведником народов мира.

где воссоединилась с отцом. Через несколько дней после этого через Бар прошла часть, в которой служил М. П. Сигал, — он успел остановиться у отца и сестры, посетил могилу матери.

Письма М. П. Сигала адресованы сестре — Р. П. Сигал (после замужества — Каплан) и отцу — П. С. Сигалу в Бар. Одно письмо адресовано в Бар Рахили Боровской, которая некоторое время укрывалась у А. И. Новака вместе с П. С. Сигалом, затем была переправлена в румынскую зону оккупации своим мужем (русским по национальности).

Дневник М. П. Сигала за 1941–1942 гг. (в форме записной книжки) содержит посвящение его девушке — Александре Фёдоровне Железной, учившейся с ним в одном институте. Записи, сделанные в разных частях дневника, публикуются по хронологии.

Копии дневника и писем и фотография переданы Р. П. Каплан (Москва).

Дневник Михаила Петровича Сигала

1920 г. Родился в гор. Бар Винницкой области, Ленина 29
Сигалу
Кончил 3 курса Одесского пед[агогического] института в 1941 г.
Курсант ПТУ
1 взвод, 3 рота, 1 батальон
Г. Пятигорск
П/отд в/3
Начало 7.8.42[1]

Я родился в 1921 г. 15 февраля (по документам 16 августа 1920 г.) в семье рабочего ткацкой фабрики П. М. Сигала.

В 1936 г. в апреле вступил в комсомол. В 1938 г. вступил в Одесский пединститут.

22 июня 1941 г.

Началась война.

25 июня 1941 г.

Зачислен в истребительный батальон[2] Ворошиловского района г. Одессы.

[1] События до 7 августа 1942 г. изложены автором в ретроспективе.

[2] Истребительные батальоны — одни из первых военизированных добровольческих формирований в годы Великой Отечественной войны (не следует путать с упомянутыми далее истребителями танков).

25 июля 1941 г.

Призван в армию.

29 июля 1941 г.

Пешком вышел из Одессы.

1 августа 1941 г.

Приехал в г. Николаев.

2 августа 1941 г.

Приехал поездом в Херсон.

5 августа 1941 г.

Пароходом в Днепропетровск.

24 августа 1941 г.

Перешли Днепр, и был занят Днепропетровск.

26 августа 1941 г.

Уехали на Сев[ерный] Кавказ.

28 августа 1941 г.

Приехали и тотчас же уехали в Орджоникидзе.

2 сентября 1941 г.

Приехали в ст. Славянскую Краснодарского края.

12 ноября 1941 г.

Выехали в Пятигорск.

13 ноября 1941 г.

Приехали в Пятигорск.

20 ноября 1941 г.

Начались занятия.

4 августа 1942 г.

Выслали неожиданно в полном вооружении и привезли в ст. Александровскую.

5 августа 1942 г.

Мы проснулись как обычно в 6:00, но уже не было соблюдения дальнейшего распорядка дня. После завтрака, как только мы начали располагаться по новым местам (койкам), старшина вызвал 5 человек, в том числе меня, и велел приготовиться к отправке вдогонку отъехавшим вчера. В часов 9 мы выехали и приехали к станице Александровская, где наши заняли линию обороны. Я попал в отделение мл[адшего] с[ержан]т[а] Жилякова, взвод л[ейтенан]та Тарасенко стал также окапываться. С ч. 16 до 20 стал с Шаранюком на мосту и направлял прохожих идти вдоль дороги, но слева. Ночью стоял постовым у расположения отделения.

6 августа 1942 г.

Утром привезли вчерашний обед и сухой паёк на сегодня. Мы позавтракали и принялись рыть ячейку для стрельбы стоя. У меня ранения на правой руке, и мне пришлось довольно туговато, так как очень твёрдый грунт. Кирган днём готовил для нас пищу. К 16:00 окопы были вырыты и замаскированы. В это же время 9 человек нашего взвода выделили для взвода разведки. В[оен]т[ехник] II ранга Малыка[1] и мы выехали в ч. 18 в разведку. По дороге видели большие пожары от бомбёжки ст. Георгиевская. Ночью в селении Марьины Колодцы мы отобрали 3 винтовки и патроны у проходивших красногвардейцев и двинули обратно. Машина часто портилась, что приносило много хлопот.

[1] Константин Павлович Малык. В августе 1942 г. — командир взвода разведки ПТУ.

7 августа 1942 г. Пятница

Сижу в окопе. Чтобы коротать время, решил начать писать дневник в виде писем моей любимой девушке Александре Филипповне Железной, бывшей студентке литературного факультета ОПИ, проживающей в г. Первомайск, эвакуированной в г. Балаково Саратовской области, Красная звезда 85/4. Железной А. Ф.

Милый друг! (4.8.42)

До 4.8.42 жизнь моя протекала нормально, как это возможно в военном училище в период Отечественной войны. В 18:00 после необычной в Пятигорске воздушной тревоги нас собрали, приказали собраться, выдали патроны, гранаты. Оказалось, что без оружия остался младший сержант Преображенский[1], и, так как я был первым в списке, у меня оружие забрали и передали ему. В 19:30 человек 50 из разных взводов нашей роты выехали неизвестно куда. В подразделении слухи, что выехали на борьбу с десантом. Разбили (оставшихся) на новые взводы.

7 августа 1942 г.

Мы приехали в 4:30 утра и расположились спать у командного пункта батальона. Спали до 8:00. Привезли пищу на день, приехало пополнение с Пятигорска на наши трофейные винтовки и автоматы. После завтрака к моему большому отчаянию 5 [человек] из взвода разведки разослали по старым взводам. Мы маскировали свои ячейки, приспосабливали винтовки для стрельбы ночью по ориентирам. Как только я это окончил, прибыло распоряжение от командира взвода о том, что я назначен истребителем танков вместе с Михальченко в саду станицы Александровская за р. Кума. Я добрался туда вечером, ознакомился с обстановкой, помылся. Ночью дежурили по очереди. Донесения разведки были печальные.

8 августа 1942 г.

Сами себе готовили пищу, старались ближе познакомиться с людьми станицы. Здесь всё начальство бежало, приказав взорвать все сельскохозяйственные машины, что вызвало у многих недовольство, так как хлеб ещё не собрали. Днём летали фрицы и бросали листовки. Гады думали запугать нас и население. Они просчитываются

[1] Владимир Викторович Преображенский (1911–1991) — советский учёный, специалист по защите растений. В августе 1942 г. — командир взвода ПТУ. В конце августа попал в плен, через 19 дней совершил побег.

в нас, но, возможно, получают поддержку у казаков станицы. Донесения разведки всё печальнее. Я с Михальченко, находясь здесь, при приезде немцев обречены на гибель или остаться в тылу врага, так как отступление отсюда невозможно. От войска нас отделяет Кума, все броды которой будут простреливаться немцами, да и наши будут стрелять сюда по немцам. Мы не падаем духом. Думаем, что отдадим жизнь свою недаром. Действительно, почему наши союзники медлят, не придётся ли нам ещё писать, что они любят загребать жар чужими руками. Это было бы очень печальным финалом. Я надеюсь на международную солидарность. У нас кто-то из окопа стащил бутылку с противотанковой зажигательной смесью. Наверное, мальчишки. Ночью было жутко.

9 августа 1942 г. Воскресенье.

В 4:35 я уже дежурил у окопа. Слышна стрельба орудийная или бомбёжка. Это был бой за Минеральные Воды с десантом. Я уже продумывал свои действия в случае, если попаду в тыл врага. В 10:30 нас спешно вызвали со всем снаряжением в ком[андный] пункт взвода. Там собрались и пошли пешком в сторону Георгиевска. Мы изнывали от жары и от жажды. Случайные колодцы, выпитые до нас, нами исчёрпывались до дна. Шли мы километров 12, пока не сели на посланные нам навстречу машины. Проехали Георгиевск и попали в ст. Обильная. Немного отдохнув, принялись за рытье окопов. Я снова назначен истребителем танков и рыл окоп у дороги. Только начав рыть, приехала машина с в[оен]т[ехником] 2 р[анга] Комаровским и взяла меня с собой в качестве охранника. Он искал штаб училища. Мы ехали через разрушенный Георгиевск и в соседнем хуторе нашли штаб, а также приехавших из Пятигорска семерых ребят с 2 взвода. Они сообщили, что Пятигорск заняли десантники. Поздно вечером мы приехали в штаб б[атальо]на 6 ст. Обильную [так в тексте — Сост.]. Спали в штабе, а утром пошли к своим.

9 августа 1942 г.

Был занят Пятигорск.

9 августа 1942 г.

Отошли к ст. Обильной.

10 августа 1942 г.

Немного поспали и принялись за рытьё окопов. День был очень жаркий, изнывали от жары. Очень много пили воды. На ночь пошёл патрулем за 2 км от расположения взвода на перекрёсток. Ночь прошла благополучно.

11 августа 1942 г.

До 18 ч. вечера спали с небольшими промежутками. В 20 ч. собрались и пошли в сборный пункт батальона. Нам сообщили, что мы находимся в почти в сплошном кольце. Нам объяснили маршрут. Обильная — 9 разъезд — перекрёсток дорог — Ивановск — Советская. Наш взвод шёл пешком 25 км. Жуткая ночь. В лесу, через брод, ничего не было видно.

12 августа 1942 г.

Наконец вышли на грейдерную дорогу. Шли. На полпути остановились на привал. Приехали машины и забрали нас в Советскую. Такой пыли я ещё не видел. Все были покрыты ею толстым слоем. Приехали и принялись за окопы на южном берегу р. Кура <…>

12 августа 1942 г.

Отошли к ст. Советская.

13 августа 1942 г.

Утром отдыхал. Лишь к 11 нам выдали по куску хлеба. Но зато мы потом наелись мяса. Понемногу к нам прибывают люди, которых мы оставили в Пятигорске. Вокруг нас в станицах, хуторах снуют десантные группы и их разведки. Нам необходимо вырваться отсюда и присоединиться с регулярными частями, потому что, мы хоть и вооружены, нас очень мало.

14 августа 1942 г.

В ночь на 14 стоял ночью патрулём у моста. Сегодня приезжало командование училища и приказало получше окопаться, занять на всякий случай ещё одну линию и ни в коем случае не пропускать врага дальше. С 19 до 1 ч. 15.8. смена поста у дороги, ведущей в расположение нашего полка. <…>

15 августа 1942 г.

С 7 ч. утра снова стал на этот пост и стоял с 2 курсантами до 20 ч. Этот пост должен был быть постоянный трёхчасовой. В 20:00 нас позвали, и мы двинулись на Прохладную[1]. Километров 18 шли пешком.

16 августа 1942 г. Воскресенье

Остальную часть пути ехали. Приехали в Прохладную и тотчас же легли спать. Утром пошли на место обороны и начали копать. Когда у меня уже был готов окоп, меня назначили помощником начальника боепитания, и я снова в ужасную жару должен был оборудовать землянку для б[ое]п[рипасов] (я пишу сейчас лёжа) и перетаскать с ребятами патроны. Спал я один у окопа. Ночью немцы бомбили. Мы ожидали весь день.

16 августа 1942 г.

<…> Прохладная, где заняли хорошую оборону.

До сих пор нас обстреливали только орудиями и миномётами.

Сегодня же и пулеметами + огонь с тыла танков. Мы ожидаем их у себя с минуту на минуту. Вот где будет бой! Я уверен за курсантов, но мы слабо вооружены. Увидим. Дорогие мои родители, Шурочка, родные и знакомые, я сегодня буду впервые биться в наступательном бою. <…> Коварный вооруженный до зубов враг лезет. Он имеет большие успехи. У меня сердце обливалось кровью, когда я видел наши войска, когда они отступали почти в беспорядке. Это же из-за недисциплинированности русского солдата и неумения его организовать русского командира. Я горжусь, что я сегодня своей грудью буду отстаивать советский Кавказ и хоть чем-нибудь воспрепятствую продвижению фашистов на юг. Я молод, очень мало прожил, хочу жить, но как видно, уже не придётся. Так пусть хоть вы будете счастливы. Не успеваю написать однокурсникам. Вокруг моего окопа взрываются снаряды. А я один <…>. Неистово жутко. Не с кем перемолвиться. Уже 3 ч. дня, вокруг слышна только стрельба и свист пуль и снарядов, а приближения противника нет. Видно, всё же боятся нас гады. Недаром пленный немец сказал: «На сталинских юнкеров мы не пойдём». Это нас, курсантов, они называют сталинскими юнкерами. 4 часа. На нас двигается свыше десятка танков, они в 150-200 м от меня.

4:03. Все начали отступать. Танки охотились за каждым из нас.

[1] Город Прохладный Кабардино-Балкарской АССР (ныне — Кабардино-Балкарская Республика). До 1937 г. — станица Прохладная.

Шквал огня пулемётов, мин, снарядов. На моих глазах умирали люди. Я бежал, падал, снова бежал. Вокруг проносилась и падала вокруг меня смерть. Заветная калитка недалеко. Наконец и она. Обессиленные, мы добежали. Нас собралось человек 20, и мы начали пробираться по огородам, дворам на юго-восточную окраину Прохладной. На одном огороде было остановились. Все улицы вокруг были заняты немцами. Решили ждать. Среди нас были раненые. Сая Сендерович[1], Бондарев и др. Ждали, пока стемнеет. Затем с помощью местного населения, мальчика — воспитанника РПК(б) и наших, переодетых в гражданское, пробрались через станицу в поле. Форсировали Майку, шли всю ночь. Нас всех вместе было 20 человек.

17 августа 1942 г.

<…> Пришёл с погрузки и в землянке не застал шинели. Гнусный поступок. Мне предстоит невесёлая ночь.

18 августа 1942 г.

Уже в 4:00 я был на ногах, обходил спящих курсантов в поисках шинели, но тщетно. Пошёл к машине и стащил себе чью-то куртку. Здесь считаться не приходится. Приказали перегружаться с одной машины на другую. Это нелёгкая работа — таскать боеприпасы (и тяжесть, и осторожность). Выполнял поручения начальника боепитания. Пошел в землянку, лёг отдохнуть в образовавшийся кусок тени. Спустя полчаса я был разбужен ударом комком земли. Посмотрел и ахнул. Начальник и комиссар училища, комбат, начштаба батальона и т.д. <…>

19 августа 1942 г.

Сегодня был ливень с градом величиной с голубиные яйца. Я промок до костей. Стоя по колена в воде, черпал воду из окопа.

20 августа 1942 г. Четверг

Впервые нас подвергли обстрелу. Снаряды рвутся вокруг. Наверное, есть жертвы. Наш бронепоезд стоит рядом и стреляет по немцам. Я пишу и пригибаюсь при звуке летящих снарядов противника. Ощущение неважное.

[1] Исай Израилевич Сендерович (1919–1943). В августе 1942 г. — курсант ПТУ.

22 августа 1942 г. Суббота

Вчера весь день моросил дождь, а со второй половины дня стреляли немцы. Сегодня погода улучшилась, часто выглядывает солнце. Немцы сегодня нас обнаружили и каждые полчаса подвергают артобстрелу. 13 случай попадания снаряда вблизи моего патронного пункта, мне будет невесело.

24 августа 1942 г. Понедельник

Вчера всё наше командование было вызвано в училище. Мы вошли под командование подполковника Коневского[1] и образовали вместе отдельный курсантский батальон. Сегодня стреляли по пикирующим самолётам. Один самолёт был сбит.

25 августа 1942 г. Вторник

23, 24 он не обстреливал нас, а сегодня с 14 часов утра начался артиллерийский обстрел. Говорят, будто начался второй фронт. Вот марево. Как бы я хотел знать, где все близкие и родные, хотя бы уже те, которых я с таким трудом разыскал в Пятигорске, не говоря уже о родителях. Где они все, мои дорогие? Неужели я уже не увижу маму, папу, Розочку? Я сейчас в окружении. Я себя заставляю верить во всё лучшее, прекрасное будущее тоже. Прежде всего, во мне возникают сомнения. Я их отбрасываю. Мы должны победить. Поговаривают, что товарищ Сталин здесь на Кавказе и будет руководить наступлением. Поскорее бы. В 1,5-2 км от нас немцы — до батальона. Их бы можно было даже с нашими силами уничтожить, но нет приказа на это.

26 августа 1942 г.

В город в тыл нам ворвалось 15 немецких танков. Там идут бои. Итак, все пути для нас закрыты. Остается сражаться с клятыми гадами до последней капли крови. Для многих из нас это будет боевое крещение — притом последнее. Выхода отхода уже нет. Шурочка, мне 21 год 6 месяцев 11 дней. Я окончил 3 курса Пединститута и почти окончил Полтавское тракторное училище, эвакуированное в Пятигорск.

27 августа 1942 г.

[1] Василий Антонович Каневский (1894–1944). На начало 1942 г. — нач. штаба сводного полка ПТУ.

Утром нас догнали 15 человек во главе с выведшим их Зуевым. Мы вошли в рощу и легли отдыхать. Пришли ещё 24 ч[еловека], приведённых Жарчинским[1], и в[оенный] и[нтендант] II ранга Воронов. Мы очутились на берегу р. Баксан — широкая, не очень глубокая, но зато быстрая река. Искали брод, но тщетно. Перешли на островок и целый день делали попытки. Один наш при этом утонул. Вот обидно.

1	Одесса 2	29.7	1941
2	Николаев	2.8	"
3	Херсон	3.8	"
4	Днепропетровск	5.8	"
5	Орджоникидзе	27.8	"
6	Краснодар	29.8	"
7	Абинская	31.8	"
8	Славянская	1.9	"
9	Пятигорск	13.11	"
10	Александровская	5.8	1942
11	Обильная	10.8	"
12	Георгиевск	11.8	"

Письмо М. П. Сигала сестре и отцу

8 августа 1944 г.

Здравствуйте, дорогие!

Шлю вам свой фронтовой привет и лучшие пожелания. Я нахожусь сейчас в 16 км от Восточной Пруссии. Очень скоро мы будем находиться на территории врага.

Я мщу клятым фашистам за все их злодеяния. На подступах к своему логовищу ярость противника возрастает, но никакая сила не способна уже устоять перед мощным натиском наших. Пленные фрицы твердят одно: «Нам капут, Гитлер капут». Меня очень волнует ваше молчание. Умоляю вас, пишите мне. Ваши письма ещё больше вдохновляют меня в предстоящих боях. Целую вас всех и племянничка[2]. Муся.

Привет Боровским и Новакам. Опишите все новости.

[1] Жарчинский Фёдор Иванович (1913–1945). В августе 1942 г. — зам. политрука роты ПТУ. За вывод из окружения 24 бойцов и спасение командира роты был награждён медалью «За отвагу».

[2] Имеется в виду сын племянника отца.

Письмо М. П. Сигала Р. Боровской

8 августа 1944 г.

Здравствуйте, дорогая Рахиль!

Шлю Вам свой фронтовой привет и лучшие пожелания. Пишет Вам Муся из далекой Литвы. Нахожусь я недалеко от Восточной Пруссии. В Ялтушков из Бара дальше, чем мне к Германии. Никакое сопротивление немцев не в силах удержать мощного наступления Красной Армии. Я горжусь, что участвую в этой битве за полное изгнание фашистов с нашей священной земли. Совсем недалеко время, когда орудийные залпы прекрасной Москвы возвестят на весь мир о взятии нашими войсками Кёнигсберга, Мюнхена, Тильзита, Клайпеды, о форсировании реки Шпрее, о взятии Берлина. Совсем недалеко момент, когда последний вооруженный фриц перестанет топтать нашу родину. Я мщу клятым иродам за мою расстрелянную мать, за смерть и мучения сотен родных и знакомых людей, миллионов советских людей. Одно меня беспокоит — молчание папы и сестры. Не знаю, чем это объяснить. С тех пор, как я выехал из Бара, я не получил ни одного слова. Я написал уже много писем домой, и всё безрезультатно.

Умоляю Вас написать мне письмо с причиной молчания. Напишите о себе, что слышно в Баре, что пишет Юра[1].

Жду Ваших писем. Целую Вас. Муся.

Сердечный привет мужу.

Мой адрес: Полевая почта 66438 «А» Сигалу М. П. (сообщите его отцу)

Письмо М. П. Сигала сестре и отцу

15 сентября 1944 г.

Дорогие мои!

2 ваших письма получил. Очень вам благодарен. Не понимаю, почему вы не получаете моих писем. Ведь я часто пишу. Обязуюсь писать ещё чаще. У меня всё в порядке. Готовимся к жестоким последним боям с проклятыми немцами на ихней территории. Это будут невиданные до сих пор бои.

Дорогие, побольше, почаще пишите о себе и поподробнее. Папка, почему ты мне не пишешь, почему не сообщаешь о своих удачах, неудачах, переживаниях. Что пишут родные-близкие? Дядя Арон[2] всё

[1] Сын Рахили Боровской.

[2] Арон Соломонович Сигал — брат отца. В 1941 г. уехал в эвакуацию, после войны жил в г. Винница.

время просит совета, куда ему переехать. Он хочет по моему совету собрать всех родных в одно место, лучше всего в Киев, и обосноваться там. Что ты думаешь насчёт этого? Как твои ноги? Как вообще здоровье? Ты храни себя. Что слышно в Баре? Дорогие, представьте себе блиндаж под землёй, несмолкающий гул снарядов, бомб, трескотни пулеметов и автоматов, да к этому дождь. И вот, если в это время приносят письмо. Ведь это самое приятное утешение.

Прошу вас, пишите чаще. Имеете ли письма от Шкляр[1]? Напишите адреса близких и родных людей, которых я не знаю и которые пишут вам.

31 октября 1944 г.

Привет из Восточной Пруссии, чёрной, мрачной Восточной Пруссии.

Здравствуйте, дорогие мои!

Получил ваше письмецо без даты. Очень вам за него благодарен. Меня очень беспокоит болезнь моего племянничка. Вы меня всё время информируйте о ходе его выздоровления. Я пишу это письмо в доме немца. Хозяин его сбежал вместе с отступающими фашистами. Немцы готовятся пойти сегодня на нас в атаку, но они как всегда глубоко просчитаются. Не помогут им их пушки, танки. Мы им тоже кой-чего приготовили. Пусть только сунутся.

Гитлер издал приказ изгнать нас за пределы Пруссии любой ценой, но не те пошли времена. Они только зубы сломают.

Вас я, дорогие мои, прошу писать мне почаще. Здесь уже пошли холода, но и они нам не страшны. Нам выдали меховые жилеты, рукавицы, шапки-ушанки, тёплые портянки.

Сейчас не страшны и морозы.

Что нового у вас? Кто из моих друзей приезжал в Бар? Если кого встретите — дайте мой адрес.

Что пишет Идл[2]? В каком он училище?

Пишите подробней о себе.

Ну, пока! Целую вас крепко. Муся.

Привет Новакам и Боровским, а также всем знакомым барчанам!

20 ноября 1944 г.

Привет из мрачной холодной Восточной Пруссии. 20/XI 44 г.

[1] Имеется в виду семья сестры отца — Мириам (Марии). Семья Шкляр жила в Киеве, была эвакуирована, после войны вернулась домой.

[2] Вероятно, родственник отца, пропавший без вести на фронте.

Здравствуйте, дорогие мои!

У меня хотя и нет новостей для вас, но пишу, чтобы вам было спокойней. У меня всё по-старому. Готовимся к грядущим окончательным боям за полное уничтожение ненавистного всем фашизма. Настроение и здоровье у меня хорошие. Получил письмо от Лёни. Он благодарит за деньги, которые я послал Жене[1]. Я сегодня получу и пошлю ей снова. Где сейчас Ида, не собирается ли она с Удлер[2] в Бар? Я боюсь ей деньги выслать, так как не знаю, когда она выедет из Чимкента. Не знаю, чем объяснить то явление, что Женя, а также и я получили обратно наши письма, посланные нами Моисею Авербуху, с надписью «адресат выбыл». Получаете ли вы письма от него?

Розочка, ты в конце письма все пишешь слово «коньчаю». Это слово пишется без мягкого знака. Ты не обижайся, дорогая, за замечание. Пиши и чаще о всех своих переживаниях, впечатлениях. Целую вас крепко-крепко. Ваш Муся.

Привет всем передавайте.

7 декабря 1944 г.

Дорогие мои!

Я начинаю серьезно сердиться на вас за невыполнение обещания почаще мне писать. Своё обещание я сдерживаю и пишу вам каждые два дня. У меня всё по-старому. Здесь скверная погода, до сих пор дожди, ветра, непролазная грязь. Надоело всё это. С нетерпением ждем приказа на решительный поход. Скорее бы! Что нового у вас? Как живёте? Кто что пишет вам? Пишите почаще. Целую вас крепко. Муся.

Как успехи у Розочки насчёт учёбы? Опиши подробно где, как они проходят.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 385; 391.

[1] Леонид Моисеевич Моргулис — брат матери, участник войны. Женя — его жена.

[2] Мария Александра Удлер (Сигал) (1912–2004) — вторая жена отца. Ида — её сестра.

«ДЕЛАЮТ ЧТО-НИБУДЬ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ПАМЯТНИКА НАШИМ ЗАМУЧЕННЫМ ОТЦАМ, МАТЕРЯМ И ДРУЗЬЯМ?»

М. И. Каплан. 1945-1946 гг.

Каплан Моисей (Михаил) Иосифович (Осипович) (1920–2002). *Родился в г. Одессе Херсонской губ. (ныне — областной центр, Украина). В 1940 г. поступил в Одесское артиллерийское училище им. М. В. Фрунзе. В 1941 г., будучи курсантом, оборонял Одессу в рядах народного ополчения, затем был эвакуирован в тыл вместе с училищем. Призван из г. Ташкента УзССР (ныне — Республика Узбекистан) в 1942 г. На фронте — с июня 1944 г. Помощник начальника технической части по ремонту и эксплуатации 724-го самоходно-артиллерийского полка 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта. Старший техник-лейтенант. Награждён орденом Отечественной войны II степени (1944), медалями «За боевые заслуги» (1944) и «За оборону Одессы» (1944). Участник Парада Победы в Москве.*

В 1946 г. женился на Р. П. Сигал. После войны продолжил службу в Советской Армии. Удостоен ордена «Знак Почёта», второй медали «За боевые заслуги» и медали «За трудовую доблесть». Ушёл в запас в звании полковника.

Послевоенное письмо М. И. Каплана адресовано жене — Р. П. Сигал (Каплан) в г. Бар.

Копия письма и фотографии переданы Р. П. Каплан (Москва).

[Без даты]

Здравствуй, Розалия Петровна! Или лучше Розочка, а?

Твоё письмо, учти — одно, а не как ты пишешь, два, я получил. Причём очень большой перерыв между предыдущим и этим письмом ты сделала, по-видимому, этот перерыв тебе нужен был для отдыха после затраченных трудов на первое письмо, не так ли? Надеюсь, что впредь ты более аккуратно и часто (аккуратно в смысле частоты)

будешь писать мне. У меня особых новостей нет, недавно получил повышение по службе, но это всё меня очень мало радует. Я хотел бы скорее всего демобилизоваться и зажить себе спокойной жизнью без суеты и беготни, как добропорядочные люди. Пиши, Розочка, что у тебя нового, как идут занятия, каковы успехи твои. На этом и на остальных фронтах. Пиши также, что нового в этом злосчастном Баре, кто из моих знакомых приезжал в Бар, кто сейчас там живёт из моих друзей и т. п. Надеюсь, что Бар понемногу оживает, уже, наверное, начали кое-что строить, чинить. Кстати, пиши, или делают что-нибудь для постройки памятника замученным нашим отцам, матерям и друзьям, может быть, нужно, чтобы я написал местным властям официальное письмо, то это я могу сделать.

Ну, пока будь здорова, жму крепко твою лапку с приветом, Миша.

Сердечный привет маме, папе, обоим детям. Жду твоих писем.

P. S. Выполняю своё обещание и посылаю тебе фото Муси, его светлый образ всегда и без фото стоит и будет стоять передо мной[1].

М. И. Каплан — второй справа. Рига — Валмиера. Октябрь-ноябрь 1944 г.

[1] Речь идёт о единственной сохранившейся фотографии М. П. Сигала — брата Р. П. Каплан. См. выше его дневник и письма: «Мщу клятым иродам за мою расстрелянную мать».

М. И. Каплан (слева) у памятника Яну III Собескому в освобождённом Львове (ныне монумент находится в Гданьске, Польша). 1944 г.

13

Товарищ Инж. Капитану
Каплан Михаилу Иосифовичу

Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища **Сталина** от 26 июня 1945 г. Вам, участнику парада Победы 24.6.45 г., за хорошую работу и строевую выучку объявлена благодарность.

Благодарность М. И. Каплану за участие в Параде Победы

Приглашение М. И. Каплана на приём в честь участников Парада Победы

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 391; 394, 398.

«У НАС ТОЖЕ ЖУТКАЯ ПАНИКА»

Асна Черневич перед войной

Иткина (Черневич) Рахиль Рафаиловна (1902/1903 — 1941). *Родилась в г. Невеле Витебской губ. (ныне — Псковской обл.), где жила с мужем — Борухом Мовшевичем Иткиным (1902–1941) и детьми — одиннадцатилетним Меером, девятилетним Лейзером (Лёней), трёхлетней Розой и годовалым Менделем, а также родителями (отец — **Рафаил-Арье (Рафаэл) Лейбович Черневич**, мать — **Асна Черневич**) и сестрой мужа — Хаей Иткиной. Рядом проживали мать Боруха Иткина — Эстер (Эсфирь) Иткина (Шмулович) и его младший брат — Бер-Меер с женой — С. И. Трескуновой и годовалой дочерью — Симой. Братья Иткины работали на хлебозаводе и поэтому не были призваны в РККА в первые недели войны.*

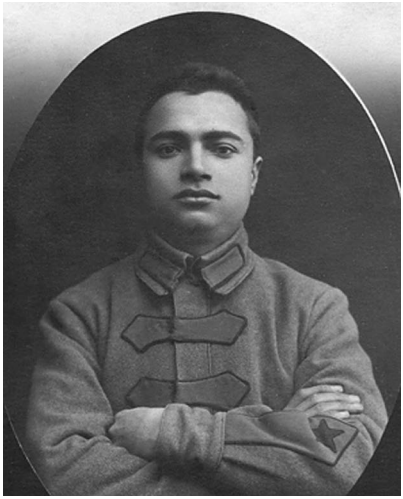
В середине июля 1941 г. семьи Иткиных попытались уехать из Невеля, но через два дня их догнали германские войска. Рахиль Иткина с мужем и детьми вернулась в Невель, их родственники пошли дальше на восток и спаслись. Вскоре после возвращения семья Иткиных была переселена в гетто на месте бывшей усадьбы «Голубая дача»[1] в дер. Борки под Невелем. Выжили только Меер и Лейзер, которые совершили побег. Братья пытались перейти линию фронта, но потом решили идти в Крым, договорившись изменить имена (Лейзер стал Алёшей, а Меер — Мишей) и фамилии (на Фомичёвы, потом — Хомичёвы). В октябре 1941 г. братья добрались до с. Старая Басань Черниговской обл. УССР (ныне — Украина) и там скрывались у местных жителей. Меер однажды ушёл, и о нём ничего не было известно десятки лет. В 1944 г. Лейзер получил документы на имя Алексея Хомичева. В 1945–1949 гг. воспитывался в различных детских домах Черниговской обл., окончил среднюю школу в Киеве. В 1957 г. окончил Киевское высшее военное авиационное инженерное училище. До 1982 г. служил в Советской Армии. Подполковник в отставке. Ему удалось найти младшего брата отца и его потомков. Позднее, через телепередачу «Жди меня», Алексей Хомичев узнал, что его родной брат Миша (Меер)

[1] Узники гетто были расстреляны в сентябре 1941 г. Всего в Невеле, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, были убиты более 2000 евреев.

также спасся (умер в Израиле в 2009 г.), и встретился с его детьми.

Письмо Р. Р. Иткиной и её родителей адресовано сестре — Вере Рафаиловне Свердловой (Черневич) (1908–1974) в Ленинград. Написано на двух языках: Рахиль писала на русском, а родители — на идиш.

Копия письма и фотографии переданы А. Н. Хомичевым (Киев) и педагогом О. В. Петровой (Невель). Перевод с идиш С. Шупы и Д. А. Космодемьянского.



Б. М. Иткин. 1925 г.

22 июня 1941 г.

Здравствуйте, дорогие все-все…

Почему так долго от вас ничего не слышно? Очень беспокоимся, особенно [в] сегодняшний день. Нам ещё хуже ждать от вас ответ. Настроение адское, но ничего, будем надеяться, что всё будет хорошо. Пиши, дорогая Верочка, что у вас слышно, что с Даней[1] и Мишей[2], пиши всё, не скрывая, и сразу пиши ответ. Мама беспокоится, что с Анечкой[3]: она ведь тогда не была дома, и от тебя ничего нет. Всё время ничего не писала; ты ведь знаешь номер. Какая она спокойная обо всём. И действительно, так долго не писать, наверно… Что-то пиши обязательно.

Мама и папа ничего, папа немного ещё чувст[вует] боли, но ничего, лучше, как было. От Розы[4] была телеграмма, что в июле приедет. Но с сег[одняшним] ветром не знаешь. У неё ведь несчастье: Валерик у неё умер, такой прекрасный мал[ьчик]… Ну, у меня пока ещё всё ничего. Что будет завтра — не знаю, настроение неприятное. С четырьмя ребятишками пока хватит. Ждём от вас хороших новостей, а если что-нибудь не так, пишите всё, не скрывая. Пиши мне, Вера, и

[1] Давид Ицкович Свердлов (1907–1943) — муж В. Р. Свердловой (Черневич). Призван в РККА в июне 1941 г. Лейтенант, командир взвода в 98-м сп 10-й сд. Погиб 24 июня 1943 г. на Ленинградском фронте.

[2] Михаил Рафаилович Черневич (1912–2010) — брат Р. Р. Иткиной. В 1941 г. учился в Ленинграде. Участник войны.

[3] Анна Свердлова (1935 г. р.) — дочь Давида и Веры Свердловых. Эвакуирована из Ленинграда с матерью в июле 1942 г.

[4] Роза — сестра Р. Р. Иткиной. С 1937 г. проживала с мужем и сыном — Валерием в г. Комсомольск-на-Амуре.

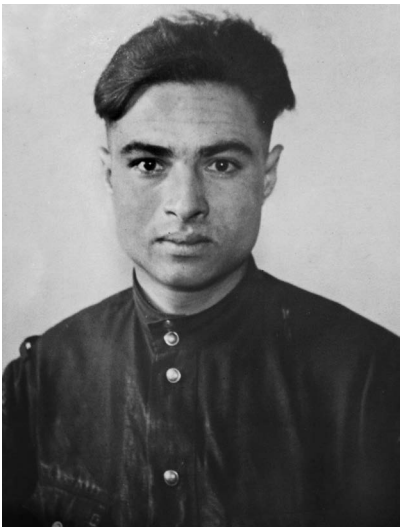
проси Мишу: пусть тоже напишет, если он дома. Будь здорова. Ваши родители и сестра. Рахель, папа, мама.

Пишите сразу.

[Далее — продолжение письма на идиш — Сост.]

Дорогие дети Вера, Даня и Анечка!

Чтобы вы жили хорошо и были здоровы. Твою открытку мы получили, мы очень ей были рады, поскольку что будет — мы не знаем. Мы не знали, что и думать, потому что у нас тоже жуткая паника, а у вас, видимо, ещё больше. Но мы просим вас, дорогие дети, чтобы вы нам писали письма, поскольку с момента, как мы были в Ленинграде, от вас писем не было. Ни от вас, ни от Миши, ни от остальных почти ничего не было. От Розы не так давно была телеграмма, что она приедет в июле месяце. Но теперь, видимо, не приедет. Ну, теперь мы напишем про моё здоровье. Руки у меня очень сильно болят, сильно ноют. Но что теперь об этом говорить, ведь так много боли на свете, и поэтому мои болячки не причиняют мне боли.



Меер Иткин (Михаил Фомичев) после войны

От Хаима[1] мы пока ничего не слышали, мы ему отослали письмо, а от него пока никакого ответа нет. Может быть, его <…>* забрала, мы ей напишем ещё письмо, и она ответит. Мы думаем, что происходит в Киеве с Галочкой[2], поскольку по радио мы слышали — совсем нехорошо. Может быть, они тоже слышали. Что же, давай надеяться, что всё будет хорошо: врага мы победим, разбойника, который режет людей. Ну, будьте мне здоровы, и чтобы мы дожили и увиделись с вами, мои дорогие дети, в радости.

Ваши родители Рафаэл-Арье и Асна Черневич.

АНПЦХ. Ф. 5. Коллекция «Холокост на территории РСФСР». Оп. 1. Ед. хр. 15; 17, 18, 20.

[1] Ефим (Хаим) Рафаилович Черневич (1905–1981) — брат Р. Р. Иткиной. Военный журналист. Подполковник. Жил в Саратове.

* Одно слово неразборчиво

[2] Галина (1940 г. р.) — дочь М. Р. Черневича. Родилась в Ленинграде. Родители её матери — Зинаиды Петровны — жили в Киеве, и перед войной Зинаиде поехала с Галей их навестить. Они остались живы.

«ПРОКЛЯТЫЙ НЕМЕЦ СОРВЁТ ВСЕСОЮЗНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ»

Е. Я. Рудинский. 1943 г.

***Рудинский Евсей Яковлевич**. Родился в 1921 г.[1] в г. Конотопе Черниговской губ. (ныне — Сумской обл., Украина). До 10 лет жил в Крыму, с 1932 г. — в Трудовой коммуне № 2 им. Дзержинского (ныне — г. Дзержинский Московской обл.). Занимался гимнастикой у известного спортсмена Д. К. Осипова (1897–1977). Призёр соревнований. В 1940 г. поступил в Мелитопольское военно-авиационное училище. Штурман. Летал на самолётах У-2, Р-5, ТБ-3 и Ли-2. С начала войны — штурман в 222-й эскадрилье связи Архангельского ВО, служил на о-ве Кего под Архангельском, переправлял донесения и грузы; многократно писал рапорты с просьбой направить его на фронт. Боевое крещение принял в 1943 г. на Курской дуге в экипаже пикирующего бомбардировщика Пе-2. В 1944–1945 гг. — штурман Пе-2 в 128-м бап 16-й ВА на 1-м Белорусском фронте. Участвовал в боях в Белоруссии, Польше, в апреле 1945 г. совершал боевые вылеты на Берлин. Награждён орденом Боевого Красного Знамени (1945), медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Служил в ВВС до 1951 г. В 1982–1995 гг. — секретарь Президиума Совета ветеранов 16-й ВА. Майор в отставке. Живёт в Москве.*

Письма Е. Я. Рудинского адресованы отцу — Якову Натановичу Рудинскому (1898–1962) и мачехе — Фане Абрамовне Шполянской (1900–1950) в Москву.

Копии писем и фотографии переданы автором.

23 июня 1941 г. [Мелитополь]

Здравствуйте, дорогие!

Очень извиняюсь, что так долго молчал, но я в этом совсем не виноват. Я получил за этот месяц 6 писем, а ещё ни на одно не ответил. Писать много не буду.

[1] По документам — в 1922 г.

До вчерашнего дня сдал 5 предметов по гос. зачётам. Из них схватил одну четвёрку, остальные — нормально. А вчера произошло большое событие (правда, оно неожиданное), так что говорить о дальнейшем очень трудно.

Очень прошу не волноваться за меня. Всё будет в полном порядке, и будьте спокойны, что краснеть за сына вам не придётся.

Мне больше на этот адрес не пишите. Я вам сразу напишу, если будет перемена квартиры.

Фаня, ты отдыхай спокойно и не волнуйся. Хотел написать отдельно Софье[1], но теперь это невозможно. Проклятый немец — пожалуй, он сорвёт Всесоюзные соревнования [по гимнастике], но ничего, в [19]42-м г. обязательно их проведём.

Е. Я. Рудинский (справа) с отцом, мачехой и сводной сестрой Софьей. Форос. 1930 г.

Привет всем.

Целую крепко-крепко.

Сева.

P. S. На днях будут фотокарточки, и я их обязательно вышлю.

4 августа 1944 г.

Здравствуйте, дорогие папа и Фаня!

Я давно уже не писал вам, и вы, наверное, начали беспокоиться. Всё нормально и всё в порядке, просто переезжаем на новое место и временно отозвались от своей полевой станции. По этой же причине и ваше письмо дошло до меня только лишь вчера. Ну, а у меня ничего нового нет, за исключением к тому, что передвинулись поближе к фронту немного. Место очень хорошее: река, лес, кругом зелень и цветы. Чувствую себя отлично. Загорел так, как загорал только лишь в Крыму.

Сегодня получил письмо от Софьи. Она пишет, что от вас не получила ещё ни одного письма и сильно волнуется. Больше ни от

[1] Софья Николаевна (Наумовна) Ямницкая — сводная сестра Е. Я. Рудинского. Участница войны, санинструктор, гв. старший сержант. Награждена медалью «За отвагу» (1943).

кого сейчас писем не получаю, даже Рогов[1] что-то замолчал.

Насчёт того, чтобы побывать дома: пока ничего не выйдет. Но если же будет хоть маленькая возможность, то, конечно, я постараюсь воспользоваться ею.

Летаю я в бомбардировочной авиации. Лёха[2] жив и здоров. Передаёт вам привет. Ну, вот пока и всё. Я думаю, что когда это письмо дойдёт до вас, то Варшава будет уже наша, а поэтому поздравляю вас с новой победой Красной Армии.

Привет всем. Целую крепко. Сева.

7 мая 1945 г.

Здравствуйте, дорогие папа и Фаня!

Вы уже, наверное, опять начали волноваться за меня. Сейчас думаю написать Вам более подробное письмо, чем все те, что писал раньше. Я вам никогда не писал, что нахожусь на фронте (но об этом вы, конечно, догадывались). Никогда не писал, что с лета 1944 г. активно участвую во всех операциях и боях, проводимых войсками 1-го Белорусского фронта. Сейчас, когда война вот-вот уже должна кончиться, хочу сказать вам, что и я кое-что сделал для её быстрейшего окончания. Осознание этого даёт большое моральное удовлетворение. Вообще, то, чего я добивался в Архангельске, исполнилось именно так, как я хотел. Я раньше не писал вам просто для того, чтоб не было лишних волнений. Сейчас же могу вам кое-что и рассказать. Сразу оговорюсь, что ни одной царапины за всё время не получил, но в переплётах бывать приходилось.

Так, в Бобруйскую операцию несколько раз привозил пробоины. 22 сентября самолёт горел, и на горящем самолёте произвели посадку «на живот» (не выпуская шасси). В Варшавскую операцию в одном из боевых вылетов подбили правый мотор, домой пришли на одном моторе. И, наконец, как завершение, в первый день наступления в Берлинской операции, 16.04.1945 г., после бомбардирования попал под сильный зенитный огонь и в результате получил пять прямых попаданий снарядов МЗА[3] и 26 пробоин от осколков. Самолёт просто благодаря какому-то чуду не рассыпался ещё в воздухе. И вот на таком «решете» дотянули даже до своего аэродрома. Во всех этих случаях, как я уже писал выше, сам не получил даже малейших царапин.

[1] Николай Никифорович Рогов (1923–1987) — лучший друг Е. Я. Рудинского. Со средней школы они сидели за одной партой и вместе занимались гимнастикой. Участник войны, служил в блокадном Ленинграде.

[2] Алексей Николаевич Руднев. Окончил Мелитопольское военно-авиационное училище, был направлен в 222-ю эскадрилью связи (когда в ней уже служил Е. Я. Рудинский), затем — в 128-й бап. Во время войны один раз навестил в Москве родителей Е. Я. Рудинского.

[3] Малокалиберная зенитная артиллерия.

Из больших городов был над Бобруйском, Березино, Лодзью, Бесковым, Франкфуртом-на-Одере, Дальвитцем (пригород Берлина) и, чем действительно можно похвастаться, два раза 25.04.1945 г. летал на столицу Германии — Берлин. Имею целый ряд благодарностей от авиационного командования и от Сталина в его приказах. С полмесяца назад послали материал на награждение, так что в скором времени кое-что должны «подбросить»[1]. Из семи человек архангельцев осталось нас шесть: мой лучший друг со времени [19]40-го года, москвич Лёвка Остроумов, погиб в эту последнюю операцию смертью героев[2]. Остальные все ребята живы и здоровы. Лёшка летал раз в пять меньше, чем я. Вообще, ему не везёт немного.

Сейчас, после нахождения в Польше, нахожусь опять в Германии. Работы больше нет. 1 мая встретили 2-го числа очень пышно. Настроение, сами понимаете, было сверхотличное. Тем более что вечером ещё узнали о полном овладении Берлином. Сейчас только и идут разговоры о мирной жизни. Возможно, что когда вы получите это письмо, то действительно война уже окончится.

Несколько дней назад получил письмо от Софии и был очень удивлён, что оно из Тушино. Да, ей действительно везёт насчёт отпусков. Ну, теперь-то, кажется, и я скоро смогу побывать в Москве.

Как вы живёте? Получили ли мою посылку, «если вообще такую дрянь можно назвать посылкой» (это из картины «Приключения Тома Сойера»[3]). Как здоровье? Где сейчас Софа? Большое ей спасибо за адреса.

Ну, написал вроде много, а получилась ерунда какая-то. Да! Чуть не забыл: поздравляю тебя, папа, с днём рождения[4]. Вам подарок-то никакой и не могу послать, потому что авиации вообще ничего почти не достаётся, но это не так уж важно. Главное, было бы здоровье, а в остальном — будущий подарок будет полный.

На днях поедем смотреть Берлин — это мечта всех хлопцев. Ну, на этом кончать думаю.

Привет всем. Привет вам от меня.

Целую крепко.

Сева.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 400; 405, 407, 412.

---

[1] Е. Я. Рудинский был награждён орденом Боевого Красного Знамени

[2] Лев Николаевич Остроумов (1921–1945) — окончил вместе с Е. Я. Рудинским Мелитопольское военно-авиационное училище, также служил в 222-й эскадрилье связи, затем — в 128-м бап. Штурман, младший лейтенант. Погиб 16 апреля 1945 г. Посмертно награждён орденом Отечественной войны II степени.

[3] «Приключения Тома Сойера» (The Adventures of Tom Sawyer) — американский цветной художественный фильм 1938 г., реж. Норман Торог.

[4] День рождения у отца — 15 мая.

«НЕУЖЕЛИ ВСЕХ УБИЛИ?»

Фарбер Исаак (Иче) Мордухович (? — 1941) *и его жена —* ***Фарбер Сима Абелевна (? — 1941)*** *— жили в дер. Холочье Чечерского р-на Гомельской обл. БССР (ныне — Республика Беларусь). И. М. Фарбер работал начальником почты. В начале войны супруги переехали в дер. Дудичи Минского (ныне — Пуховичского) р-на Минской обл. и поселились у старшей дочери — учительницы Александры Исааковны Фарбер (в письмах — Шура), у которой было четверо детей (Валерик, Вова, Галя, Соня) в возрасте от 1 до 5 лет. Все они были расстреляны оккупантами.*

Фарбер Анатолий (Нафтали) Исаакович (1915–2003)*. Родился в Рогачёвском уезде Могилёвской губ. (ныне — Гомельской обл., Республика Беларусь). Учился на отделении языка и литературы идиш в Минском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького (ныне — Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка). Призван в РККА из Минска после окончания учёбы в ноябре 1939 г. Старший лейтенант. Воевал на Калининском и 1-м Белорусском фронтах. Войну окончил командиром взвода 438-й отд. кабельно-шестовой роты 47-й армии. Награждён орденами Отечественной войны II степени (1945) и Красной Звезды (1944). После войны жил в Москве.*

Фарбер Илья Исаакович (1919–1943)*. Младший брат А. И. Фарбера. Родился в Гомельском уезде Гомельской губ. РСФСР (ныне — Гомельская обл., Республика Беларусь). В 1941 г. учился в институте в Гомеле, был эвакуирован в Свердловск (ныне — Екатеринбург), оттуда призван на фронт. Пулемётчик. Погиб 5 марта 1943 г. Похоронен в братской могиле в дер. Туровка Износковского р-на Смоленской (ныне — Калужской) обл.*

Одно письмо Симы Фарбер адресованы племяннице — Софье Григорьевне Драгилёвой (Торбочкиной) в Москву. Другое (написанное совместно с дочерью — ***Александрой****) адресовано сыну — Семёну Исааковичу Фарберу[1] (1913 — ок. 2000) и его жене — Юлии, проживавшим в г. Чирчик Ташкентской обл. УзССР (ныне — Республика Узбекистан).*

Письма Исаака и Анатолия Фарберов адресованы Семёну и его сестре — Ольге Исааковне Фарбер (1913–2003). До войны она работала в Минске, эвакуировалась в г. Чирчик, потом в г. Андижан УзССР (ныне — Республика Узбекистан); с 1944 г. жила в Москве. Письма Ильи Фарбера из армии адресованы брату Анатолию и сестре Ольге.

Копии писем переданы сыном А. И. Фарбера — И. А. Фарбером (Москва).

[1] Работал специалистом-химиком на Чирчикском электрохимическом комбинате (ныне — АО «Максам-Чирчик»).

Шура Фарбер

Письмо С. А. Фарбер племяннице — С. Г. Драгилевой в Москву

30 июля 1941 г. [дер. Дудичи]

Дорогая Соня! Вчера мы получили твоё письмо от 13/7, но, не дождавшись твоего письма, мы отправили вам письмо. Писала по-еврейски, а теперь лично тебе по-русски, чтобы ты сама могла читать. Хорошего ничего нет, хотя живы; но здоровья нет — и неудивительно: после таких неприятностей откуда будет здоровье?

Наша деревня сгорела от бомб, и мы перебрались к Шуре. Сразу показалось, что тут тише, а теперь и здесь невозможно жить, потому что фронт приближается, и одна дума: куда ехать и как ехать с малыми детьми, всё оставить и остаться как мать родила? От детей писем нет ни от кого. Вдобавок ещё беспокоимся за Ильюшу[1]: 19/7 он уехал отсюда в Гомель, чтобы ехать с институтом в Свердловск, со всеми студентами, и от него тоже нет ни одного письма с дороги.

Дорогая Соня! В твоём письме я не понимаю одно. Ты пишешь, что у тебя путёвка к Юде[2] старая и новую ты не хочешь взять, потому что не можешь оставить маму одну. Мне кажется, когда ты писала это письмо, Гродно уже не было в наших руках и всё равно нельзя было ехать туда. Прямо удивительно! Неужели всех убили, что ни от кого нет писем? Люди всё-таки получают письма из разных городов. Дядя ещё работает; это одна почта — Холочье и Дудичи, и [вы] можете писать адрес, как писали раньше. Соня! Прошу тебя, пиши. Может быть, знаете что-нибудь из Минск[а]? Где Рая[3]? Оля[4]? Бабушка? И все наши? Где теперь папа? Ваш Ильюша? Пиши, если узнаете от кого-нибудь, а когда мы что-нибудь получим от детей, вам напишем. Привет от дяди и Шуры, настроение такое, что они писать не хотят.

Будьте все здоровы, в другом письме чтобы писали друг другу только хорошее. Всего хорошего желает вам ваша сестра и тётя Сима.

---

[1] Илья Фарбер.

[2] Фарбер Юдл (Юда) Исаакович — старший из братьев Фарберов. Пропал без вести в начале войны.

[3] Рая — сестра С. Г. Драгилёвой.

[4] Ольга Фарбер.

Письмо С. А. Фарбер Семёну и Юлии Фарбер

4 августа 1941 г. [дер. Дудичи]

Мои дорогие! Сёма и Юля!

Ваше письмо от 18/07 мы вчера получили. Мы живы и здоровы, находимся с Шурой в деревне, где она работает. Перебрались после того, как бомбили Холочье и сгорела почти вся деревня, хотя почта осталась цела; но жить там невозможно, сгорел с/с и кругом нас ещё много домов. А из домов, которые не сгорели, тоже выбрались, и там — ни живой души. Переехали к Шуре, во-первых, чтобы было ей веселее и легче, во-вторых, тогда было здесь спокойнее, но теперь и здесь тревожно, потому что фронт близко, и не знаю, сумеем [ли] здесь усидеть. Думали ехать куда, [но,] во-первых, папу не освобождают от работы, во-вторых, куда ехать? И как ехать с малыми детьми? Как рассказывают, в дороге люди умирают от бомб и голода, так что [что] бог даст, то и будет. Пока мы сыты, корова у нас, и хлеба тоже ещё есть на неделю. Ильюша после экзаменов приехал домой, и был у нас до 19/07, и ещё помогал перебраться к Шуре; 19/07 он был в Гомеле и узнал, что институт эвакуируется и берёт [с] собою студентов в Свердловск. Он очень обрадовался, что попал в этот день и не опоздал; прибежал из Гомеля домой и взял свои вещи, и мы уже отправили его подводой обратно в Гомель. 2/08 мы получили от него открытку из Брянска. Писал он 21/07. Два дня они сидели в поезде в Гомеле, пока он пишет, [что] дорога хорошая, — дай бог, чтобы было дальше хорошо. От Юды, Оли и Толи[1] писем нет; я даже сомневаюсь, живы ли они. Получили два письма за это время из Москвы от Сони; она тоже спрашивает у нас, может быть, мы знаем что-нибудь и[з] Минска и от Юды. Этим кончаю.

Юдл Фарбер

Прошу тебя, Сёма! Не оставляй Ильюшу; мы ему помочь теперь не можем и на остальных детей тоже не надеемся. Дай бог, чтобы ты был дома, и [ты] должен ему помочь; я думаю, что он тебе напишет по приезде на место.

[1] Анатолий Фарбер.

Будьте здоровы и счастливы, и желаю Юле лёгкие роды. Всего хорошего желает вам ваша мама. Посылаем вам письмо от Толи, которое только что получили.

Горячий привет от меня.

Мама написала обо всём. Будьте здоровы. Шура.

Письмо Исаака Фарбера Семёну и Юлии Фарбер

5 августа 1941 г. [дер. Дудичи]

Дорогие дети! Очень много есть, о чём писать, но как-то нет настроения. Если бы получили письмо от Оли и Юды, мы бы чувствовали себя гораздо лучше, а так руки не берут, так как на душе скверно, а тут ещё находимся близко от фронта!

Хоть бы скорее разбили бы гитлеровцев!

Дорогие, прошу держать с нами связь, ибо ваши письма для нас утешение.

Всего хорошего желает ваш папа.

Письмо Ильи Фарбера А. И. Фарберу

22 декабря 1942 г.

Дорогой брат Анатолий!

Я тебе уже писал, что меня надо поздравить со званием бойца РККА. Сейчас я нахожусь в Камышлове, здесь нас обмундировали и начали обучать. Обмундирование тёплое: валенки, стёганки и т. д. Я успел уже попривыкнуть к армейской жизни; она меня нисколько не тяготит, а даже нравится. Здесь мы долго не пробудем, но на всякий случай напиши мне по указанному на конверте адресу.

Толя! Как старшему брату, как командиру, как другу — уверяю тебя, что я буду честно бить немцев, буду мстить за всё: за Родину, за родителей, за семью, за жену. Свою жизнь дёшево не отдам.

Одна будет к тебе просьба: держать связь со Стешей.

На этом кончаю. По прибытии на постоянное место напишу тебе сразу же.

Пиши о своих успехах и о жизни. Бей фрицев, освобождай родную землю. В моей помощи не сомневайся.

С красноармейским приветом,

Илья.

Илья Фарбер

Письмо Ильи Фарбера Ольге Фарбер в Андижан

2 января 1943 г.

Добрый день, Оля!

Я тебе уже сообщил, что мобилизован в Красную Армию на защиту Родины. Нахожусь я пока в гор. Камышлове по адресу: Свердловская обл., гор. Камышлов, часть 78/16, литер «Г», мне.

Нас полностью обмундировали в тёплую зимнюю одежду. Выдали шинель с фуфайкой, валенки, тёплые брюки, ушанку, нижнее белье тёплое и холодное и др. Т[ак] что призыв решил больной для меня вопрос о тёплой одежде. Также решились и другие больные вопросы. Одним словом, сожалеть не придётся.

Оля! Первым делом должен тебя уверить, что нет абсолютно никаких оснований обо мне беспокоиться. Я буду находиться почти в полной безопасности всё время. Что же касается самой службы, то мне здесь гораздо лучше, чем в Тюмени, во всех отношениях. Достаточно того, что разрешены многие наболевшие для меня вопросы. А дисциплины я не боюсь. Не нам привыкать.

Оля! Я уже здесь 15 дней. Не писал тебе потому, что ожидал отправки, но пока это будет, быть может, можно будет получить ответ или даже не один. Одним словом, пиши мне по вышеуказанному адресу; если же он изменится, то я сразу напишу. Можешь меня поздравить с принятием присяги.

Оля! Я слышал, что ты болела долгое время. Напиши мне подробно о своём здоровье. Также пиши о своей жизни во всех подробностях.

Оля! Если у меня или у тебя изменится адрес, то, чтобы не терять связь, будем иметь общий адрес у Стеши. Пиши ей так же, как и мне: она нам не чужая.

Адрес: Омская обл., Тюменский р-н, село Онохино, Лестранхоз. Галактионовой С. В.[1]

Пока до свидания. Привет Юле и Галине.

С красноармейским приветом,

Илья!

[1] Невеста И. И. Фарбера.

Письмо Ильи Фарбера А. И. Фарберу

3 марта 1943 г.

Здравствуй, дорогой брат Толя!

Шлю тебе горячий привет с одного из участков фронта Отечественной войны и пожелания сил и здоровья для борьбы с нашими врагами.

Уже месяц как я нахожусь на передовой линии фронта. Многое за это время пришлось увидеть, многое испытать. Но в самую трудную минуту я научился обо всём забывать и помнить только о Родине, о долге, о мести. И после такой минуты становится легче на душе, хочется обнять своего боевого друга ДП[1] и ещё раз мстить и мстить.

Толя! Прошу тебя об одном. Напиши мне поскорее письмо, т. к. я уже сколько времени оторван от родных и не имею ни от кого никаких известий. Очень вероятно, что от меня больше ничего не получишь. Тогда ищи меня в списках награждённых.

Пока до свидания! Пиши о своих боевых делах и о всех новостях.

Твой брат Илья.

Письмо Анатолия Фарбера Ольге Фарбер в Москву

4 июня 1944 г.

Дорогая сестра!

Вчера получил твоё письмо от 24 мая со всеми вкладышами. Будут ещё письма для меня — не задерживай.

На новом месте сработался. А всё же скучаю по своим старым друзьям (т. е. по тем, что были до училища). Может быть, после нескольких активных операций это чувство «не совсем свои ребята» исчезнет. Пока оно есть.

Между прочим, очень старался припомнить, кто под именем «Зяма Быховский» скрывается. Совсем смутно представляю такого толстяка-здоровяка. Он, да? Ведь это из рогачёвских ребят — [тех] времён, когда мы ещё жили на… (Не помню улицу, на дворе под навесом были турники и кольца.) Ремонт в «твоей» квартире меня беспокоит. Кто будет квартировать в ней летом? Ведь это дача. Не попросят тебя из неё?

Относительно РВК: ты мне так и не сообщила, какой. Напиши.

Ваши 1,5 сотки картофеля вызывают смех, ибо это очень мало. Впрочем, для твоей «семьи» может хватить.

[1] Ручной пулемёт ДП-27 («Дегтярёва пехотный обр. 1927 г.»).

Почему не пишешь подробнее о дяде Дворкине[1]? Люди очень близкие, особенно с Хаей (Раей, Кларой). В бытность мою в Минске были ей как брат и сестра.

Писем отправил всем. Из московских знакомых — Саше Дворкину, Либерманам, Циле[2]. Заметь, я начал с «между прочим» (подчёркнуто мною — Анатолий). Думал сначала охватить всё, т[ак] ск[азать], менее важное. Но уж больно много вышло. Разобралась ли ты во всём? Придётся во второй части письма быть покороче.

За Холочье отчитываюсь дневниковыми записями.

12 апреля. Приехал в Холочье вечером. Машина стала у нашего дома, но я его сразу не узнал, т[ак] к[ак] рядом с ним дом сельсовета сгорел. Зашёл в дом со стороны почты (помнишь крылечко?), там помещается сельсовет. Один старик узнал меня, что-то шепнул остальным посетителям, и все отвернулись, избегая встретиться со мной взглядами. В нашей <…>* живёт Акулов Яков. При отце он работал в Крутом, папа ему часто звонил. От него узнал, как и почему они не смогли эвакуироваться… Ночевал я в родном доме. Оттуда написал письма тебе и Семёну. Утром ещё раз посмотрел на Холочье (деревня уцелела), поговорил со старыми жителями. Нашу соседку Галю помнишь? Она приходила к нам, мама её угощала селёдкой. У ней муж на фронте, а в доме ребёнок от какого-то фрица.

13 апреля в Дудичах говорил с учительницей, которая работала вместе с Шурой. Это я всё хотел уточнить обстоятельства и место. Затем был в Рудне (окраина д. Дудичи), в доме, где жила Шура. Туда же выехали наши ещё задолго до оккупации. Илюша приезжал к ним. «Всё такой печальный, такой печальный ходил», — рассказывает хозяйская дочь. Он ясно, почему: ничем не мог им помочь, а не эвакуироваться самому с институтом, оставаться с ними тоже было бы бессмысленно.

Заходил в школу. Ребятишки гурьбой стали рассказывать о Шуриных детях: как «буйствовал» Варик, какой смешной был Вовка, какие игрушки были у Гали и Сони. Кругом вся окрестность знает «настаўніцу Александру Ісаакоўну»[3].

Из Рудни их сначала эвакуировали (уже при немцах) в д. Гуту. Там сад и усадьба — как было в Осиновке, был там раньше еврейский колхоз. Заставили их там работать.

По пути в эту Гуту я посетил одного старого учителя, который знал отца и Шуру. Он бывал в Гуте, а позже и в Уваровичах. Приносил

---

[1] Дворкины — московские родственники.

[2] Циля — подруга Ольги Фарбер по работе.

* Одно слово неразборчиво.

[3] «учительницу Александру Исааковну» (бел.)

к Шуре читать партизанские листовки на немецком языке (она ведь одно время преподавала немецкий). Пока мог, он держал у себя еврейского мальчика, родственника Карасиков.

В Гуте (Липский с/с Уваровичского р[айо]на) проживает некий Дробышевский Фёдор Алексеевич, очень влиятельный мужик. О нём я слышал от отца и раньше. При немцах он оказался «управляющим двора» (б[ывшего] евр[ейского] колхоза). От него-то я наконец узнал все подробности. Пока они были в Гуте, ещё надеялись, ибо немцев там не было, подчинялись управляющему. А он пытался их задержать подольше. Но стало известно, что кругом везде уже расстреливают. Папа в беседах с людьми, которым доверял, говорил, что считает себя обречённым. Но трудился он очень много, надеялся спасти маленьких.

Потом пришла бумага, чтобы их всех отправить в Уваровичи со всем имуществом. Наши с собой ничего не брали: всё раздали крестьянам.

В Уваровичах находились в «гетто». Сперва было спокойно, люди стали понемногу устраиваться как на продолжительное время.

Точно дату не удалось установить. Примерно в декабре 1941-го или в январе [19]42-го г. оцепили «гетто», загнали всех в колхозный сарай. Оттуда выводили группами по пять человек к цементированным силосным ямам и пристреливали из автоматов. В ямы бросали также раненых и живых детей. Всех расстреляли в тот день — 260 человек[1]. Две ямы до утра оставались открытыми, стоял стон, но никого близко не подпускали.

Фаню Карасик помнишь? Рассказывают, как она перед смертью прощалась с матерью и сама пошла к яме. Председатель Липского с/с — её родственник — просил, чтобы его первого пристрелили. Но его заставили смотреть на расстрелы до конца…

В Гуте вокруг нас (когда я беседовал с Дробышевским) собралась вся деревня. Колхозницы наперебой рассказывали, как наши работали, как все уважали нашего отца, как потом отвозили их в Уваровичи и провожали всем селом. Один старик спросил меня про тебя. Я удивился, откуда знает он тебя. Говорит: «Отец Ваш рассказывал, что у него дочь работала в Минске в Доме правительства».

…Словом, Оленька, почти трое суток я провёл в тех местах. Видел всех, кого можно было. Трудно передать, что́ я переживал, пока был там, слушал рассказы людей. Обнаружить остатки альбома или что-нибудь подобное невозможно. После расстрела люди даже боялись хранить у себя самую малость. Правда, многие записали твой адрес. Обещали, если найдут чего, написать.

Вот тебе, т[ак] ск[азать], сокращённый отчёт о моей поездке. Ну,

[1] В Уваровичах при уничтожении гетто 19 ноября 1941 г. были убиты 247 евреев.

Оля, кажется, нельзя полнее написать.

Привет Либерманам, Дворкиным, твоим сослуживцам, красавице Циле и всей Москве. Я часто рассказываю бойцам о Москве, и все жадно слушают.

Прошу, если достанешь лезвия, присылать по нескольку в письмах.

Да, а фото?

Всего хорошего. Анатолий.

P. S. Если будешь нуждаться в деньгах, обязательно напиши, а то я начинаю обживаться.

Что чернила плохие — не вини меня — природные.

АНПЦХ. Ф. 4. Коллекция «Холокост на территории СССР». Оп. 1. Ед. хр. 63, 64, 65; 70, 75, 81.

«ОНИ БЫЛИ СОСЛАНЫ В ЛАГЕРЬ НЕМЦАМИ, А ПОТОМ РАССТРЕЛЯНЫ»

Пасков Яков (Янкев-Ицхок) Г. (? — 1942). *Жил в г. Стародубе Орловской (ныне — Брянской) обл. Работал столяром и слесарем. После оккупации города вместе с женой — Саррой, дочерью — Хаей, семьями старшего сына — Самуила (Шмуэля), старшей дочери — Ханы Блюмкиной и другими родственниками был помещён в гетто в совхозе «Беловщина» под Стародубом. Расстреляны в конце февраля — начале марта 1942 г.*[1]

Сын Я. Г. Паскова — Меир (Марк) — перед войной и в первые месяцы блокады работал инженером-металловедом на ленинградском заводе «Большевик» (ныне — АО «ГОЗ Обуховский завод»). Летом 1942 г. командирован в Тулу. В 1943 г. направлен в г. Нижний Тагил Свердловской обл. на Уральский танковый завод № 183 им. Коминтерна (ныне — Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» им. Ф. Э. Дзержинского). Его жена — Фаня Шапиро, врач детской поликлиники — 7 июля 1941 г. была вывезена из Ленинграда в Ярославскую обл. для работы с эвакуированными детьми. С ней выехали дочь — Рита (Розита) и сын — Александр (обоим было по четыре года). В 1943 г. семья воссоединилась в Нижнем Тагиле, в 1946 г. вернулась в Ленинград.

Письма Я. Г. Паскова, написанные на идиш, адресованы сыну Меиру в Ленинград. Ему же адресовано ответное письмо из горсовета Стародуба о судьбе родных.

Копии писем и фотография переданы дочерью М. Я. Паскова — Р. М. Гольдиной (Санкт-Петербург). Перевод с идиш С. Шупы.

Письма Я. Г. Паскова сыну

3 августа 1941 г. Стародуб

Дорогой Меир!

Мы пребываем все, слава Богу, в наилучшем здоровье! А ты?

Твоё письмо от 24/7 мы только что получили, с большой радостью мы узнали, что у вас всё в порядке.

Мы верим очень сильно, что эти разбойники непременно получат хорошую взбучку.

У нас всё в порядке. От Фани[2] было одно письмо, что она поехала

[1] Гетто в Стародубе существовало с октября 1941 г. по март 1942 г. При ликвидации гетто были уничтожены более 800 евреев.

[2] Дочь Ханы Блюмкиной. Пережила войну.

в командировку на короткое время на Урал. Ицик[1] записался в Москве в пожарную команду. Лёлик уехал в военное [училище] научиться на командира. Хаима[2] приняли в раймаг[3] заведующим, а Хана[4] поступила вторым номером прилавочной[5].

Урожай у нас очень хороший. У нас в саду всё уродилось, есть огурцы, помидоров очень много. Ещё фасоль хорошо уродилась.

Работы очень мало. Дай Бог, чтобы поскорее справиться с Гитлером и его бандой, мир бы оживился. Тогда бы работы хватило.

Шмуэл со своим семейством все здоровы, и он зарабатывает на свои расходы.

Оставайся здоров и пиши чаще письма.

Твой отец Янкев-Ицхок.

4 августа 1941 г. Стародуб

Дорогой Меир!

Мы все пребываем, слава Богу, в наилучшем здоровье! А ты?

Сегодня мы получили перевод с деньгами, за который мы очень благодарны. Желаем тебе и твоему семейству всего хорошего. Чтоб вам дожить до наших лет и получать от ваших детей хорошие подарки и хорошее обхождение.

На твоё письмо, которое ты прислал в 7-м месяце, я вчера послал тебе ответ. Я написал тебе обо всём подробно.

У нас всё по-старому. Работы мало, ибо мир растревожен.

Урожай в этом году очень хороший. Только бы настал конец войне, всё бы шло как следует.

Пиши нам чаще, хоть открытки. Ибо мы рады, когда приходит письмо, что всё в порядке.

О Шмуэле и его семействе и о семействе Ханы я тебе уже написал в той открытке. Передавай в твоём письме привет от нас Фане с детьми. Целуем их издалека.

Твой отец Янкев-Ицхок.

---

[1] Ицик (Игорь) — сын Ханы Блюмкиной. Пережил войну.

[2] Хаим (Ефим) Блюмкин — муж Ханы Блюмкиной.

[3] Районный магазин.

[4] Хана Блюмкина.

[5] Помощницей продавщицы.

Строительство бомбоубежища группой сотрудников завода «Большевик». Первый справа — М. Я. Пасков. Ленинград. Сентябрь 1941 г.

Письмо[1] секретаря горсовета Стародуба М. Я. Паскову о гибели родных

10 декабря 1943 г.

Паскову М. Я.

Горсовет сообщает, что Ваши родители Пасковы, а также брат с женой и детьми[2] погибли от рук немецких палачей 1 марта [19]42 г., а девочка Вашего брата убита бомбой при бомбёжке[3]. Та же участь постигла и Леванта[4], и Блюмкиных[5]. Все они не эвакуировались и были сосланы в лагерь немцами, а потом расстреляны. Блюмкиных один сын был в военном училище, и тот в Стародубе не находился, погиб сын Александр, отец и мать.

Вот всё, что мы можем Вам сообщить.

Секретарь Горсовет[а] [Подпись]

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 31, 32, 35; 40.

[1] Ответ на запрос М. Я. Паскова.

[2] Старший сын Я. Г. Паскова — Самуил, его жена Рахиль Давыдовна и сын Давид.

[3] Дочь С. Я. Паскова — Мина.

[4] Имеется в виду семья Левант: Авраам, его жена — Соня и дети — Лёня и Рая.

[5] Семья Блюмкиных: Хана, её муж — Ефим (Хаим), сын — Александр.

«СЕЙЧАС НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ЩЕПЕТИЛЬНЫМИ»

***Гурович (Коган) Шифра-Двойра (Дора) Борисовна (Боруховна) (1893–1941)**. Родилась в Бессарабской губ. (ныне — Республика Молдова). Тётя известного поэта Павла Когана[1]. Служила сестрой милосердия во время Первой мировой войны. Окончила медицинский ф-т[2] Киевского университета. До конца августа 1941 г. работала детским врачом в Киеве. С сентября 1941 г. — в 277-м медсанбате (6-я армия Юго-Западного фронта). Военврач 3-го ранга. Попав в окружение, вернулась в Киев. Погибла в Бабьем Яру[3] с сестрой — Баей (Бетей) Коган.*

Письма Ш.-Д. Б. Гурович из Киева адресованы в Харьков сыну — Виктору Иосифовичу Гуровичу (1920–1989) и его жене — Тубе Моисеевне Гринберг (1919–1997). Супруги были студентами Киевского медицинского института (ныне — Национальный медицинский университет им. А. А. Богомольца). Летом 1941 г. они были эвакуированы вместе с институтом в Харьков, осенью 1941 г. — в Челябинск. После войны жили в г. Липецке Воронежской обл. (ныне — областной центр).

Копии писем переданы внуком Ш.-Д. Б. Гурович — П. В. Гуровичем (Реховот, Израиль).

Письмо Ш.-Д. Б. Гурович сыну и невестке

9 августа 1941 г. Киев

Милые, дорогие. Всё время неспокойно за вас. Всё это, конечно, понятно. Неопределённость, в которой вы находитесь, тяжело отражается на нас всех. Что делать? Чем помочь? <…>

Если придётся уходить, т. е. если отпустят, буду пробиваться на Харьков. Уверенности ни в чём никакой. Послала 6/VIII телеграфно триста рублей. Сейчас впопыхах собрала вещи (2 места) Тубе Моис[еевне] Гринберг — нашита надпись <…>*.

Хотела кое-что послать из продуктов — не успела. Посылаю ещё сто (100 руб.).

6/VIII послала телеграмму и телеграфный перевод. Пишу на товарной станции.

---

[1] П. Д. Коган (1918–1942) — советский поэт, автор песни «Бригантина» (1937). Погиб на фронте.

[2] С 1921 г. — Киевский медицинский институт (ныне — Национальный медицинский университете им. А. А. Богомольца).

[3] Бабий Яр — овраг на северо-западной окраине Киева, в котором 29–30 сентября 1941 г. были убиты не менее 34 тысяч евреев.

* Одно слово неразборчиво.

Крепко, горячо обнимаю, прижимаю к своему сердцу. Мама.

Пользуйтесь всякой возможностью сообщать о себе. Эта неделя была в этом отношении удачной. <…>

Сейчас нельзя быть щепетильными. Обращайся решительно ко всем, кто может хоть чем-нибудь помочь. Обо мне не беспокойся. Думаю, что всё будет благополучно.

Бетя понемногу ко всем нервничает <…>*. Будем с ней, пишите по нескольку слов на её адрес тоже. Часть вещей может вам показаться лишней. В крайнем случае, может быть, получите за них какую-нибудь мелочь.

Целый ряд необходимых вещей остался. Необходимое бельё осталось мокрым. Только вчера, 8/VIII утром, узнала от тов. Кравеца, что есть письма. О положении Витюни меня извещайте, поскольку возможно чаще. От меня трудно ждать регулярных сведений. По возможности буду аккуратна.

Вчера выехал в Харьков д[окто]р Сливко, письма дать не успела. <…> Думаю, что он повидается с вами.

Витюня, помни о своём зрении!

Т. М. Гринберг и В. И. Гурович

* Одна строка неразборчиво.

Письмо Ш.-Д. Б. Гурович сыну

26 августа 1941 г.

Дорогой мой мальчик! Вчера я получила твою открытку от 22/VIII. В ней ты откровенно пишешь о создавшемся для вас положении. Такие открытки нужно направлять на адрес Баи. Вообще всё направляй туда. Писать надо менее [откровенно]*. С трудом добилась освобождения из б[ольни]цы. С этой бригадой выехать не могу, т. к. Т. отказывается взять (говорить с ним об этом не стоит).

Как сейчас обстоит с выездом поездом, ещё не знаю. Сильно боюсь, что меня не пустят в Харьков. Вообще же, в последние недели в б[ольни]це произошли изменения в смысле оплаты дежурств (раньше обстояло неплохо), и потому заработок мой сейчас доведён до минимума. Когда я посчитала, то буквально не знаю, как быть. Предположим, что в Х[арьков] доеду, а дальше? Уверенности, что найду работу, тоже никакой. Я понимаю, что вам самим некуда деваться. Куда денусь я? Меня всегда пугало, что может наступить момент, когда я окажусь бессильной помочь тебе (не только материально), и, кажется, самое страшное для меня наступило. Я боюсь, что вместо помощи могу обременить вас. Здоровье моё тоже немного ухудшилось.

На чью-нибудь помощь, чуткость и т. д. теперь надеяться не приходится. С Бетей тоже беда. Ехать она не хочет, и, если хочешь, она права. Куда её взять? Оставлю ей немного денег, продукты, которые есть, но ведь это — ничто. <…>

Мне кажется, что в таком положении надо держаться, если это возможно, коллективно и в смысле отъезда (говорю о вас).

Ты всё просил подробно написать, но чем подробнее, тем, как видишь, неопределённее.

Буду пытаться выехать.

Не волнуйся, не надо часто ходить на эвакопункт, потому что всё это проблематично. С б[ольни]цей ещё окончательно не рассчиталась.

Телеграфно вышлю несколько рублей. Всё может быть — пусть у вас будет эта незначительная поддержка.

Что ещё? Кажется, всё.

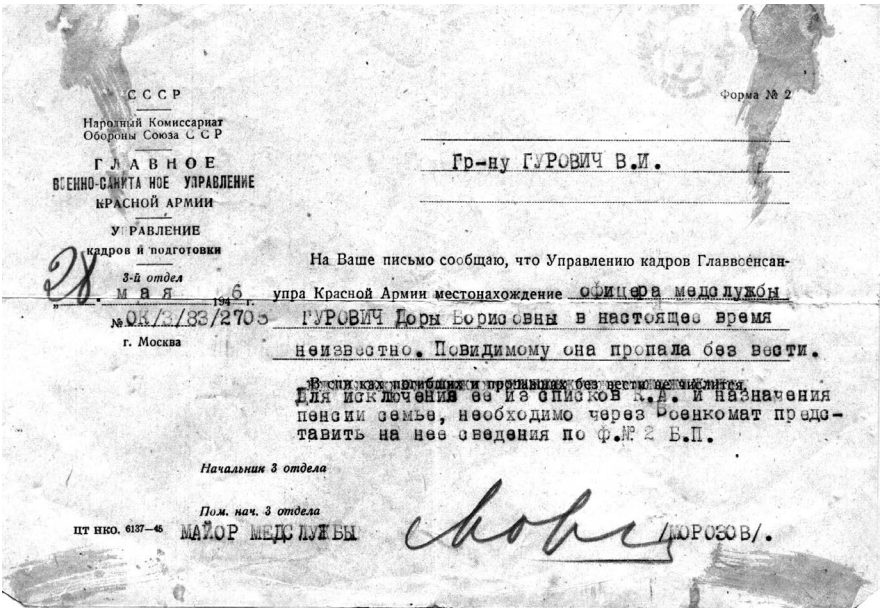
Горячо обнимаю и приж[имаю] к сердцу тебя, Тусю.

Мама.

Бая. Целуем.

---

* Автор до этого пометила слово «откровенно» в начале письма и в следующий раз вместо написания слова целиком сделала аналогичную пометку.



СССР

Народный Комиссариат
Обороны Союза ССР

ГЛАВНОЕ
ВОЕННО-САНИТАРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КРАСНОЙ АРМИИ

УПРАВЛЕНИЕ
кадров и подготовки

3-й отдел

28 мая 1946 г.

№ ОК/3/83/2705

г. Москва

Форма № 2

Гр-ну ГУРОВИЧ В.И.

На Ваше письмо сообщаю, что Управлению кадров Главвоенсанупра Красной Армии местонахождение офицера медслужбы ГУРОВИЧ Доры Борисовны в настоящее время неизвестно. Повидимому она пропала без вести.

В списках погибших и пропавших без вести не числится.

Для исключения ее из списков К.А. и назначения пенсии семье, необходимо через Военкомат предоставить на нее сведения по ф.№ 2 Б.П.

Начальник 3 отдела

Пом. нач. 3 отдела

цт нко. 6137—45 МАЙОР МЕДСЛУЖБЫ /ГОРОЗОВ/.

Ответ на запрос о судьбе Ш.-Д. Б. Гурович. 28 мая 1946 г.

АНПЦХ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 91, 92; 102.

«В ОПОЛЧЕНИЕ ИДУТ ПОКА МУЖЬЯ»

М. Е. Гольденштейн

Гольденштейн Макс Евсеевич (1895–1941). *Родился в г. Кишинёве Бессарабской губ. (ныне — Республика Молдова). Десять лет проработал в Главном управлении стеклянной промышленности (Главстекло) Наркомата лёгкой промышленности в Москве. Красноармеец 39-го сп 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения (с сентября 1941 г. — 140-я сд, Западный фронт). Пропал без вести в октябре 1941 г. под Вязьмой.*

Жена М. Е. Гольденштейна — Хая и сын Борис (1933 г. р.), которым адресованы письма, — эвакуировались в г. Владимир Ивановской обл. (ныне — областной центр).

Копии писем и фотография переданы сыном М. Е. Гольденштейна — Б. М. Гольденштейном (Москва).

20 августа 1941 г.

Мои родные, дорогие!

Сегодня я ожил: получил первое открытое письмо с приложением от 4.08. Нешумкале![1] Первое, что меня обрадовало, — это что вы живы и здоровы и что вы с Бориком очень дружно живёте. Это самое главное. Нешумкале! Я писал домой в Москву письма через день, и они, наверное, там. Т. к. я ответа за полтора месяца не получил, то стал тебя и Борика разыскивать через знакомых и всем знакомым в Москву писал, однако ответа я не получил до сих пор. Удивляюсь, почему дома в Москве никого не оставила, чтобы переслали тебе мои письма.

Нешумкале! Прошу тебя, чтобы ты учла, что[бы] вследствие твоей болезни пока на работу не устраивалась, а заниматься можешь, конечно, общественной работой, необходимой в нынешнее время. Т. к. денег тебе нужно больше, чем получаешь, то не стесняйся и продавай некоторые вещи, как мои часы и др. Живы будем — вновь купим, а в необходимом себе и ребёнку не отказывай.

Посылаю тебе адрес одного ополченца, т. Османа[2]; его дети и

[1] Душечка! (идиш)

[2] Евсей Давидович Осман (1894–1941). Рядовой, пропал без вести в октябре 1941 г.

мать во Владимире, и он им тоже напишет, — ты сможешь Борика у них оставить. Они, очевидно, очень симпатичные, судя <…>*.

Дорогой мой сыночек Боренька. Папа, конечно, по тебе соскучился, но приехать я не могу: ты ведь знаешь, что теперь война и все должны защищать нашу Родину — и я тоже, сыночек. Слушайся мамочку, живи с ней мирно. Когда получишь это письмо, уже начнутся занятия в школе, поэтому постарайся быть опять отличником, как и раньше, а я, когда приеду домой, куплю тебе двухколёсный велосипед.

Пиши письма своему папочке, потому что он тебя крепенько любит и крепенько тебя обнимает и целует.

Поцелуй мамочку. Будь здоров, мой родной. Твоя Головушка.

27 августа 1941 г.

Мои дорогие!

Несколько раз я писал в адрес Главстекла для передачи тебе писем — не знаю, или ты их получаешь.

Я писал работникам Главка. Они мне не отвечают. Всё интересовался тобой и Бориком.

Хаюсик! Прошу тебя, чтобы ты учла, что письма идут очень нерегулярно, и если подолгу ты письма не получаешь, то не следует считать меня не в живых, как ты выразилась в письме к тов. В[иноградову]. Я жив и здоров и, как всякий воин, считаю, что я должен поразить врага, а сам останусь жить и жить буду долго.

Пиши, родная, часто о себе и Борике. Целую крепенько. Ваша Головушка.

Дорогой мой сыночек!

Ты своей Головушке до сих пор письма не посылаешь. Это очень плохо. Наверное, лень писать.

Борик! Папочка тебя просит, чтобы ты сейчас написал письмо и оправил сам.

Пиши, идёшь ли уже в школу и как ты живёшь. Старайся быть отличником дома и в школе и слушайся мамочку. Живи с ней мирно. Всё это мне напиши.

Будь здоров. Твоя Головушка крепенько тебя целует и мамусю тоже.

29 августа 1941 г.

Милые мои, родненькие.

Я жив и вполне здоров — это самое важное. Надеюсь, что и вы,

* Фрагмент текста не сохранился.

мои дорогие, здоровы.

Хаюсик, я вчера получил от тебя пять открыток, написанных в разное время, в июле и августе. На одной приписка Буленьки: «Папочка, я тебя обожаю. Боря». Это очень хорошо, но надо, чтобы сынок больше писал.

Хаюсик! Я всё время пишу, регулярно, и думаю, что теперь связь с письмами налажена, и мы будем чаще получать письма. Ведь полтора месяца я не имел от вас ни одного письма и всюду вас разыскивал, писал всем знакомым в Москву — до сих пор никто не ответил. Писал во Владимир в Главк — тоже никто не ответил.

Хаюсик! Единственное, что я хочу, — это чтобы ты не страдала, когда подолгу писем нет. Я ведь знаю, как ты умеешь переживать. Живи мирно с сынком, люби его, он хороший парень. Не отказывай себе в необходимом; знаю, что денег получаемых тебе не может хватать. Прошу тебя: без стеснения продавай домашние ненужные вещи; ты также наберёшь мои часы, шубу и т. д. Это я тебе от чистой души прошу это сделать и поправить своё здоровье. Я полагаю, что твоя щитовидная железа тебя, наверное, беспокоит.

Если поедешь в Москву, то зайди к врачу.

Хаюсик! Я тебе писал несколько раз; не знаю, получила ли письма. Наш ополченец тов. Осман тоже написал своей матери во Владимир. Она там с его детьми, и ты сможешь на некоторое время оставить Борика у них и поехать в Москву, проверить квартиру. Может, надо тебе взять некоторые вещи, и оттуда сможешь мне послать посылку. Адрес: Осман, Владимир, ул. Стрелецкая, 42, общежитие слепых и глухонемых.

Хаюсик! Если пошлёшь посылку, то положи мой шерстяной шарфик, перчатки и пару шерстяных носков.

Прошу, чтобы ты мне регулярно писала. Можешь писать письма закрытые, без марок. Пиши подробно о себе и Борике, о вашем здоровье, имеешь ли связь с Главком. На случай, если они куда-нибудь выедут (об этом кто-то сказал, но я точно не знаю), ты от них не отрывайся.

Получаешь ли полностью мою зарплату?

Я подписался на однодневный заработок в месяц в Фонд обороны страны[1] — впредь до окончания войны это будут удерживать с зарплаты. <…>

Будь здорова и не скучай. Будем жить и надеяться на нашу встречу когда-нибудь.

Целую тебя и Борика. Люби его и береги, но не забудь о своём здоровье: оно у тебя неважное, поэтому надо здоровье беречь — нам пригодится.

Всего хорошего. Ваша, как всегда, Головушка.

---

[1] Фонд обороны — специальный фонд, в который поступали добровольные пожертвования граждан СССР на нужды фронта.

29 августа 1941 г.

Хаюсик, дорогая.

Пишу в Москву, так как полагаю, что ты выбралась на некоторое время по всяким делам.

Вчера я получил от тебя пять открыток, в разное время написанных, в июле-августе, последняя от 17.08, и на некоторых нет даты. Не забудь, когда пишешь, написать число.

Я страшно обрадовался тем, что наконец и ты стала получать от меня письма. Я ведь всё время пишу регулярно. Это, думаю, не повторится. Что по полтора месяца письма в пути, а если и случится, то учти и не считай меня уже погибшим, может случиться, что письма будут задерживаться в пути. Хаюсик, пиши по новому адресу — вместо 571 почта 4241. Можешь писать закрытые письма без марок.

Меня интересует твоё и Борика здоровье.

Хаюсик! Я знаю, что твоя щитовидная железа, вероятно, здорово тебя беспокоит и тебе нужна поправка, которую ты получить не можешь с получаемой зарплаты, поэтому очень прошу тебя продать мои часы, мою шубу и др. вещи. Чтобы хватило тебе и Борику. Это тебе советую от чистого сердца это сделать и не отказывать себе в необходимом. Надо беречь здоровье, оно дороже вещей, а здоровье нам пригодится. Мне и Борику ведь тоже нужна здоровая мама, которая его обязана воспитать. <…>

Кто-то говорил здесь, будто Главк из Владимира выезжает, если так, держи связь с ними и не отрывайся от них, я ведь 10 лет работаю там, и есть согласие замнаркома относительно выезда семей <…>.

Хаюсик! Если пошлёшь посылку, то пошли мой шерстяной шарфик, перчатки и пару шерстяных носков. Остальное — продукты сало, сыр, колбасу, леденцы, сушки и немного сахару, полкило.

Пиши, получаешь ли полностью мою зарплату. <…>

Хаюсик! Я жду частых твоих и Боринкиных писем. Пиши через день. Как я пишу.

Будь здорова. Целую крепенько тебя и Борика, береги сыночка, он очень хороший, люби его крепенько, как я его люблю.

Пошёл ли Борик в школу? Напиши.

Ваша, как всегда, Головушка.

31 августа 1941 г.

Дорогие мои, миленькие Хаюсик и Борик.

Вчера получил открытку от 20 августа и сегодня тоже получил открытку, задержанную в пути. Но, Хаюсик, ты забыла писать дату

письма. Хаюсик! Ты пишешь, что собираешься устроиться на работу. Я считаю, что пока этого сделать ни за что не должна. Тебя ведь врачи освободили от работы по болезни. За это время ты не лечилась, своё здоровье не поправила, поэтому на работу пока не поступай. Тебе необходимо подождать до января, и до этого времени ни в коем случае не устраивайся на работу, ибо не знаешь, долго ли будешь жить во Владимире, и, кроме того, необходимо иметь пристальное наблюдение за ребёнком, а это может только родная мать. А ведь работу по своей специальности во Владимире не найдёшь.

Кроме того, на любой работе, кроме основной, необходимо заняться общественной. И то и другое с твоей болезнью ничего не получится. Поэтому рекомендую и советую послушать мой совет пока не устраиваться на работу. Можешь пока ограничиваться общественной работой. Надеюсь, что меня послушаешь. <…>

Хаюсик, дорогая, я прошу, чтобы ты и Борик часто мне писали. Можно писать закрытые письма без марок или с марками, сюда доходят и те и другие.

Я вполне здоров и успокоился за вас, как начал от вас получать письма.

Жду в дальнейшем регулярно письма твои и Борика. Есть ли письма от наших родных? Будьте здоровы. Целую крепенько. Ваша Головушка.

Дорогой сыночек!

Почему ты своему папочке ничего не пишешь? Попроси у мамы бумагу и напиши письмецо. Пошёл ли ты в школу и мирно ли живёшь с мамочкой? Пиши часто. Твоя Головушка по тебе соскучилась. Целую тебя крепенько и прижимаю очень крепко.

6 сентября 1941 г.

Миленькие мои, родные, Хаюсик и Борик.

Получил вчера от вас две открытки: одну старую, без даты, и одну от 26.08. По всему видно, что почта ещё письма задерживает.

Нешумкале! Напрасно ты приняла на свой счёт, что я писал, что люди получают посылки, а я нет. Я ведь только об одном мечтал — получить от тебя письмо, что ты и Борик живы и здоровы, а насчёт посылки — это меня меньше всего интересовало и даже сейчас.

Хаюсик, ты ведь знаешь, как всегда, у меня еда на последнем плане — и даже сейчас в этих условиях. Я хлеб не съедаю весь, а также остальная пища меня вполне удовлетворяет, правда, нет лакомств. Этим здесь не балуют, поэтому неплохо [бы] получить посылочку, но это не обязательно. И я ни в коем случае не думал и не хотел тебя обидеть.

Нешумкале! Я сегодня получил письмо от Кричевского, он пишет, где Поля и дети. Предлагает свои услуги насчёт посылки. Это принял к сведению и пишу ему, чтобы он мне послал кило сало и сахару, это мне необходимо, ибо жиров получаю не совсем достаточно, и у меня могут начаться снова фурункулы, а болеть здесь я не собираюсь, надо принять профилактические меры.

Я тебе уже писал, что получил маленькую посылочку от сотрудников Главстекла, это на некоторое время меня вполне устроит.

Хаюсик! Пиши, родная, о себе и Борике. Помни, что я тебе писал пока быть дома с сыном, а насчёт фронта, куда ты хотела бы поехать, то без тебя пока хватит, тебе ведь, по секрету, лет до 50 осталось немного (не сердись за правду), и, кроме того, в ополчение идут пока мужья, а жёны дома остаются, так что побудь с сыном. Люби его, ухаживай за ним, и будем надеяться, что живы будем, встретимся, заживём. Будь здорова. Целую крепко.

7 сентября 1941 г.

Дорогой мой Борик.

Папочка всё ждёт от тебя письмо, как ты ходишь в школу во Владимире, какие у тебя отметки, слушаешься ли мамусю. Я хоть и так знаю, что ты, наверное, отличник в школе, ведь ты из Москвы должен показать хороший пример, что учишься только на «отлично».

Пиши мне, дорогой мой сыночек, и пошли мне хороший рисунок, ты ведь рисовать умеешь.

Будь здоров, дорогой, крепенько тебя обнимаю, прижимаю и целу́ю <…>* и макушечку. Твоя Головушка.

12 сентября 1941 г.

Хаюсик, дорогая!

Получил твою посылку, за что очень тебе благодарен, но всё же извини, но такие посылки посылать не следует. Очень много. Ты не учла, что буфета и шкафа у меня нет, и укладывать некуда, всё приходится носить с собой, поэтому в дальнейшем очень прошу учесть. Консервы хорошо кушать, но три банки — очень тяжёлый груз. Сыр наполовину испортился, заплесневел. Всё остальное в порядке. Главное, что я тебя разорил, ибо в настоящее время в твоём бюджете прорыв из-за расходов, потраченных на этакую посылочку, но ничего, всё съем с большим удовольствием, тем более что это ты послала. Конфеты, сахар, колбаса — всё это очень хорошо, кстати. Но в следующий

* Одно слово неразборчиво.

раз прошу такие большие расходы не делать. Печенье пришлось уничтожить сегодня же, потому что сумка полна.

Хаюсик! Если будет возможность, то кроме сала и сахару посылать ничего не надо, можно немного таких конфеток, как послала — простые в бумажке.

Хаюсик! Пару дней от тебя писем нет, стало скучно. Но, думаю, что письма придут сразу.

Хаюсик! Как у тебя насчёт поездки в Москву? Надо выбраться на пару дней, постараться повидать Клару. Она чего-то обижена, что ты её не предупредила, что уехала. Неплохо, если увидишь тётю Цилю. Она ведь родной человек, и с ней не следует быть в ссоре.

Пиши, родная, как ты и Борик. Я по вас соскучился, но ничего не поделаешь, время военное, и когда сможем друг друга повидать, конечно, неизвестно.

Прошу тебя, дорогая, живи мирно с Бориком, следи за собой и за сыном. Ликвидируй домашние вещи на необходимые расходы для вас, не стесняйся, и береги здоровье — оно у тебя неважное. Целую крепенько тебя и Борика. Ваша Головушка.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 420, 425; 430.

«И ЕВРЕЕВ НЕ БУДУТ ВЫГОНЯТЬ НА ПЛОЩАДИ, РАССТРЕЛИВАЯ И СЖИГАЯ»

С. Ш. Паперно с родителями. 1940 г.

Паперно Семён (Хема) Шмуйлович (1920–1941). *Родился в г. Бобруйске ССРБ (ныне — Республика Беларусь). Танкист, командир роты 74-го тп 37-й тд (Юго-Западный фронт). Пропал без вести осенью 1941 г. Сохранилось одно письмо С. Ш. Паперно родственникам, отправленное по дороге на фронт.*

Оно адресовано родителям, брату — Фёдору (Фишелю)[1], племяннице — Белле и дедушке. В письме упоминаются брат — Мирон Паперно и его жена — Дина (родители Беллы).

Паперно (Поперно) Мирон Шмуйлович (Самуилович) (1918–1945). *Родился в Бобруйске. До призыва в РККА в 1938 г. жил с женой и дочерью в Ленинграде. Лётчик. Воевал на Северо-Западном, Степном, 1-м Украинском и 2-м Украинском фронтах в ночной легкобомбардировочной, затем в штурмовой авиации. Пилотировал самолёты У-2 и Ил-2. Командир звена в 992-м ночном бап 312-й ночной бад, позднее — в 155-м гв. шап 9-й гв. шад. Был легко ранен 16 октября 1941 г. и 5 августа 1943 г. Гв. старший лейтенант. Награждён орденами Бое-*

[1] Фёдор (Фишель) Шмуйлович Паперно (1923 — после 2000). Родился в Бобруйске. В 1941–1945 гг. — на фронте. Майор м/с. Награждён медалями «За отвагу» (1943) и «За боевые заслуги» (1945). После 1990 г. жил в США.

вого Красного Знамени (1944), Отечественной войны I степени (1945), Красной Звезды (1943). Не вернулся из боевого вылета 16 апреля 1945 г.

Письма М. Ш. Паперн адресованы родителям, жене — Дине (Евдокии) Уваровне Паперно и дочери — Белле, эвакуированным в г. Свердловск (ныне — Екатеринбург). Одно письмо адресовано брату — С. Ш. Паперно на фронт.

Копии писем и фотографии переданы двоюродным внуком — В. Славицким (Бостон, США).

Письмо С. Ш. Паперно родным

7 сентября 1941 г. Полтава

Дорогие мама, папа, Федя, Белла, дедушка и все-все! Пишу проездом в Полтаве, а дальше поеду только туда, откуда приходят с победой или погибают. У меня только эти два выхода — отступать со своими танками я не буду. Правда, в первых боях, когда на нас напали, вместе с остальными дрались как львы; цель теперь — совсем другое: «Или смерть, или победа». Но ничего, дорогие, немецкую сволочь уничтожим, и тогда опять заживётся свободной жизнью. И евреев не будут выгонять сотнями на площади и в Синагоги, расстреливая и сжигая их, не смотря на то, дети ли это или женщины. Да, я расскажу вам очень много, когда приеду домой — на вечер. Очень много я видел своими глазами, будучи в разведке, много мне рассказывали товарищи. Очень много мне рассказывали евреи — очевидцы.

Дорогие, пишите! Где Мирон, Дина и все, все? Пишите по военному адресу, по всем остальным не пишите.

Итак, дорогие, будьте здоровы. Желаю вам всего хорошего в жизни.

Ваш сын, брат и внук Хема.

Сейчас уезжаю.

Я вам недавно послал телеграмму. Получили вы или нет?

Слушай, Израиль: Г-сподь — Б-г наш, Г-сподь один![*]

Итак, будьте здоровы. Хема.

[*] Выделенные курсивом слова — первая строка молитвы «Шма Исраэль», написанная на древнееврейском языке в идишской транскрипции.

М. Ш. Паперно. 1945 г.

Письмо М. Ш. Паперно брату Семёну

7 ноября 1941 г. Кострома

Дорогой братишка Сёма! Поздравляю тебя с 24-й годовщиной Октября и желаю тебе успехов в твоей боевой жизни. Сёма, очень жаль, что мне до сих пор не удалось наладить с тобой связь. Ведь я тебе неоднократно писал, но от тебя никаких весточек не получал. Из Ленинграда и Свердловска больше 3-х месяцев ничего не имел, что меня очень волнует. О себе могу сообщить следующее: 16-го октября ранили в левое бедро. Рана не очень серьёзная, но пока ногу сгибать в колене не могу. Опасаюсь, что к самолёту не скоро вернусь, хотя врачи говорят, что скоро вернусь в строй. Должен тебе сообщить, родной, что и от моей руки погиб не один бандит. Последние 2 месяца работал на штурмовиках. Работали довольно неплохо, за что получил благодарность и представили к награде.

Надеюсь и уверен, что ты на своей машине также не даёшь им спуску.

Сегодня отправляют в полевой госпиталь, уверен, что скоро вернусь и опять будем вместе. Будь здоров, целую тебя, желаю успехов, твой брат Мирон.

Письмо Мирона Паперно родным*

12 апреля 1943 г. М[о]ск[овская] обл., Калининград

Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Дина и дорогая доченька.

Шлю вам свой горячий привет и самые лучшие пожелания в жизни. Дорогие, я уверен, что письма мои и телеграмму вы получили и вам не приходится испытывать беспокойство обо мне. Как вам известно, из Алатыря в начале февраля я вылетел с частью на фронт. Были мы на Северо-Западном фронте в Ленинградской обл. Работали мы до первых чисел марта месяца и вследствие распоряжений свыше прилетели в Москву, где и сейчас находимся в ожидании дальнейших рас-

* Текст письма набран на пишущей машинке.

поражений. Должен вам, дорогие, сказать, что работали мы неплохо. Лично я сделал 21 боевой вылет за 7 ночей. 21 раз я сбрасывал бомбы на голову врага и обстреливал его из пулемётов; и каждый раз, когда я сбрасывал бомбы, я вспоминал Сёму, ваши переживания и мои, вспоминал Ленинград, Динусю и дорогую Беллочку. Вспоминал, как Беллочка просила кусочек хлеба, вспоминал родных, бежавших из Белоруссии, и от этого кровь у меня делалась горячей, я презирал всякие опасности, несмотря на сильный зенитный огонь, на прожекторы, всегда бомбил цель, не уходя до тех пор, пока не убеждался, что бомбы легли и поразили цель. И всякий раз я твердил: «Это вам за брата, за жену и дочь, за стариков из Белоруссии, за слёзы и горе отцов и матерей, за наши города, превращённые в руины, за родину». Звено моё работало хорошо. В целом звено 56 раз бомбило проклятых извергов.

Дорогие, самочувствие моё в настоящее время прекрасное. Правда, иногда, особенно в полётах более 1,5-2-х часов, чувствуется ранение 1941-го г., но ничего. Очень много, дорогие, переживаю из-за того, что никак не могу получить от вас письма, что не знаю, что и делается дома. Ведь я выбыл из Алатыря, когда папа был ещё в Средней Азии. От Феди я тоже ничего не имел и не знаю. А ведь как хочется всё знать. Дорогие, попрошу вас писать пока по следующему адресу: Московск[ая]. обл., гор. Калининград, [до] востребования.

А пока будьте здоровы, целую вас крепко, привет родным, ваш сын М[ирон].

Обо мне не беспокойтесь. Обеспечен я хорошо и свой долг перед отчизной выполняю.

Прошу вас ещё раз, дорогие, написать подробное письмо о жизни, о здоровье, о всём том, что делается дома.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 431; 437, 444.

«НУЖНО ЖДАТЬ САМОГО ХУДШЕГО, ИБО Я ЕВРЕЙКА»

Б. М. Глущенко со старшим сыном — Евгением. Ростов-на-Дону. 16 мая 1940 г.

Глущенко (Грановская) Блюма Марковна (1906–1987). *Родилась в с. Ерки в окрестностях пос. Екатеринополь Киевской губ. (ныне — Катеринополь Черкасской обл., Украина). Там окончила среднюю школу. С 1929 г. жила в г. Ростове-на-Дону. В 1938 г. вышла замуж за Якова Давыдовича Глущенко[1]. В 1941 г. жила в Ростове-на-Дону с сыновьями — Евгением (от первого брака, 1933 г. р.) и Эдуардом (1938 г .р.).*

Б. М. Глущенко с детьми в августе 1941 г. бежала из Ростова-на Дону в с. Красное Штейнгартовского (ныне — Кущёвского) р-на Краснодарского кр., где проживали родители мужа — Давыд Андреевич и Домна Сафоновна Глущенко. У них же она скрывалась в период оккупации с. Красное германскими и румынскими войсками в августе 1942-го — феврале 1943 г.

В 1946 г. семья Глущенко вернулась в Ростов-на-Дону.

Публикуемое письмо отправлено Б. М. Глущенко брату — Григо-

[1] Я. Д. Глущенко (1911–1994) — участник Советско-финляндской войны, был снова призван в РККА 25 июня 1941 г. Служил в автомобильных частях на Ленинградском фронте, в т. ч. на «Дороге жизни». Старший лейтенант, командир 1-го отд. автобронебатальона. Награждён орденом Отечественной войны II степени (1944).

рию Марковичу Грановскому (David Hirsh Granof) в Нью-Йорк (США), где он жил со своей семьёй с 1921 г. Он поддерживал переписку с родственниками в СССР в 1920–1940-е гг.

Копия письма и фотографии переданы внучкой Б. М. Глущенко — М. Э. Ожеговой (Москва).

Григорий (Давид-Герш) Грановский с женой — Диной. США. 1928 г.

17 ноября 1941 г. [с. Красное]

Милый, дорогой Гриша!

Если ты получишь это письмо, то немало удивишься, ибо сколько прошло за это время, что я тебе не писала. Я думаю, что ты знаешь, почему мы не писали тебе. Но теперь, когда жизнь моя висит на волоске, я напишу всё же тебе, своему брату.

Жизнь так сурова и безжалостна, что так бросала нас, и теперь я осталась одна с двумя детьми. Жене скоро будет 9 лет, а младшему, Эдику, — 3 года. Мой муж где-то далеко на фронте, с первого дня войны. Вот уже 1,5 месяца, как я ничего не слышу о нём. От Авраама[1] уже 2 месяца ничего нет, его семья где-то блуждает. Я живу теперь у родителей моего мужа, ибо в том городе, где я жила, невозможно было мне жить. Это деревушка довольно глухая, но всё же фашистские изверги и нас бомбят, абсолютно беззащитных и беспомощных людей.

[1] Абрам (Авраам) Маркович Грановский — брат Б. М. Грановской. Его письма публикуются ниже: «Они мне говорили из-под земли: мсти».

Мы живём в вечном страхе. Многие с нашего города эвакуировались далеко, у меня средств нет, и я осталась здесь. Что ждёт меня, если враг займёт наше село? Конечно, нужно ждать самого худшего, ибо я еврейка.

Родные мужа успокаивают меня, но я меньше всего верю в благородство этих извергов [гитлеровцев — Сост.]. Поэтому, дорогой, я прошу тебя, не оставляй моих детей, ибо у них никого нет в целом свете, и я верю и надеюсь, что ты их не оставишь.

Если будешь искать — то по фамилии Глущенко Эдуард Яковлевич, это имя маленького мальчика, а Женю ты и сам знаешь, как [найти]. Если я останусь жива, то напишу ещё. Хорошего так и не пришлось мне видеть. Всю жизнь свою я прожила в горе, в недостатках — и всё же верила, трудилась и ждала чего-то хорошего. Теперь всё рухнуло. Пришли чужие, злые люди, разрушили наши города, фабрики-заводы, наши насиженные места, и мы как неприкаянные блуждаем по свету. Говорят, что ваша страна и правительство помогают нам. Может, это и правда, но мы плохо ощущаем эту помощь. Если бы ваша страна, такая мощная технически, бросила бы всю силу своей техники к нам, то это видно было бы. Помогайте всем, особенно вы, жившие и родившиеся здесь, знающие наш быт, нашу жизнь, вы обязаны помочь всем, чем можете. Я знаю, что ты бедняк, даже безработный, — но ты можешь помочь. Ты культурный и образованный человек, владеющий несколькими языками. И этим ты нам поможешь.

Вольдемар[1] был у нас в стране, не так давно, я его не видела и не знала, что он в Москве, я узнала об этом в прошлом году, но он всё видел и, несомненно, тебе, как товарищу, обо всём рассказал.

Такие люди, как ты [и] Вольдемар, могут помочь и, безусловно, помогут. Я верю, что мой брат — честный труженик, а раз так — то будешь помогать нам всем, чем сможешь.

Кончаю и надеюсь на тебя.

Всего наилучшего.

Будь здоров и крепок.

Целую тебя. Привет от моих сыновей.

Твоя сестра.

[1] Вольф Исаакович Ладежинский (1899–1975). Родился в Екатеринополе, эмигрировал в США в 1922 г. Известный американский экономист, специалист по сельскому хозяйству. Сыграл ключевую роль в разработке и практическом воплощении аграрных реформ после Второй мировой войны в Японии и на Тайване.

Б. М. Глущенко с детьми. Надпись на обороте: «Нашему папочке от Жени, Эдика и мамы. 7 июня 1943».

Я. Д. Глущенко

АНПЦХ. Ф. 10. Коллекция «Евреи в тылу и эвакуации». Оп. 1. Ед. хр. 27; 23, 21, 30.

«ОНИ МНЕ ГОВОРИЛИ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ: МСТИ»

А. М. Грановский. Украина. Июнь 1944 г.

***Грановский Абрам (Авраам) Маркович (1911–1974)**. Родился в пос. Екатеринополь Киевской губ. (ныне — Катеринополь Черкасской обл., Украина). Учился в Уманской еврейской профтехшколе, затем в техникуме в Харькове. С 1928 г. работал на Харьковском паровозостроительном заводе (ныне — Харьковский завод транспортного машиностроения им. В. А. Малышева), окончил 2 курса института в Харькове. В 1933 г. призван в РККА, служил в КОВО в бронетанковых частях. Перед войной жил в г. Золочев Львовской обл. УССР (ныне — Украина). В 1941–1945 гг. — участник боевых действий на Юго-Западном, Донском, 1-м Украинском и 3-м Украинском фронтах. С ноября 1943 г. по январь 1946 г. — зам. командира по политчасти 12-го отд. танкового Бердичевского полка прорыва. Подполковник. Награждён орденами Отечественной войны I и II степеней (1945 и 1944), двумя орденами Красной Звезды (1943, 1944), медалями «За боевые заслуги» (1944) и «За оборону Сталинграда» (1943). В феврале 1946 г. по доносу осужден на 5 лет за нецелевое использование служебного транспорта и ввоз личного (в действительности — наградного) оружия через границу в СССР. Лишён звания и наград. Срок отбывал в лагерях Дальстроя[1]. В 1954 г. реабилитирован, но в наградах восстановлен не был. Жил в Ростове-на-Дону, работал бухгалтером в речном порту.*

Жена А. М. Грановского — Ольга Давидовна Грановская (Шик) и дочь Евгения (1937 г. р.) — эвакуировались из Золочева в г. Троицк Челябинской обл. В 1945 г. они вернулись в Екатеринополь.

Письма А. М. Грановского адресованы жене и дочери.

Копии писем и фотографии переданы М. Э. Ожеговой (Москва).

Письмо от 15 мая 1944 г. публикуется по тексту «Чёрной книги» (М., 2015. С. 87–88).

[1] Главное Управление строительства Дальнего Севера МВД СССР.

Письмо А. М. Грановского дочери

17 января 1944 г.

Дорогая доценька.

Получил твоё милое письмо и очень обрадовался им.

Узнав о твоей тяжёлой болезни, я очень много пережил. Как хочется побыть мне с тобой хоть один день! Но это пока невозможно. Надо уничтожать проклятых немцев и идти всё дальше и дальше.

Я вернусь к тебе, крошечка. Вернусь, и никогда больше мы не расстанемся.

Желаю тебе много здоровья. Крепко обнимаю и целую любя.

Твой папа.

Письмо А. М. Грановского жене

15 мая 1944 г.

Это письмо сохрани. Это всё, что осталось от нашего любимого Екатеринополя — моё письмо, развалины, могилы земляков и девочка Соня. Больше ничего. Там, где мы с тобой росли, учились, любили, — трава, а близкие в земле.

Нет больше Екатеринополя, его уничтожили немцы. Осталась только девочка Соня.

Когда я приехал в наше местечко, — это было 9 мая 1944 года, — я не нашёл своего дома. Голое место... Я ходил среди развалин, искал людей, но никого не нашёл, все расстреляны. Никто меня не встретил, никто не подал руки, никто не поздравил с победой.

Потом я встретил Соню Диамант[1]. Ей теперь пятнадцать лет. Чудом она спаслась, немцы трижды её вели на казнь. Она мне рассказала о трагедии Екатеринополя.

Приехали эсэсовцы, начались обыски, грабежи, погромы. Всех евреев загнали в особые лагеря. В Звенигородке был лагерь для негодных к труду. Там заперли стариков, больных, женщин с грудными детьми и детей до четырнадцати лет.

Кто мог работать, попал в лагерь возле станции.

6 сентября 1941 года в Екатеринополе расстреляли первую партию: коммунистов, колхозный актив, много евреев.

Всех, кто был в Звенигородском лагере, убили в апреле 1942 года. Убили восьмидесятилетнюю Хану Лернер за то, что она слишком стара, и младенца Мани Фининберг — ему был месяц от роду — за то, что он слишком молод.

[1] По воспоминаниям дочери А. М. Грановского, он помогал Соне Диамант вплоть до своего ареста, хотел её удочерить.

В лагере у станции убили не сразу, долго мучили, заставляли работать по восемнадцать-двадцать часов в сутки, издевались. Девушек насиловали. Стариков пороли розгами. Наконец, осенью 1942 года, расстреляли всех — из Екатеринополя, Шполы, Звенигородки — 2000 евреев.

Ты помнишь старого парикмахера Азрила Прицмана? Ему было 76 лет. Он крикнул перед смертью: «Стреляйте в меня! Мои сыны отомстят». Его пятеро сыновей на фронте. А бондарь Голиков! Восемьдесят лет ему было, немцы его ранили, он приподнялся, окровавленный, и закричал: «Гады, стреляйте ещё! Одной пулей меня не возьмёте!»

Двадцать восемь родственников Голикова на фронте — сыновья, внуки, зятья, племянники.

Первый наш колхозник, старик Мендель Ингер, гордо встретил врага. Это было в первый день, когда пришли немцы. Менделю было семьдесят лет. Он не хотел с ними разговаривать. Его сразу расстреляли.

Я был у могил, и я как будто видел родных, земляков; они мне говорили из-под земли: «Мсти!» Я обещал, что отомщу. Дважды в жизни я присягал на верность своему народу: когда мне вручили мою грозную боевую машину и второй раз — у могилы Екатеринополя.

Абрам Грановский.

Письмо А. М. Грановского дочери

4 марта 1945 г.

Дорогая доценька моя. Поздравляю тебя с Днём рождения.

4-й год я не вижу тебя в этот день и не могу крепко-крепенько обнять и поцеловать тебя.

Из далекой и чужой страны прими мои наилучшие пожелания и разделяй со мной надежду, что скоро, очень скоро мы встретимся, и я поздравлю тебя за все годы разлуки.

Золотко моё! Будь счастлива и здорова. Верь в нашу скорую встречу, как верю я.

Крепко обнимаю и целую тебя. Твой папа.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 448, 452; 445.

«СЛЁЗЫ ЯРОСТИ НАВОРАЧИВАЮТСЯ, КОГДА ВИДИШЬ, ЧТО ЭТИ ГАДЫ ДЕЛАЮТ С МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ»

Илья и Софья Ивянские. Севастополь. 1931 г.

***Ивянский Илья (Элья) Борисович (Беркович) (1906–1943)**. Родился в г. Одессе Херсонской губ. (ныне — областной центр, Украина) в семье провизора-аптекаря. Окончил школу в Минске. Женился в 1927 г. Выпускник Московского энергетического института (ныне — Национальный исследовательский университет «МЭИ»). До декабря 1941 г. работал главным инженером «Коммунэнергопроекта» НККХ РСФСР. С 1942 г., после подготовки в Москве, служил в 369-м отд. батальоне морской пехоты Азовской военной флотилии ЧФ. Лейтенант, командир взвода противотанковых ружей. Убит 24 сентября 1943 г. при высадке десанта у ст. Голубицкой Темрюкского р-на Краснодарского кр. Похоронен на побережье, позднее перезахоронен в г. Темрюк на воинском кладбище.*

*Жена — **Софья Готлибовна Ивянская (Миленькая) (1905/1906 — 1975)** с дочерью **Еленой (1931 г. р.)** — в июле 1941 г. эвакуировалась в Дубово-Умётский с/с (ныне — сельское поселение Дубовый Умёт) Волжского р-на Куйбышевской (ныне — Самарской) обл., затем переехала к родителям мужа.*

*Родители И. Б. Ивянского — **Борис (Берк) Маркович (Мордухович) Ивянский (1881–1945)** и **Эсфирь (Фрума) Осиповна Ивянская (? — 1956)** — эвакуировались из подмосковного с. Никитское в пос. Черноисточинск под г. Нижний Тагил Свердловской обл. С ними были дочери старшего сына — Григория. Б. М. Ивянский до возвращения семьи в Москву в 1944 г. скрывал от родных факт гибели младшего сына — Ильи.*

Публикуется переписка И. Б. Ивянского с родителями, женой, дочерью и племянницами.

Копии писем и фотографии переданы правнучкой Г. Б. Ивянского — С. А. Стратонниковой (Санкт-Петербург).

Письмо родителей и племянниц И. Б. Ивянскому в Москву

24 декабря 1941 г.

Дорогой мой сынок Ильюшечка!

Твои письма и телеграмму получили.

Спасибо, родной мой, я счастлива, что ты, моя радость, — чувствуешь себя хорошо, смотри, умоляю тебя, мой родной, береги себя, не волнуйся за нас, нам хорошо. Всё уладилось хорошо, даже эта поганая девчонка стала с нами хорошо [обращаться] и заискивает теперь у нас, но чёрт с ней, она меня мало интересует; с продуктами тоже хорошо — не хуже, чем в Никитском, только душа болит, что Соня с Леночкой не с нами[1], но я думаю, что нам удастся взять их к нам; только ты, мой родной, не волнуйся за нас всех, всем нам лучше, чем тебе; я тебя умоляю, не болей, думай за всех, береги себя, ведь тебе предстоит тяжёлая жизнь в будущем, я надеюсь, всё будет хорошо, главное — здоровье, здоровье, мой хороший. По аттестату нам [денег] не нужно, лучше оставь деньги себе — эти 100 р., покупай фрукты, [трать их] на табак и за еду. <…> Если есть, бери подороже обеды или пошли лучше, чем нам, [денег] Сонечке больше, а нам не нужно денег, Гриша[2] же посылает 100 р. по аттестату, и нам достаточно. Гришенька тебе носит посылочку с <…>* на домашний адрес, ты как-нибудь постарайся получить. Пиши, родной мой, что тебе послать с Гришенькой, он, вероятно, в августе поедет в Москву, у меня есть много сухарей, табак, консерва рыбная — пиши, дорогой мой, я тебя умоляю, пиши, и я тебе пришлю, это у нас лишнее и не будет нам в ущерб. Ну, дорогой мой,

[1] Жена и дочь И. Б. Ивянского тогда ещё не переехали к родителям.

[2] Григорий — старший брат И. Б. Ивянского. См. ниже его письма с фронта: «Умоляю исполнить мою просьбу — следить за собой».

* Одно слово неразборчиво.

будь же здоров и счастлив, береги себя и не думай, нам хорошо, только бы тебе было хорошо.

Обнимаю и целую тебя крепко, крепко, любящая тебя твоя мать.

Дорогой Ильюшенька. Будь здоров, бодр, крепко, крепко целую тебя. Ната[1].

Крепко-крепко целую. Ика[2]

Пиши, дорогой, что тебе прислать из медикаментов, пиши, чем скорее.[*]

Дорогой сынок! Письмо получил, спасибо. О нас, сынок, и не думай, смотри за собой, дорогой. Никаких аттестатов не нужно. Для чего? Нам довольно Гришиных. Пошли Соне. Есть возможность послать посылку, что нужно? Ну, дорогой, будь здоров, и целую.

Папа.

Письмо жены и дочери И. Б. Ивянскому

24 июля 1942 г.

Дорогой мой, золотой Ильюшенька!

Вчера получила от тебя подробное письмо о твоей жизни в лагерях.

Дорогой мой, я никак не могу свыкнуться с мыслью, что ты не приедешь к нам, ведь ждала тебя 7 месяцев, всё думала, не сегодня завтра приедет мой дорогой муженёк, так хотелось тебя увидеть, поговорить обо всём, посоветоваться, ведь в письмах всего не напишешь, а на душе есть много чего рассказать, а в письме ничего не получается. Я теперь живу мыслью и надеждой, что всё же мне удастся тебя повидать, может, будешь проезжать Куйбышев — то я туда приеду, или, если всё хорошо будет, поеду в Москву; я думаю, что если будет твоя телеграмма о том, что тебя скоро отправляют, то мне дадут пропуск, в общем, всё это фантазия, крик наболевшей души…

Дорогой мой, смотри за собой, береги себя, крепись, ведь скоро будет конец этому проклятому Гитлеру и его своре. Ильюшенька, дорогой, ты спрашиваешь, как живём, — всё по-старому, толкаем время, сыты, я, как тебе писала, работаю избачом[3], фактически это работа агитатора: хожу на огород, пока веду беседы с колхозниками, читаю газеты, а скоро, с началом уборочной, придётся идти и в поле, далеко это поле от нас находится, всё как-то быстрее время уходит. Ленуся со

---

[1] Наталья Ивянская, дочь брата — Григория

[2] Ирина (Ика) Ивянская, дочь брата — Григория.

[*] Далее — текст на отдельном листе.

[3] Работник избы-читальни — сельского центра просвещения.

мной ходит на огород, чувствует она себя неплохо, кушаем на огороде морковку с ней.

Относительно переезда к родителям — прямо сама не знаю, что делать, страшно двинуться в путь с такими вещами, подожду ещё немного, а там видно будет, каковы будут дела у нас.

За нас, дорогой мой, не беспокойся, мы не падаем духом и ждём твоего возвращения к нам!!!

Ещё раз повторяю, береги себя ради нас, помни, что мы живём всеми мыслями о тебе!!! Будь здоров и счастлив, целую тебя без конца крепко-крепко. Твоя Соня.

Сеня остался в Москве работать, его адрес: Ярославское шоссе 103, кв. 17, это, очевидно, домашний. Привет нашим.*

Здравствуй, дорогой мой папуся!

Мы получили от тебя подробное письмо, ты пишешь, что учишься с 5 утра до 10:30 вечера и очень устаёшь, нас это очень огорчило. Ты очень мало пишешь, как ты питаешься? Дорогой мой папочка, как ты себя чувствуешь? Как и где живёшь? Сколько ты ещё думаешь быть в лагере? Папа, получаешь ли от Гриши и дедушки письма? У нас всё по-старому, все здоровы и сыты пока. У нас стало жарко. Дорогой папа, я тебя очень прошу, следи за собой, питайся получше! Как жалко, что мы не увидели тебя, я так ждала твоего приезда! Ну, будь здоров, ещё раз прошу — следи за собой и пиши. Обнимаю тебя и целую, твоя дочь. Привет от наших.

Письма И. Б. Ивянского жене, дочери и племянницам

21 декабря 1942 г.

Моя дорогая, любимая Сончорочка!

Завтра день твоего рождения! Жизнь сложилась так, что и в этом году в этот день я не могу быть с тобой. До слёз обидно! Хочется так много сказать тебе в этот день. Хочется поздравить тебя, поздравить так, чтобы ты почувствовала, как дорога ты мне, почувствовала всю мою любовь. А в письме разве много скажешь? Да и можно ли найти слова для этого? Это нужно сказать не только словами, ибо слов не хватит, это нужно сказать всем своим существом. И больно, что я лишён возможности это сделать. Но что поделаешь, родимая! Мирюсь с этим, откладывая празднование этого дня до будущего года. Но уж в будущем году мы отпразднуем этот день за все 3 года сразу! Отпразднуем так, что дым коромыслом пойдёт.

Сончорик! Моя любимая! Поздравляю тебя, поздравляю тебя от все-

* Далее — текст на отдельном листе.

го сердца с днём рожденья. Желаю тебе, женулька моя маленькая, много здоровья, счастья, бодрости и удачи! Больше, чем кто-либо, ты, Сонюрка, заслужила счастливую жизнь, и поверь мне, родная, что скоро наступит это время, поверь в то, что мы ещё будем вместе жить много и счастливо, и надеюсь, что это будет скоро. Скоро наступает ещё одна знаменательная дата, скоро 15-летие со дня нашей свадьбы. Прошло уж 15 лет, Соник! Из этих 15 лет мы вместе были только 12-12,5 лет. 2,5 года судьба нам задолжала, родная! Но это ненадежный должник, и нужно у судьбы долги вырывать силой. И поверь, моя любимая, что все свои силы, всю свою энергию я употреблю, чтобы наверстать эти 2,5 года.

Сегодня мне хочется сказать тебе, девчурочка, — верь мне, верь в то, что мы опять скоро будем вместе и будем счастливы, будем вместе растить и лелеять нашу гордость, нашу дочурку, нашу Ленусеньку!

15 лет мы уже вместе. Дочурке 11 лет. И ты, глядя на неё, а я, читая её письма, должны сказать друг другу — мы прожили недаром, мы вырастили и воспитали чу́дного, большой души ребёнка, чуткость которого, забота и ласка не поддаются описанию. Растёт хороший, способный и славный человек. И ты, Сонечка, ты должна гордиться этим, ибо дочурка воспитана и взлелеяна тобой.

Так будь здорова, моя Сонюрочка! Пусть будет здорова наша дочурка! Будьте счастливы, бодры, будьте уверены в нашем хорошем светлом будущем!

Мои девчурочки! Я получил ваше письмо, чудное хорошее письмо. Спасибо, большое спасибо за него. Я счастлив тем, что вы получили первую посылочку. Как хотелось бы, чтобы и 2-я посылка уже дошла к вам. Там есть много хороших вещей, которые вам пригодятся. Эх, если бы вы получили эту посылку к Новому году — выпейте немного за своё и моё здоровье.

Сончоричек! Если мне представится возможность, я пошлю ещё одну посылку. Лампового стекла дома нет, но я, м. б., где-нибудь куплю. Только, Соник, боюсь, что оно разобьётся. Родные! Я писал вам уже, что получил от родителей 2 посылки. Кагор, спирт — это из этих посылок. Выпейте кагор за здоровье родителей. Я получаю от них частые письма — эти письма насыщены такой любовью, что плакать хочется, читая их, плакать от того, что не могу сейчас быть с ними и ответить им лаской на ласку.

Соник! Ты пишешь, что живёшь сносно. Помни, родная, что здоровье д[олжно] быть на первом месте. Я не могу посылать вам больше денег, чем то, что ты получаешь по аттестату. Те 400 руб., что я послал недавно, — они случайные. Поэтому, родная, для приобретения продуктов используй все вещи, которые у тебя есть. Не жалей эти вещи — всё наживём, Соник, лишь бы вы были мои.

1 июня 1943 г.

Сончорочка! Ленусенька! Мои дорогие девчурочки!

Я всё ещё в пути. Проехал Армавир. Живу походной жизнью. Проезжаю по местам, где побывали варвары 20-го века. Сколько разрушений, как исковеркан и изуродован этот цветущий край. Невольно руки сжимаются в кулаки, невольно хочется схватить этих проклятых варваров фашистов за горло и душить до тех пор, пока дух из них вышибешь.

Я здоров, бодр, хорошо себя чувствую. Питаюсь очень хорошо. В общем, у меня всё в порядке. За меня не беспокойтесь — главное, берегите себя, помните, что вы, мои золотые, — стимул моей жизни. Я много, очень много думаю о вас — меня страшно волнует ваш переезд. Как вы решили? Может, уже переезжаете? Получили ли аттестат, отношения о пропуске и помощи при переезде? Как хочется получить уже ваши письма — но адреса у меня всё ещё нет. Как только будет — сразу сообщу. Будьте здоровы! Берегите себя, мои любимые!

Обнимаю, целую, ласкаю. Ильюша.

Письмо И. Б. Ивянского родителям, жене и дочери

21 сентября 1943 г.

Мои дорогие, мои любимые, Сончорик и Ленусенька!

Родные мои папочка и мамочка!

Я давно вам не писал — всё никак не выберу времени. Последнее время занят чуть ли не круглые сутки. Большей частью я нахожусь в таких условиях, когда трудно найти и время и место, чтобы черкнуть пару слов. Живу я по-прежнему хорошо, здоров и бодр. Жизнь веду походную, боевую. Вы, наверно, очень внимательно следите за газетами и знаете, как гонят наши войска проклятых фрицев. И мы также участвуем в этом и прикладываем свою тяжёлую руку моряков-пехотинцев [к] этим проклятым варварам. Слёзы ярости наворачиваются, когда видишь то, что делают эти гады с мирным населением. И мы мстим и будем мстить до тех пор, пока хоть один из этих гадов будет живым на нашей земле.

Обо мне не беспокойтесь, у меня всё в порядке. Я уже писал вам, что получил от Гришеньки письмо от 18.08. У него тоже всё в порядке, и он по-прежнему блестяще воюет и гонит фрицов так, что их не догнать.

Мои золотые! Как вы живёте? Что у вас? Будем надеяться, что уже скоро мы встретимся и будем все вместе, будем неразлучно.

Берегите себя, мои дорогие! Берегите себя и помните, что ваше здоровье — это стимул всей нашей жизни.

Привет и поцелуй Ривочке и детям[1]. Обнимаю крепко-крепко. Целую вас, мои золотые. Весь ваш, Ильюша.

Письмо К. В. Васильева Григорию Ивянскому о гибели брата

30 ноября 1943 г.

т. Ивянский Г. Б.

Вашего брата, Ивянского Э. Б., я знаю с тех пор, когда мы вместе учились ещё в Москве, и вместе были назначены в один батальон морской пехоты, и вместе шли в бой морским десантом брать г. Темрюк. После этого боя Ваш брат не вернулся, а я вернулся раненным, он пал, как герой в бою и там же и похоронен около залива г. Темрюк.

О его смерти его родным было офиц[иально] уведомлено. Конечно, моё уведомление, кроме горя Вам ничего не принесет, но что делать…

Зам. ком[андира] бат[альона] Васильев К. В.

[Подпись]

АНПЦХ. Ф. 53. Личный фонд семьи Ивянских. Оп. 1. Ед. хр. 19, 24, 33, 35, 40, 42; 90.

[1] Жена и дети брата — Григория.

«УМОЛЯЮ ИСПОЛНИТЬ МОЮ ПРОСЬБУ — СЛЕДИТЬ ЗА СОБОЙ»

Г. Б. Ивянский. Надпись на обороте: «Дорогой любимой жене и прекрасным деткам, Ирочке и Наточке, от их мужа и отца. Гриша. 26.3.45 г.»

***Ивянский Григорий Борисович (Беркович) (1904–1976)**. Родился в г. Одессе Херсонской губ. (ныне — областной центр, Украина). Жил в Минске, где женился в 1923 г. Окончил педагогический ф-т Белорусского государственного университета. В 1925 г. переехал в Москву. Работал прорабом на стройке. В 1934 г. окончил Московский инженерно-строительный институт (ныне — Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет). В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию.*

В РККА с 23 июня 1941 г. В 1942 г. окончил Военно-инженерную академию (ВИА) им. В. В. Куйбышева (ныне — Военный институт (инженерных войск) Общевойсковой академии ВС РФ). Воевал на Западном, Юго-Западном, 1-м Украинском и 2-м Украинском фронтах. Зам. командира 250-го отд. мотоинженерного батальона 53-й армии, позднее — начальник отделения технического обслуживания и разграждения штаба 58-й инженерно-саперной бр. 52-й армии. Инженер-майор. Награждён орденами Боевого Красного Знамени (1945), Отечественной войны I и II степеней (1944; 1943), Красной Звезды (1943). Войну окончил в Берлине, где служил ещё три года. Впоследствии жил в Москве, занимался преподавательской деятельностью. Проф., д-р техн. наук. Награждён медалью «За трудовую доблесть».

Жена Г. Б. Ивянского — Ревекка (Рива) Марковна Ивянская (Гуревич) (1905–1998) — эвакуировалась в г. Нижний Тагил Свердловской обл., работала кассиром в аптеке. Жила у тёти и её мужа. Дочери — Ирина (в письмах — Ика) (1929 г. р.) и Наталья (в письмах — Ната) (1933 г.) — проживали в эвакуации в пос. Черноисточинск под Нижним Тагилом с родителями Г. Б. Ивянского[1]. В 1944 г. семья вернулась в Мо-

[1] См. выше их письма: «Слёзы ярости наворачиваются, когда видишь, что эти гады делают с мирным населением».

скву. В оккупированном Минске погибли родственники Р. М. Ивянской.

Письма Г. Б. Ивянского адресованы жене и дочерям.

Копии писем и фотографии переданы правнучкой Г. Б. Ивянского — С. А. Стратонниковой (Санкт-Петербург).

Письма Г. Б. Ивянского жене

[20-е числа марта 1942 г. Фрунзе (ныне — Бишкек, Кыргызская Республика)]

Девочка моя дорогая, радость моя!

Видишь, какой я хороший. Стоило тебе только написать о том, что ты за последнее время стала редко получать от меня письма, хотя и не я являюсь виновником этого, как полетели к тебе весточки ежедневно. Как только урываю свободную минутку, тут же пишу тебе. А вот ты, дорогая моя, действительно редковато пишешь — вот уже опять примерно пять-шесть дней, как я от тебя ничего не имею. А как я жду твоих весточек, как я тоскую без них! Ведь с утра начинаю думать о том моменте, когда придёт почта и когда среди груды писем я найду также письмо от тебя, моя ненаглядная.

У меня всё пока по-старому, всё — следовательно — в полном порядке, дни постепенно проходят, всё ближе к концу учёбы[1]. Как хочется, чтобы это было поскорее.

Каждую мелочь, каждый новый момент невольно у меня теперь сопоставляется с аналогичным или похожим моментом из наших чудных дней прошлого. Мы сейчас много расхаживаем, бываем и в редких для этой местности лесах. Сколько раз я вспоминал нашу дачу, дни, проведённые вместе с тобой там, моя радость.

А вот вчера, например, вечером у нас здесь я смотрел кинокартину «Учитель»[2], и сразу же вспомнился этот же «Учитель», просмотренный вместе с тобой, именно с тобой, родная моя девочка, в Театре Красной Армии[3].

Ничего, дорогая моя! Я уверен, что скоро наступит время, когда мы вместе будем вспоминать и о днях нашей длительной разлуки. Ведь подумать только — через несколько дней уже 9 месяцев как мы не виделись. Какой срок, какой срок!.. Эх, скорее лети, время, вперёд, скорее, сбрось со счётов дней нашей жизни деньки нашей разлуки. Скорее, чёрт побери гитлеровскую сволочь!

---

[1] Имеется в виду учёба в ВИА им. Куйбышева, которая до 1943 г. находилась в г. Фрунзе.

[2] «Учитель» — художественный фильм 1939 г., реж. С. А. Герасимов.

[3] Ныне — Центральный академический театр Российской армии (Москва).

Как ты поживаешь, родная моя? Как твоё здоровье, самочувствие? Ох, как хочется видеть, обнять тебя, счастье моё!

Что наши девочки? Небось, большие уже, выросли сильно, возмужали. Как папочка, мамочка?

Получила ли ты гребешки? <…>

Нежно, нежно жму тебя в своих объятиях, радость моя, жизнь моя, крепко, крепко тебя целую всюду и везде, моя желанная, весь и всегда только твой, Гриша.

8 марта 1943 г.

Дорогая моя, ненаглядная моя!

Прежде всего, поздравляю тебя с днём рождения и желаю тебе здоровья, счастья, долгой, долгой счастливой жизни в нашей чудесной стране. Как хотелось бы мне быть сейчас рядом с тобой — обнимать, целовать без конца.

Но ничего — ещё немного терпения, и я вновь буду с тобой, неразлучно с тобой.

Приветствую я тебя, родная, из освобожденного нашей доблестной Красной Армией г. Ворошиловграда, где я нахожусь вот уже более двух недель. Живу хорошо — по-прежнему бодр, здоров, работаю очень много, и если бы не тоска по тебе, по деткам, по всем родным, всё было бы совсем отлично. Как хочу я тебя видеть, как хотелось бы быть сейчас рядом с тобой, беречь тебя, следить за тобой.

Но раз меня пока ещё нет, ты обязана сама о себе думать, следить за собой. Помни, моя радость, что письма ты можешь получать от меня очень и очень редко, но не смей волноваться, будь совершенно спокойна. От тебя я уже так давно ничего не имел, но хочу быть уверенным, что ты спокойна за меня, следишь за детками и не волнуешься.

Поцелуй за меня наших дочурок. Приветствую и целую Анюту, Яшу[1].

Обнимаю и, как всегда, крепко, крепко целую тебя — счастье моё, стимул моей жизни, желанная моя девочка.

Твой и всегда только твой, Гриша.

Письмо Г. Б. Ивянского жене и дочерям

20 апреля 1943 г.

Дорогая моя, любимая моя!

Я начал волноваться и беспокоюсь за тебя, родная, безумно. Со-

[1] Хая-Фрума (Анюта) Клементьевна Симановская — тётя Р. М. Ивянской, у которой она жила в Нижнем Тагиле. Яков — её муж.

всем теперь непонятно мне твоё молчание. Когда не было вообще писем ни от кого — был ещё спокоен. Но теперь — получаю от родителей, от Илюшеньки, от Сони[1]. А от тебя и деток ни слова. В чём дело, в чём дело, радость моя? Что случилось с тобой? Ох, как необходимы мне сейчас хотя бы 2-3 слова от тебя.

У меня по-прежнему все в полном порядке — здоров, бодр, чувствую себя хорошо. Уверен, что скоро встретимся с тобой, ненаглядная.

Можешь меня поздравить. За боевые заслуги я награждён правительственной наградой — орденом «Красная Звезда». Ещё больше энергии, все знания на разгром проклятого врага. Эта награда, это поздравление должно относиться и к тебе — моей верной, моей прекрасной спутнице в жизни. Пиши, пиши мне, родная, обязательно. И пока не получу от тебя хотя бы одной весточки, буду безумно волноваться, и никакие письма от кого-нибудь другого меня не успокоят.

Обнимаю тебя и крепко, крепко целую — радость моя — как всегда твой и только о тебе мечтающий, Гриша.

Дорогие мои Ирочка и Наточка!

Можете поздравить меня с наградой — я награждён орденом «Красная Звезда». Помнишь, Наточка, как я перед отъездом тебе обещал бить немцев без пощады так, как я только могу, — и вот, я отмечен за свою работу. Ваш папка теперь — орденоносец.

А вот вы — вообще такие хорошие — на сей раз подкачали, не пишете вы вашему папке. В чём дело, деточки? Напишите правду.

За меня можете быть совершенно спокойны. Поцелуйте за меня мамочку, Анюту, Яшу, дедушку, бабушку. Целую вас, деточки, крепко-крепко. Обязательно пишите.

Ваш папа.

Мой адрес теперь: Полевая почта 59528-П

Письма Г. Б. Ивянского жене

8 мая 1943 г.

Моя дорогая, моя любимая!

Получил вчера чудные посылочки родителей. С какой любовью они сделаны, раскрывал и всё время думал о мамочке и о её аккуратности и заботе. Буду есть за ваше здоровье, мои дорогие.

У меня, радость моя, всё в полном порядке — здоров, бодр. Будь совершенно спокойна за меня. Хочу тебя предупредить, что сейчас предстоит перерыв в моих письмах и — может быть — довольно длительный. Поэтому ни в коем случае не волнуйся. Сегодня у меня ра-

[1] Брат Г. Б. Ивянского — Илья и его жена — Софья.

достный день — мне вручили правительственную награду — орден «Красная Звезда». Это обязывает меня к ещё большим напряжениям сил для окончательного разгрома врага.

Мой адрес, видимо, изменится, но ты продолжай писать по старому адресу — мне их перешлют. Как ты поживаешь, родная? Как деточки, Анюта, Яша?

Обнимаю и крепко, крепко тебя целую — всегда твой и только твой, Гриша.

15 мая 1943 г.

Здравствуй, радость моя, здравствуй, родная моя!

Писал тебе, что у меня будет перерыв [с] письмами. Так оно и вышло. К сожалению, от тебя пока я ничего не могу получать. Но ничего не поделаешь.

У меня всё в полнейшем порядке — здоров, бодр, чувствую себя хорошо. Сейчас у меня работы относительно мало — и дни стоят великолепные — майские украинские дни, когда всё цветёт <…>*, не хочется уходить в хату ни днём, ни ночью. Ты, возможно, с детками уже у родителей — как мне хотелось бы побывать сейчас у вас, с тобой — моя радость, моя единственная мечта. Но не далёк и этот день, не далёк, моя дорогая.

Получила ли ты моё письмо, в котором я тебе писал о том, что я награждён орденом «Красная Звезда»? На днях мне его вручили. Теперь твой муженёк — орденоносец. Родная моя! Ты просишь писать о себе подробнее. Ну, что я могу тебе написать — выгляжу хорошо, одет как подобает, сейчас во всём летнем, даже сапоги — и те шикарные брезентовые — лёгонькие, лёгонькие. Питаюсь хорошо, не имею никаких забот, за мной ухаживает мой связной. Работаю столько, сколько требует момент, требует родина. Уверен, что скоро встретимся, и тогда уже расскажу тебе подробнее. На днях у меня будет новый адрес, я тебе его немедленно сообщу, а пока — на всякий случай — продолжай писать по-старому.

Сердечно приветствую и целую Анюту и Яшу.

Обнимаю тебя, моя желанная, моя радость и крепко, крепко целую без конца.

Твой, всегда только твой, Гриша.

Девочка моя! Умоляю исполнить мою просьбу — следить за собой, поправляться и ни в коем случае не волноваться. Я хочу тебя увидеть — прежней, полненькой, чудной, чудной!

* Два слова неразборчиво.

22 августа 1943 г.

Дорогая моя, любимая моя, радость и счастье моё!

Как я счастлив твоим частым весточкам. Какие чудные они! Сегодня получил ещё одну твою открытку — счастлив и берегу их. Радость моя, будь спокойна за меня. Вернусь к тебе здоровым, бодрым и, конечно, только и только твоим. Счастлив, если ты пополнела и стала моей прежней ненаглядной девочкой. Обязательно сохрани себя полненькой и жди, жди меня. Надеюсь, скоро я буду навеки с тобой. В нашей фронтовой газете сегодня напечатано очень хорошее стихотворение. Посылаю тебе его. Подчеркнул тот абзац, который мне особенно понравился.

У меня всё в полном порядке — здоров, бодр, бью немецких гадов, продвигаемся вперёд, разделываемся с этими извергами, которые уже совсем не теми стали — трусливые сволочи боятся наших славных воинов, задающих им хорошего перцу.

Что слышно у дочурок наших? Скоро они будут вновь с тобой. Какая замечательная Наточка, часто, часто пишет мне тоже хорошие письма.

Как папочка, мамочка? Как поживают знакомые и близкие теперь мне тагильцы? Сердечно приветствую всех их.

Обнимаю тебя, моя радость, крепко, крепко целую. Моя желанная, моё счастье.

Твой и только твой навсегда, Гриша.

Радость моя! Совсем забыл — получила ли ты мою карточку, где я снят с моими боевыми друзьями?

Ещё раз целую и целую, твой Гриша.

Письмо Г. Б. Ивянского дочерям

3 сентября 1943 г.

Мои дорогие, мои любимые Ирочка и Наточка!

Спасибо вам за ваши частые и чудесные весточки. Сколько радости они мне доставляют, сейчас особенно — когда мы бьём и гоним немецкого гада на запад и, несомненно, скоро добьём его до конца. Желаю вам, деточки, успеха в вашей учёбе — учитесь, учитесь и учитесь только на «отлично». Приветствую ваших товарищей по школе, желаю им также успеха в учёбе. Помните, что хорошо занимаясь теперь, вам легко будет в будущем с максимальным эффектом работать на пользу нашей славной родине.

Пишите мне, доченьки, как и до сих пор — часто, часто. Поцелуйте от меня Ефенко, крепко мамочку. Целую вас, мои хорошие, мои любимые, без конца, ваш папа.

Письмо Г. Б. Ивянского дочерям и матери

[начало октября 1943 г.]

Моя дорогая Ирочка! Моя дорогая Наточка!

Милые мои, чудесные деточки! Какую радость вы мне доставили своими подарочками. С какой любовью всё это сделано. Какие записочки! Я их буду беречь, и они будут служить мне талисманом на фронте. Спасибо, большое спасибо вам за подарочки.

Наточка моя! Твою просьбу я немедленно по приезде в Тагил выполнил. Разыскал копилочку, вложил туда всю мелочь и 30 рублей. Еле-еле вошли эти деньги. Ведь она у тебя уже полненькая. Хотел ещё рублей 10 бумажкой вложить, но никак не входит.

Ирочка моя! Видел я Нэллу, а кроме того сегодня специально зашёл к твоей подружке Эллочке, чтобы с ней познакомиться. Пригласил от твоего имени в гости к тебе в Черноисточинск. В будущее воскресенье с мамочкой она обязательно приедет.

Шлю вам, детки мои, с дедушкой всё то, что ты, Наточка, записала мне на записочке, кроме белой материи, которую мамочка привезёт с собой. Но зато, вместо материи, шлю вам ещё немецкий электрический фонарь. Всё это вам, мои дорогие. Вы либо поделитесь, либо пусть это всё будет вашим общим, но только — конечно — не ссорьтесь из-за них. Так и будет ведь — да, мои любимые?

Поцелуйте крепко, крепко бабушку. Пишите мне часто, часто, деточки мои. Будьте спокойны, будьте здоровы. Ждите папку с победой.

Целую вас, обнимаю вас без конца, мои ненаглядные.

Ваш любящий, сильно любящий вас папа.

Дорогая мамочка! Ещё раз обнимаю и ещё раз крепко, крепко тебя целую.

Твой сын Гриша.

Береги себя, родная. Жди скоро меня и Илюшеньку с победой.

Письмо Г. Б. Ивянского жене

20 октября 1943 г.

Дорогая, любимая моя!

Получил наконец сегодня от Илюшеньки утешительное хорошее письмо[1] и рад, и счастлив этому. А вот от тебя, радость моя, и от родителей ничего, к сожалению, не имею.

У меня всё в полном порядке — здоров, бодр, крепок, продолжаем бить немецких гадов и гнать их всё дальше и дальше на запад. Да,

[1] Г. Б. Ивянский ещё не знал о гибели брата.

можешь — родная — поздравить меня. Мне присвоили звание майора (вернее, инженер-майора), так что я теперь уже не капитан, а повыше чином.

Что у тебя слышно? Так хочется уже иметь твою весточку, хотя бы маленькую, хотя бы одну. Как дочурки наши? Как учёба их? Пиши, пиши мне, моя ненаглядная <…>

Крепко целую дочурок. Приветствую сердечно наших общих знакомых <…> Обнимаю тебя, радость и счастье моё, и крепко, крепко целую без конца.

Твой и только твой, Гриша.

АНПЦХ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 61, 62, 63, 78, 80, 82, 85, 87, 88; 105.

«СМОЛЕНСК НАШ, ЗНАЧИТ, И МЫ БУДЕМ ЖИВЫ»

Б. И. Ревзин

***Ревзин Борис Израилевич (1902–1971)**. Родился в г. Смоленске Смоленской губ. (ныне — областной центр). В РККА с 1923 г. С июня 1941-го по июнь 1942 г. служил на Западном фронте. Участник обороны Москвы. Окончил артиллерийские курсы усовершенствования командного состава ВИА им. Куйбышева (ныне — Военный институт (инженерных войск) Общевойсковой академии ВС РФ). С марта 1944 г. — в Отдельной Приморской армии (ОПА). Подполковник. Участвовал в освобождении Крыма в должности дивизионного инженера 318-й сд ОПА. Награждён орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Москвы».*

Письма Б. И. Ревзина адресованы жене — Марии Моисеевне Гуревич, сыну — Вилену, дочери — Асе и их няне — Зое Ивановне Ермаковой — в г. Алма-Ата КазССР (ныне — Республика Казахстан), затем в с. Капланбек Южно-Казахстанской обл. КазССР (ныне — с. Кабыланбек Туркестанской обл., Республика Казахстан).

***Ревзин Вилен Борисович (1925–1943)**. Родился в Смоленске. Сын Б. И. Ревзина. В начале войны эвакуирован с матерью — М. М. Гуревич, сестрой Асей и няней З. И. Ермаковой в Казахстан. Родственники по отцовской линии — бабушка Анна и тётя Зинаида — не смогли уехать и погибли в оккупации. В. Б. Ревзин призван 10 февраля 1943 г. Сарыагачским РВК Южно-Казахстанской обл. КазССР (ныне — Туркестанская обл., Республика Казахстан). Проходил подготовку в Ташкентском пехотном училище им. Ленина. Рядовой. Признан пропавшим без вести в октябре 1943 г.*

Письма В. Б. Ревзина адресованы отцу, матери, сестре и няне.

Копии писем и фотографии переданы внучатой племянницей В. Б. Ревзина — Е. А. Василенко (Москва).

Письмо Б. И. Ревзина жене и детям в Алма-Ату

9 января 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие. Продолжаю писать, не получая от вас никаких сообщений. Перевод из Вячки, куда я посылал 23.11, сегодня вернулся. Вам послал другой в начале декабря. Пишите, где вы и что делаете. Крепко целую. Привет от Абрамова. Ваш папа Боря.

Письмо Б. И. Ревзина жене и детям в с. Капланбек

12 марта 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Уже недельку с лишним не писал. Извините меня, но был очень занят. Я жив и здоров. Неплохо проводили Международный коммунистический женский день. Правда, непосредственно самому не пришлось участвовать — отсутствовал. Был на местах.

Ну, как вы живёте, родные мои! У вас, наверно, уже <…>* настоящее лето. У нас ещё зима, хотя солнышко пригревает.

Фрицев бьём и будем бить беспощадно, если они не будут сдаваться в плен.

Ну, будьте здоровы и бодры. Желаю успеха. Крепко целую.

Боря.

Слева направо: З. И. Ермакова, В. Б. и А. Б. Ревзины, М. М. Гуревич. Казахстан

* Одно слово неразборчиво.

Письмо Б. И. Ревзина сыну в с. Капланбек

27 марта 1942 г.

Здравствуй, дорогой сын, будущий славный воин нашей доблестной Красной Армии.

Как твои дела комсомольские, учебные, военные? Как твоё здоровье? Как помогаешь мамочке? Что ты сейчас читаешь и покупаешь ли литературу? Желаю здоровья, бодрости, успехов в учёбе и овладении военным делом.

Привет всем. Твой папа Боря.

Письмо Б. И. Ревзина дочери в с. Капланбек

27 марта 1942 г.

Дорогая моя курносуля Асенька!

Спасибо, доченька, за письмо и поздравление с 8 марта. Моё письмо к твоему дню рождения, наверно, попало вовремя. А может, тоже опоздало? Как ты здорова, как успехи в школе? Третья четверть уже, наверно, закончилась — надеюсь, что ты будешь до конца года отличницей, как и в первой половине. Пиши, милая, какие предметы ты изучаешь. Ты уже, наверно, пионерка. Да?

Ну, привет всем. Крепко целую, твой папа Боря.

Письмо Б. И. Ревзина сыну в с. Капланбек

30 апреля 1942 г.

Привет, дорогой сын! Поздравляю с великим пролетарским праздником 1-е мая, желаю успешно закончить школу и сдать выпускные экзамены, как полагается комсомольцу — патриоту нашей любимой Родины. Помогай, чем только сможешь, фронту, как на тракторе, так и, если понадобится, с оружием в руках отстаивать честь нашей Родины, будь готов к её защите.

Целую крепко.

Твой папа.

В. Б. Ревзин. 1943 г.

Письма В. Б. Ревзина матери, сестре и няне в с. Капланбек

17 марта 1943 г. [Ташкент]

Здравствуйте, дорогие мама, Ася и Зоя Ивановна. Наконец-то получил от вас, вернее, от Зинченко, письмо. Мне уже и ждать не моглось. Я жив и здоров, чего и вам и желаю. Я уже с погонами. Сегодня получил первую зарплату — 40 р. Уже месяц я здесь, а не разберу, трудно или нет учиться. Всех уже спрашивали по нескольку раз на оценку, а меня ещё ни разу. Труднее всего полевые занятия, никак бегать и ползать как полагается не научусь, правда, занимаемся мы с полмесяца. Папе я написал в тот же день, что и вам, ответа ещё не получил, не дождусь никак от него письма. Записался в библиотеку, но читать абсолютно нет времени. Алёшу последний раз видел 7 марта. Это называется «вместе». Гоняют их, а нас ещё больше. Кормят очень хорошо. В баню примерно раз в 10 дней. Под выходной и [в] выходной — кино или концерт, или ещё какое-либо зрелище обязательно. Ну, будьте здоровы. <…> Пишите. Жду ответа. Ваш Виля.

9 мая 1943

Здравствуйте, мои дорогие мама, Ася и Зоя Ивановна. Я здоров по-прежнему, <…>* пришлось мне увидеться 2 мая. 1 мая в <…>** ушли в сталинские[1] лагеря, где сейчас и находимся. Когда возвратимся обратно — неизвестно. Писем ни от кого давно не получаю. На новом месте устроились в бараке, а не в палатках, как я хотел. Но это дела не меняет. Я узнал, что Алёша нашёл своих. <…> Он видел отца и брата в тот день, когда я видел вас последний раз, они пришли к нему. До этого Алёша встретил отца в городе, когда был на облаве, здесь он и

* Письмо повреждено.

** Письмо повреждено.

[1] Речь идёт о Сталино (ныне — Шахрихан) — городе в Узбекистане в 240 км от Ташкента.

узнал, где они находятся. На днях Алёша тоже будет здесь, говорят. 5.05 стреляли из боевых винтовок по появляющимся мишеням на расстоянии 200 метров в течение 10 сек. В первый раз получил по стрельбе «отлично». Раньше стреляли на 100 метров по неподвижным целям в неограниченное время, я стрелял нехорошо. Со временем, быть может, научусь и стрелять, и бегать. 6.05.1943 получил письмо от папы от 16 апреля, он пишет, что вашу телеграмму с моим адресом получил 16 апреля. Пишет то же, что и вам, чувствует себя неплохо. Ну, что же вам ещё писать? Одно из таких училищ, в каком учится Зинченко, в какое я хотел попасть, находится в нескольких шагах от нас, может быть, это то самое, в котором он учится, Харьковское уч[илище][1]. Ну, будьте здоровы. Привет всем знакомым, Евгении Яковлевне, Мише и др. Привет всем родным, которым будете писать. Кстати, я ещё 1 мая получил 6 фотокарточек, но по почте страшно посылать. В общем, одну карточку я пошлю. Ну, будьте все здоровы. Пишите по прежнему адресу. Ваш Виля.

Письмо В. Б. Ревзина отцу на ст. Нахабино[2]

31 июля 1943 г. [Ташкент]

Здравствуй, дорогой папа!

Сегодня получил твою открытку и письмо от 11.07.1943 г. У меня всё идёт по-прежнему. Жара сейчас стоит жуткая. Просто жжет огнём. Вечером душно, если минут двадцать не погуляешь после отбоя, не уснёшь никак. Но переношу неплохо; никаких болей, только усиленно потею, особенно на классных занятиях, да иногда сонное настроение, с которым приходится усиленно бороться. Здесь осталось только три человека из Капланбека. Мы неплохо живём друг с другом. Алёша уехал с частью в десятых числах июля в Семипалатинск, но ещё ничего от него нет. Он ничего не знал о своем отце и брате. Они из Ташкента уехали, сразу, как он приехал в лагеря, он писал им наугад в один колхоз, куда они хотели переехать. Они письма его получили, приезжали к нему в Ташкент, а он был уже в лагерях и ни разу их не видел; писем же ему не писали. 25 июля в воскресенье они приехали в лагерь, и я, встречая маму, увидел их. Они дали мне свой адрес. И я теперь [должен] дождаться письма от Алеши. 25-го мама приезжала с Асей. Живут ничего. Правда, мука́ уже кончилась, есть ещё немного зерна чёрного ячменя. На огородах, говорят, дела неплохие. У мамы

[1] 1-е Харьковское танковое училище. В 1941 г. эвакуировано в г. Чирик Ташкентской обл. Ныне — Ташкентское высшее танковое командное училище.

[2] В Нахабино (Московская обл.) Б. И. Ревзин обучался в ВИА им. Куйбышева.

только кукуруза заливается ненормально (поливают люцерну и залили огороды), но, может быть, и у неё что-нибудь получится. Винограду тоже покушают, как и в прошлом году. Ася усиленно читает художественную литературу. Получил письмо от Гриши. Пишет, что работает как полагается, в том месте, где воевал Ал[ександр] Невский[1]. Ну, что ещё писать: сегодня на занятиях по тактике за отличные действия в наступлении в качестве 2 номера пулемётчика[2] получил благодарность с четырьмя [другими] курсантами от командира взвода (не нашего, правда, довольно строгого и хорошего командира, наш заболел, нас передали другому взводу). Теперь опять взялся за художественную литературу. Прочёл «Войну» Эренбурга, читаю «Крестьяне» Бальзака. Читаю всего несколько дней. Сейчас каждый день читаю сводки [Сов]информбюро, принимаемые по радио. Сейчас хорошие вещи передают. Италия взволновалась[3]. Она, всё-таки, самый сильный союзник Германии, которой теперь будет ещё хуже. Будем ждать новостей. Ну, желаю тебе здоровья, бодрости, и больших успехов в твоей учёбе. Ещё раз будь здоров. С курсантским приветом. Твой Виля.

Письма В. Б. Ревзина матери, сестре и няне в с. Капланбек

27 августа 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама, Ася и Зоя Ивановна! Пишу вам из того города, куда мама говорила, км 60 северо-западнее Москвы. Доехали мы благополучно. 2 раза были горячие обеды. Остальное — сухой паёк: хлеб, сахар, консервы, колбаса. Некоторые из наших ребят около Аральского моря покупали соль, ведро [стоимость зачёркнута военной цензурой — Сост.]. Здесь [слово зачёркнуто военной цензурой — Сост.] примерно, она значительно дороже, красноармейский котелок [слово зачёркнуто военной цензурой — Сост.]. Ребята меняли соль на хлеб, сахар, мёд, яички и др. Я не покупал соли. Но два моих товарища, с которыми я сошёлся в последнее время в Ташкенте и в лагерях (не Степка и не Николай), приняли меня в компанию. Мы получали паёк, ели вместе, а потом они заимели соль, так дело пошло замечательно, что несколько раз покупали в день молоко, хлеб и масло несколько раз покупали, огурцы, помидоры и др. Масло ещё и сегодня не кончилось. Приехали. Разбили нас кого куда. Стёпка не с нами — минёр. Я и Николай и один из двух моих компаньонов (луч-

[1] Способ обойти военную цензуру, которая вымарывала упоминания точного места службы. Встречается и в других письмах автора.

[2] Имеется в виду второй номер пулемётного расчёта.

[3] 25 июля 1943 г. в Италии произошёл государственный переворот.

ший) — бронебойщики, как дядя Эля[1]. Я «женился» на ПТР[2] — наводчик. Сейчас питание опирается на пшено, суп и каши. Утром и вечером — суп, в обед — суп и каша. Когда щи, когда гречневый суп, хлеб, сахар. Скоро отправимся. Всего хорошего. Желаю всем вам успеха в ваших работах. Привет знакомым. Ваш Виля.

Илья (Эля) Ревзин с сёстрами — Софьей и Зинаидой. Смоленск, 1940 г.

2 сентября 1943 г. [место отправки зачёркнуто военной цензурой — Сост.]

Здравствуйте, дорогие мои мама, Ася и Зоя Ивановна! Не дожидаясь от вас писем, пишу уже с места второе письмо. Уже соскучился без вас. Стоим мы недалеко от [слово зачёркнуто военной цензурой — Сост.]. Живём в лесу в шалашах, по сказке Ивановны о солдате с тремя шинелями. Питание неплохое. В общем, ничего. Если бы только [слово в кавычках зачёркнуто военной цензурой[3] — Сост.] моя была полегче, а то только оно — 20 кг. Правда, таскать его надо вдвоём, но не только шагом, а и бегом, и по-пластунски, и по-всякому. Но и это ничего. Погоды не ташкентские. Днём серо, изредка моросит, солнца не видно, ночью дождь, утром мокро всё: трава в поле, где занимаемся, мешки под головой. Вечером к костру — сушиться. Приехали сюда 02/IX, а уже надоело здесь. Скорее бы на настоящее место. Степана видел один раз, да и то издали. Николай со мной в одном отделении. Сегодня же написал и папе. Скорей бы нам встретиться всем вместе и зажить как раньше. Теперь, быть может, этого не так долго ждать. Наши уже пошли крепко, главное, летом; зимой удары ещё сильнее станут, уже Харьков, Таганрог и наша Ельня — наши. Скоро и Смоленск. Хотелось бы туда попасть. Но неизвестно, куда и когда мы отправимся. Ну, больше писать нечего. Привет всем родным и знакомым. С красноармейским приветом. Ваш Виля. Жду писем.

---

[1] Эль (Илья) Израилевич Ревзин — брат Б. И. Ревзина. Погиб на фронте.

[2] Противотанковое ружьё. Расчёт ПТР из двух человек в РККА назывался бронебойщиками.

[3] Зачёркнут некий жаргонизм, обозначающий ПТР.

11 сентября 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, Ася и Зоя Ивановна! Я так соскучился по вас, что пишу вам третье письмо, не дожидаясь от вас [ответа]. Живём мы пока по-старому. Каждый день разные учения: то оборона, то наступление, то марш, то ещё что-нибудь. Раза 4 был во внутреннем наряде (очередном, конечно[1]), два раза в карауле. Живём по-прежнему в шалашах. Сейчас углубляем и переделываем их к зиме. Не видать, когда будет отправка. 4.09.1943 неожиданно приехал папа, на следующий день получил от него письмо. Я только вернулся с 20-км марша, первый раз далеко ходили с ПТР-ом, устал как чёрт. Подхожу к шалашу и вижу: сидит подполковник и разговаривает с дневальными. Я передал ружьё Николаю, а сам, в скатке, с противогазом, лопаткой и др. бросился к нему. Пообедали мы моим обедом и его белым хлебом и сахаром. У него это остаётся всегда, больше, чем я отдавал вам. А вы не верили, что мне хватает. Здесь хотя хлеба столько же, но всё остальное слабее, меньше жиров, сахару. Хлеба маловато, но, в общем, живём хорошо, только скорей бы на фронт. Пишите о своей жизни, огороде, работе и учёбе, что слышно о Вовке Венбрине, об Алёше, о других наших ребятах. Ну, больше писать нечего. Пишите, как с хлебом, с мукой, с Ивановниной работой, пишите подробно и поскорее. Жду ответа. Привет от Николая и от меня им и всем другим. Будьте здоровы, желаю вам всех успехов во всех ваших работах и жизни.

Ваш Виля.

23 сентября 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, Ася и Зоя Ивановна! Я всё ещё на старом месте, но ещё в этом месяце буду там, куда всё время готовимся. Учимся. 2 раза приезжал папа, два выходных дня провёл у меня. Я угощал его своим обедом, купил ему флягу молока. А он привозил мне белого хлеба, чёрных сухариков, сахару, кусочек масла. Привёз мне бритву безопасную, говорит, скоро понадобится. Отдал мне свой ножик, я свой, к сожалению, потерял при расформировке; дал блокнот, карандаш, полотенце, туалетное мыло — кусок, [под]воротничков. О нашей первой встрече ребята и сейчас говорят, что я действую против устава: полез обниматься к подполковнику без «разрешения». Я так был рад ему. Никак не дождусь писем от вас, ещё рано, конечно, но скорее хочется узнать, как вы живёте сейчас, как думаете жить зимой, как с продуктами, с огородом, с хлебом, с мукóй, обувью; как ваше здоровье, работа, Асина учёба. Я уже по-

[1] Автор подчёркивает, что у него нет дисциплинарных взысканий.

рядком соскучился по вас. Вообще, хочется, чтобы наша семья скорее бы собралась вместе, и мы зажили как до войны. Теперь это уже недолго ждать. Пожалуй, пока это письмо дойдёт до вас, Смоленск, Киев и др. города будут советскими. Я жив и здоров. До сегодняшнего дня погоды были довольно сухие и тёплые. Сегодня всю ночь, да и сейчас, идёт дождь. На днях мы переменим климат. С питанием ничего. Жить можно, хотя, конечно, на весь аппетит не хватает. Не хватает самой малости, иногда получаешь немного больше, и сыт — лучше не надо. В общем, кушаем, как говорил профессор: чтобы хорошо работала голова, надо выходить из-за стола и чувствовать: ещё чего-нибудь бы перекусил. Ну, больше писать нечего. Жду с нетерпением ответа. Пишите обо всём, о чём я спрашивал, вообще обо всей жизни своей, о знакомых, родных. Ну, всего хорошего. Привет всем. Будьте здоровы.

Ваш Виля.

27 сентября 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, Ася и Зоя Ивановна! До сих пор я не получил от вас ничего, в то время как папа уже несколько дней как получил от вас письмо с моим адресом. Вчера папа опять был у меня, в третий раз. Чувствует себя неплохо как будто. Ему приходится много заниматься, спит по 4 часа в сутки, и, вдобавок, не съедает положенной нормы. Вчера опять привёз мне много сухарей белых, хлеба белого, два кусочка масла грамм по 20, грамм 100 сала, сахару, грамм 250 колбасы. Я опять угостил его своим обедом, купил молока. Литр его здесь стоит треть моей зарплаты в библиотеке. В общем, отдохнули, меня отпустили с занятий (выходной был в четверг, а в воскресенье занимались). Он предполагает закончить учёбу к 23 февраля. Насчёт поездки Эйдригевича в Москву — он доволен. Если можно только будет прислать каких-нибудь фруктов — пришлите. Он, кажется, даже помидоров этим летом не пробовал, а не то что фруктов. Я все ещё на старом месте, каждый день «едем» и никак с места не тронемся. А вчера такое замечательное сообщение: Смоленск, Рославль — наши. Твой Починок тоже — советский. Ну, больше писать нечего. Привет от Подорова Николая. Степана уже давно не видел. Ну, будьте здоровы. Пишите об общих своих делах и каждого в отдельности. Жду ответа с нетерпением. Денег не присылайте, ни к чему. Папа дал — и те лежат неиспользованные. Ваш Виля.

1 октября 1943 г.[1]

Здравствуйте, мои дорогие мама, Ася и Зоя Ивановна! Наконец получил вашу открытку, наверное, первую, написанную Асей с маминой припиской. Эта история с огородом меня огорчила, столько трудились — и без пользы, хотя бы с других огородов удалось бы собрать неплохой урожай. Подорову пишут, что из их семьи собирают масак[2]. Удалось ли сделать вам то же? Как с починкой сапог? Не достали ли ещё какой обуви? Как с продуктами, с зокальной[3], с учхоза[4] дают ли вам что? Что добывает и чем обеспечивает Ивановна? Как ваше здоровье? Не нужно очень сильно переживать изменения в моей жизни; был в Ташкенте, теперь здесь, последний день сегодня; завтра я не буду здесь. На то ведь я и в армии. Во всяком случае, я думаю, где мы будем жить после войны, и что я буду тогда делать, я совершенно спокоен. Я хочу того же и от вас, чтобы вы за меня не беспокоились. Что вам ещё писать? Больше ничего нового нет. Спасибо вам за Алёшин адрес, напишите, как вы его узнали. Я сегодня написал ему. Писали ли вы его отцу? От кого получаете письма, что пишут свои, знакомые? Ну, будьте здоровы, спокойны за будущее, Смоленск наш, значит, и мы будем живы. Привет всем. Ваш Виля.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 460, 472, 478, 479, 481; 456, 459, 490, 521.

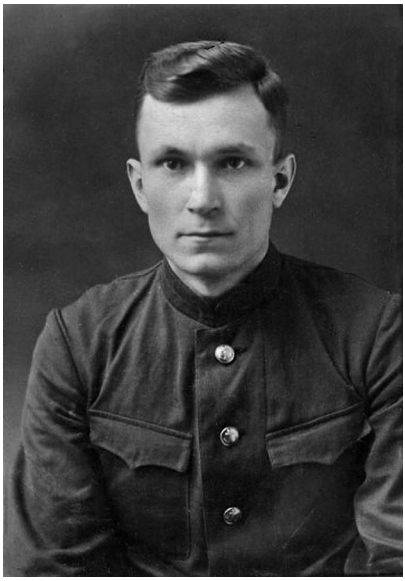
[1] Последнее письмо В. Б. Ревзина, полученное его семьёй.

[2] Колоски, оставшиеся в поле (казах.).

[3] Возможно, имеется в виду специально закаленная пшеница.

[4] Учхоз — учебно-опытное хозяйство для практической подготовки и научно-исследовательской работы.

«БОЛЬШЕГО СООБЩАТЬ НЕ БУДУ, ДАБЫ НЕ МАРАЛИ ПИСЬМА»



Л. М. Рафальзук

***Рафальзук Лев Михайлович (1913–1985)**. Родился в г. Симферополе Таврической губ. (ныне — Республика Крым). В начале 1930-х окончил Одесское мореходное училище (ныне — Мореходное училище им. А. И. Маринеско Одесской национальной морской академии). Накануне войны работал механиком на теплоходе «Армения»[1]. Призван Одесским РВК в июле 1941 г. Служил на 116-й (705-й) батарее, затем, с апреля 1942 г., — на 18-й батарее 3-го отд. артдивизиона Береговой обороны ЧФ. Батарея находилась на мысе Фиолент, прикрывая подступы к Севастополю. Воентехник 1-го ранга (по другим сведениям — 2-го ранга). Командир взвода управления. Попал в плен 3 июля 1942 г., когда германские войска овладели Севастополем. Официально считался пропавшим без вести. В плену, скрывая национальность, взял имя Алексей, называл себя рядовым. Был отправлен в Германию, где находился в различных лагерях до апреля 1945 г., когда был освобожден американскими войсками. Через месяц был передан советским властям. Прошёл проверку СМЕРШа[2]; демобилизован из запасной сд в Башкирской АССР (ныне — Республика Башкортостан) в декабре 1945 г. В послевоенные годы жил в Москве, работал в системе Мосэнерго.*

Письма Л. М. Рафальзука из Севастополя адресованы семье, эвакуированной из Одессы в г. Ташкент УзССР (ныне — Республика Узбекистан): жене — Алле Андриановне Рафальзук (Цеменко) (1914–1988), матери — Надежде Евгеньевне Рафальзук (умерла в Ташкенте в 1943 г.); сестре — Надежде Михайловне Ивановой (1902–1989), которая была в эвакуации с мужем в Пензе, детям —

[1] Потоплен германской авиацией 7 ноября 1941 г. у побережья Крыма, погибли свыше 4000 человек.

[2] СМЕРШ (сокр. от «Смерть шпионам!») — название органов советской военной контрразведки в 1943–1946 гг.

Виктору (1937 г. р.) и Надежде (1939 г. р.).

Копии писем и фотографии переданы внучкой Л. М. Рафальзука — Ю. А. Броун (Москва).

17 января 1942 г.

Здравствуйте, мои милые и дорогие все!!! Как-то вы там поживаете, как ваше здоровье и дела? Я уже с последнего своего местопребывания пишу вам третье письмо — это в этом году уже. В этом же году послал вам, мои милые и дорогие, маленькое подкрепление в размере трёх сотен [рублей]. Вот только не знаю, дойдут ли гроши. Перед этим послал четыреста. Через несколько дней переведу ещё — надо пользоваться случаем, пока почта принимает. Будем надеяться, что деньжата дойдут. Письма мои вы должны получать все, т. к. я ничего особенного не пишу. Дела здесь у нас, как вам известно, мои дорогие, сейчас из газет, идут жаркие, большего сообщать не буду, дабы не марали письма[1], а то я одно получил от тебя, моя женульця, так там четверть письма замазано химическим карандашом, это как раз те места, где ты писала о хлебе и прочих продуктах, но я догадался по смыслу. Каждый день с нетерпением жду ещё от вас писем, мои дорогие! Совсем иначе себя чувствуешь, когда получишь весточку. Пишите всё побольше и почаще. Мы уже почти регулярно посылаем «гостинцы» из своих «плевательниц»[2]. У меня работы тоже хватает. Вы себе, наверное, не представляете такую ночь, когда не видно своего носа. Вот такие ночи у нас сейчас, ну буквально как слепой, и вот в такую ночь надо идти проверять линии связей. Иногда в книгах встречаются фразы: «ушёл в ночь». Я раньше тоже не представлял себе такой темноты, а теперь понял, что значит тёмная ночь. Действительно, говорят, как у негра в этой самой… в попе. Иногда только ракета, пущенная на передовой, осветит на несколько секунд небольшой участок, и после этого опять ни черта не видно, даже ещё темнее. В общем, дела. День занят с утра до вечера, а иногда ночь, крутишься как белка, смотришь — уже темнеет, а всего сделать не успеваешь. Я вам писал, мои милые и дорогие, что живём мы втроем: я, командир и комиссар. Наш командный пункт размером в два купе ж[елезно]дор[ожного] вагона. Одно «купе», там у нас три койки и стол, причём одна койка верхняя, на которой обитаю я — ваш покорный слуга! Второе «купе» перегорожено ещё раз пополам — в одной половине радиорубка, а в другой — коммутатор. Там же стоит печурка и висит умывальник, вот и всё убранство нашей

[1] В годы войны письма просматривались военной цензурой, цензор мог зачёркивать или закрашивать определённые фрагменты текста.

[2] Имеются в виду артиллерийские залпы.

халупы. Бойцы в шутку наш компост[1] называют «укрепрайон». Сплю я под самым потолком, почти носом упираюсь в него, зато тепло, а мои сожители мёрзнут, заставляя дежурного телефониста топить ночью печь. Стены обшиты досками, в общем, для землянки довольно комфортабельно, учтите, что я провёл свет, и мы работаем при электросвете, вот только радио из-за аккумуляторов никак не наладим, есть пока для служебного пользования. Вот какие дела, мои дорогие! Снег давно согнало, погода стоит ни туды, ни сюды, то подморозит, то потеплеет. Последние дни погода стала лётная, так «ассы»[2] стали навещать опять, а наши летают, как конвейером, в любую погоду. Я не помню, писал вам, мои дорогие, или нет, что часы свои починил, правда, за работу отдал 80 рублей, но это единственный расход, мной совершённый, зато я с часами, и идут они прилично, а то без них как без рук. Сейчас десять вечера, всё начальство на партсобрании, я один оперативный дежурный, и деж[урный] телефонист со мной, у вас уже час ночи, я, пользуясь тишиной, пишу вам, мои дорогие, это письмо. Вот пока и все мои новости. С нетерпением жду от вас писем. Пишите чаще, по-прежнему на почтамт до востребования. Желаю вам всем, мои дорогие, доброго здоровья и благополучия! Целуйте детишек. Вы, дорогие Мамочка и Аллочка, лечите зубы свои, а ты, дорогая Надя, заставь их пойти к зубному врачу. Ещё раз всего доброго! Целую вас всех крепко и обнимаю! Остаюсь, любящий вас, ваш Лев. Привет всем.

Пишите чаще, не забывайте своего вояку. Я мысленно всегда с вами.

13 марта 1942 г.

Здравствуйте, мои милые и дорогие все! Что-то опять долго нет от вас писем, и я упал духом. Мне что-то казалось, что сегодня я получу весточку, но нет, не повезло мне. У вас там, мои дорогие, наверное, уже теплынь, что называется, а здесь потеплело совсем, даже начались дожди, а сегодня с утра ветер повернул с севера, и к вечеру пошёл снег, подморозило. В общем, опять зима. Это действительно «солнечный Крым», никогда я не думал, что на моей родине бывает такая мерзкая погода, ведь буквально через день сменяется погода. «Гансы» что-то притихли, от этого и у нас работы по их истреблению стало меньше. Зато прибавилось работенки внутренней, т. е. занятий, писанины и прочего. Помимо всего прочего, у меня ведь куча телефонных линий и аппаратов, с которыми работы очень много. Меня думали было облегчить — поручили телефонистам принимать последние известия, но

[1] Командный пост.

[2] Лётчики противника.

у них ничего не получилось — не успевали записывать, так что опять приходится самому это делать. Станцию свою почти уже закончил — пол уже настелен, печка поставлена. Теперь надо будет ещё разок перебрать моторчик и готовиться к приёмке второго, который будет у нас специально для зарядки аккумуляторов.

10 марта послал маленькое подкрепление — 330 рублей, спутал только очерёдность сумм, т. к. уведомления от тебя, моя женулька, о получении такой суммы ещё не получал. Вышло, что две одинаковые суммы в дороге. Ну да это ничего, думаю, что гроши дойдут.

На днях у нас было начальство, проверяло нашу работу, я был как раз оперативным, и мне пришлось решать сложную артиллерийскую задачу. Немного волновался, но всё же решил. Сегодня был митинг по поводу обращения черноморцев к балтийцам, мне пришлось тоже выступить и «бабахнуть речу». Сейчас благодаря затишью жизнь течёт почти нормально. Но убивает время, ведь мы так долго уже не виделись, что кажется, прошла уже целая вечность. С каким бы удовольствием я перелетел к вам, мои дорогие, хоть на день или даже хоть на часок, чтобы посмотреть на вас, мои милые и дорогие, обнять и расцеловать вас. И тогда можно было бы опять обратно. Скорее бы уже кончалась эта каша, чтобы можно было бы вести опять нормальный образ жизни, вылезти из-под земли и жить при свете солнца, не боясь, что на голову тебе свалится какой-либо «гостинец». У нас комичный комиссар, мы ведь живём вместе: я, командир и он. Он немного напоминает Игоря Ильинского[1], поспать и покушать так любит, что прямо передать нельзя. Другой раз дело доходит прямо до комедии. Взял и выпил воду после бритья, сам же брился и забыл, что оставил, а потом взял, выпил и начал плеваться. Только глаза открывает, уже кричит вестового, чтобы его кормил. Я решил, что у него глисты, т. к. он ночью так скрипит зубами, просто ужас. Сам ленинградец. А командир окончил уч[илище] имени Фрунзе[2], молодой лейтенант со «знаменитой» фамилией Меньшиков, сам тоже пытается стать известным. Иной раз обнаруживает себя профаном в таких вещах, что просто удивляешься. Вот какие дела, мои дорогие! Пишите, пожалуйста, почаще, не забывайте меня. Мысленно я всегда с вами. Ваших писем жду с нетерпением, ведь они для меня одна отрада. Когда долго нет писем, у меня прямо из рук всё валится, зато как получу письмо — так прямо как заряжусь энергией. Пишите, мои дорогие, почаще и побольше, ведь мне интересно, что у вас там нового, как ваши дела, как наши детишки

[1] И. В. Ильинский (1901–1987). Актёр и режиссёр театра и кино. Народный артист СССР (1949). Герой Социалистического Труда (1974).

[2] Военно-морское училище им. Фрунзе (ныне — Санкт-Петербургский военно-морской институт).

там поживают? Что нового в городе, какие вообще новости у вас? Как ваше здоровье? Где Г[еоргий] И[ванович][1], что он пишет? Как там Татьяна занимается? Лечите ли зубы? Жду с нетерпением ваших писем. Будьте здоровы, мои милые и дорогие! Пока на этом кончаю. Жду от вас, мои дорогие, фотографии. Целуйте детишек. Берегите себя и детей. Целую вас всех крепко-крепко! Остаюсь, любящий вас, ваш Лев. Привет Поповым, Ильинским и Ляпиным[2]. Ещё раз желаю вам всего наилучшего! Будьте все здоровы! Остаюсь ваш, Лев.

Анна и Лев Рафальзук. Конец 1930-х гг.

20 марта 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие все! Опять что-то долго я сижу без писем, и на душе так тоскливо и пусто, прямо ревел бы белугой. Хотя бы открыточка была на пару слов, всё-таки мне стало бы легче. Вы, наверное, мои дорогие, не чувствуете моего положения, иначе не наказывали бы меня так. Сегодня, между прочим, мы наблюдали картину, похожую на изображенную здесь [рисунок на почтовой карточке —

[1] Георгий Иванович Иванов — муж Н. М. Ивановой, сестры автора.

[2] Эвакуированные одесские друзья.

Сост.], но только не ястребок[1] стукнул асса, а [сбили его] прямым попаданием снаряда зенитки, и он, как громадный факел, начал падать. Это я впервые видел такое зрелище. Обычно их только подбивают. Ну, наконец-то сегодня я уже посмотрел картинку. Показывали нам «Яков Свердлов»[2], и я решился пойти, оставив вместо себя двух заместителей смотреть за моторчиком. Это дело у нас стало теперь более-менее налаживаться. Правда, на предпоследней части моторчик заглох, и я хотел уже было бежать на нашу «электростанцию», но оказалось, что заместитель упустил топливо, и долив бензина, опять запустил его. Или я давно не видел кино, но картина на меня произвела сильное впечатление. Такую картину можно смотреть ещё раз, и с моторчиком не лень повозиться из-за такой картины. Вот говорят, что скоро нам дадут «Богдана Хмельницкого»[3], там ведь Жаров[4], а его я могу смотреть без конца. У нас наступила было теплынь, а вчера подул норд-ост, и сегодня холодище прямо жуть, я сижу сейчас в одной рубашке, т. к. телефонист нажарил печку прямо до красна. Сейчас половина первого, скоро будут известия, буду записывать, может, чего новенького сообщат. Между прочим, рыжульця моя дорогая, пару дней назад выписал тебе аттестат на пятьсот карбованцив[5], он должен прийти одновременно с письмом. Тут или путаница вышла, или утеряли что-то в этом роде, в общем, они мне стали выплачивать гроши, не учтя аттестата, а есть приказ выписывать аттестат обязательно, так что я и выписал. В общем, будешь видеть, как там будут реагировать и, соответственно с этим, в случае надобности, объяснишь. Особенных новостей больше нет. Позавчера был в бане; баня наша у мыса Фиолент, так что мы как ездим в баню — так смотрим на море, в котором, возможно, придётся покупаться. Пишите, мои милые и дорогие, почаще, ведь я с таким нетерпением жду ваших писем, которыми я только и живу. Пишите побольше о себе, о своих делах и новостях. Пишите, как ваше здоровье. Как там наши детишки? Пока на этом кончаю. Будьте все здоровы! Желаю вам всего-всего наилучшего! Вы мои милые и дорогие! Пишите чаще. Остаюсь жив и здоров, любящий вас, ваш Лев. Привет Поповым, Ильинским, Ляпиным и Тане.

Ты, моя женульця дорогая, лечи свои зубы и тяни Мишу за собой. Как там Г[еоргий] И[ванович]? Привет ему от меня. Ещё целую вас всех, ваш Лев.

---

[1] Ласковое название советских самолётов-истребителей.

[2] Биографический фильм 1940 г., реж. С. И. Юткевич.

[3] «Богдан Хмельницкий» — исторический фильм 1941 г., реж. И. А. Савченко.

[4] М. И. Жаров (1899–1981). Актёр и режиссёр театра и кино. Народный артист СССР (1949). Герой Социалистического Труда (1974).

[5] Карбованец — денежная единица Украины в различные периоды XX века. Здесь — ироничное название советских рублей.

Ещё желаю вам, мои милые и дорогие, всего наилучшего. Целую вас всех крепко и обнимаю! Остаюсь, любящий вас, ваш Лев.

Будьте все здоровы!

10 апреля 1942 г.

Здравствуйте, мои милые дорогие все!!! Сегодня мне привалило от вас сразу три письма! Такого количества писем я давно уже не получал. У меня и настроение поднялось. Ведь я, мои дорогие, только и жду писем и, можно сказать, живу от письма до письма. Поделиться здесь не с кем тем, что у меня есть на душе, а в письме я иногда хоть намёком напишу — всё же становится легче. А когда прочту адресованное мне, то заряжаюсь, прямо как аккумулятор. Получил твои два письма, моя любимая женульця, одно от 17/III, а второе от 22/III, и от тебя, дорогая Надя, письмо из Пензы с припиской Георгия Ивановича. Очень рад, что ты, дорогая Надя, добралась сравнительно благополучно и, самое главное, встретилась с Георгием Ивановичем. Теперь ещё мне дождаться такого момента, когда я увижу вас всех, мои милые и дорогие, когда смогу обнять вас всех и расцеловать! Вот это будет для меня, как говорится, «Большой день», этот день, если он наступит, то надо будет не только самим праздновать, но и детям наказать, чтобы отмечали его как праздничный день!

Доволен, что ты, моя рыжулька, получила подкрепление. Покупай, пожалуйста, что найдёшь нужным, и кофе, благо его любят и бабушка, и Надюшка, да и все вы, наверное, его пьёте с удовольствием вместо «кок-чая»[1] и «олешки»[2], ведь я же больше ничего не могу вам, мои дорогие, послать; прошу не обижаться, компенсирую, если смогу, позже, т. к. я должник у Виктора давно, возможно, он забыл, что я ему должен был купить двухколёсный велосипед. У вас, мои дорогие, скоро будет благодать, раз уже появляется зелёный лук и щавель, то скоро пойдёт уже и клубника, затем черешня, огурцы и прочая прелесть, а это значительно облегчит ведение хозяйства. А там, глядишь, и свежая картошка пойдёт. В общем, хоть узбеки и шкуродёрничать будут, но всё же будет выбор на базаре больше. А это меня немного успокаивает. Ведь я, мои дорогие, хоть и не знаю, но представляю ваши путешествия и стояния, поэтому я и спрашивал вас, чи вы пьёте кофе по-турецки, чи по-настоящему. Хорошо, что ещё можно рису купить. Мы так предпочитаем кушать «рязанский рис» во всех его видах и комбинациях. А я его полюбил ещё с того момента, когда мы ездили в [19]33-м году на село, да и в техникуме нас ведь частенько потчевали

[1] Зелёный чай (узб.).

[2] Элеш — татарский пирожок с курицей.

кондёрчиками[1]. Но, в общем, это всё мелочи, а при нашем положении и за это спасибо. Самое главное, как говорил Витя Попов, не обращать внимания. Вот мне непонятно, почему Надюшка стала вдруг у нас такой нервной, по-моему, её не надо раздражать, пусть лучше выплачется сама, успокоится, и всё будет нормально, а если кричать на неё, так она, конечно, будет ещё больше плакать. А вот я приеду — тогда уже займусь лечением её, буду лечить своим методом. А потом, как Мюллер[2], напишу книгу «Моя система». Я, конечно, моя женульця дорогая, не представляю себе Надюшку такой, как она есть, а вы у меня все перед глазами такие, как на фото; или могу ещё представить вас всех в таком виде, когда мы в Ялте расставались. Хоть с того момента времени прошло уже порядком, но у меня картина стоит до сих пор перед глазами: я сижу в шлюпке, вечер, на борту «Армении» народ, и вы все стоите и машете мне. Если бы сумел рисовать, то обязательно нарисовал бы Ялтинский рейд в тот памятный вечер. Вот мне не нравится, что ты, дорогая Мамочка, расхворалась — наверное, бегаешь по очередям, промачиваешь ноги. Вообще, я не в курсе дела, что у вас всех на ногах. Правда, к приходу письма у вас уже будет сухо, но всё же этот вопрос меня интересует. Где дочки Альфонса, не знаю. Я не пойму, мои дорогие, почему вы мало писем от меня получаете, пишу довольно часто, как только имею свободный час или полтора, так и пишу. У меня ведь теперь куча работы, помимо основной по связи, я ведь теперь и помкомбатр[3], так что только успеваю, а другой раз — просто не успеваю. 16-го [апреля] поеду уже как настоящий канонир[4] на передовую на 10 дней, буду корректировщиком, что это такое, поинтересуйтесь…[5] Сегодня день был такой тёплый, что я уже сбросил свои ватные брюки и сапоги и стал похож на человека, и ходить как-то стало легче. Письма посылайте без марок, т. к. марки ничего не дают. Вот пока и все мои новости. Будьте все здоровы, мои милые и дорогие! Желаю вам всего-всего наилучшего! Целую и обнимаю вас всех крепко! Берегите себя и детей. Ещё желаю вам доброго здоровья и благополучия. Пишите чаще. Остаюсь, любящий вас, ваш Лев. <…>

АНПЦХ. Ф. 6. Коллекция «Евреи-военнопленные». Оп. 1. Ед. хр. 3, 5, 6; 11, 18.

---

[1] Кондёр — густая похлёбка из крупы.

[2] Йёрген Петер Мюллер (1866–1938) — датский спортсмен и учитель гимнастики.

[3] Помощник командира батареи.

[4] Здесь — то же, что артиллерист.

[5] Корректировщик ведёт наблюдение и корректировку артиллерийского огня.

«Я ОДИНОК И ПОТЕРЯЛ В ЖИЗНИ ВСЁ»

***Хейфетц (Хейфец, Хейфиц)[1] Анатолий (Аншель) Наумович (Нухимович) (1907–1942)**. Родился в г. Новомосковске Екатеринославской губ. (ныне — Днепропетровской обл., Украина). В 1916–1923 гг. получил неполное среднее образование в трудовой школе Новомосковска, в 1923–1924 гг. учился в торгово-промышленной школе в г. Екатеринославе (Днепропетровске; ныне — Днепр). Работал переплётчиком. В 1933 г. окончил местный металлургический техникум, далее работал по новой специальности. В 1934–1938 гг. проходил военную подготовку как санитар; был награждён «именным портфелем активного агитатора». В 1941 г. эвакуирован с родителями — Наумом (Нухимом-Лейбом) Анатольевичем (Аншелевичем) и Евой (Хавой) Михайловной (Менделевной) — в Орджоникидзевский (ныне — Ставропольский) кр. Родители поселились в с. Левокумки (ныне — Левокумское), их дальнейшая судьба неизвестна[2]. А. Н. Хейфетц с декабря 1941 г. работал старшим бухгалтером общепита в г. Минеральные Воды; призван в РККА в январе 1942 г. Начинал службу в г. Грозный, воевал на Украине. Красноармеец 900-го горнострелкового полка 242-й сд (Южный фронт). По данным ОБД «Мемориал» — погиб (не ранее мая 1942 г.) под Ленинградом, сражаясь в рядах 1-й отд. горнострелковой (курсантской стрелковой) бригады. Останки перезахоронены на территории мемориала «Новая Малукса» Кировского р-на Ленинградской обл.*

Упомянутая в письмах жена А. Н. Хейфетца — Покрывко Мария Васильевна, с которой он утратил связь в начале войны, — находилась в оккупации на Украине, выжила.

Письма А. Н. Хейфетца адресованы брату Якову и его родным — жене Зинаиде, племяннице и тёще, — эвакуированным в г. Шурчи Сурхандарьинской обл. УзССР (ныне — Республика Узбекистан).

Копии писем переданы снохой А. Н. Хейфетца — П. И. Копыловой (Хадера, Израиль).

[Не ранее конца февраля — начала марта 1942 г.][*]

<…> Я жив и здоров, а это на сегодняшний день основное. Вот, дорогие, коротенько в 2-х словах о нашем житье-бытье. Что, дорогие

[1] В документах встречаются разные варианты написания фамилии.

[2] После занятия Левокумок летом 1942 г. немцы и местные полицейские организовали массовое истребление мирных жителей, главным образом эвакуированных евреев. 2 октября 1942 г. в трёх котлованах были расстреляны 286 человек.

[*] Первая страница письма не сохранилась

мои, жаль, и, буквально, сердце разрывается — это за папу и маму. Вы бы их сейчас не узнали, постарели, одряхлели, и мой уход в армию совсем их подкосил. Кроме того, материально им живётся неважно, папа получает пособие как родитель призванного в РККА 150 руб., но это чепуха при теперешней жизни.

Вот пока всё. О своей семье я ничего не знаю. Или они остались у немцев, или уехали, или погибли. Это выяснится тогда, когда город будет наш, а пока я одинок и потерял в жизни всё.

Ну, заканчиваю на этом, довольно сентиментальничать.

Будьте здоровы и счастливы. Целую вас крепко-крепко и обнимаю. Ваш Толя.

Пишите, дорогие, мне, а также папе, он послал вам письмо. У стариков с уст не сходило — где Яша? Зина? Елизав[ета] Соломоновна? Что делают, где живут и т. п.?

И вы представляете себе радость, когда Лёня написал им ваш адрес, и они узнали, что вы живы и здоровы!

Я себе представляю это довольно ярко, сколько «трерн»[1] было пролито.

Пишите, дорогие, с радостью буду отвечать.

Обнимаю. Толя.

Мой адрес: Чеченско-Ингушская АССР. Гор. Грозный, Центральный почтамт, п/я 78/3 Литер «В».

Папин адрес: Орджоникидзевский край. Ст. Мин[еральные] Воды. Село Левокумка. Садовая ул., № 30.

Лёнин адрес: Орджоникидзевский край, гор. Ворошиловск, ул. Дзержинского, № 10, кв. 2.

18 марта 1942 г. Грозный

Дорогие Яша, Зина, Люлинька и Елизавета Соломоновна!

Ваше дорогое письмо я получил, чему был бесконечно рад, что вы живы и здоровы, а главное, что нашлись.

Я вам, дорогие мои, послал сразу же письмо, как только получил от папы сообщение, что вы живы и здоровы и живёте в УзССР. Но мне одно непонятно, почему Зиночка, Елиз[авета] Соломоновна и Люлинька, будучи в Чкаловске, попали в УзССР, ты мне, дорогой брат, [об этом] не писал. Напиши.

Дорогие! Вы мне писали, что 19.10 Люлиньке исполнилось 16 лет, да, 16 лет. Совсем моя дорогая племянница стала большой. Только, видно, не суждено нам отпраздновать эту знаменательнейшую дату, ведь мы не дома.

[1] Слёз (идиш).

Что же пожелать моей дорогой Люлиньке?

Пожелаю ей, во-первых, вырасти, жить и стать полезным человеком нашей родины. Любить нашу родину как свою мать, и если бог даст, я останусь жив и приду с войны, то твой день рождения мы отпразднуем дома, обязательно в Днепр[опетров]ске, в кругу родных и близких нам людей.

16 мая 1942 г. Действующая армия

Дорогие Яша, Зина, Люлинька и Елизавета Соломоновна!

Спешу сообщить вам, что я жив и здоров, чего желаю и вам от всей души. Я постараюсь, дорогие мои, восполнить тот пробел в нашей переписке, который образовался, конечно, не по моей вине.

Дорогие! Как вам известно уже из этого письма, я нахожусь в действующей Армии, в нашей родной Украине, где гитлеровские головорезы получают по заслугам, и наша Армия всё время продвигается вперёд.[1] Я нисколько не сомневаюсь, что нынешний год будет решающим в разгроме фашистов, т. к. на это вдохновляет гениальнейший полководец т. Сталин.

Правда, предстоят упорные и ожесточенные схватки, но инициатива у нас, первоклассней шее вооружение имеем мы, а ведём войну справедливую, освобождающую. Всё это, дорогие, создаёт предпосылки, что 1942 год будет окончательным, а в 1943-м будем дома опять все вместе, если я, конечно, останусь жив.

Что вам, дорогие, писать? Всё, что хочешь написать, не напишешь, так как может бумаги не хватить. В общем, мы на южном направлении, всё ближе «цум унзере[2] <…>[*]». Я, дорогие мои, не знаю, как поживают старики. Я не получал от них писем, и меня это очень <…>[**].

Как вы поживаете? Что вообще слышно у вас? Я подчас всё забываю, т. е. бывают моменты, когда забываешь вообще и о себе — и только в перерывах ощущаешь себя. Но это всё привычки, к тому же, говорят, что привычки это вторая натура. <…>

Ну, что вам теперь ещё писать, думаю, что достаточно. Буду заканчивать на этом. Пожелаю вам, дорогие мои, всего наилучшего в жизни, а самое главное — ехать домой, я чувствую, что эта мысль у

[1] К 17 мая 1942 г. войска Юго-Западного фронта почти вплотную подошли к Харькову. Но уже к 23 мая 1942 г. в результате контрнаступления 6-й армии вермахта они оказались в окружении.

[2] К нашим (идиш).

[*] Одно слово неразборчиво.

[**] Одно слово неразборчиво.

вас не исчезает ни на секунду у вас из головы, такое же состояние у всех. А я, дорогие, мечтаю об одном: истекать кровью, но зайти в наш город и посмотреть, живы ли детки и Маничка, конечно, если [они] живы, то стоит жить.

Ну, будьте здоровы. Целую вас всех крепко, ваш Толя. <…>

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 533.

«У НАС ВСЕ СОСЕДИ ПОГИБЛИ СЕМЬЯМИ»

***Мостинский Михаил Исакович (1924–1944)**. Родился в г. Одессе Одесской губ. УССР (ныне — областной центр, Украина). В 1941 г. с матерью — Фаней (Фанизой) Абрамовной, сёстрами — Ревиной (Ривой) и Кларой (в письмах — Ляля) — эвакуировался в Нагутинский р-н (ныне входит в Минеральводский р-н) Орджоникидзевского (ныне — Ставропольского) кр., далее — на Северный Кавказ. М. И. Мостинский остался на Кавказе, а его мать и сёстры направились в Алма-Атинскую обл. КазССР (ныне — Алматинская обл., Республика Казахстан). Там они соединились с семьёй сестры Фани Мостинской, уехавшей из Одессы в Казахстан через г. Уфу Башкирской АССР (ныне — Республика Башкортостан). Отец М. И. Мостинского — Исак Ицкович (1893–1941) — погиб в оккупированной Одессе.*

М. И. Мостинский был призван в РККА Хасавюртинским РВК Дагестанской АССР (ныне — Республика Дагестан). Проходил подготовку как связист. На фронте с 18 лет. Был ранен, лежал в госпитале в Грозном. Участвовал в освобождении Одесской обл. Воевал в 72-м отд. миномётном дивизионе 5-го гв. Донского кавалерийского корпуса в должности «ездовой повозки». Пропал без вести 26 октября 1944 г. в р-не г. Надькалло (Венгрия). Воинское звание в именном списке безвозвратных потерь записано как «гвардии казак».

Большинство писем М. И. Мостинского адресовано матери и сёстрам — сначала на ст. Или, затем в г. Талгар Алма-Атинской обл. КазССР. Часть писем адресована тёте Ревеке (в письмах — Маня), её мужу — Хаиму и дочерям — Евгении и Ольге Корженевич в с. Джусалы (ныне — с. Жосалы) Кызылординской обл. КазССР (ныне — Республика Казахстан), затем также в г. Талгар.

Письмо Михаила и Екатерины Токаренко из освобождённой Одессы сообщает семье Мостинских о гибели Исаака Мостинского.

Копии писем переданы директором музея «Энергия мужества» Д. А. Зельвенским (Хадера, Израиль).

Письма М. И. Мостинского матери и сёстрам на ст. Или

26 февраля 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, Рива, Ляля. Долгое время по некоторым причинам я не получал от вас писем, но теперь возможность возобновилась, и я от вас и от Розы[1] получил, наверно, 12 писем. Такая радость для меня, что не знаю, какое раньше читать? Некоторые ребята кричат, шутя, читай от Розочки, другие — от мамы, но вскоре я

[1] Девушка М. И. Мостинского.

одолел все 12 писем. Слова о том, что она меня ненавидит, не любит, провалились крахом, подобно недавней группировке немцев, которая также уничтожена силами нашей армии.

Хочется рассказать о сражениях за нашу Родину, но мало для этого бумаги — это нужно словами рассказать. Если будет суждено, приеду домой, подробно расскажу о том, как длинными лентами, одна за другой, стоят машины, танки немецкие, тысячи трупов захватчиков лежат, их земля не принимает, а в общем, много чего рассказывать есть.

Конец войны зависит от тыла также. Так вот, крепите же тыл, и мы скоро изгоним немецкую сволочь с нашей <…>*

28 февраля 1942 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка, Ляля, Рива. Вы, оказывается, берёте первенство надо мной в отношении писем. Сегодня я получил 6 писем от вас. На эти письма я отвечаю, я жив, здоров, одно только меня мучает, что я не с вами, но духом я не упал и не упаду. Разгромим фрицев, и я вернусь к вам.

Одно прошу: пишите часто, ведь у вас есть бумага. Пишите обо всём, ведь весточка с дома — большое значение.

Оля пишет, что написала мой адрес Нинке, но я ещё от неё писем не получаю. От Розы я тоже часто получаю письма, она хорошая девушка, ещё не забыла меня.

17 июня 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, Рива, Ляля. Только что получил от вас письмо, которое шло 2 месяца, но, однако, я с жадностью читаю каждое слово, ибо я даже в тяжёлые минуты думаю о вас, о том, как вы живёте. Не всегда я могу много писать, но вы не следуйте моему примеру и пишите часто.

Мамочка, очень доволен, что теперь живёте вместе с дядей. Моё сердце успокаивается немного, когда я читаю, что они вам помогают. Я желаю всего самого наилучшего дяде, тёте, Жене за их такое достойное отношение к вам. Говорят, на фронте делаются грубым и чёрствым человеком, — неправда, именно здесь, на фронте, мы делаемся ещё добрее и ласковей к нашей семье, которая трудится в тылу и помогает нам.

24 сентября 1942 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка, Ляля и Ривочка!!! Как видно, я

* Одна строка неразборчиво.

не создан для того, чтобы хоть когда-нибудь быть счастливым. Счастье моё, ты знаешь, не выражается в нарядах, хорошей еде. Я хочу только одно — быть с вами. За мои 17-18 лет все трудности и горе, изредка и радость, мы переносили вместе, мамочка моя бедная, как я плачу, вспоминая твои заботы обо мне, как у меня сердце болит за твоё большое сердце.

Мамуся, много писать нет времени, могу писать только одно, что за все мои страдания мы ещё будем вместе. Лялька меня будет ещё до старости звать «Ёселе»[1].

Пока. До свидания. Твой сын Муся.

Пишу с фронта, могу передать, что скоро-скоро засияет солнце над всеми областями Сов[етского] Союза. Можете гордиться тем, что у вас есть сын, который участвует в освобождении нашей страны.

Письмо М. И. Мостинского тёте и дяде в с. Джусалы

22 декабря 1942 г.

Здравствуйте, дорогие тётя и дядя, я пишу ещё с госпиталя, вчера был на перевязке, рана зажила, хожу, только немного ещё трудно много ходить, думаю, что ко дню моего рождения, а это будет 6 января, я уж буду снова на фронте. Тётя, надеюсь, что в этом году на фронте, а в будущем году мы отметим всей нашей семьёй день моего рождения уже в условиях мирной обстановки, дома. Если буду жив, мне будет 20 лет, вы меня не узнаете, я стал настоящим взрослым человеком и, в первую очередь, настоящим воином Д[онского] к[азачьего] к[опруса]. При встрече расскажу, как бил фрицев. Пока, до свидания. Ваш Муся.

Письмо[2] М. И. Мостинского матери и сёстрам на ст. Или

[не позднее февраля 1943 г.]

Здравствуйте, моя дорогая мамочка, Лялечка, Рива. Наконец за 10 месяцев нашей разлуки, то есть с тех пор, как я вас так печально и обидно оставил в глухой чеченской степи, за это время у меня прошло несколько ступеней жизни, начиная с прибытия в часть, фронт, ранение, госпиталь, вообще суровая военная жизнь. Но никогда, сколько мне придётся жить, я не забуду нашей разлуки. Это было так тяжело для меня, что за 10 месяцев я ещё не могу прийти в себя. Я никогда не забуду квартиру, в каком виде я вас оставил под «навесом», то есть под

[1] Уменьшительное от имён Йосеф/Иосиф.

[2] Письмо написано на трофейном немецком бланке.

подводой, с которой я так всю дорогу мучился, потом ваш вид, голодных и измученных. Нет, никогда я это не забуду.

Дорогие мои, благодаря моей дорогой Розочке мне удалось узнать лишь адрес. С ней я переписывался и на фронте. Перерыв был — пребывание моё в госпитале. С тётей Маней я имел переписку, но теперь писем я не получаю.

Дорогая моя мамочка, я сейчас так взволнован, радостно о том, что вы наконец хоть кое-что знаете обо мне и я о вас, что не могу даже сосредоточиться над письмом. Но все ж вкратце опишу всю мою жизнь от времени разлуки и до сих пор.

Попал я с Махачкалы в часть, дней через 10 получил обмунд[ирование], так что холодно без пальто мне не было, а помнишь, как ты волновалась; когда я получил полностью обмунд[ирование] и шинель, я продал лыжанку, сиреневую рубашку, майку и ещё кое-что.

На фронт я попал осенью, так что особенно сильных морозов не переживал, а зимой находился в госпитале, на фронте меня ранили в ногу, и я лежал в г. Грозном около 3 месяцев, потом выписался, совершил большой марш, а в настоящее время я уже снова в части, где готовлюсь снова для отправки на фронт, кончился Кавказ. Теперь я встречусь на Украине с немцем, и силой советского оружия наша часть, в числе других частей нашей Армии, разгромит гнусного виновника всех наших мучений, мамонька. Многие по дороге в марше встречались с разными знакомыми, я один ничего не видел, ни с кем не мог поделиться моим горем, я тайком плакал и грустил, не зная, что вы делаете, где находитесь, и как твоё здоровье. Теперь мне ничего не страшно. Пусть завтра меня не будет, зато я знаю, что вы живы.

Родная моя мамочка, как я изменился за это время, я похудел без <…>*

Письмо М. И. Мостинского матери

28 августа 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамочка. Я каждый раз получаю от Розы письма, и она пишет, что ты моих писем не получаешь. Недавно я тебе написал большое письмо, в котором подробно описал про себя, на адрес: ст. Или, учмед 11, Мостинской, а теперь вроде другой адрес, не знаю, чему причина. Мамочка, пару слов о себе: чувствую себя хорошо, пока ещё не на фронте, но думаю, что в ближайшее время буду. Очень скучаю за тобой. Вот уже полтора года я от тебя ничего не знаю.

* Одна строка неразборчиво.

Если ты получила моё первое письмо, то ты всё знаешь про мою жизнь в армии со дня нашей разлуки; теперь не могу много писать, ибо с большим трудом достал листок бумаги. Если это возможно, то пошлите мне несколько листочков бумаги, и я напишу много обо мне, не беспокойтесь. До скорой встречи, а это возможно, ибо немец доживает последние минуты. Разобьём врага, приеду к тебе, мама, может быть, уже больше никогда мы ~~больше~~ не будем так страдать.

Твой сын Муся.

Письмо М. И. Мостинского сестре Риве

9 декабря 1943 г.

Здравствуй, моя дорогая сестра Рива. Получил твоё письмо, за которое очень тебе благодарен. Вообще, в армии, особенно на фронте, письмо от родных — это большой сюрприз. Рива, наконец я дождался, что ты хочешь меня видеть. Ривочка, интересно, что пишет Нинка про свою семью? Ривочка, смотрите за мамой, не волнуйте её, мужественно переносите жёлтую жизнь, которую она вам делает, и говорите ей, что я буду жив, здоров и т. д. Насчёт того, что Роза пишет ещё до сих пор «палючила», то стоит мне быть живым и здоровым, и я её выучу скоро [писать правильно]. В основном она у меня умница, она для меня так дорога, как ты, Рива, и все мои родные. Ривочка, хочется много писать, но очень мало бумаги, поэтому я отрывками пишу обо всём. Сейчас, после недавних боёв, немного отдыхаем и готовимся к окончательному разгрому немцев. Целую, Муся.

Ривочка, как у тебя дело с В. Р. К.[1]?, как семья Штейман, как тётя Маня и особенно напиши про тётю Геню, что делает Ляля, и как её причёска. Очень доволен, что помогают тётя и дядя, скоро рассчитаемся с фрицами, приеду — обо всём подробно расскажу. Твой брат Муська.

Письмо М. И. Мостинского матери и сёстрам

[не позднее 29 декабря 1943 г.]

Здравствуйте, дорогие мамочка, Рива и Ляля. На днях я получил от мамы и Ривы письмо, не мог ответить вовремя, и вот я снова получил от мамы и Ривы ещё 2 письма, которые шли ровно 2 месяца. Мамочка, дорогая, я тебе сочувствую, и всеми мыслями я с вами. Я знаю тебя, мамочка, как ты переживаешь за своих детей; за всё твоё горе, за

[1] Вероятно, место работы сестры до эвакуации.

горе многих матерей немцы теперь платят своей подлой кровью. Мамуся, надеюсь, что мы ещё будем вместе, выгоним немцев и заживём прежней жизнью, мамочка.

Хочется очень много описать тебе, но не всегда нахожу время, и особенно плохо, что мало бумаги. Те деньги, что ты мне послала, я их получу, но, боже упаси, больше не посылай, они мне не нужны, я обеспечен всем необходимым, получаю также и деньги. Мамочка, пока. До свидания.

Твой сын Муся.

Письмо М. И. Мостинского сёстрам

[после 10 апреля 1944 г.]

Моя дорогая сестра Ривочка и Ляля, мои дорогие труженицы, ваш труд сопровождался по́том и кровью, вы недосыпаете ночей, мне очень жаль вас, очень хотел бы помочь вам, но я далеко, я на фронте, мщу немцам за ваши мучения.

Мои дорогие, недалёк час — кончатся ваши муки. Только духом не падайте. Это мой наказ вам.

Ривуся, напиши мне, пишешь ли ты в В. Р. К.? Теперь наша любимая Одесса освобождена. Надеюсь, ты вернёшься на свою почётную работу.

Ривочка, не пришлось мне участвовать в освобождении Одессы, я дошёл до Первомайска, и мы были переведены на другой участок.

Но всё же я очень был доволен, что, освобождая Одесскую область, был в Головановском р[ай]оне, был у дяди на заводе в селе Межиричке. Теперь я далеко от родных мест, но сердцем и душой вместе с вами. Примите мои самые наилучшие пожелания от вашего младшего брата. Пусть в моих строках вы почувствуете самую горячую любовь к своим сёстрам и матери, будьте здоровы. Всего. Ваш Муся.

Дядю, тётю и Женю, маленькую Олечку крепко целую.

Моя дорогая Олюшка, напиши, получила ли ты моё письмо к тебе? И постарайся часто писать. Твой [двоюродный] брат Муся.

Письмо М. И. Мостинского сестре Риве

[после 10 апреля 1944 г.]

Ривочка! Чувствую себя хорошо. В дни моего рождения был в боях. Вы тоже не забываете про мой день рождения, это хорошо, но плакать не нужно, ибо это излишнее волнение.

Я прошу, не волнуйтесь, если долго не бывает писем, ведь надо

учесть все обстоятельства и расстояние и всё вместе взятое. Ривочка, доволен за то, что имеешь связь с в. р. к., я очень счастлив, что дядя ваш помогает.

Смотрите за мамой, в скором будущем я буду дома (между прочим, я бы не прочь).

Очень хорошие письма получаю от Розы. Денег больше не шлите, они мне абсолютно не нужны.

Мама хочет моё фото, но это невозможно, ибо я не в тылу, а на фронте фотографа нет. При первой возможности выполню её просьбу.

Интересно, что пишет Нинка? От неё я писем ещё не получал. Ах, как хочется хоть полчаса с вами поговорить! И от души, чтобы хоть раз, ибо за всё время даже знакомого не видал, не то [что] родню.

До свидания, Муся.

Письмо М. И. Мостинского семье тёти в г. Талгар

18 июня 1944 г.

Здравствуйте, дорогие тётя, дядя, Женя и самая «взрослая» — Олечка.

От души благодарю вас за материальную помощь маме и сёстрам, в тяжёлую минуту вы спасли их. Сколько горя я перенёс, когда от них в такой печальной позе ушёл, как моё сердце обливалось кровью, видя рыдание мамы и бедных сестёр в далекой чеченской степи. За все муки, за всё горе румыно-немецкая банда кровью отплатит, до последней минуты моей жизни во мне будет кипеть месть к подлым врагам, они не укроются от наших мин и снарядов даже в своей вонючей берлоге, Берлине.

Пока всё, ответ жду, хотелось бы с нашей любимой Одессы. Остаюсь ваш, Муся.

Письмо М. И. Мостинского сестре Риве в г. Талгар

25 июня 1944 г.

Здравствуй, моя дорогая сестра Ривочка и все родные. Вчера я получил от вас, вернее, от Ривы, письмо, и сегодня, 25-VI-44 г., отвечаю.

Дорогая сестра, твоё письмо меня до того обрадовало, что даже повеселел, ведь ты знаешь, что больше никакой радости у меня нет и радоваться нечего, ибо я знаю, как трудно вам переносить всякие лишения, потом труд не по силе на заводе.

Дорогая моя сестра, хочу тебе ответить моё мнение поводу твоего замужества.

1) Ты каешься, что в такое тяжёлое время ты устраиваешь своё благополуч[ие] и сделала некоторое «нарушение», то есть вышла замуж.

Выскажу кратко моё мнение и прошу принять это за основу.

Весть о твоём замужестве меня от души радует. Должен тебе сказать, что именно в тяжёлое время, как ты пишешь, и устраивают своё благополучие. Для того, чтобы в дружной и красивой жизни совместной преодолеть все трудности.

А когда в хорошее время, то есть, когда оконч[ится] война, люди заживут прежней жизнью, будет тебе и твоему супругу приятно вспоминать прошедш[ее].

И второе, хочу тебе желать всего хорошего в твоей жизни, засучи повыше рукава, берясь за хозяйство.

Андрею Прокофьеву передаю свой казачий привет и самые искренние пожелания в его жизни.

Ривочка, пока всё ещё раз разреши крепко поцеловать тебя, а от моего имени ты целуй маму и всех родных. Сейчас буду писать письмо маме.

Да, забыл предупредить Лялю, что «очередь» её, а потом уж я буду действовать, пропала Розочка. Ничего не поделаешь, раз дала слово ждать, будь любезна выполнять.

Всё, всего хорошего, твой брат Муся.

Письмо М. И. Мостинского матери и сёстрам в г. Талгар

2 июля 1944 г.

Здравствуйте, мои дорогие все. Надеюсь, вы мои письма получаете часто, я желал бы и от вас получать часто, чего на сегодня ещё нет. Последнее письмо я получил от Ривы из ст. Или, и сейчас ей ответил в Талгар. Ривочка, ведь ты обещала в следующем письме написать всё подробно, я ожидаю. Мама, ты в эту войну немного подкачала. Где твои письма, которые ты умеешь лить как из ведра? Я прошу тебя, не дожидаясь моих писем, писать мне. Пиши, лей, чего придётся на ум, ведь в тылу есть о чём писать. Лялька, я приеду домой, у меня будут с ней продолжения счётов, она ведь давно боится меня, а теперь я старше, а что она будет делать, пусть лучше пишет часто, а то ух…! Риве в основном выношу благодарность перед строем и надеюсь, она будет продолжать в этом духе. Пока всё. Ваш Муся.

Привет тёте, дяде и Олюшке Коржневич.

Письмо М. И. Мостинского сестре Кларе

6 августа 1944 г.

Здравствуй, Лялечка. Сегодня получил от тебя письмо, большое спасибо. Много чего я узнал из твоего письма. Очень доволен, что есть письма от Толи, Розы. Переписывайся с Розой часто. Лялечка, я очень хотел, чтобы вы вернулись в Одессу за квартиру. Не волнуйтесь, вам вернут, если будут протестовать насчёт возвращения квартиры, то я напишу свой казачий привет им, и они не будут рады.

Я вышлю вам справку, где ясно сказано о том, что я служу в гвардейской казачьей части.

Чувствую себя хорошо, готовлюсь к жарким боям — окончательному разгрому фашистов. Бедный папа, что с ним? Как Пётр Петрович, ничего не знает[е] про него?

Пишите часто. Муся.

Письмо Михаила и Екатерины Токаренко семье Мостинских

[1944 г. Одесса]

Здравствуйте, дорогая соседка Рива Мостинская и мадам Мостинская. Вы пишете своему папе письмо, но я, Катя, и Миша-смотритель, мы вам отвечаем, что вашего папы нет, он погиб со всеми нашими соседями от варварской гитлера руки, жестокого смертельного террора; была его, мерзавца, расправа, по всей Одессе — очень много погибло людей безвинных. У нас соседи все погибли семьями, начиная по фамилии: Янкелевских нет, Гомбарин, Юзопольских, Орловы, Глухие, соседка Гольденшлюгер, Гольдеснурик, Беризянская, Будянина, Свердлова, Гурман Клара, Элемпорт Капер, Фима Перемберг, Ленчик, Ася, в подвале жила возле Ленчика. Мостинские, эти соседи все погибли с семьёй. Мы просто переживали на наших глазах.

Дорогая мадам Мостинская и дорогая Ривочка, и Ляля, и Муся, не тужите так крепко. Это я знаю, что переживание тяжёлое, но не забывайте, что легче читать вам это письмо, чем нам здесь было видеть перед нашими глазами смертельные ужасы. Войдите в наше положение, у нас половина здоровья отнята навеки от переживания и смерти перед нашими глазами. Приезжайте, милые, в Одессу. Почему не едете, или вы там, может, устроились хорошо? Пишите, Рива, ответ. Целуем вас крепко несчётно раз, ваши соседи Миша и Катя Токаренко. Ждём ответ.

«ПОХОРОНИТЬ ВАШИХ РОДСТВЕННИКОВ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ…»

Д. М. Пеккер, И. Г. Зельцер с сыном — Биньямином. Керчь. 15 мая 1941 г.

***Пеккер Дора Моисеевна (1902–1970)**. Родилась и жила в г. Керчи Таврической губ. (ныне — Республика Крым). Окончила гимназию; до 1941 г. работала школьным учителем. В конце сентября 1941 г. вместе с сыном — Биньямином (1938 г. р.) и старшей сестрой — Надеждой Моисеевной — эвакуирована в г. Алма-Ату КазССР (ныне — Республика Казахстан). Туда же эвакуирована её дочь — Ревекка Исаевна Дорфман (до войны — учительница начальных классов Школы № 24 г. Керчи).*

Д. М. Пеккер в Алма-Ате работала заведующей райотделом народного образования. Муж — Исай Григорьевич Зельцер (1890–1975) — с сентября 1941 г. по 1944 г. был на фронте. Супруги вернулись в Керчь летом 1944 г. Д. М. Пеккер в дальнейшем работала директором Школы № 1 г. Керчь. (ныне — Специализированная школа № 1 им. Володи Дубинина). Родители, сестра и брат Д. М. Пеккер погибли во время первой оккупации Керчи германскими войсками (16 ноября — 30 декабря 1941 г.).

*Письмо бывшей соседки — **Анны Давыдовны** — адресовано семье Пеккер в Алма-Ату.*

Копия письма и фотография переданы Б. И. Зельцером (Ашдод, Израиль).

3 марта 1942 г. Керчь

Дорогие Дора Моисеевна, Надежда Моисеевна и Исай Григорьевич!

Только что получили второе ваше письмо от 10/II, а на днях было ваше письмо от 9/II с двумя доверенностями, и на него я ответила открыткой. Как тяжело! Я и не знаю, что именно писать в 1-ю очередь.

Я уже писала, что дорогих и незабвенных ваших родных я проводила. Ясно, что плакали до изнеможения. Я была посредником для

передачи вам сердечных пожеланий и тех тяжёлых, тяжёлых переживаний, что им пришлось пережить, хотя они и не знали, что их убьют, а думали, что их куда-то вышлют. Бабушка радовалась, что хоть вы выехали все, а Анюта горевала, что её вылечили для таких страданий. Володя действительно молчалив и не роптал, уговаривал Анюту не плакать, а надеяться на лучшее будущее. Анюта имела страдальческий вид — худая, изнурённая.

Все они взяли с собой самое ценное, что осталось, потому что у Рубинчиков были немцы и, по словам бабушки, тысяч на пять взяли добра, но о нём они не жалели.

К Рубинчикам никто не приезжал из родных, а ждали они сына, который сидел в Симферополе или служил, я точно не знаю. Анюту много-много раз немцы переселяли из квартиры в квартиру, но счастье, что хоть в одном и том же дворе. 29/XI явились все евреи на площадь Сенного базара, а на следующий же день все их квартиры и сараи были запечатаны с надписью: «Кто вскроет, будет публично расстрелян»; кстати, все приказы заканчивались этими тремя словами. Потом вселялись туда немцы и грабили. Стыдно сказать, но и наши жители не стеснялись и позорно грабили. У Елизаветы Абрамовны и Голенской были пустые сараи, но на них висела такая же страшная бумажка. Дочь Е[лизаветы] А[брамовны] уехала — муж приезжал и взял её. Уговаривал и Е[лизавету] А[брамовну] с мужем, но те отказались. Меньшая сестра Е[лизаветы] А[брамовны], которая со мной училась, и дочь её, мне кажется, с ребёнком и мужем-блондином, пошли вместе с Анютой. Все имели мученический вид, а картина была жуткая! В истории такой картины ещё не было. Ваши вещи, дорогая Дора Моисеевна, уцелели только потому, что подоспела советская власть, а иначе и мои пропали бы.

Когда упала бомба возле двухэтажного дома у собора и сзади нашей квар[тиры] у Крымгазнефти[1], то у нас вылетели рамы оконные и дверные. Мы забили всё досками, мягкие вещи перетаскали на собственных плечах к Домочке, а мебель осталась в квартире. 7/XI у Домочки во дворе упали две бомбы — одна слева у калитки, а другая возле погреба. Счастье наше, что это были маленькие бомбы. Мы были во дворе, и нас волной бросило в коридор, вылетели стёкла, дверная рама, повалилась штукатурка, но мы остались живы. 8/XI мы пришли на свою собственную квартиру, в школу, захватив опять все мягкие вещи на собственных плечах, а Домочка уехала в Чокрак [на Чокракское озеро — Сост.]. Мебель продолжала стоять в вашей квартире, а с приходом немцев я пошла брать мебель, но туда вселилась Ира дворо-

[1] Трест «Крымнефтегаз» наркомата нефтяной промышленности, осуществлявший нефтерозыскные работы в 1933–1941 гг.

вая, я её охотно впустила, она взялась делать ремонт с зятем. Но вещей она мне не дала, а сказала, что это еврейские вещи и они описаны и без разрешения она мне их не выдаст, так как боится быть расстрелянной. Видали пугливую? Я и руки повесила, как начала ходить в управу, и не выходила бы, если бы не наткнулась на родителя, который там работал и подтвердил, что это мои вещи, купленные мною у вас.

Вы думаете, это конец? Вещи перенесли, что[-то] привезли с подвозом, и было очень трудно, а 24/XII приезжает всё та же Ира дворовая с каким-то гражданином указывать, где я живу и какие вещи еврейские я взяла. Этот гражданин — немецкий подхалим дал мне срок до 26/XII, если я не представлю ему от горуправы бумажку на вещи, то их все у меня заберут, но 26/XII такие звуки музыки раздавались, что на улице ходить нельзя было — с того берега обстреливали наши, и это продолжалось три дня. На улице ни души, а 29/XII высадился десант, взял Керчь[1], и попёр немцев, а они так летели, что многие и штаны оставили. Я не шучу, это истина.

Из ваших вещей у меня стол, кровати, шифоньер, буфет, пианино и гардероб разобран, лежит в коридоре. Буду жива — всё сохраню. О вашем приезде и речи не может быть сейчас. Умоляю не торопиться. Я бы хотела быть с вами и голодать. Как только можно будет, сейчас же начну хлопотать о вашем приезде в Керчь. Похоронить ваших родственников не представляется возможным — из 7 тысяч трудно выбрать[2].

Им всем сделана братская могила. Поганцева Раиса Яковлевна не стала искать мать — невозможно. Прошёл месяц после убийства. Кого выловили и последних расстреляли, то кое-кто хоронил, а кто выдавал? Порт, еврей маленький, он в МТС[3] был сторож — его убили.

У Белоцерковской должен был родиться ребёнок, и они не пошли на площадь по приказу от 26/XI, но её всё равно нашли и уже перед тем, как уводить, взяли в тюрьму, там она родила, и умер ребенок, вывезли её за Скасиевский фонтан [с. Скасиев Фонтан — Сост.] с детьми, трое их было[4], и из пулемета расстреляли. Она упала в противотанковый ров, на неё навалились трупы, но ночью она пришла в себя — ранена была в плечо и, как видно, не прикрыта землёй, она встала и пришла в деревню Ск[асиевский] фонтан, там переночевала,

[1] Город был освобождён в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции (28 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г.). Германские войска вновь захватили город в мае 1942 г., вторая оккупация продолжалась до 11 апреля 1944 г.

[2] В начале декабря 1941 г. евреи Керчи были расстреляны оккупантами в противотанковом рву у пос. Багерово.

[3] Машинно-тракторная станция.

[4] Бетя, Раиса и Иосиф.

а тут наши подоспели, и так эта страдалица уцелела. Сама видела её в горсовете, когда отправляли её на лечение в Сочи.

Вот что пережила женщина, потеряв детей, — сама, считайте, была на том свете и осталась жива.

Сегодня второй день, как мы начали заниматься по квартирам небольшими группами. Мне очень трудно организовать это дело — квартира нужна с укрытием, а мы ведь на окраине, хатки маленькие и дворы без укрытий. Немцы так боялись партизанов, а они им много вреда делали, и поэтому немцы велели закрыть все щели[1]. Это для нас теперь целое дело.

Заканчиваю письмо и прошу вас ждать, пока я не напишу вам, что можно приехать. Квартирой вы будете обеспечены, и, если нужно будет похлопотать, то и это я сделаю, но сейчас миритесь с условиями. Повторяю ещё раз, что вам мы завидуем. Не спешите!

Где муж Ривуси? Живёте ли вы все вместе или отдельно? Брат ваш там? Николай не работает. Ира второй день училась в 10 кл[ассе] в школе на дому — квартира Рогачевой Муси. Женя работает в библиотеке.

Всех вас крепко целую. Анна Давидовна

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 51; 54.

[1] Вероятно, имелось в виду «зарыть щели» (укрытия, выкопанные в земле).

Ф. М. Бриккер с дочерью Наташей. Сер. 1930-х гг.

***Бриккер Фёдор Матвеевич (1895–1943)**. Родился в г. Александровске Екатеринославской губ. (ныне — Запорожье Запорожской обл., Украина). В 1915 г. окончил с золотой медалью гимназию в Харькове, в 1920 г. — ф-т медицины Харьковского университета (ныне — ХНУ им. В. Н. Каразина). В 1919–1921 гг. служил в РККА. В 1921–1927 гг. — ассистент кафедры в Харьковском медицинском институте (ныне — ХНМУ). Доктор медико-физиологических наук (1925), доцент (1927). С 1928 г. — зав. кафедрой патологической физиологии и зав. научной частью Днепропетровского медицинского института (ныне — Днепропетровская медицинская академия). Профессор, автор более 80 научных работ. В августе 1941 г., после эвакуации в г. Ворошиловск (с 1943 г. — Ставрополь) Орджоникидзевского (ныне — Ставропольского) кр., стал зав. кафедрой патологической физиологии в институте, образованном после слияния эвакуированного Днепропетровского мединститута с Ворошиловским медицинским институтом (ныне — СтГМУ). В августе 1942 г. Ф. М. Бриккер вместе с женой — Идой Бриккер и дочерью Натальей (в письмах — Ната) оказался в оккупации. Он не был уничтожен вместе с другими евреями в августе 1942 г.[1], получив на время разрешение заниматься*

[1] В Ворошиловске оккупанты уничтожили около 4000 евреев — как местных, так и эвакуировавшихся из других регионов.

научной деятельностью по проблеме лечения раковых заболеваний. 20 сентября 1942 г. Ф. М. Бриккер, его жена и 14-летняя дочь были уничтожены в душегубке. По другим сведениям, Ф. М. Бриккер погиб позже жены и дочери — в ноябре 1942 г. После освобождения города специальная комиссия мединститута, изучив научное наследие Ф. М. Бриккера, предложила немедленно продолжить его исследования по проблеме онкологических и других заболеваний.

Письма Ф. М. Бриккера из Ворошиловска адресованы родным: отцу — Матвею (Мойше) Григорьевичу (Гейшевичу), матери — Ольге (Голде) Марковне (Мееровне) Бриккер и брату — Григорию Матвеевичу Бриккеру (1891–1984). В 1941–1943 гг. они находились в г. Бийске Алтайского кр., куда выехали из Харькова. Родители Ф. М. Бриккера умерли в Бийске в 1943 г.

Одно письмо Григорию Бриккеру о судьбе брата и его семьи написано коллегой Ф. М. Бриккера — Яковом Ароновичем Лазарисом[1].

Копии писем и фотография переданы Музеем истории СтГМУ и внучатой племянницей Ф. М. Бриккера — Е. В. Климовой (Новосибирск).

Письма Ф. М. Бриккера родным

28 февраля 1942 г.

Дорогие!

За последние дни мы получили папино письмо и открытку. Я очень рад, что вы уже, наконец, получили деньги — кроме 250 и 100 [рублей, отправленных] телеграфом. Вы ещё должны получить 100 [рублей] по почте. Хотелось бы вам в скором будущем отправить деньги, но их сейчас у меня нет. Всё же думаю кое-что реализовать на базаре, и тогда переведу вам.

Вас интересует, как мы сюда ехали. Так вот: как вам известно, сначала я отправил Иду с Натой сан[итарным] поездом в Ростов[-на-Дону]. Сам я выехал с госпиталем. Попал в Ворошиловград и оттуда пробрался с большими трудностями к своим. Из Ростова[-на-Дону] мы решили ехать в Ворошиловск, хотя я имел возможность поехать в Иркутск или Сталинабад. Мы остановились на Ворошиловске, решив

[1] Я. А. Лазарис (1904–1991) — патофизиолог и токсиколог. В 1941 г. — доцент кафедры патофизиологии Днепропетровского медицинского института. Вместе с Ф. М. Бриккером эвакуирован в г. Ворошиловск. Впоследствии работал в мединститутах Москвы, Горького (ныне — Нижний Новгород) и Караганды (Казахстан). Доктор медицинских и фармацевтических наук. Награждён орденом Ленина (1966).

не оставлять своего коллектива. Между прочим, ваш ин-т сюда приехал эшелоном. Я выехал раньше, так как начальство настояло, чтобы я выехал с госпиталем: оно и Лиля уверены, что удастся организованно эвакуировать ин-т. Вещи мы кое-какие всё же, [к] счастью, умудрились привезти. Но многое, конечно, осталось. Спасибо, что наша домработница догадалась передать эшелоном моё тёплое пальто, зимнее пальто Наты и тёплые одеяла и подушки. А то мы бы, как говорится, имели бы хороший вид. Дома осталась вся посуда, много вещей и продуктов, которые я успел привезти из Сталино, где я провёл май и июнь. Жаль, конечно, ибо потерянного мы уже не возместим, но всё же мы не хандрим, считая, что главное в победе. Для неё мы готовы на всякие лишения. Комната у нас хорошая. Опять тепло. Ин-т дал нам три кровати, два стола, шифоньер и 3 стула. Таким обр[азом], жаловаться нам нечего. Только здоровье стало хуже.

Будьте здоровы, Федя.

Где все наши родичи? Почему вы не пишете? Не знает ли Гриша, куда переправился Рентгеновский ин-т?

5 апреля 1942 г.

Дорогие!

В последней открытке от 21/III папа спрашивает о судьбе наших вещей в квартире. По-моему, я уже вам писал. Но, если вы моего этого письма не получили, то могу вам ещё раз повторить. В квартире на произвол судьбы было оставлено всё, т. е. и вся столовая с пианино и часами, вся спальня и весь кабинет с библиотекой. Осталась вся столовая, чайная и кухонная посуда, весь фарфор, много всяких мелочей, подготовленные на зиму продукты (сахар, мука, крупа, варенье) немало носильных вещей, и вообще, всего не перечесть. Но всего этого не жаль, лишь бы дожить до победы. С наступлением войны эти наши чувства ещё более обострились. С беспокойством, волнением и надеждами читаем газеты и слушаем радио. Уповаем на Сталина. Верим в его победоносные способности.

У нас ничего нового нет. В комнате, как и раньше, не тепло. Душа и тело требуют согрева. На рынке цены буквально скачут. Начинаем подтягивать живот. У нас уже почти как и у вас. Цены высокие, и продуктов маловато, и надо их выискивать.

Позавчера я перевёл на имя папы телеграфом 150 рублей. Получили ли вы почтовый перевод на 100 рублей, посланный мною 7/II, и телеграфом (100 р.) 12/III?

Все вам кланяются.

[Подпись]

20 июля 1942 г.

Дорогие!

Только что получил папино письмо от 15 VI. На прошлой неделе я имел [письмо] от 24 VI. Значит, сегодняшнее письмо пришло с запозданием. Всякий раз, когда я получаю ваши письма, мне очень досадно и больно, что вам на старости лет приходится терпеть лишения. И всё же надеюсь, что фашистские мерзавцы будут выгнаны из нашей страны, и я сумею вас снова лучше обеспечить. А пока терпим <…>*. У нас нового ничего нет. Хотя фронт и приблизился, но мы пока не унываем. Надеемся, что остановим бандитов. Папа спрашивает, когда у меня каникулы. Теперь не такое время, чтобы заниматься каникулами, и я работаю сейчас очень много. Правда, и работа у меня сейчас полезная, как никогда. Что касается быта, то изменений никаких, кроме повышения цен на продукты, что я объясняю малым привозом из-за уборочной. Урожай здесь блестящий, и хлебом, таким образом, край будет обеспечен. Немало останется и для других краёв. За последнее время я что-то стал меньше получать письма от родичей. Думаю, что это вина почты. На этот раз я вам задержал перевод, так как у меня нет денег. У нас задолженность — месяц. 23-24 [июля] предполагают выплатить. Переведу телеграфом. Будьте здоровы.

Федя.

Письмо Я. А. Лазариса Г. М. Бриккеру в Бийск

3 марта 1943 г. [Москва]

Глубокоуважаемый Григорий Матвеевич!

С большой скорбью должен сообщить Вам о трагической гибели Фёдора Матвеевича вместе с семьёй, погибших в г. Ставрополь от рук фашистских палачей. Обстоятельства их гибели примерно таковы.

3-го августа мы вместе находились в эшелоне в нескольких километрах от города. Вражеский бомбардировщик разбил поезд нашего эшелона, и нам было предложено поскорее уходить из эшелона. Мы ушли. Ф[ёдор] М[атвеевич] ушёл одним из первых. Когда мы добрались до города, то там уже были немецкие танки. На окраинах города я Ф[ёдора] М[атвеевича] уже не видел — он ушёл с женой и Натой в неизвестном направлении. Я с семьёй, проф. Бейлин[1], проф. Познан-

* Одно слово неразборчиво.

[1] Илья Аронович Бейлин — зав. кафедрой неврологии Ворошиловского мединститута, д. м. н.

ский[1], проф. Шкляр[2], каждый в отдельности со своими семьями, решили пробиваться через окружение и ушли из города. После долгих мытарств (я с семьёй шёл пешком около 3 недель) нам удалось прорваться и уйти из окружения. Остальные, подавляющее большинство преподавателей, в том числе и Ф[ёдор] М[атвеевич], по-видимому, не решились на это и, вернувшись в город, были, вероятно, через короткое время схвачены гестаповцами. Позавчера я получил письмо из Ворошиловска о том, что там расстреляны фашистскими мерзавцами Ф[ёдор] М[атвеевич] с семьёй, проф. Браиловский[3], проф. Шварцман (из Одессы)[4], проф. Барг (из Киева)[5] и много других преподавателей Медицинского ин-та. Более подробно я не могу ничего Вам сообщить, ибо в письме, полученном из Ворошиловска, подробностей нет.

Я думаю, что более подробные сведения Вы сможете получить из г. Ставрополя от доц[ента] Е. Ц. Заремба[6]. Я написал и телеграфировал ему. Если я что-либо дополнительно узнаю, то сообщу об этом Вам немедленно.

Выражаю Вам и родителям Ф[ёдора] М[атвеевича] моё глубочайшее соболезнование по поводу гибели Ф[ёдора] М[атвеевича]. Для меня это особенно тяжело, ибо я работал с Ф[ёдором] М[атвеевичем] около 20 лет.

С уваж[ением], Я. Лазарис

P. S. Деньги, которые Вам следует получить, нужно требовать через Наркомздрав РСФСР, ибо у ворошиловского директора денег нет.

---

[1] Семён Семёнович Познанский (1894–1983) — врач-гигиенист. В 1943 г. — зам. директора по учебной и научной работе Ворошиловского мединститута.

[2] Борис Соломонович Шкляр (1896–1961). Д. м. н., автор 67 научных работ. В 1941 г. — зав. кафедрой пропедевтики Винницкого медицинского института (ныне — ВНМУ им. Н. И. Пирогова), эвакуированного в Ворошиловск.

[3] Виктор Владимирович Браиловский — зав. кафедрой психиатрии Ворошиловского мединститута, автор работ по криминологии. Расстрелян с семьёй в августе 1942 г.

[4] Яков Самуилович (Шмуэлевич) Шварцман (1880–1942) — зав. кафедрой терапии Одесского медицинского института (ныне — Одесский национальный медицинский университет), автор более 70 работ. Эвакуирован в Ворошиловск из Одессы в 1941 г. После оккупации Ворошиловска до самой смерти работал над препаратом для лечения стенокардии; по некоторым сведениям, погиб в душегубке вместе с Ф. М. Бриккером.

[5] Гешель Соломонович Барг (1891/1897 — 1942) — зав. кафедрой микробиологии Ворошиловского мединститута, д. м. н.

[6] Евгений Цезаревич Заремба — доцент кафедры анатомии Днепропетровского мединститута, после эвакуации в Ворошиловск — зав. кафедрой нормальной анатомии Ворошиловского мединститута.

Напишите в Наркомздрав РСФСР УВМУЗ[1] проф. К. Я. Шхвацабая[2] (начальник УВМУЗ) и попросите его дать распоряжение учинить полный расчёт с 15 VII [19]43 г. [1942 г. — Сост.] (последняя получка, которая была выдана Ф[ёдору] М[атвеевичу]). Если будут какие-либо затруднения, то тогда сообщите мне. Но их не должно быть и, вероятно, сразу по получении Вашего письма Вам будут переведены деньги. Адрес Наркомздрава Вам известен. Он находится в Москве.

P. P. S. Пожалуйста, передайте проф. Гинсу [Генесу — Сост.][3] и Динерштейну, что я с приездом немного задерживаюсь. Директор Инта проф. Майстрах[4] ни за что не хочет отпустить меня, пока я не кончу курса патофизиологии. Правда, мне пошли навстречу — я читаю по 3 лекции в неделю и скоро кончу. Сразу же по окончании я приеду в Бийск.

Адрес доц[ента] Е. Ц. Зарембо: г. Ставрополь на Кавказе, ул. Калановича 8, Медицинский ин[сти]т Евгению Цезаревичу Зарембо.

---

[1] Управление высших медицинских учебных заведений.

[2] Константин Яковлевич Шхвацабая (1896–1960) — д. м. н., после войны — главный терапевт Минздрава РСФСР.

[3] Семён Григорьевич Генес (1898–1992) — патофизиолог и эндокринолог. С 1920-х работал совместно с упомянутым далее в письме З. М. Динерштейном. Один из составителей научного сборника «Расовая теория на службе фашизма» (Киев, 1935). В 1941 г. с Органотерапевтическим институтом (ныне — Институт проблем эндокринной патологии им. В. Я. Данилевского) эвакуирован из Харькова в г. Бийск. В 1944 г. награждён орденом «Знак Почёта».

[4] Ксения Васильевна Майстрах (1900–1981) — советский социал-гигиенист, организатор здравоохранения и историк медицины, д. м. н. В 1941–1943 гг. — директор 4-го Московского медицинского института.

«НЕ ПОКИДАЕТ МЫСЛЬ, ЧТО ПОГИБНУ»

Л. Г. Сорока

***Сорока Лев (Лейб) Григорьевич (Гершкович) (1912–1943)**. Родился в г. Белая Церковь Киевской губ. (ныне — Киевской обл., Украина). С середины 1930-х жил в Москве. Работал на Лианозовском вагоноремонтном заводе (ныне — Лианозовский электромеханический завод), был рабкором заводской газеты. Призван Ленинградским РВК Москвы в 1941 г. Весной 1943 г. был ранен. Участник битвы на Курской дуге. Гв. старшина 12-го отд. гв. батальона связи 11-й гв. сд (Западный фронт). Погиб 18 августа 1943 г. Похоронен на окраине колхоза «Победа» Петровского с/с Карачевского р-на Орловской (ныне — Брянской) обл. Родные Л. Г. Сороки погибли в оккупации в Белой Церкви.*

Письма Л. Г. Сороки адресованы жене — Лие Яковлевне Туровой, дочери — Ольге (в письмах — Ляля) (1939 г. р.) и тёще. Они с осени 1941 г. находились в эвакуации в г. Томске Новосибирской обл. (ныне — областной центр). Вернулись в Москву в 1944 г. В письмах упоминаются родственники Л. Я. Туровой.

Копии писем и фотографии переданы дочерью Л. Г. Сороки — О. Л. Казаковой (Москва).

1 апреля 1942 г.

Здравствуй, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные! <…>

У меня особенных новостей нет. В настоящее время я работаю связистом, но, возможно, что придётся непосредственно участвовать в боях. Да и сейчас я нахожусь недалеко от линии огня. Поэтому я и утверждаю, что, наверно, погибну на войне. Помни об этом и не успокаивайся. Больше не о чем писать. Пиши подробно о вашей жизни. Желаю всем здоровья и всякого добра. Привет всем родным. Горячо целую Лиюню и Лялечку. Будьте здоровы. Лёва.

10 апреля 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные! Сегодня получил от тебя открытку. У меня особенных новостей нет. Нахожусь недалеко от линии огня. Всё время меня не покидает мысль о том, что я погибну на войне.

Лиюня, сообщи о результатах насчёт столовой и пенсии. Я очень желаю, чтобы ваша жизнь улучшилась, чтобы вы были здоровы.

Больше не о чем писать. Желаю успехов и здоровья. Крепко целую Лиюню и Лялечку. Желаю здоровья мамаше и всем родным.

Всего доброго.

Лёва.

1 мая 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные!

Сегодня получил от тебя четыре письма. В связи с весной (плохие дороги) почта работает не вполне нормально.

Лиюня, насчёт пенсии ты должна действовать энергичнее. Надо точно узнать (в военкомате у юриста или в другом месте), что́ тебе полагается по закону. А уж если полагается, то надо получать. <…>

Лиюня, ты ругаешь меня за моё настроение. Я просто напоминаю тебе каждый раз, чтобы ты не успокаивалась. Ты можешь эти места не читать. Дело твоё. Но я обязан писать о том, что в любую минуту нахожусь в опасности. <…>

Меня всё время беспокоит мысль о том, что вы плохо питаетесь. Было бы неплохо, если бы ты стала получать денежную помощь (пенсию или с завода), но вряд ли что получится. Жаль, конечно, ничего не поделаешь. Больше не о чем писать. Желаю всем здоровья и успехов в жизни.

Крепко целую Лиюню и Лялечку.

Привет всем родным. Будьте здоровы.

Лёва.

Лиюня, пусть мамаша продаст мои новые ботинки.

Поздравляю всех с праздником 1 мая.

3 мая 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные!

Вчера получил два письма — одно от тебя, второе от Фиры[1].

[1] Фира Азерьер — родственница Л. Я. Туровой, также эвакуированная в Томск и много ей помогавшая в период эвакуации. Л. Г. Сорока присылал письма на адрес Азерьер.

Очень благодарен Фире за письмо. Я с большим интересом читал сообщения о Ляльке. Когда читаю Ваши письма, я удовлетворён, что у вас в основном всё обстоит благополучно. Но, поверь, Лиюня — меня всё время не покидает мысль о том, что я, возможно, больше не увижу семьи. Ведь предстоят крупные бои с врагом, и, я повторяю, не надеюсь остаться в живых.

Лиюня, тебе неприятно читать эти строки. Могу тебе сказать — я пишу то, что думаю и переживаю.

Больше писать не о чем.

Желаю всем здоровья и успехов в жизни.

Горячо и крепко целую Лиюню и Лялечку. Привет всем родным <…>.

Лёва.

Ваши оба письма шли целый месяц.

8 мая 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные!

Вчера получил от тебя письмо.

Несколько дней назад тому назад получил письмо от Зали и ответил ему. Он уехал в Ростовский район уполномоченным обкома по проведению посевной кампании. <…>

У меня особенных новостей пока нет. В ближайшее время, наверно, начнутся крупные бои с врагом, и придётся быть под сильным огнём. Вряд ли я уцелею.

Лиюня, если что-нибудь со мной случится, ты не горюй. Старайся хорошо воспитать Ляльку. Правда, очень трудно жить в наше время, но ничего не поделаешь. Желаю всем вам добра, здоровья и всяких успехов в жизни. Будьте здоровы. Целую тебя и Ляльку.

Желаю здоровья мамаше и тёте Аннушке. Горячий привет Фире и тётям Зине и Анюте. Привет всем родным и знакомым.

Лёва.

9 июня 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные!

Вчера получил от Зали письмо. Маруся также написала несколько строк. Заля был около месяца в командировке, и поэтому он не писал. У них всё по-старому. Они засеяли картошку. Я им ответил.

У меня особенных новостей нет. Существенных изменений не произошло. Не знаю, что предстоит впереди. Доволен, что англичане бомбят германские города. Больше не о чем писать.

Лиюня, береги своё здоровье, Лялюсю и мамашу. <…> Горячо целую Лиюню и Лялюсю, целую всех родных.

Будьте здоровы.

Лёва.

25 июня 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и все родные!

Вчера получил от тебя два письма. У меня особенных новостей нет. Второй раз читаю твои слова о какой-то симпатии. Ничего не понимаю. Может быть, до меня не доходят твои мысли. Если ты думаешь, что я установил какие-то связи с кем-то, так ты жестоко ошибаешься. Находясь в глубоком тылу, ты, очевидно, не представляешь себе, что происходит на войне.

Лиюня, впереди ещё много опасностей и тяжёлых испытаний. Что бы со мной ни случилось — не горюй. Береги себя, Лялюсю и мамашу. Желаю вам здоровья и успехов в жизни. Привет всем родным. Будьте здоровы. Горячо целую Лиюню и Лялечку, целую всех родных.

Лёва.

30 июня 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и родные!

Лиюня, сегодня получил письмо от Матильды. Я ей ответил и решил тебе тоже написать. У меня особенных новостей нет. Скоро-скоро (наверно, на днях) начнутся ожесточенные бои с врагом. Предстоят тяжёлые испытания. Лиюня, ты не утешай себя тем, что всё обойдётся благополучно. Надо рассчитывать на самое худшее. Ты меня прости за эти слова. Я пишу то, что думаю. Больше не о чем писать. Желаю здоровья и успехов всем родным. Горячо целую тебя и Лялечку, целую родных. Желаю здоровья мамаше и тёте Аннушке. Лиюня, береги здоровье и хорошо воспитывай Лялюсю.

Крепко обнимаю и горячо целую Вас.

Лёва.

19 июля 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и родные!

Лиюня, сегодня получил от тебя письмо. У меня особенных новостей нет. Ещё раз напоминаю тебе — не смей думать о выезде из Томска. Я требую этого. Береги своё здоровье, хорошо воспитывай Лялюсю, желаю здоровья мамаше и всем родным.

[Фото]карточка Лялюси у меня сохранилась пока — я временами вынимаю [фото]карточку и смотрю на дочку. <…> Лиюня и Лялечка — крепко обнимаю и горячо целую вас, целую мамашу и всех родных. Будьте все здоровы.

Лёва.

2 августа 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялечка, мамаша и родные!

Лиюня, вчера получил от тебя открытку. Мне очень понравились слова Лялюси: «Мама, перешагни меня». Не думай о выезде из Томска, старайся заготовить кое-что к зиме (если возможно — картошку). <…>

Не успокаивайся — впереди много тяжёлых переживаний.

Держи связь с заводом, старайся получить деньги за март [19]42 г.

Горячо целую тебя и Лялюсю. Лёва.

Лиюня, готовься к зиме (дрова, картошка и прочее).

23 августа 1942 г.

Здравствуйте, дорогие!

Лиюня, вчера получил от тебя три письма. Писать некогда. Идут непрерывные бои с врагом. Находимся в тяжёлом положении. Почти всё время приходится быть под огнём. Враг обнаглел. Он часто приближается на такое расстояние, что и нам, связистам, приходится перейти к обороне с винтовкой в руках. Не надеюсь уцелеть. Недавно сильно истрепались. Больше не о чем писать. Не успокаивайся, не думай, что всё обойдётся благополучно.

Желаю всем добра и здоровья. Лиюня, береги своё здоровье, хорошо воспитывай Лялюсю, желаю здоровья мамаше.

Привет всем родным.

Лёва.

Ни на минуту не успокаивайся.

5 декабря 1942 г.

Здравствуйте, дорогие Лиюня, Лялюся, мамаша и родные!

Дорогая Лиюня, вчера получил от тебя хорошее письмо и сразу же ответил. Сегодня опять получил от тебя хорошее письмо.

Лиюня, чувствую, что у тебя улучшилось настроение. Это неплохой признак. <…>

Лиюня, ты просишь, чтобы я написал юристу насчёт получения

денег от завода. Ну их к чёрту! (прости за ругань). Овчинка выделки не стоит. Не стану я хлопотать из-за каких-то 200-300 рублей. Не в деньгах счастье.

Я до сего времени не знаю — получила ли ты от меня октябрьских 180 рублей и ноябрьских 275 рублей.

Нахожусь пока в войсках связи. Работаю ответственным секретарём партбюро нашей части. Не знаю, что будет со мной в дальнейшем. Лиюня, береги здоровье, хорошо воспитывай Лялюсю, желаю здоровья и сил мамаше и родным.

Всего доброго. Будьте здоровы. Лёва.

13 декабря 1942 г.

Здравствуйте, дорогие Лиюня, Лялечка, мамаша и родные!

Лиюня, сегодня получил от тебя письмо. У тебя радостное настроение. Это неплохо. Но ни на минуту не забывай, что враг ещё силен. Войне не видно конца. Не успокаивайся. Лиюня, поменьше говори Лялюсе обо мне. Не расстраивай её и себя. У меня особенных новостей нет. Лиюня, береги своё здоровье, хорошо воспитывай Лялюсю, желаю здоровья и сил мамаше и родным. Всего доброго.

Будьте здоровы.

Лёва.

Привет всем родным.

18 декабря 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялюся, мамаша и родные! Лиюня, сегодня получил от тебя два письма (от 24.11 и 1.12.42 г.). <…>

Лиюня, сегодня я отправляюсь с группой бойцов выполнять боевое задание. Не знаю, что будет со мной.

Лиюня, береги своё здоровье. Хорошо воспитывай Лялюсю (не бей её). Желаю здоровья мамаше и всем родным.

Будьте все здоровы.

Лёва.

26 декабря 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялюся, мамаша и родные! Лиюня, сегодня получил от тебя письмо. Я доволен, что у Лялюси есть новая шубка. Спасибо Фире. Но мне было больно читать слова о том, что ты бегаешь на работу в туфляшках. Я крепко задумался, как тебе помочь. Ничего не мог придумать. Лиюня, я очень прошу тебя (и тре-

бую) — береги своё здоровье. Сообрази насчёт того, чтобы одеваться потеплее. Я понимаю, что тебе трудно. Но старайся выходить из трудных положений. Хорошо воспитывай Лялюсю, не бей её. Желаю здоровья и сил мамаше и всем родным. Лиюня, старайся достать себе валенки. Держи ноги в тепле. Лиюня, будь здорова.

У меня особенных новостей нет. Лиюня, я очень обеспокоен тем, что ты ходишь в туфляшках.

Желаю всем вам добра, здоровья и успехов в жизни. Лёва. Горячий привет всем родным.

30 декабря 1942 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лилюся, мамаша и родные!

Лиюня, сегодня получил от тебя два письма. Мне присвоили звание – «старшина» (вместо зам[естителя] политрука). <…> Лиюня, я никак не могу, не могу забыть о том, что ты ходишь в туфляшках. Я уж тут советовался с одним другом, чтобы тебе помочь, но ничего не могли придумать. Лиюня, старайся найти выходы из трудных положений. Береги своё здоровье. По отношению к Лилюсе изъявляй требовательность. Не бей её. Этим делу не поможешь.

Желаю здоровья и сил мамаше и всем родным. Всего доброго. Горячий привет всем родным.

Будьте все здоровы. Лёва.

Лиюня, я советую тебе не давать свою кровь. У тебя и так мало крови.

Лиюня, будь здорова.

28 января 1943 г.

ф

Здравствуйте, дорогие Лиюня, Лялюся, мамаша и родные!

Лиюня, вчера получил от тебя три письма. Очень опечален тем, что у вас в доме создалась тяжёлая обстановка. Да, тебе и Фире выпали тяжёлые испытания. Надеюсь (пока я жив), что ты выдержишь испытания, выпавшие на твою долю. Я себе представляю, как вам тяжело. Передай Фире, чтоб она крепилась, не падала духом. Лиюня, крепись, не унывай, береги себя. Следи за Лялюсей. Желаю здоровья и сил мамаше. Передай мой горячий привет Фире, тётям Анюте, Зине, Аннушке. Желаю им всем и Ольгушке здоровья. Лиюня, передай соседям (куда Лялюся ходит) мой горячий привет с фронта и спасибо за то, что они впускают Лялюсю греться. У меня особенных новостей нет. <…>

8 мая 1943 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялюся, мамаша и родные!

Лиюня, сегодня получил от тебя два письма. Беспокоюсь в связи с тем, что тебе сделали прививку, и ты чувствуешь себя неважно.

Лиюня, очень прошу тебя — всячески береги своё здоровье. Если трудно будет работать на огороде, то брось это дело. Другим путём достанешь овощи. Поступай так, чтобы не нарушать своё здоровье. Очень доволен, что ты получила паёк. Мне кажется, что возле Москвы (в Лианозово) вы жили бы хуже. Благодарю Фиру за то, что она приютила вас. <...>

16 мая 1943 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялюся, мамаша и родные!

Дорогая Лиюня, сегодня получил от тебя два письма. У меня особенных новостей нет. Готовимся к ожесточённым боям с врагом.

Лиюня, я огорчён тем, что советовал тебе заняться огородом. Не сообразил, что эта работа для тебя непосильна. Ты, наверно, сама сообразишь и не возьмёшься за это дело. Бросай огород. Другим путём достанешь овощи.

Лиюня, не знаю, получила ли ты от меня февральские 250 руб., мартовские 275 руб. и апрельские 275 руб.?

Лиюня, береги себя, будь здорова. Желаю здоровья Лялюсе, мамаше и всем родным. Будьте здоровы.

Лёва.

Лиюня, береги своё здоровье. Лиюня, оставь огород. Будь здорова.

22 мая 1943 г.

Здравствуйте, Лиюня, Лялюся, мамаша и родные!

Дорогая Лиюня, сегодня получил от тебя два письма. Я доволен, что ты сообразила не копать огород. Правильно сделала. Не занимайся трудоёмкими работами. Всячески береги своё здоровье. Не думай о совместительстве. Это тебе не по силам. Всемерно береги себя.

Не знаю, получила ли ты от меня февральские 250 руб., мартовские 275 руб., апрельские 275 руб. и майские 275 руб.? У меня особенных новостей нет. Лиюня, желаю тебе здоровья, здоровья и здоровья. Желаю здоровья Лялюсе, мамаше и всем родным. Благодарность передай Фире за то, что она приютила вас. Всего доброго. Лиюня, ещё раз требую — не занимайся трудоёмкими работами.

Всячески береги своё здоровье. Лиюня, будь здорова.
Лёва. <…>

17 июля 1943 г.

Здравствуйте, дорогие Лиюня, Лялюся, мамаша и родные!

Дорогая Лиюся, сегодня получил от тебя два письма. Я уже тебе писал о том, что 13 июля меня ранило небольшим осколком в мягкую ткань колена левой ноги. Нахожусь в команде легко раненных, в той части, в которой мне вынули осколок. Не знаю, где я буду и что со мной будет в дальнейшем. Бой продолжается. Немец сопротивляется.

Дорогая Лиюня, что бы со мной ни случилось — не горюй. Всячески береги своё здоровье. Хорошо воспитывай Лялюсю. Желаю здоровья мамаше и всем родным. Всего доброго.

Будьте здоровы. Лёва.

Дорогая, Лиюня, береги себя. Число 13 — чёртова дюжина, несчастливое число.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 369. Ед. хр. 540, 541, 542, 543; 538.

«НЕТ ДЕВУШКИ, ОТ КОТОРОЙ ЖДАЛ БЫ ПИСЕМ»

М. Б. Гольдштейн в училище

***Гольдштейн Михаил Борисович (1923–1944)**. Родился в Киеве. Окончил среднюю школу в Москве. В 1938–1942 гг. учился в 3-м Ленинградском артиллерийском училище. На фронте с февраля 1942 г. Воевал на Северо-Западном и 3-м Украинском фронтах. Участвовал в битве за Днепр. Гв. лейтенант. Командир батареи 230-го гаубичного артполка 23-й гаубичной артбригады 39-й армии РГК. Погиб 11 мая 1944 г. при освобождении МолССР (ныне — Республика Молдова). Награждён орденом Отечественной войны I степени (посмертно).*

Письма М. Б. Гольдштейна адресованы родителям — Борису Яковлевичу Гольдштейну (находился в эвакуации в г. Кирове) и Фане Михайловне Иосилевич (была эвакуирована в г. Челябинск).

Копии писем и фотография переданы Е. А. Гельфанд (Москва).

Письмо М. Б. Гольдштейна отцу в Киров

7 апреля 1942 г.

Дорогой, любимый мой папа!

Сегодня получил от тебя две открытки от 23 и 26.3.42. Радость моя непередаваема. От мамы пока ничего нет. Как живёшь ты, родной мой? Сильно, конечно, волнуешься, не получая от меня писем. Успокойся, папа. У меня всё в порядке. Я здоров и бодр. Работа трудная, её очень много. Мне, молодому командиру, порой бывает очень тяжело, но постепенно я осваиваюсь и привыкаю. Сразу же после училища я получил очень ответственную должность, месяц назад меня назначили на ещё более высокий пост. Никогда в училище я не думал, что мне доверят такую большую область работы, да нас и не готовили для неё. Но на войне надо быть ко всему готовым. Наша часть гвардейская, а ты понимаешь, что это значит. Мы находимся всё время в бою. Редко, редко выберешь свободную минутку. В полку все командиры — мои товарищи по училищу. <…>

Ты собираешься переехать в Москву? Будешь ли жить на старой квартире? Получила ли мама тот небольшой перевод на 600 р[ублей], который я ей послал? Я хочу переводить вам ежемесячно по 1000-1500 рублей. Посоветуй, куда их лучше посылать. Деньги на фронте совсем не нужны, они только оттягивают карманы.

Тебя интересуют, конечно, подробности моей жизни. Вряд ли сумеет письмо передать их. Отложим это до нашей встречи. Я завзятый фронтовик, много испытал, много видел, много интересного могу рассказать. Гансы и Фрицы как огня боятся нашего оружия. Бьём немецкую сволочь, как подобает гвардейцам. За своего брата[1] я только ещё начинаю расплачиваться с ними. Одеты мы прекрасно. Питаемся хорошо, страна даёт нам всё, что только может.

Дорогой папа, обязательно пришли мне свою фотографию. Вначале у нас было плохо с отправкой писем, но теперь это дело наладилось. Буду писать по возможности часто. Не забывай.

Письма М. Б. Гольдштейна родителям в Москву

2 сентября 1943 г.

Дорогие мои!

Наконец-то получил от вас сразу три открытки, а сегодня ещё одну. Очень рад, что и вы получаете мои. Живу по-прежнему хорошо. Теперь не так стала донимать жара, хотя усиленно донимают созревшие арбузы, яблоки, помидоры и дыни. Каждый день приближает меня к боевым будням. К этому я и мои товарищи готовимся, этим мы и живём. Как хочется сейчас в Москву, где гремят орудийные салюты в честь наших побед.

Передайте самый горячий привет всем москвичам, родным и знакомым. <…> Гришке сообщите мой адрес, который является постоянным и неизменным.

Крепко целую. Ваш Миша.

18 сентября 1943 г.

Дорогие мои!

Представляю, как вы волновались, не получая от меня писем так долго. Ничего не поделаешь. Был занят так, что было совсем не до писем, даже для вас. В остальном же всё в порядке, опять хозяйка потчует меня в непомерном количестве молоком и галушками, по-прежнему

[1] За погибшего двоюродного брата И. Э. Мазеля. См. о нём следующую подборку писем: «Я верила в его счастливую судьбу».

сплю вволю, занимаюсь хорошими делами. Близка зима, это чувствуется во всём, особенно здесь. Ночью уже надо одевать шинель.

Скучно без весточки от вас. Как живёте? Настроение в Москве, наверное, великолепное. Представляю, как папа восторгается чудным голосом Левитана[1] и ещё более — чудным гулом арт[иллерийских] салютов.

Как все наши? Присылайте побольше открыток, у меня больше нет.

Целую, Миша.

6 октября 1943 г.

Дорогие мои!

Почты не было недели три, и вот сегодня сразу 6 писем. Читал и перечитывал. Очень хорошо, что у вас всё в порядке. Рад за Георгия и Груню[2], за то, что они были некоторое время вместе.

О себе писать почти нечего. Весь живу днём, когда настанет наконец очередь бить по живым целям и подавать боевую команду. Недели две тому назад я и Веня, после ряда вместе проведённых вечеров, решили, что есть полный смысл жить вместе. Наши старшины облюбовали нам очень хорошенький домик, настоящую украинскую хатку, всё население которой составляли старый престарый дед, бабка и внучка Валя.

Хозяева уступили нам одну комнату, отдельную, светлую и чистую. В комнате две кровати, стол, вешалка, коврики. Всё, да нам больше ничего и не надо. Поставили телефоны, перенесли вещи, начали жить. Живём очень хорошо и дружно. Всюду бываем только вместе, а неделю тому назад счастливо избежали самой большой для всякой мужской дружбы опасности — чуть-чуть не влюбились в одну девушку. Спасла только трезвость рассудка. Жить и работать вместе оказалось гораздо приятнее и легче, чем одному. Кроме того, Веня очень культурный парень, с которым можно говорить на любые темы.

Питаюсь очень хорошо. Кроме офицерской столовой, где кормят замечательно, бабушка добросовестно пичкает нас с Веней продуктами своего огорода. На рынке всё сравнительно дешево. Так что тут всё в порядке.

Одет хорошо, как раз по сезону. Вчера дал своему портному перешить шинель на комсоставскую. Есть куртка, плащ-палатка, вторая пара обмундирования, ещё одни сапоги. Плохо дело с носовыми плат-

[1] Ю. Б. Левитан (1914–1983) — диктор Всесоюзного радио. В годы Великой Отечественной войны читал ежедневные сводки Совинформбюро о положении на фронтах.

[2] Двоюродная сестра Б. М. Гольдштейна.

ками и воротничками. Пришлось с корыстными целями знакомиться с одной старой девой, достаточно кислой, которая работает в швейной мастерской. Ничего, помогло.

Насчёт бумаги по-прежнему крах. Правда, я и Венька методами и приемёми в духе Остапа Бендера достали некоторое количество. Буду вам очень благодарен, если в каждый конверт вы станете вкладывать пару листиков почтовой бумаги.

Уставать совсем перестал, так как жизнь вошла в какую-то норму. Дома появились книги: Вересаев, Куприн, Бальзак. Это тоже отдых.

В моей финансовой обеспеченности можете не сомневаться. Поэтому прошу не возмущаться, когда получите мой аттестат.

Яше обязательно напишем, всем обществом «тамбовцев». Если можете, пришлите адрес Гриши Гинзбурга.

Крепко целую, ваш Миша.

Если будет опять перерыв в письмах, не волнуйтесь. Всё-таки зимовать здесь мы, конечно, не будем.

Адрес мой при любых изменениях останется прежним.

Обязательно снимитесь и пришлите [фото]карточки. А то у Веньки есть, а у меня нема.

14 октября 1943 г.

Наша жизнь

За закрытыми ставнями холодные предрассветные сумерки. Ветер стучит деревом и, проникая в хату, заставляет глубже залезать под одеяло. 5:30. Телефон на столе истекает в зуммерном дребезжании. День начался. Я просыпаюсь первым. После непонятных речей и проклятий вскакивает Миша. Дальше всё летит как [в] кинематографе. Двери хлопают, вёдра звенят, оханья и стенания — происходит умывание. 5-7 минут, и мы уже форсированным маршем движемся в столовую. Завтрак. Занятия.

Встречаемся дома около 11-12 часов. До обеда (14:00) занимаемся своими повседневными служебными делами. Обед. 2 партии в шахматы. Самым интересным временем бывает вечер. Тут всё. Последнее время заняты подготовкой самодеятельности. Миша читает К. Симонова «Сын артиллериста» — занимается зубрежкой. Написанные самими скетчи учим вначале сами и после вводим корректуру. Большой праздник у нас — получение писем. Читаются все письма подряд. Есть и лирика, но об этом нет смысла писать. Немного, конечно, сероватая обстановка, но мы люди молодые, и жизни в нас столько, что скуке и тоске пока ещё мало места.

Ваш Миша.

30 октября 1943 г.

Дорогие мои!

Долго не писал. Не мог совершенно. Время, наконец-то сорвалось с цепи. Летит мимо всё: места, люди, встречи, события. Только цель одна этого страшного бега остается неизменной. И я достигну её. Гоголь говорил: «Чуден Днепр при тихой погоде». Но чудесней картины нет, когда стонет и шумит полная гневом река, когда голубой утренний туман смешивается с дыханием неумолимого и злого бога войны[1]. И вообще, гей, запорожцы!

Солнце на западе хоть раз в жизни, да должно взойти.

Пишу в обстановке довольно романтичной. Всемирно известный дирижер управляет всемирно известным «Энским» симфоническим оркестром. Кругом друзья, хорошие люди и лучший друг Веня в нескольких десятках метров от меня. <…>

Целую крепко, Миша.

2 ноября 1943 г.

Дорогие!

У меня все хорошо. Воюем, бьём фрицев! Отдыхать некогда! Трудно найти время, чтобы написать даже маленькую открытку. Чувствую себя замечательно, особенно в моральном отношении. Одет тепло. В бою совсем не похож на юношу зимы [19]42 года. Почему-то научился находить главное и не хвататься за мелочи. Начал вести дневник. Позже, при встрече, его будем вместе читать. Единственное, что обидно, так это то, что нет девушки (в полном смысле) от которой ждал бы писем. Как ваши дела?

Привет всем родным!

Целую, Миша.

11 ноября 1943 г.

Дорогие мои!

Фронтовые дни бегут один за одним. Всё летит, даже сама жизнь и смерть с калейдоскопической быстротой вертятся вокруг, сцепляясь друг с другом. И, честное слово, судьба одного человека ничего не значит в этом организованном хаосе. Здесь правит и властвует лишь Господин Случай. Он благосклонен пока ко мне. Верю, что и дальше, что всегда будет смотреть он на меня только добрыми глазами. Не

[1] «Артиллерия — бог современной войны» — цитата из выступления И. В. Сталина на приёме в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г.

надо часто раздражать его, тогда всё будет хорошо. Нет любимой, зато есть друзья, фронтовые друзья, а это говорит о многом. Скоро, уже скоро, конец войны, победа над грязным и злым немцем. И приеду я домой, в Москву, к новой жизни, к счастью. Ждите меня, и я вернусь[1]. Только не делайте заключения из-за писем. Они обманули уже многих.

Как ваши дела? Как работа, здоровье, жизнь всех близких? Что нового в Москве и у нас дома? Привет всем девушкам, только хорошим. Привет домам, улицам, площадям. Привет теплу, электричеству, простыням, стаканам и всему обиходу мирного быта. Даже мышам в кухне тоже дружеский приветище.

Сижу сейчас в блиндаже. Идёт, как зовётся это в газетах, артиллерийская и минометная перестрелка. Вношу посильную лепту богу войны.

Вот всё. Целую, Миша.

Простите за маленький фатализм, это только себе здесь [могу] позволить.

24 ноября 1943 г.

Дорогие мои!

С каждым днём все труднее писать и говорить обычными, нежными, ласковыми словами. Нежность уходит вглубь, внутрь. И внешняя грубость кажется многим истиной. Но, честное слово, как хочется любить, как хочется ласки. Особенно здесь, сейчас, в этом сыром маленьком блиндаже, когда неистовый бой гремит за дверьми. Я сильно вырос за эти месяцы. Стал строже, разумнее. Юность уже ушла, растворилась во фронтовой дали, изменились все понятия, все идеалы. Даже самое маленькое чувство стал расходовать скупее. А вообще, я по-прежнему всё тот же Миша, кто целует вас сейчас.

6 декабря 1943 г.

Родные!

Где и на каких весах можно взвесить томительное ожидание писем из этого «пылающего адреса войны»? Нельзя это сделать, я знаю. Не писал вам больше 10 дней. Не мог совершенно. У меня всё в порядке, жив, здоров. Огрубел окончательно. Увы, но для «светского» общества погиб, кажется, безвозвратно. Только где-то в глубине души ещё теплится нежность юности.

Ваши письма — это кусочек дома. Пишите чаще, каждый день. За меня не беспокойтесь.

[1] Отсылка к стихотворению К. М. Симонова «Жди меня» (1941).

Пусть веют железные ветра.
Пусть время сорвалось с цепи.
Я останусь такой же, как прежде.
Но надо дописывать.
Целую, Миша.

17 декабря 1943 г.

…степь, изрытая бесконечными балками и оврагами. Ноздреватый снег. Воронки, как язвы, покрывают больное тело земли. Голые, облезлые стволы бывших посадок, чадящие остатки бывших деревень и хуторов… передний край.

Тихо… но это только кажется. Немецкий пулемётчик, окончательно замёрзнув в своем окопе, выпускает в белый свет, в чужую и страшную степь бесконечно длинную очередь. А потом видно, как он припадает руками к нагревшемуся кожуху и греется. Тью, тью, тью. Вокруг немецкого пулёмета вырастают белые столбики наших минометных разрывов. Голова немца исчезает. Издалека слышен нарастающий свист немецкого «чемодана»[1]. Он проносится над головой и рвётся с каким-то звоном где-то влево сзади... Сзади и спереди — грохот. Наши наконец-то нащупали немецкую тяжёлую батарею. Сейчас там земля ходуном ходит. Потом взрыв… и снова тишина.

Над носом, высоко-высоко, идёт, высматривая добычу, «рама»[2]. С земли летят к ней потоки огня. Покачав крыльями, «рама» уходит восвояси.

Вдруг воздух надо мной начинает шуршать. Шуршание усиливается, переходит в раздирающий уши визг. Кажется, это никогда не кончится. Воздух кричит, воет, стонет. А там, у оврага, на его переднем крае, — столпотворение. Земля, кажется, пластами сдвигается с места. Летят вверх какие-то чёрные точки, бревна из блиндажей, колеса. Перекуриваем, обмениваемся мнениями. Вывод один: «Катюша»[3] — единственная девушка, которую любят все наши солдаты. Голос у неё просто изумительный. Вдоль дальней посадки катится что-то чёрное. В прибор видна тупая, мрачная морда «Фердинанда»[4]. Он скрывается в балочке, выпрыгивает на пригорок. Ах, ах, ах. Стальные болванки

[1] Артиллерийский снаряд крупного калибра.

[2] Немецкий самолёт-разведчик и корректировщик артиллерийского огня Focke-Wulf Fw 189.

[3] Здесь — советская реактивная установка БМ-13.

[4] 88-мм тяжёлая самоходная артиллерийская установка. В РККА со второй половины 1943 г. «Фердинандами» могли называть любые германские самоходные установки.

вырывают клочья земли, рикошетируют и уходят куда-то в сторону.

— Есть огонь!

Бьём по дороге, отрезая «Фердинанду» отход…

…и снова тихо на переднем крае.

P. S. Это мой день. Не думайте, что живёшь только напряжением воли и нервов. Нет, далеко нет. Ко всему можно привыкнуть. Совершенно не напрягаясь, работаешь, наблюдаешь, шутишь ещё больше, чем всегда. Аппетит колоссальный. Голова чёткая, ясная. Сегодня пойду в баню. Потом 100 грамм, ужин и «отбой» до первого звонка.

Крепко целую, ваш Миша.

24 декабря 1943 г.

Дорогие, любимые!

Лаской и домом веет от ваших писем. Спасибо за них. Вчера получил папину фотографию. Не могу только понять, старый это снимок или «последнего образца». Пришлите скорее мамины фото. Быть может, и мне удастся послать вам свою фронтовую [фото]карточку, когда буду сниматься для партийных документов. Адрес мой чуть-чуть изменился. Можете писать на любую букву, меня все здесь знают, но лучше на букву «А». Дела мои в полном порядке. Здоров полностью, и морально, и физически. И хотя условия жизни полностью соответствуют термину «фронтовые», я доволен ими и чувствую себя в них, как рыба в воде. Жаль, что не будет меня с вами 1.1.44. Но сердцем я с вами. Обещаю, что следующее и последующее 1 января буду встречать только с вами. Это последний год войне и разлуке. А потом — счастье и радость.

Целую, Миша. <…>

29 декабря 1943 г.

Ещё два дня, и [19]43 г. уйдёт в вечность. Наступит новый — 1944 год. Что принесет он мне, не знаю. Но Родине и народу принесет он победу, счастливый конец самой страшной в истории человечества войне.

Враг агонизирует. Ещё горят русские села и города, ещё <…>* матери и гибнут храбрые люди.

«Но мёртвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперёд
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черёд» [1].

* Одно слово неразборчиво.

[1] Из стихотворения Н. С. Тихонова «Перекоп» (1922).

Так ждите же нас. Это последний год разлуки. И круглый наш стол снова объединит всех нас.

Крепко целую.

Миша.

9 января 1944 г.

Дорогие, милые!

Каждый день приближает встречу с вами, с Москвой. Дом и всё домашнее, детское кажется таким далёким, что вроде этого и не было никогда. Землянка, печка в углу, телефон, солома на земляных нарах, покрытая плащ-палаткой. Гул близких снарядных раскатов. Фрицу не по себе в эту холодную январскую ночь. Готовлю «доп[олнительный] ужин». Ночью, если не спишь, всегда хочется кушать, а спать сейчас нельзя. Друг, хороший фронтовой друг, поёт любимую песню офицеров нашей части: «Тёмная ночь. Только пули летят по степи…»[1] Замечательно в землянке, тепло. Привычно. Тускло горит «фронтовая» лампа — гильза[2]. И разливается по сердцу теплота, ласка. Спят в соседней землянке бойцы, товарищи мои боевые. Выпало им сегодня несколько часов отдыха, и спят они тяжёлым, непробудным солдатским сном. А мне не хочется спать. Думаю о себе, о вас, о будущем.

Целую. Миша.

15 января 1944 г.

Дорогие мои!

У меня всё в полном порядке. Жив, здоров совершенно. Вчера окончательно свёл счёты с желтухой. В санроте пробыл 10 дней. Вчера выписался. Правда, дали ещё 7 дней отпуска при части и приписали молочно-овощную диету. Молоко здесь легко достать у населения, а отпуск, конечно, отложил на после войны. Вообще-то, сейчас не до болезней, диеты и прочих «тыловых» вещей. Непреодолимой силой мы идём вперед. Гоним немца прочь с просторов дорогой Украины. Как подбитый волк, воя, бежит он на запад. На каждом холмике, у каждого села пытается он огрызнуться, укусить. Но, получив новый удар в морду, бежит дальше. Мы не выпустим его отсюда живым, он издохнет здесь.

---

[1] «Тёмная ночь» (1943), стихи В. Г. Агатова на музыку Н. В. Богословского. Написана для художественного фильма «Два бойца» 1943 г., реж. Л. Д. Луков (исполнил М. Н. Бернес). В том же году песня была выпущена на пластинках в исполнении Л. О. Утёсова.

[2] Лампы-«коптилки» часто делались на передовой из сплюснутой сверху снарядной гильзы.

Сейчас сижу в избе. Здесь наши тылы. А завтра снова на «передний [край]». Там сейчас все мои друзья, весь смысл жизни, всё будущее.

Погода, на редкость, мягкая. Ещё ни разу не одевал валенки.

Папа, одна просьба. Узнай и напиши, что представляет из себя факультет международных сношений при МГУ. Какие условия приёма и кого готовит, а также срок обучения. Может быть, пригодится.

Ну, «диетический» (для слона, может быть) обед готов. Скоро стемнеет. Запад гремит канонадой. И мои «игрушки» ведут сейчас, наверное, в этом хоре басовую партию.

Крепко целую.

Миша.

18 января 1944 г.

Дорогие мои!

У меня всё в порядке. Жив, здоров вопреки всему. После маленькой передышки снова на «передке»[1]. Моральное состояние отличное. Теперь уже нет, как это было в первые дни, быстрых переходов от восторга к унынию, от энтузиазма к апатии. Приобрелась невозмутимость фронтовика — «старичка». И в минуты редкого отдыха, и когда бывает трудно, даже очень трудно, невозмутимость и оптимизм рядом.

С Веней по-прежнему вместе. Он много пережил и переживает, так как он, вообще, довольно нервный парень. Пишу вам часто, по мере возможностей.

Привет всему «светскому» обществу.

Целую, Миша.

20 января 1944 г.

Дорогие!

Сколько их уже было, этих милых сердцу солдатских жилищ — землянок! Маленькие и просторные, низкие, чтобы только влезть ползком, и в полный рост, простые, незамысловатые и с претензией на комфорт и шик (даже дверь есть деревянная — представьте!). Сколько будет их ещё впереди. На морозе, уткнувшись в снег, вспоминаешь с любовью свою земляночку, где можно лечь, снять шинель, протянуть валенки к печке. Хорошо. Здесь, в этих четырех земляных стенах оттаиваешь не только сам, оттаивает сердце, мысли, память. Хочется почему-то грустить, хочется свернуться по-детски калачиком, знать, что не выучил ещё урока по физике, что завтра надо обязательно сходить в

[1] Передний край (жарг.).

кино — хочется вообще быть маленьким, ласковым, смешным…

А наверху, в поле, стонет, поёт, плачет, смеётся жестокая январская метелица. Заметает она дороги, наметает сугробы у входа. Здесь тепло. Возится у печки телефонист, укладывается в углу спать мой разведчик. Ему тоже досталось сегодня. Моя «постель» готова. Вытягиваешься с наслаждением, снимаешь валенки, пояс. Сладостная дремота подкатывает к горлу… Чьи-то ласковые, девичьи пальцы трогают тебя за плечо. Открываю глаза.

— Вас к телефону вызывают, — говорит телефонист. Протягиваешь руку за трубкой…

— Есть, сейчас выхожу!

Прощай тепло, прощай отдых.

— Вставай, Чернявский.

Надо идти нам! Сборы недолги. Но валенки одеваешь медленно, медленно, портянки перематываешь зачем-то два раза, потихоньку затягиваешь ремень. Снова зовут к трубке.

— Может быть, всё-таки надо?.. Нет… Понятно. Отбой, Чернявский, там без нас справятся.

А сон почему-то улетел.

— Ну-ка, телефонист, в печку дров побольше, коптилочку давай сюда поближе.

Напишем письмо домой, чтоб не журились там.

Так-то вот, дорогие. Разве можно не любить на фронте землянку.

Целую. Миша.

15 марта 1944г.

Дорогие мои!

Здесь такой тыл, что иногда начинаешь чувствовать себя штатским человеком. Однако оставаться дальше в госпитале нельзя: нет ни оснований, ни прав. Надо начинать марш по фронтовым дорогам, а маршировать придётся долго. Разве наших легко теперь догнать. Мировое первенство по бегу, т. е. бегству, на 1944 год явно улыбается «фрицам». И даже эти «чемпионы» после двух-трёх стремительных бросков становятся спиной к своему Vaterland'у[1] поднимают руки и вопят: «Рус, всё, капут, бери в плен»! Вот ведь какие блестящие филологи: за три года выучить такую длинную фразу.

«Секретка»[2] кончилась, жаль.

Целую крепко, Миша.

[1] Родина (нем.).

[2] Бланк для письма, складывающийся пополам и отправляемый без конверта.

15/16 марта 1944 г.

Дорогие!

Ночь, сон не идёт. Хочется что-то, не знаю что. Обрывки фраз, чьи-то слова, мысли, желания. Голова как хмельная. Наверное, потому это, что говорил долго с очень хорошей и хорошенькой женщиной — доктором, я вам писал уже о ней. Беда, отвык окончательно от штатских дел. Как приеду, буду смотреть, наверное, на всех девушек и женщин круглыми от удивления глазами: «Что это, мол, за чудо, откуда?» И говорить не на военные темы разучился окончательно. Убедился в этом сегодня вполне. Говорю коротко, как командую, фразы какие-то приказные, деревянные. Перебиваю не к месту, молчу, когда не надо. Неловко было, честное слово. Ладно, поживём — увидим. Всё ведь нашим будет: и фразы и девушки. Правда ведь?

Миша.

15/16 марта 1944 г.

Дорогие мои!

Всё ещё та же ночь. Долгая она какая. На улице ветер, грязь, холодно. Спят все, сны видят, наверное. Какие? Ведь у каждого своё есть, о чем ни сказать, ни узнать нельзя. А у меня нет этого «своего». Чисто всё, ясно. Так грустно поэтому, наверное. Говорить не с кем, да и то, что думаю, точно в словах выразить не могу, разучился. А весь я такой же, как был. Боялся раньше, что погрубею, что нежность уйдёт. Нет, сердце просит ласки. И любить сумею. На это ведь много силы воли надо и чувств сбережённых. Только снаружи, на первый взгляд, ушло, исчезло все то, что берёг так раньше. Хорошо сейчас на душе, просто, понятно всё. Прошлое — дорога прямая, хорошая; в настоящее верю, будущее придёт, я знаю, чистое, голубое. И если пришлось бы сначала жить, избрал бы этот же путь. А грусть оттого, что вас хочется видеть. Не надо, нельзя грустить сейчас.

Точно ведь?

Миша.

18 марта 1944 г.

Погода явно женского рода. Вчера был снег, буря, дождь. Сегодня солнце, слабый ветерок, грязь на глазах сохнет. Если так пойдёт, то хорошо. Но тут можно ожидать всяческих климатических «сюрпризов». Я не очень удивлюсь, если здесь в июле снег начнёт на голову падать. Пыль столбом и ветер колесом наверняка будут.

Лично у меня всё в полном порядке. Сегодня надо будет просить опять доктора возвратить меня в родные «пенаты». Так или иначе, но на днях всё равно придётся распрощаться с ними в силу передислокации госпиталя. Хорошие, между прочим, люди здесь. Особенно в этом отделении. Старшая сестра, один врач, сестра, две санитарки — все мои земляки. Вот ведь компания подобралась! А вот где моя фронтовая компания? Ох, и далеко же топать придётся. Но это не беда. На запад легко идти.

Целую, Миша.

22 апреля 1944 г.

Писать вам сейчас почти невозможно. Буду стараться хоть коротко, но писать. Я на старом месте, здоровье хорошее, чему сильно благоприятствует погода, местность и вино. Живём отлично. Писем я от вас давно не получал и, наверное, не скоро получу. Далеко уж больно. Веня рядом со мной, здоров, но стал очень нервным.

Очень беспокоюсь за вас, мои дорогие. Знаю, что причинил вам много горя, не писав. Эх, папа, как же здесь красиво. Просто нельзя налюбоваться. И народ здесь стройный, красивый. У наших ног ~~лежит~~ (буквально) лежит опозоренная и многогреховная земля. Она уже узнала тяжесть наших сапог. Она ещё многое узнает. У нас есть к ним один разговор, и они не уйдут от него. И, да будет им горе. А нам с вами счастье.

Крепко целую,
Миша.

26 апреля 1944 г.

Дорогие!

Как давно уже я от вас ничего не получал. Вам пишу, виноват, тоже очень редко. Письма сейчас — ~~очень~~ трудно отправить, и нет лишней свободной минуты. Живу я очень хорошо, даже довольно комфортабельно. Здоровье — как надо. Друзья говорят, что после госпиталя я сильно поправился, пополнел. Пью любимые папины вина…из ведра. Веня рядом со мной. У него вообще всё хорошо, только недоволен работой. Бои жаркие и тяжёлые, а на дворе чудесная весна. С каждым днём теплеет. Распускается сирень. Воды великой реки отражают в себе синее южное небо. И люди, и жизнь здесь не та, что у нас. После войны приеду сюда ещё раз. Если хотите, поедем вместе.

Целую.

28 апреля 1944 г.

И ещё один закат заалел кровью. Уходит ещё один день. Тёплая южная ночь, нежная и ласковая, как любимая девушка, зажигает в далёкой голубизне неба блестящие спирали мерцающих и дрожащих звёзд. Трепещущие лучи этих звёзд двоятся в зеркале уставшей реки. Замирает воздух, устав от железного крика. Лишь нити трассирующих пуль чертят огненные трассы. Последний раз огрызаются немецкие мин[ометные] батареи. Гневно рокочет в ответ наш берег.

Скрипят по дороге дымящиеся кухни. Спешат почтальоны, агитаторы. Несут письма, газеты, журналы. Торопятся к переправе бойцы. Их тревожные, озабоченные лица, новое, ещё не замазанное землёй окопов обмундирование, блестящее заводской краской оружие выдают в них новичков здесь. Завтра у них боевое крещение огнём и железом. Завтра, завтра… а сейчас ночь, ушла куда-то война, и девушка со странным именем Лара, с глазами, большими и красивыми, тихо перебирает струны гитары, напевая какую-то незнакомую мелодию. Хорошо. Не надо думать ни о чём. Ничего не надо. Тягучая лень застилает туманом глаза. Даже карандаш кажется тяжёлым и неповоротливым. Нет слов, нет мыслей. Даже желание писать исчезает.

Кругом только одна тишина.

«По местам»! <…>

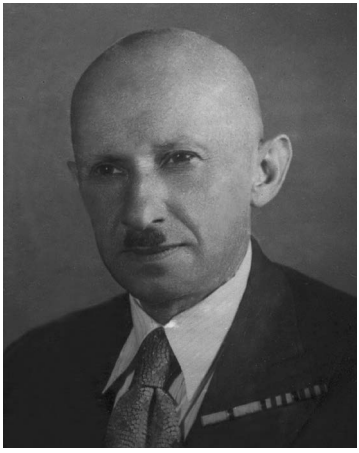
АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 550, 551, 552, 553, 554; 548.

«Я ВЕРИЛА В ЕГО СЧАСТЛИВУЮ СУДЬБУ»

***Мазель (Иосилевич) Мария Михайловна (1900–1982)**. Родилась в Киеве. До войны жила в Москве. С конца 1941 г. вместе с 17-летней дочерью — Агриппиной (Груней) (1924–1999) — находилась в эвакуации в г. Горьком (ныне — Нижний Новгород). Там работала машинисткой-стенографисткой в штабе МВО[1], весной 1942 г. вернулась в Москву. Муж — Эммануил Иосифович Мазель (1896–1950) — с 6 июля 1941 г. — доброволец московского ополчения. Позднее проходил службу на административных должностях и в самодеятельности 84 гв. сд. Гв. старшина. Награждён двумя медалями «За боевые заслуги» (1943, 1945), медалью «За оборону Москвы» (1944). Сын — Иосиф (Осип) (1922–1941) в 1941 г. окончил 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Гв. лейтенант. Командир взвода управления 14-го гв. миномётного полка 30-й армии Западного фронта. Погиб 14 октября 1941 г., обороняя г. Калинин (ныне — Тверь).*

Письма М. М. Мазель адресованы сослуживцу сына — Василию Александровичу Куйбышеву[2], сестре — Фане Михайловне Иосилевич в

Иосиф и Груня Мазель. 1941 г.



Э. И. Мазель. Конец 1940-х гг.

[1] Был передислоцирован из Москвы в Горький в конце ноября 1941 г. В феврале 1942 г. возвращён в Москву.

[2] Василий Александрович Куйбышев (1915–1943). В октябре 1941 г. — старший лейтенант, командир батареи реактивных установок БМ-13 «Катюша». Был ранен в том же бою, в котором погиб И. Э. Мазель. За этот бой награждён орденом Боевого Красного Знамени, в представлении к награде было отмечено, что В. А. Куйбышев руководил боем, несмотря на собственное ранение и гибель командира взвода управления лейтенанта Мазеля. Тяжело ранен и умер от ран в марте 1943 г.

Челябинск и её мужу — Борису Яковлевичу Гольдштейну в Киров.

Копии писем и фотографии переданы внучкой М. М. Мазель — Е. А. Гельфанд (Москва).

Письмо М. М. Мазель В. А. Куйбышеву

[Не позднее апреля 1942 г. Горький]

Дорогой Василий Александрович.

Приношу Вам свою сердечную благодарность за тёплое письмо, ~~за то, что Вы своими словами согрели моё сердце и наполнили~~

Не могу передать Вам словами, как оно мне было дорого, и до самой смерти своей я сохраню его как самый дорогой документ. Я всегда знала, что мой дорогой сынок Ося — так мы всегда его звали — с честью будет защищать свою родину, знала, что он, не дрогнув, умрёт за неё, ведь он был так горячо предан родине, великому делу Ленина-Сталина, он рвался на фронт. Но я верила в его счастливую судьбу, я верила, что он вернётся домой с победой. Увы, не суждено нам увидеть его. Он отдал свою молодую жизнь за нашу прекрасную родину, за счастье молодежи Советского Союза, за счастье детей.

Я верю глубоко, верю — близок час возмездия. Проклятым фашистам скоро придёт конец. В этом порука нашей победы, наша священная ненависть к врагам. Я знаю, что смерть его и ему подобных будет отомщена. Очень тяжело, дорогой Василий Александрович, потерять сына, такого молодого. Он был не только хорошим командиром и товарищем, он был ласковым сыном и братом, так горячо любящим родителей и сестрёнку. И мы платили ему горячей любовью, тем тяжелее ещё эта страшная утрата. Но ещё тяжелее было бы сознание, что сын мой не принял участия в этой священной войне и пытался бы устраниться от неё, что он был бы трусом. Я счастлива и горда тем, что он сражался геройски и умер, не дрогнув, как подобает комсомольцу, счастлива, что вырастила такого сына, что смерть его воодушевила его товарищей на новые подвиги.

Спасибо Вам, дорогой, что Вы, будучи так заняты, нашли время написать чужому для Вас человеку правду о сыне, тяжёлую правду, но смягченную Вашими сердечными словами. Я очень прошу Вас приехать к нам. Я с дочерью живу пока в Горьком, но скоро, наверно, вернёмся в родную Москву, которую так любил мой сынок. Наш московский адрес: ул. Осипенко № 14, кв. 4, тел. В1-52-07.

Приезжайте, я так буду рада Вам, человеку, такому близкому моему сыну, отдавшему приказание похоронить его как следует и тем самым сохранить нам его могилку, такую дорогую. Придёт время — мы уберём его могилу, и к ней придут его друзья, любимая девушка и его

товарищи. А нам, его родителям, как она будет дорога.

Дорогой Александр Васильевич [так в тексте — Сост.], Вы старше моего сына, может быть, у Вас есть семья, дети, наверное, ещё жива Ваша мать. Вы понимаете моё страшное горе, и я прошу Вас во имя самого Вам дорогого посетить нас в Москве, доставить нам эту радость, рассказать нам о последних днях нашего сыночка. Встречу Вас как сына, Вы мне очень дороги. Хочу верить, что Вас сохранит судьба и что Вы вернетесь домой живым и здоровым. Тяжёлое ли у Вас было ранение? Поправились ли Вы совсем? Куда Вы были ранены? Куда был ранен мой сынок, не изуродовано ли было его тело?

Ещё у меня к Вам одна просьба: не сохранились ли его личные вещи, у него были фотографии, письма, его вещи. Мне они очень дороги как память, может быть, сохранились его неотправленные письма к нам. Прошу вас, если возможно, сохраните эти вещи, а если кто-нибудь поедет в Москву до нашего переезда, — передать вещи нашим друзьям по адресу: Москва, ул. Осипенко № 14, кв. 3, Лисовский Митрофан Митрофанович.

Как только переедем в Москву — я сообщу Вам, а пока, если найдёте время, напишите по адресу: г. Горький 1В. Окская № 9, кв. 15.

Хочется ещё сказать Вам несколько слов об отце Оси. Мой муж ушёл добровольцем на фронт сразу после объявления войны и не смог повидать сына, который проездом на фронт был дома 3 дня. Долгое время я не имела от него вестей, он был в боях. Сейчас связь наладилась. Я ничего не сообщила ему о смерти сына, несмотря на его настойчивые требования сообщить мне ему причину т[а]кого долгого его молчания и всю правду о нём. Не хватает у меня сил сообщить ему о его смерти, знаю по себе, какое это страшное горе. Я Ваше письмо сохраню для него, в нём он найдёт утешение в том, что сын его был храбр и мужественен до конца.

Я и моя дочь (ей всего 17 лет) — обе работаем в штабе Московского военного округа. Сюда много народу приезжает из частей. Если когда-либо Вам или кому-нибудь из В[ашего] дивизиона случится быть в штабе МВО — зайдите в Оргинспекторский отдел Окружного интендантского управления и спросите Марию Михайловну Мазель.

Но лучше всего — приезжает к нам запросто, скоро будем в Москве.

Напишите нам о Ваших успехах, значит, Вы уже в гвардейском дивизионе? Как хорошо. Недаром мой сынок был так счастлив, что попал в Вашу батарею. Какую должность Вы занимаете? Не нужно ли что-нибудь Вам прислать? Я с удовольствием пришлю Вам посылку, только не знаю, что Вам нужно. Передайте, пожалуйста, привет лейтенанту Татарчуку, который также прислал мне тёплое письмо, и

~~которому я с дочерью~~ я ему ответила.

Передайте привет всем бойцам и командирам Вашего дивизиона, кто знал и кто не знал моего сыночка. Передайте им, что им желает боевых успехов и здоровья мать, у которой проклятые фашисты отняли самое дорогое, ~~что есть у матери~~ — её сына. Будь проклят Гитлер и вся его фашистская орда. Пусть захлебнётся он в своей крови. За наши материнские слёзы, за наши страданья отомстите вы, родные, такие близкие моему сердцу. Я верю, скоро придёт им конец, скоро вернётесь вы домой победителями и найдёте заслуженный почёт и отдых.

Будьте здоровы. Ещё раз благодарю Вас за Ваше хорошее письмо и жду сообщение о месте могилы моего сына. Жду Вас к нам в Москве. Будьте здоровы и скорее возвращайтесь домой с победой.

Письмо[*] М. М. Мазель мужу сестры

11 апреля [1942 г.] Москва

Дорогой Борис,
прости, [ч]то пишу на машинке, но так мне удобнее.

Вчера Грунечка сходила к тебе на работу и получила от тебя два письмеца и посылочку. Спасибо, родной мой, за заботу. Конечно, всё очень кстати, особенно лук, который здесь и за деньги не достанешь. Жаль только, [ч]то это доставило тебе, наверное, много хлопот.

От Фанечки получила вчера открытку, она мне пишет, что от Мишеньки был перевод, но его рукой ничего не было написано, а я думала, что от него было письмо. Рада, что знаю его адрес, напишу ему сегодня же. Очень жалею, что Фанечка не приедет в скором времени в Москву, так тоскливо одной здесь, хорошо ещё, что есть Лисовские, у них провожу все вечера. Вчера Митя делал мне альбом, куда наклеивали все наши снимки. Смотрю я на эти снимки и думаю, какое это было время счастливое, как мы были счастливы тогда. Не было войны, жив был Осенька, сколько радости доставляли мне поездки к нему, какие хорошие есть его снимки. А теперь — скоро его день рождения, 30 апреля, который мы всегда отмечали, так тяжело будет мне в этот тяжёлый для меня день. Как жаль, что даже на его могилу в этот день не придётся поехать. От Мемочки очень тяжёлые письма, боюсь я за него, увижу ли его — не знаю, он очень ослабел, а до отдыха далеко.

Грунечка очень осунулась, тяжело ей работать, много приходится сейчас работать, а питание резко ухудшилось. Настроение и у неё подавленное, приходит Ксеничка[1], мне она сейчас по-особому дорога.

---

[*] Текст письма набран на пишущей машинке.

[1] Ксения Кулешова — невеста сына.

Ты как-то писал, что в апреле предполагаешь приехать. Правда ли это?

Ты пишешь, что не хочешь быть оторванным от нас, да разве это возможно? Если я не пишу, то только потому, что мне очень тяжело писать, да и письма мои нерадостные, но в мыслях ты, Фанечка, и бедная наша Оля всегда со мной. Что с Замочкой — не знаю.

В Москве уже пахнет весной, она очень запоздала нынче, но не радует ничего сейчас, даже больнее на душе, когда видишь солнышко и знаешь, что 20-й весны своей жизни Осенька не увидит, а вместе с ним вся радость жизни ушла от нас.

Пиши почаще нам, не считайся с нами, хотя ты пишешь и очень часто.

Боюсь, [ч]то Фаня долго не приедет, может быть, ты приедешь в командировку. Как хочется вас повидать! Меме пишу часто, но в последнее время письма от него очень тяжёлые. К нам он не приедет, всё сорвалось — не отпустили.

До свидания, дорогой. Прими мою горячую благодарность за твою заботу о нас и частые письма. Молю судьбу, чтобы она сохранила нам дорогого Мишеньку — твоего сына и нашего.

Привет от Грунечки, она никому не может писать, и я её понимаю.

Маня.

Письмо М. М. Мазель сестре

[Не ранее 11 апреля 1942 г. Москва]

Дорогая Фанечка, получила твою открытку, где ты пишешь о Мишеньке[1]. Значит, ты письма от него не имела, а только перевод. Возможно, сам он не мог послать денег, а поручил кому-нибудь это сделать. Я его адрес сообщила Меме[2], и сама ему сегодня напишу.

Родная моя сестричка, как жаль, что ты долго не приедешь в Москву. Так пусто и одиноко мне дома, на сердце тяжёлый камень, весна идёт, скоро день рождения Осеньки, как радостно мы всегда отмечали этот день, а теперь…

Знаешь, я никак не могу привыкнуть, что я никогда больше не увижу его, мне иногда кажется, что это всё дурной сон, что скоро вернётся он домой, вновь зазвучит его песня, пианино, и никогда не будет легче. Вот мне говорили, что позже будет легче, но это неправда, до

[1] Михаил Гольдштейн — сын Ф. М. Иосилевич. Лейтенант, в это время находился на фронте. См. выше его письма с фронта: «Нет девушки, от которой ждал бы писем».

[2] «Мема, «Мемочка» — домашние прозвища Э. И. Мазеля.

самого последнего дня моей жизни страшная материнская скорбь будет меня мучить. Нет у меня больше сыночка, такого хорошего, бесконечно любимого. Помнишь, как часто ты твердила мне, что я его очень балую, как можно было не баловать его, он был такой хороший — ласковый, добрый, спокойный. И ушёл он из жизни таким же. Товарищи говорят, что он был всегда весел и бодр, даже в минуты страшнейшей опасности, он никогда не терялся, всегда подавал пример мужества и бесстрашия, за это любили и ценили его в полку. Пишут они мне все и до сих пор, обещают приехать, командир уже был у меня. Да что говорить, родная, словами не передашь этой муки. Меме можешь написать, он всё узнал, письма от него нельзя читать без слёз, увижу ли я его, не знаю, он страшно слаб, а до отдыха далеко. Вчера от Бориса получила оказией два письма и в подарок лук и спички.

Спасибо ему, он очень внимателен к нам, всё время пишет, не забывает нас. Тяжело ему, бедному, но грешить не нужно. Всё ещё у вас впереди. Молю судьбу, чтобы она сохранила вам дорогого Мишеньку, пусть он останется живым и здоровым на радость вам и нам. Мема так и пишет, что Мишенька, его любимый племянник, заменит ему сына, и страшно тревожится о нём, просит писать ему и сообщить его адрес. Ты напиши ему. <…> Дорогая Фанечка, не обижайся на меня, если я редко пишу, мне писать страшно тяжело, сколько слёз я всегда проливаю над письмами, скорее бы ты приехала. Здесь голодно, мы очень похудели, правда, это больше от переживаний, всё на мне висит мешком, главное, здоровье пошатнулось.

Грунечку жалко, её жизнь впереди, а сколько горя она перенесла, и всё время, глядя на меня, плачет и боится, что я слягу, и она совсем останется одна. Я, глядя на неё, стараюсь крепиться, знаю, как я ей нужна, да жалко Мемочку, а вообще-то мне легче было бы умереть, чем жить и мучиться без конца.

Как только получишь письмо от Миши — сообщи, знаю я, как ты тревожишься за него, всё это я могу понять больше, чем кто-либо, но я уверена, что он останется жив, он должен жить, чтобы отомстить и победить.

Что с Олей[1], на мои две телеграммы ответа нет — жива ли она? <…> Фанечка, постарайся приехать в Москву.

Пиши. <…> Твоя Маня.

АНПЦХ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 35, 37, 38; 32, 49.

[1] Ольга Михайловна Полякова — сестра М. М. Мазель и Ф. М. Иосилевич.

«ПРОТИВНИК НАХОДИТСЯ ОТ НАС — КАК ВАША КВАРТИРА ОТ НЕВЫ»

Б. Р. Крупкин

Мина-Лея Клионская

Крупкин Борис (Берл) Рувимович (1910–1943). *Родился в г. Борисов Минской губ. (ныне — Республика Беларусь). С 1936 г. жил с семьёй в Ленинграде. Работал инженером-расчётчиком на Государственном союзном заводе № 371 им. Сталина 1-го Главного управления Наркомата вооружения СССР (ныне — Ленинградский металлический завод). Ушёл добровольцем на фронт 22 июня 1941 г. Артиллерист, затем пулемётчик 461-го сп 142-й сд (Ленинградский фронт). Рядовой. Награждён медалью «За оборону Ленинграда». Погиб 5 февраля 1943 г. под пос. Синявино Ленинградской обл.* Перезахоронен на территории мемориала «Синявинские высоты».

Мать Б. Р. Крупкина — Мина Юдовна (1880–1941) — погибла в оккупированном Борисове. Отец — Рувим Янкелевич (1876–1948) — успел эвакуироваться в Ленинград. Семья брата отца[1] *погибла в оккупации в г. Орша Витебской обл. БССР (ныне — Республика Беларусь). Брат Б. Р. Крупкина — Илья — умер от голода в блокадном Ленинграде. Жена Б. Р. Крупкина — Мина-Лея Мановна Клионская (1909–2004) с двухлетней дочерью Мери (Мерутой) — были эвакуированы в г. Куйбышев (ныне —*

[1] Погибли Хаим Крупкин с женой — Лией Крупкиной (Вовшиной), сыном — Яковом (16 лет) и дочерью — Дорой (24 года.)

Самара). После войны они вернулись в Ленинград.

Письма Б. Р. Крупкина адресованы сестре — Раисе и её мужу — Гиршу (Григорию) Берковичу Кузенцу (1904–1987) в тыл, а также вдове Ильи — Фриде Моисеевне Элькинд (Крупкиной) и её семье в блокадный Ленинград.

Копии писем переданы внучкой Б. Р. Крупкина — И. А. Шапиро (Санкт-Петербург).

Письма Бориса Крупкина сестре — Раисе

Семья Гузман. Слева направо: Бенцион (у него на коленях — Семён), Юрий, Гита, Исаак. Сзади стоит Евгения (Геня). Сер. 1930-х гг.

1 мая 1942 г.

Дорогая милая сестричка Раечка, добрый день!

Недавно я получил письмо от Гени с сообщением о постигшем нас всех несчастье.

Безвременная, совершенно неожиданная смерть Бенциона[1]. Положение Гиты очень тяжёлое, ведь у неё трое малых ребят, из которых один грудной; вдобавок никто не работает. Я им написал письмо, просил Геню и Изю[2], чтобы принимали все меры к тому, чтобы немедленно устроиться работать.

Надеюсь, что ты им написала соответствующее письмо. От Гени я узнал, что вы удивляетесь моему молчанию, на это могу ответить, что я уже сбился со счёта, сколько писем мною вам отправлено. В начале года я отправил папе 20 рублей, а подтверждение о получении я до сегодняшнего дня не имею. Поэтому, Раечка, зайди на почту, наведи справку: квитанция № 721 от 25.01.42 года от Крупкина Б. Р., П. П. С. 461 С. П. 481 <…>

[1] Бенцион Абрамович Гузман (1903–1942) — муж Гиты (1904–1988) — сестры Б. Р. Крупкина. С женой и четырьмя детьми (Евгения, Исаак, Юрий и Семён) эвакуировался из Борисова в Узбекистан — вместе с городским банком, в котором работал управляющим. Умер в эвакуации от болезни лёгких.

[2] Геня (Евгения) (1925–1990) и Изя (Исаак) (1926–1987) — старшие дети Гиты.

Это, Раечка, необходимо сделать сразу же, как только получишь моё письмо, так как почта отвечает за переводы в течение 6 месяцев, считая сегодняшний. Раечка, я не могу допустить мысль о том, чтобы ты не писала ни мне, ни Герцу[1], здесь вопрос в почте, поэтому убедительно прошу тебя, не дожидаясь от нас писем, ты нам пиши.

Дорогая сестричка, мне крайне не хотелось тебе сообщать о ещё одном большом несчастье, постигшем нас, но рано или поздно тебе об этом должно быть известно. Милая сестричка, в феврале мы лишились нашего старшего брата. Илья не смог выдержать все лишения, сильно истощал и умер. Фрида с детьми тоже истощены и находятся в больнице. Фрида с Яшей[2] немного поправились, даже начали понемногу ходить.

Герц Крупкин

Бывай здорова, крепко целую.
Твой брат Борис.

28 июня 1942 г.

Дорогая и родная моя сестричка Раечка, добрый день!

Сегодня получил твоё письмо от 06.06.42. Почти на все поставленные тобой вопросы я вчера ответил заказным письмом. Здесь мне придётся повторить некоторые интересующие тебя вопросы, на некоторые ответить. Первым делом, милая Раечка, мне страшно не нравится твоё и Гришухино[3] здоровье. Хотя ты и постарше меня, но я просто вынужден вас обоих поругать и поставить на вид за то, что перестали следить за состоянием своего здоровья. В результате чего вы сильно ослабли и можете поддаться всяким заболеваниям.

Милая Раечка и родной Гришуха. Ещё раз прошу вас обратить сугубое внимание на самих себя, чтобы ваше здоровье приняло нормальное состояние. Теперь относительно Фридочки. Её горе велико, мораль-

[1] Герц Рувимович Крупкин — брат Бориса. До войны жил в Ленинграде. Красноармеец, аккумуляторщик 27-го отд. полка связи 14-й отд. армии. Награждён медалью «За оборону советского Заполярья» (1945).

[2] Яков — сын Ф. М. Элькинд (Крупкиной).

[3] Гирш (Григорий) Беркович Козинец — муж Раисы.

но она убита и надолго. Что касается их материального положения, то оно несколько лучше вашего, так как живёт она вместе с Гнесей, которая также работает. Получаемый ими паёк несравненно лучше вашего также. Поэтому, родная Раечка, я никоим образом не могу одобрить твоё желание отправить Фриде 200 рублей денег. Она же ещё больше расстроится. Значит, то, чего ты хочешь достигнуть этим, не будет достигнуто. Гораздо лучше будет, если ты ей напишешь тёплое, близкое письмо. По адресу: Ленинград, Мойка 64/1 кв. 4 Элькинд Ф. М. Ты, наверное, уже получала моё заказное письмо, в котором вложены письма: её, Гнеси и Яши. Между прочим, я от них тоже долгое время не имел никаких известий. По прочтении их письма я немедленно обратился к моему приятелю, который едва выжил, так как зимой и весной многие из моих друзей скончались. Помочь [надо] Фридочке во всём. Я уверен в том, что в скором будущем я получу письмо, сообщающее об этом.

Илюша долго не сдавался, болел, (вернее, истощился [так], что пришлось слечь), он [болел] более 2-х м[есяцев]в и умер 15 февраля 1942 года.

Его похоронили. Об этом знают все, за исключением папочки и Гиты. Их надо тщательно подготовить.

Надеюсь, что ты мне в этом поможешь. О себе могу сообщить, что чувствую себя отлично, сильно скучаю только.

Ты спрашиваешь, почему они не выехали [из Ленинграда — Сост.]. Так могу ответить на это, что они всё время работали, долго собирались, а потом, потом ослабли, что не могли тронуться с места.

На этом кончу писать. Бывай здорова. Будь невредима и мужественна. Крепко-крепко обнимаю и целую.

Твой брат Борис.

Письмо Б. Р. Крупкина вдове брата — Ф. М. Элькинд (Крупкиной) и её семье

12 июля 1942 г.

Дорогая Фридочка, родные детки и милая Гнеся, добрый день! Вчера я получил ваше письмо, за которое от всей души благодарен, так как на фронте письмо — это великая радость, а от вас тем более. Вместе с вашим письмом получил письмо от Раечки, которое несколько освещает их жизнь в хорошем положении, ибо предыдущие письма были не совсем утешительны. У Раи появились частые сердечные припадки. Гриша, её муж, лежал в больнице; и Нина[1] была сильно убита своим положением, отсутствием каких-либо известий от своего мужа Исаака

[1] Нехама (Нина) Рувимовна Соловейчик — сестра Б. Р. Крупкина.

Рувим и Мина Крупкины

Соловейчика[1] в течение 8 м[еся]цев, который находился на Западном фронте с первого дня войны.

Родная моя Фридочка, очень прошу тебя и Яшу так же не обижаться на меня, что прошу всех смотреть и следить за укреплением твоего здоровья. Ты, милая, слабее всех и больше всех переживаешь, и, самое главное, здоровье ведь понадобиться и в дальнейшем. Впереди ещё тяжёлые дни испытаний, борьбы! А ты, Яшутка, всё же мужчина, к тому ещё, самый старший, поэтому я прошу тебя взять шефство над укреплением мамочкиного здоровья и следить за порядком дома. Дорогой мой Яша, очень рад за тебя, что ты читаешь по-прежнему. Порядок — это прежде всего, а в военное время особенно. Вот, например, мы каждые 10 дней моемся в бане. Несмотря на то, что кругом свистят пули, стрекочут пулемёты, бьют из миномётов и артиллерий всех калибров. А противник находится от нас — как ваша старая квартира от Невы. И он так же виден, как из вашего окна видна река.

Иной раз садишься за обедом, но, услышав команду «по местам», бежишь к своему орудию и открываешь такой огонь, что противникам становится жарко. Или выкатываем орудия к самому его носу и бьём прямой наводкой, а потом продолжаем кушать, как будто ничего и не бывало. Живём по-прежнему в лесу. Питаемся хорошо, поэтому, Яша, хорошо было, если бы ты приучал Вову с Розой[2] тоже чтению. Пиши, милый мой, чаще и подробнее. Фридочка, ты не теряйся и действуй, я в твоём успехе уверен. Да, к тебе я направил брата моей Манечки[3], он теперь работает. Вот, пожалуй, и всё.

Крепко-крепко обнимаю и целую.

Ваш Боря.

---

[1] Исаак Моисеевич Соловейчик (1909–1941). Призван Борисовским РВК, пропал без вести в 1941 г.

[2] Вова и Роза — дети Фриды Элькинд (Крупкиной).

[3] Манечка — Мина-Лея Клионская.

Братья Мины-Леи Клионской: Натан (1911–1996) — слева, участник Великой Отечественной войны и Рувим (1918–1989) — участник Советско-финляндской войны, танкист.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 557; 561, 568.

«НЕ ЗАБУДЬ ПРИСЛАТЬ ФОТО — ЭТО БУДЕТ КАК ВСТРЕЧА НА ПОЛЕ БИТВЫ»

Я. Ю. Плоткин

***Плоткин Яков Юрьевич (1904–1943)**. Родился в г. Гомель Могилёвской губ. (ныне — областной центр, Республика Беларусь). До войны жил в Подмосковье. Сержант, помощник командира миномётного взвода 1199-го сп 354-й сд Западного фронта. Пропал без вести в феврале 1943 г.*

Письма Я. Ю. Плоткина адресованы жене — Александре Григорьевне Плоткиной (в письмах — Шура), тестю — Григорию Леонтьевичу Штеренсону (в письмах — «папочка»), сыну — Льву (1938 г. р.) и другим родственникам. Все они в 1941–1943 гг. находились в эвакуации в г. Алма-Ате КазССР (ныне — Республика Казахстан).

Копии писем и фотография переданы внуком Я. Ю. Плоткина — Г. Л. Плоткиным (Москва).

3 мая 1942 г.

Здравствуйте, дорогие! Папочка, Шура, Лёвочка, Феня и дядя Миша. Наконец-то получил от вас письмо. Сколько радостного, приятного оно собой мне принесло. Я не глуп, что сразу не написал по последнему адресу, но теперь все в порядке.

Дорогие мои, много и часто писать вам, к великому моему огорчению, я не в состоянии буду. Во-первых, из-за бумаги. У меня её нет. Во-вторых, обстановка не всегда позволяет этим заниматься. Но вышлите мне бумаги или открытки. Я даю вам слово писать при первой возможности. Зато вас я прошу, умоляю писать, как ты Шурочка обещала, через день, во всяком случае, часто.

Дорогая Шурочка, я на днях тебе вышлю деньги, примерно 350 рублей, и, если возможно будет, то пришлите мне папиросы и табак по этому же адресу, в крайнем случае, укажите «2-ая минрота», а меня уведомите телеграммой.

Дорогая Шурочка, вышли мне фото Лёвочки и твою, хоть на время мне очень хочется на вас посмотреть. Фото последних снимков!!

У меня лично ничего нового нет. Участвовал в наступлениях с немецко-фашистскими, так что имею уже боевой опыт. Пока всё. Крепко обнимаю вас, мои дорогие, и моего Лёвочку, и тебя, Шурочка <…>*

9 мая 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие, любимые!

Ваши письма я регулярно получаю, так что вам очень благодарен. Дорогая Шурочка, очень прошу тебя, пиши мне часто, не дожидаясь от меня письма. Я же буду тебе писать при первой возможности. Тебя точно, папочка, я прошу черкануть мне пару слов. Вы представить себе не можете, как отрадно читать ваши письма, находясь в наших условиях. А ты, мой дорогой и любимый Левёнок, когда папе напишешь пару слов? Как я соскучился по тебе, мой любимый сынок, будь хорошим мальчиком. Слушайся маму и дедушку, и тебя очень буду любить. Дорогая Шурочка, я выслал тебе 350 рублей. Если возможно, вышлите мне посылку по моему обыкновенному адресу или, в крайнем случае, укажите получателя «2-ая минрота», тогда заранее меня предупредите телеграммой, что посылка выслана. На этом заканчиваю письмо с надеждой на скорую встречу с вами, моими дорогими, и обнять вас крепко-крепко, как может любящий вас сын и муж. Жду с нетерпением ваши письма.

Яша.

Шурочка, как с фото Лёвочки?

17 мая 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие, Любимые! Воспользовавшись свободной минутой, пишу вам письмо. Дорогая Шурочка, я все твои письма получил, за которые тебе очень благодарен, и прошу тебя и в дальнейшем писать так же, можно и чаще.

Дорогой папочка, жду от тебя обещанного письма. Оно для меня будет самым дорогим посланием, ведь это будет первое отцовское письмо, полученное мною за всю мою жизнь, поэтому жду его с нетерпением.

Мои дорогие, разрешите вас поздравить: тебя, Шурочка, с племянницей, а тебя, папочка, с внучкой. Дорогой папочка, люби своё третье поколение, ибо, судя по моему дорогому Лёвочке, оно должно быть неплохое.

* Фрагмент письма не сохранился.

А ты, мой Левёнок, как старший, будь примером для остальных.

Дорогая Шурочка, не забудь в отношении фото Лёвочки и всех ваших — это будет вроде встреча на поле битвы, только это поскорей сделай. Пока всё… Лично у меня новостей нет, всё по-старому — жив и здоров и надеюсь на нашу счастливую встречу в 1942 году. Дорогая Шурочка, я установил связь с Мусей. Вот их адрес, напиши им письмо: г. Свердловск, почтамт до востребования, Сергеевой М. Л. Затем, до скорой встречи. Крепко обнимаю вас всех, дорогие, в особенности, тебя, мой Левёнок.

Ваш Яша.

27 декабря 1942 г.

Здравствуйте, дорогие! Вашу посылку и два письма я получил, за которое вам очень благодарен. Я благодарю вас всех, в особенности тебя, дорогой папаша, ибо я знаю, что основа в доме — это ты, и сама Шурочка, Лёва и все остальные имеют сравнительно спокойную жизнь, так это благодаря тебе. Но это отплата, дабы только закончить победоносно войну и изгнать проклятого врага из нашей территории. Дорогая Шурочка! Если и я буду среди тех счастливцев, которые по окончании войны возвратятся домой, то можешь не сомневаться, что остаток своей жизни я посвящу вам, мои дорогие, так что, дорогая Шурочка, можешь не сомневаться в моей любви и преданности к тебе, как это было до войны.

Дорогая Шурочка, объясни мне фразу в твоём последнем письме, а именно: «отомсти этим проклятым фрицам за всех, в особенности за Феню и Регину, которые были». Что значит это, что с ними случилось? Прошу тебя, срочно мне сообщи в ответном письме, всё подробно пиши.

Дорогие папаша и Женечка, почему вы не напишете мне пару слов привета? Жду от вас также хоть пару слов, учитывая вашу занятость.

Дорогая Шурочка, благодарствую за посылку.

Я мысленно мечтаю о некоторых вещах, которые мне крайне необходимы, именно: расчёска, зеркальце, лезвия для безопасного бритья или опасную бритву, трубку или мундштук, и последнее, дорогая Шурочка, это фото моего любимого Лёвочки. Уже скоро год, как ты обещала мне прислать его фотографию, так прошу тебя выполнить свои обещания.

У меня особенных новостей нет, разве то, что я нахожусь в новом месте, и мой новый адрес: Полевая почта 355, военная часть 499. На этом заканчиваю своё письмо с приветствием всем родным и знакомым. Крепко-крепко вас обнимаю и целую.

Ваш Яша.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 571; 569.

«ПЕРЕДАЛИ, ЧТО Я ПОГИБ НА ФРОНТЕ…»

З. И. Якуб. Берлин. 1945 г.

***Якуб Залман Иосифович (1919–2009)**. Родился в г. Двинске (ныне — Даугавпилс, Латвийская Республика). Обучался в еврейской религиозной школе «Тора вэ дэрех эрец» («Тора с мирской жизнью»). Позднее работал в столярной мастерской. Увлекался историей и краеведением. В 1940 г. опубликовал первые заметки в рижской еврейской газете «Камф» («Борьба») и в журнале «Уфбой» («Строительство»). Летом 1941 г. З. И. Якуб и часть его семьи успели эвакуироваться в Узбекистан, другие родственники погибли в Даугавпилсском гетто[1]. Призван в РККА из эвакуации в январе 1942 г. Алтыарыкским РВК УзССР. Воевал миномётчиком в составе 201-й сд (позднее — 43-й гв. Латышской сд) на Северо-Западном и 2-м Прибалтийском фронтах. Трижды был ранен. Публиковался в дивизионной газете «Латышский стрелок». В мае 1945 г. — гв. сержант, командир отделения 488-й отд. роты охраны ГСОВГ. Награждён медалью «За отвагу» (1945). После войны жил в Даугавпилсе, работал заготовителем в пункте приёма вторсырья. Краевед, автор более 600 публикаций по истории Даугавплса, в частности, о событиях Холокоста.*

Письма З. И. Якуба (на русском и идиш) адресованы родителям, братьям и сёстрам[2], эвакуированным в колхоз им. Молотова Мендонского с/с, ст. Ванновск Алтыарыкского р-на Ферганской обл. УзССР (ныне — Республика Узбекистан).

Копии писем и фотография переданы Даугавпилсским краеведческим и художественным музеем. Перевод с идиш С. Шупы и Д. А. Космодемьянского.

---

[1] Гетто существовало с 15 июля 1941 г. по 28 октября 1943 г.

[2] Отец — Иосиф Залманович Якуб (1882–1970), младшие сёстры — Элла и Сарра (в письмах также — Шура), младшие братья — Абрам и Ицхак.

Письма З. И. Якуба семье

22 мая 1942 г.[1] Москва

Мои любимые и дорогие родители, братья и сёстры. Я уже вам два письма написал, что я с первого мая болею в московском госпитале имени доктора Боткина[2] (мой адрес — на второй странице) И поскольку я заболел двумя вещами (когда не идёт — бежит…)[3] воспалением лёгких (это уже прямо правильное воспаление лёгких) с мокрым плевритом вместе — пишу вам быстро открытку, чтобы вам написать, что сегодня я был на рентгене (я, кстати, попробовал сойти с кровати, в добрый час!). Он показал, что воспаление лёгких у меня с правой стороны, а мокрый плеврит — с левой стороны. Хочу сказать, как моя докторша пошутила, – одна сторона не хотела другую обижать, так что заболели обе сразу... Докторша говорит, что для плеврита операция не нужна (кто знает, можно ли всё принимать на веру...). Но поскольку она мне открыто сказала, что в больнице я должен буду вылечить левую сторону, самое меньшее — месяц, или больше. Я вам всё через несколько дней опишу в подробном письме и всё распишу в деталях. Пока что сердечный привет Доре и всем остальным друзьям и знакомым. Будьте сильны и здоровы, вам посылает много, много поцелуев ваш преданный друг и брат Залман.

18 августа 1942 г.

Мои дорогие родители, сестра, брат, Дора и дядя! У меня не хватает слов для вашей халатности, и неужели есть у вас такая совесть — не написать мне письмо? Только благодаря почтовой открытке, которую я вчера получил от Етты[4], я узнал, что наш дядя из Ленинграда приехал к вам и также что Сара была сильно больна, писала мне тоже, что Фрида Блаер уезжает в Ташкент — там в больнице лежит Циля, писала она мне тоже, что она часто встречает в городе Борю Голанда. Вчера я тоже получил письмо от Смушкович, из гор. Новосибирска, и тоже жалуется, почему вы ей не пишите. Писала мне, что Мина уехала на уборку урожая в одном колхозе и сообщила мне адрес Соломона, он младший лейтенант. Вот его адрес: Горьковская обл. гор. Кулебаки, п/я 22/3, мл[адшему] л[ейтенан]ту Смушковичу.

Я ему уже написал письмо. Думаю, что вы напишите для Смуш-

[1] Перевод с идиш.

[2] Больница им. С. П. Боткина (ныне — Городская клиническая больница им. С. П. Боткина).

[3] Аналог русской поговорки «беда не приходит одна».

[4] Етта (Этта) Яковлевна — будущая жена З. И. Якуба. Также была в эвакуации.

ковича ответ на её 2 письма к вам. У меня-то всё по-старому, как я вам уже писал. Чувствую себя здорово и хорошо. По боевой и политподготовке я отличник. На днях я вам напишу побольше. Может быть, что в этом месяце я уже вернусь в свою часть. Передавайте привет родным, знакомым и товарищам! Оставайтесь здоровы! Шлю вам мой искренний, сердечный, горячий, красноармейский привет. Целует вас ваш сын, брат и племянник, кр[асноарме]ец Залман Иосифович.

6 сентября 1942 г. [с. Золино Ивановской (ныне — Нижегородской) обл.]

Мои дорогие родители, сестра и братья! Сегодня — в Международный юношеский день[1] — шлю я вам горячий привет! С радостью могу вам сообщить, что комсомольская ячейка нашего подразделения приняла меня в Ленинский комсомол!

Получено здесь письмо с Северо-Западного фронта от Хаци Левстейна <…>, в котором он пишет, что при выполнении боевой задачи героической смертью погиб мой друг Гершен Апананский. Честь и слава моему другу! Встретил я нашего родственника Файвуса Улфана, и он мне сказал, что его семья вместе с семьёй Эстрин — все они эвакуировались, но с собой ничего не успели взять, и всё осталось там. Вот ихний адрес: РСФСР, Ивановская обл., Александровский р-н, гор. Александров, совхоз «Маяк», для Эстрин Улфан. Пишите им письма.

Передайте всем сердечный привет! Оставайтесь здоровы, целует вас ваш сын и брат, кр[асноарме]ец Залман Иосифович. Жду вашего скоро ответа!

17 сентября 1942 г. [с. Золино]

Мои дорогие родители, сестра и братья! Извините, что я вам мало пишу, ввиду того, что у меня новостей нет, всё по-старому — обучаюсь у батальонного миномета — это есть дальнобойная, с которой обычно стреляют из укрытия, 1,5-2 километра от передовой линии фронта. Наш родственник Велфке Стилер в начале этого месяца выезжал на фронт. Встретил нас родственник Файвис Улфан, они эвакуировались вместе с семьёй Эстрин, но их зажиточное хозяйство ничего не эвакуировали. Я встретил нашего знакомого Бетхин, который жил у Етты, он мне сказал, что ему в Узбекистане передали, что я… погиб на фронте. Его жена находится: Узбекская ССР, гор. Бухара, ул. Л. Толстого

[1] В СССР проводился как день интернациональной солидарности и трудовых успехов молодёжи в социалистическом строительстве. Ныне — Всемирный день молодёжи (10 ноября).

46А, для Бетхина Гайба Пинхесовича; вот вам адрес Улфана: Ивановская обл., Александровский р-н, гор. Александров, совхоз «Маяк», для Улфан-Эстрин.

Вместе со мною Яша Хейфец и также из нашего колхоза Фоле Роцка. Рассказал мне, что он был на фронте в бою вместе со счетоводом нашего колхоза, Изя Фейгин, и он погиб на фронте, Фейгина брат — ранен.

Оставайтесь здоровы! Ваш сын и брат, комсомолец-красноармеец Залман.

28 января 1943 г.

Здравствуйте, дорогие и любимые родители, сестра и братья! Могу вам написать, что 24-го января мое ранение в правое плечо ещё раз оперировали. От полевого пересыльного санбата меня отправили на дальнейшее лечение в госпиталь, и через несколько часов ожидаем посадку в санитарный поезд. Особенно не волнуйтесь (особенно ты, мама), ранение не такое тяжёлое. Оставайтесь здоровы! Целует Залман.

8 марта 1943 г. Фурманов

Здравствуйте, мои дорогие и любимые родители, сестра и братья! Пишу вам, что чувствую себя хорошо и поправляюсь. Ранение у меня заживает, но ещё есть небольшой опух, есть ещё гной. Температура у меня нормальная и думаю, что в апреле месяце я обратно вернусь в часть, в строй. В движении руки есть ещё незначительное ограничение (особенно в плечевом суставе), занимаюсь лечебной физкультурой.

На днях я вам из госпиталя вышлю справку для льготы, смотрите, чтоб моё письмо и также справка сохранились.

25/II я вам выслал 200 рублей, и 5/III я вам выслал ещё 300 рублей.

Дорогая сестра! В июне месяце прошлого года, когда я в первый раз лежал в госпитале, я тогда написал рассказ, который я потерял. Тогда я тебе тоже высылал копию, смотри, чтоб эта рукопись у тебя не потерялась! <…>

Письма, которые вы мне выслали на старый адрес, пересылают мне на новый — и пока мне не пишите, ведь пока моё письмо придёт к вам и ответ обратно, думаю, что мой адрес уже будет другой. Передайте всем от меня сердечный привет! Оставайтесь здоровы и живите богато!

Крепко целует вас ваш Залман.

18 января 1944 г.[1]

Мои дорогие и любимые родители, братья и сестры. Я передаю вам с фронта привет и наилучшие пожелания, целую вас! Все больше дней я на фронте, в наступлении, преследуем отступающего врага и отбиваем его контратаки.

Если выживу и буду здоров, напишу вам ещё другое письмо. Привет родственникам и друзьям! Будьте сильными и здоровыми! Вас целует и ждёт ваших быстрых ответов ваш преданный сын и товарищ Залман.

Письма З. И. Якуба сестре — С. И. Якуб

[20-22 января 1944 г.]

Моя дорогая и любимая сестра Сара!

Шлю тебе с поля боя мои наилучшие пожелания, привет и поцелуй!

Уже не первый день, как я нахожусь на передовой, принимаю участие в наступательных боях, мы преследуем врага, отражаем вражеские контратаки[2]. Мы сражаемся вместе с танками и самолётами.

Я пишу эти строки, а тут и там разрываются снаряды и мины, свистят пули, работает артиллерия.

Я нахожусь под открытым небом, в снегу и сырости. Словами не передать трудности, которые мы переносим во имя победы. Если мы выживем, нам будет что рассказывать и рассказывать.

Какая сегодня дата, я точно не знаю, кажется, начало двадцатых дней месяца января.

Я заканчиваю письмо, ибо времени мало, а написать хочется ещё кому-нибудь, хочется написать всем по письму.

Привет всем!

Да, когда мы преследовали отступающего врага, я случайно встретил Файвеля Голдштейна, только не было времени поговорить.

Жду твоего скорого ответа, пиши почаще! Оставайся здорова и крепка! Целует тебя твой преданный брат Залман.

1 февраля 1944 г.

Здравствуй, дорогая Шура!

Твоё письмо за 4/I получил и уже выслал ответ. Сегодня я по-

[1] Перевод с идиш.

[2] В январе — феврале 1944 г. 2-й Прибалтийский фронт участвовал в Ленинградско-Новгородской операции.

лучил от тебя ещё два письма за 9 и 13 января, и я благодарю тебя за такие подробные письма, но пока подробный ответ не пишу тебе, ибо, как я тебе уже писал, свыше двух недель как нахожусь на фронте под открытым небом, снег, холод, и это письмо пишу тебе от огневой позиции, на поле боя — пули свистят, самолёты гудят, рвутся снаряды и мины — идёт война!!! И как в фронтовой песенке поётся: «Между нами снега и снега — до тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага»[1].

Жду твоего скорого ответа. И пиши, получила ли ты моё письмо за 31/XII [19]43 г.? Всем сердечный привет! Будь здорова, и крепко целую тебя. Залман.

10 сентября 1944 г.[2]

Добрый день, Сара! Твоё письмо от 15.08.44 я получил вчера. Уже не первое письмо, как ты ни слова не упоминаешь о маме, как будто она лежит на смертном ложе. Пойми, что́ это значит, ничего другого не остается. У меня дрожит сердце от боли, а тут мне такая благодарность!

Пиши мне часто, обо всём, не скрывай от меня никаких несчастий — мне от этого не легче.

Фрида Блеер пишет мне, что она уже собирается ехать домой, может быть, Ента тоже поедет с ними? А как будет с тобой? Пиши мне обо всём.

Только что получил письмо от Мирьям Сливкиной (бывш[ая] Гамзе). Она пишет мне, что выслала мне уже два письма и не получила ответа. Вот её адрес: Алт[айский] край, гор. Барнаул, Вост[очный] пост. Барак 13, ком[ната] 14, для М. Сливкиной. Если ты не получила от неё ни одного письма, напиши ей.

Наш Абрашка пишет мне, что он в Эстонии. Абрашка Клюмель от меня в восьми километрах. Вчера получил от него посылку и газеты, где были напечатаны мои статьи.

Я сам нахожусь за несколько километров от фронта. Приказ к вступлению в бой мы ждем с дня на день, с часу на час!

Привет друзьям и знакомым! Пиши чаще! Особенно сердечный привет родителям и Цале!

Будь здорова и крепка! Целует тебя твой преданный Залман.

---

[1] «Землянка» («В землянке», «Бьётся в тесной печурке огонь..») (1942), стихи А. А. Суркова на музыку К. Я. Листова.

[2] Перевод с идиш.

«У МЕНЯ И МОИХ БОЙЦОВ БЫЛИ СЛЁЗЫ В ГЛАЗАХ»

И. С. Игдалов

Игдалов Исаак Самуилович (Самойлович) (1913–1993). *Родился в г. Городке Витебской губ. (ныне — Витебской обл., Республика Беларусь). В семье его звали Сашей. С 1930 г. жил в Ленинграде. В 1934 г. призван в РККА, окончил 1-е Ленинградское военное авиационно-техническое училище (ныне — Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского МО РФ). Участник Советско-финляндской войны.*

С 26 июня 1941 г. участвовал в боевых действиях в составе 72-го скоростного бомбардировочного полка и подвижных мастерских 14-й ВА на Северо-Западном, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. Старший техник-лейтенант. Награждён двумя медалями «За боевые заслуги» (1944, 1945), медалью «За оборону Ленинграда» (1944). После войны жил в г. Невеле Псковской обл. У Исаака Игдалова было три брата — Михаил, Абрам (Аркадий), Пинхус (Павел, в письмах — Пиня), сёстры Вера и Роза.

В 1941 г. возле усадьбы «Голубая дача» в дер. Борки под Невелем оккупантами были расстреляны жена И. С. Игдалова — Елена с двухлетней дочерью — Аней, младшая сестра Вера (1921, по другим данным — 1917 г. р.) с мужем и пятилетним сыном и другие родственники.

Игдалов Абрам (Аркадий) Самуилович (Самойлович) (1916–1993). *Родился в г. Невеле Витебской губ. (ныне — Псковской обл.). Окончил школу-семилетку. После службы в РККА переехал Ленинград. Работал на заводе «Ленинская Искра» (ныне — АО «Аккумуляторная компания „Ригель“»). Участник Советско-финляндской войны. Снова призван в армию 5 июля 1941 г. Ленинским РВК Ленинграда. Воевал на Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. В 1941 г. был ранен. В 1941–1944 гг. — командир отделения разведки взвода управления командующего артиллерией 268-й сд. С января 1945 г. — моторист звена управления 148-го ИАП 185-й ИАД. Старший сержант. На-*

граждён Орденом Славы III степени (1944), медалями «За отвагу» (1944), «За боевые заслуги» (1945), «За оборону Ленинграда» (1943). После войны жил в Невеле.

Письма А. С. Игдалова адресованы старшему брату — Исааку.

*Родители Игдаловых, отец — **Самуил Давидович (1884–1963)**, краснодеревщик, и мать — **Геня Залмановна (1883–1961)**, жили в Невеле. В 1941–1944 гг. находились в эвакуации в Свердловской обл. вместе с дочерью — **Розой (1921–1995)**. Роза работала машинисткой в Свердловске (ныне — Екатеринбург) родители — в колхозе под Свердловском. Вернулись в Невель в 1944 г.*

Письма Розы Игдаловой и её родителей адресованы И. С. Игдалову. Копии писем и фотографии переданы О. В. Петровой (Невель).

Письмо А. С. Игдалова брату в г. Череповец Вологодской обл.[1]

14 октября 1942 г.

Здравствуй, дорогой брат Саша!

Спешу тебе сообщить, что нахожусь в полном здоровье. Сейчас у меня свободное время, решил написать открытку. Вчера получил открытку от Пини[2] с новым адресом:

475-я полевая почта, часть 665. Живёт он хорошо. Саша, получил я письмо от тёти Розы — она спрашивает, как найти детей[3]. Пока до свидания. С приветом.

[Подпись]

[1] Там располагалась часть, в которой служил И. С. Игдалов.

[2] Младший из братьев — Пинхус (Павел) Самуилович (Самойлович) Игдалов (1923–1998). Родился в Невеле. В Ленинграде пережил первую блокадную зиму. В 1942–1946 гг. служил в РККА. Рядовой, токарь 223-го отд. ремонтно-восстановительного батальона автомобилей 9-й гв. армии. Награждён медалью «За боевые заслуги» (1945).

[3] Роза (1896–1967) и Иосиф (1890–1952) Шенфельды. Родственники из Невеля, в 1941 г. эвакуировались под Свердловск. Их сыновья — Борис и Михаил Шейнфельды, двоюродные братья А. С. и И. С. Игдаловых, — погибли на фронте в 1941 г.

П. С. Игдалов. Будапешт. 1946 г.

Письмо Р. С. Игдаловой брату[*]

22 октября 1942 г.

Привет из Свердловска!

Здравствуй дорогой Саша!

Получила твоё письмо и телеграмму, за что очень тебе благодарна. Сразу пишу тебе ответ. Как всегда, я вчера послала тебе телеграмму. Вообще, у меня сегодня праздник, я получила много писем и сразу решила всем написать ответ, и чтобы было быстрее, я решила напечатать.

Ничего нового пока, конечно, нет, жизнь течёт по-старому, работаю, где раньше работала, по тому же графику. Прошу всё ещё, чтобы меня отпустили домой съездить, но ни за что не пускают, просто некому заменить даже на несколько дней. А мне очень хотелось бы поехать.

Ведь у них[1] нечего ни одевать, ни обувать, а я могу кое-чего достать, но посылки не принимают, и они ко мне не приезжают, сколько я ни прошу, хоть бы мама приехала.

Просто мне страшно подумать, как они будут зимовать так. Мне и за себя страшно, но у меня ещё хоть кровь греет, а за них я просто очень переживаю, но помочь не могу. И передать — так никто туда не едет.

Вот я получила письмо от дяди Иосифа, тоже пишет, что живут вообще ничего, работают в колхозе, но очень боятся зимы. Приехали голые и босые. Но что же делать, придётся терпеть. От Бориса и Миши они тоже ничего не имеют и не знают, где они. От Абраши получила письмо, у него все благополучно.

Обо мне ты не беспокойся, я не пропаду, хоть и не очень хорошо, но проживу, есть которым гораздо хуже, и то живут, а нам что сделается, молодым. В общем, я не унываю.

Приходится, конечно, очень много волноваться, наслушаешься — то у кого-то брата убили, у кого мужа, ну и начнёшь беспокоиться, к тому же письма так задерживаются.

---

[*] Текст письма набран на пишущей машинке.

[1] Речь идёт о родителях.

От Абрама письмо шло 20 дней, а за это время много может чего случиться. Но не будем пока думать о худшем. Будем надеяться на хорошее.

Больше пока писать нечего. Желаю счастья в твоей боевой жизни, и, главное, здоровья.

До свидания, с приветом, твоя сестра Роза.

Пиши сразу ответ.

Письма А. С. Игдалова брату

21 января 1943 г.

Привет с фронта!

Здравствуй, дорогой брат.

Спешу тебе сообщить, что нахожусь в полном здоровье. Получил от тебя несколько писем, но задержался с ответом. Это потому, что я участвовал в боях за прорыв блокады у города, и сегодня я выбрал время тебе написать, Саша, должен тебе сказать, что крепко ему [врагу — Сост.] досталось, весь путь устлан в трупах этих поганых немцев. Хватит им, насиделись около города. В землянках у них всякое барахло, нахапанное у населения, вплоть до трико и тапок, но они с собой не успели забрать, что свои портки чуть не оставили, так им было жарко.

В общем, в газетах всё написано. Я пока в полном порядке, что будет дальше, не знаю. Пока писать больше нечего, постараюсь писать чаще, чтоб не беспокоились.

Пиши тоже. Будь здоров. С горячим приветом.

Твой брат Абрам.

7 июня 1943 г.

Добрый день, Саша! Спешу сообщить, что нахожусь в полном здоровье, от тебя писем не имею. Пиши чаще. Письма имел от всех. Сейчас всем пишу ответы, домой всем посылаю бумаги и конверты. Будь здоров.

[Подпись]

Письмо родителей И. С. Игдалову[*]

20 октября 1943 г.

Многоуважаемый Сын Исаак.

Здравствуй.

Только что получили твоё письмо за которое мы тебя благодарим

[*] Сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

и очень довольны и рады что наша Кр[асная] Армия освободила наш город от немецких нечисть. Слава нашим бойцам и Маршала Советского союза Т. Сталина И. В. Мы это сразу услышали по радио ночью 6 октября в ту ночь было собрания в контору колхоза как все обрадовались и нас поздравили. Особенно писать нечего живьем по маленько и находимся в полном здоровье и сыты тоже пока, сняли наш урожай картофель марковка капуста которая сейчас мама солить. Также были у нас свои огурцы и памидоры. Мы их хронили до твоего приезд, а но не можем дождатся если возможно приезжай на несколько дней. Письма мы получили от Абраши и Пини и Розы[1] больше никто не пишет не могу понять что за причины я писал несколько раз а ответа нет.

А ты тоже на меня не обижайся что не пишу я на каждой письмо когда получаем пишу сразу ответ. Я работаю по немного дней 30 работ в колхозе на уборочной а теперь своя работа но уже кончается. Погоды унас пока хорошие только ночью морозит. Роза[2] приехала 2 октября в свердловск и поступила на свою работу только она недовольна у ней была посажена картошка так это у неё пропала что значит не знаю не выросла или кто нибудь выкопали. Пиня писал что он живет хорошо Исаак прошу тебя пиши в Невель может быть тебе ответят есть ли там кто нибудь из населения и остались ли там какие нибудь постройки желательно узнать судьбу Веры и дети[3] пиши в Штаб или в горсовет или в Милиция. На этом я кончаю будь здоров и пиши сразу ответ. С приветом твои родители Самуил и Геня До свидания.

Письма А. С. Игдалова брату в г. Череповец Вологодской обл.

15 ноября 1943 г.

Здравствуй, дорогой брат Саша!

Саша, тебе, конечно, очень тяжело будет это перенести, но крепись, как я, сообщаю, что получил письмо из Невеля из горсовета, что Вера, Леночка и Анечка расстреляны немцами 25 августа 1941 г. Писала, которая видела сама.

Нам остаётся мстить и мстить. Я читал это письмо, и у меня и у моих бойцов были слёзы в глазах. Такие мерзавцы эти звери. Саша, может, это неправда, но факт, что больше других известий нет, я ещё раз написал, жду ответа. Пока, Саша, будь здоров и не расстраивайся, только я думаю, что домой не писать лучше. Пусть не знают, ведь старики не перенесут. Целую.

[Подпись]

---

[1] Роза Шенфельд.

[2] Дочь — Роза Игдалова.

[3] Об их гибели родители узнали только когда вернулись в Невель.

21 ноября 1943 г.

Добрый день, Саша! Спешу тебе сообщить, что нахожусь в полном здоровье. Сейчас выбрал свободное время и решил написать тебе открытку. Дорогой брат, нового пока ничего нет, все идёт по-старому. Имел письмо из дому. Саша, я тебя прошу, домой не пиши о том, что я тебе писал в прошлом письме. Будь здоров.

Письмо Р. С. Игдаловой брату[*]

[Не ранее декабря 1943 г.]

Здравствуй, дорогой Саша!

Большое тебе спасибо за весточку. Саша, я живу хорошо, работаю, иногда письма получаю. Сегодня также получила письмо от Абраши, очень расстроилась, так что даже пришлось идти к врачу и взять на 3 дня бюллетень. Пишет, что, кажется, у Пини и Миши[1] уже нет адресов (я у него спрашивала их адреса). Просит родителям об этом не писать, что я и сделала. Но мне почему-то не верится, я надеюсь, что это не так, ведь бывают же ошибки. Притом, он и сам пишет, что они могут ещё разыскаться. Как видишь, новости скверные.

Саша, как узнать точно, куда обратиться?

Ведь ужасно для нас и для мамы с папой. Так вся семья и распалась, есть от чего прийти в отчаянье. Но я ещё, почему-то, надеюсь. Посылаю тебе [фото]карточку Анечки[2]. Саша, очень прошу тебя перефотографировать её и прислать мне обратно, так как она у меня одна. Обязательно пришли.

Пока всё. Будут новости получше — напиши. А пока до свидания.

Желаю счастья.

Целую, твоя сестра

Роза С.

P. S. Саша, может быть, ты чего знаешь удостоверенно, напиши. Или у тебя, может быть, есть вести более утешительные?

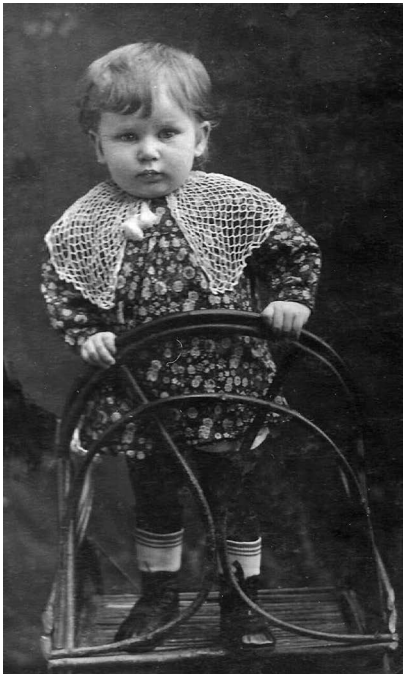
---

[*] Текст письма набран на пишущей машинке.

[1] Здесь ошибка в письме — речь, вероятно, идёт о Боре и Мише — Б. И. и М. И. Шейнфельд. Возможно, говорится о брате — Михаиле Игдалове (1913–1942). Призван Приморским РВК Ленинграда. Красноармеец-караульный военного склада № 302. Умер от болезни 29 августа 1942 г. Похоронен на Пискарёвском кладбище.

[2] Погибшая дочь И. С. Игдалова.

Письмо А. С. Игдалова брату



Аня Игдалова

19 декабря 1944 г.

С праздником!

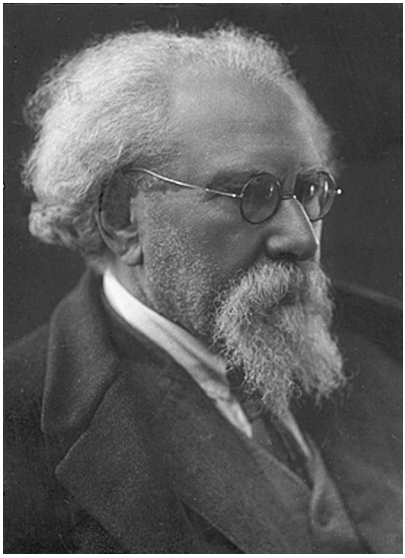
Здравствуй, дорогой брат Саша! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю здоровья, счастья и успеха в боевой жизни. И ещё, Саша, желаю, чтобы в этом году справить вместе праздник победы над гитлеровской сворой. Нахожусь в полном здоровье, чего тебе желаю. Саша, почему ты редко пишешь? У меня пока нового ничего нет, но скоро будет, что сообщу в следующих письмах. Саша, когда же наконец мы встретимся? Воюем, видимо, на одном фронте. Я тебе писал, где и в какой части, но ты не понял, видимо, в следующем письме напишу лист и координаты мои, и, если у тебя есть топокарта[1] — узнаешь, где я нахожусь. Пока заканчиваю, будь здоров. Крепко целую.

[Подпись]

АНПЦХ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50, 55, 56, 58, 60, 62, 63; 52, 54, 57.

[1] Топографическая карта.

«ВМЕСТЕ СО ВСЕМ ЕВРЕЙСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ГОРОДА»



И. Л. Баумгольц. Надпись под фото: «Дорогому сыну Саше от отца. 1932 г.»

***Баумгольц Иоанн (Иона) Львович (1871–1942)**. Родился в Киеве. Выпускник Юрьевского (ныне — Тартуского) университета. С 1904 г. работал в г. Пятигорске, с 1920-х — в г. Кисловодске. Проф., доктор медицины (1896), терапевт, один из ведущих врачей и организаторов курортов Кавказских Минеральных Вод. Автор ряда научных работ. В 1942 г. отказался от эвакуации — вероятно, из-за болезни жившей с ним сестры — Августины Львовны Исштейн. И. Л. Баумгольц и А. Л. Исштейн были вывезены оккупантами и расстреляны 9 сентября 1942 г. у стекольного завода в г. Минеральные Воды*[1].

Переписка о судьбе И. Л. Баумгольца представлена письмом-запросом его сына — Александра Иоановича Баумгольца[2]*, — направленным из Уфы замнаркому внутренних дел в Москву, и письмом Павла Александровича Аксакова из Кисловодска сыну Августины Исштейн — Леопольду Петровичу Баумгольцу.*

Копии писем и фотография переданы Ю. А. Рябовым (Королёв).

[1] Это было место казни около 6500 евреев из региона Кавказских Минеральных Вод.

[2] А. И. Баумгольц — инженер-электрик и гидромеханик, в 1930–1931 гг. работал в торгпредствах во Франции и Италии. Участвовал в строительстве канала Москва — Волга (ныне — Канал им. Москвы). В 1951 г. стал лауреатом Сталинской премии 1-й степени за разработку проектного задания Куйбышевской ГЭС на Волге.

Письмо[*] А. И. Баумгольца с запросом о судьбе отца

20 января 1943 г. Уфа

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Комиссару Государственной безопасности 3 ранга

Тов. ЧЕРНЫШЁВУ В. В.[1]

От Зам. Гл[авного] инженера Пр[оектно]-Изыскат[ельского] Управления Главпромстроя[2] — Баумгольц[а] А. И.

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой.

При захвате немцами г. Кисловодска оттуда не успел выбраться мой отец, работавший врачом в госпитале, — профессор Баумгольц Иоанн Львович — 75 лет — еврей. С ним его сестра — Исштейн Августина Львовна.

После освобождения Кисловодска мои телеграммы туда, по-видимому, не доходят, и я не имею возможности получить сведения, живы ли они и нуждаются ли в моей немедленной помощи.

Убедительно прошу Ваших указаний запросить через органы НКВД просимые сведения.

~~Его~~ Адрес *отца*:[**] г. Кисловодск, Проспект Сталина 14. [Подпись] /Баумгольц/.

Письмо П. А. Аксакова Л. П. Баумгольцу

12 апреля 1943 г. Кисловодск

Глубокоуважаемый Леопольд Петрович!

Ваше письмо от 7 марта 1943 г. получил. Поручение Ваше выполнил. Был у гражданки Андреевой — квартирохозяйки Вашей мамы [так в тексте — Сост.] Исштейн Августины Львовны. По словам гр[аждан]ки Андреевой, Ваш дядя — доктор Баумгольц Иоанн Львович, Ваша мама и медицинская сестра, обслуживавшая доктора Баумгольца, Мелания, вывезены из Кисловодска 9 сентября 1942 года вместе со всем еврейским населением города. Числа 4 или 5 сентября 1943 года не-

[*] Машинописный текст. Сохранено авторское написание части текста заглавными буквами.

[1] Василий Васильевич Чернышёв (1896–1952) — в 1941–1952 гг. — замнаркома (позднее — замминистра) внутренних дел СССР. В 1939–1941 гг. — Начальник ГУЛага.

[2] Главное управление промышленного строительства

[**] Выделенное курсивом слово вписано от руки.

мецким ЕК-12[1] (гестапо) [так в тексте — Сост.] было опубликовано распоряжение, что всё еврейское население города Кисловодска подлежит переселению из Кисловодска в места малонаселённые, но куда — не было указано. Этим приказом предлагалось еврейскому населению, подлежащему переселению, взять с собой продовольствия на несколько дней, все ценные вещи и деньги, багаж должен быть не более 20 килограмм. На всё имущество, остающееся в квартирах, должны быть составлены описи, квартира должна быть замкнута на замок. Ключ от замка предлагалось привязать к замку с запиской — фамилия, имя, отчество владельца.

9 сентября к 5 часам утра предлагалось явиться на товарную станцию для погрузки в вагоны всему еврейскому населению города за исключением метисов и семей смешанных браков.

В начале сентября Августина Львовна была больна, причем серьёзно; на почве сердечной деятельности у неё были сердечные припадки, и она находилась на постельном режиме.

Доктор Баумгольц И. Л. пригласил из горполиклиники 2 врачей, чтоб дать заключение, может ли больная Исштейн А. Л. выехать из города с отправляющимся эшелоном. Врачи нашли больную Исштейн А. Л. настолько слабой, что дали заключение, что Исштейн А.Л. в настоящее время выехать не может впредь до выздоровления, что давало Вашей маме право остаться в Кисловодске. Опасаясь, что потом Августине Львовне придётся ехать одной, Ваш дядя Баумгольц рекомендовал ей ехать всем вместе, на что она согласилась. И, таким образом, все они были вывезены 9 сентября, направлены в Мин[еральные] Воды, а оттуда, как передают, ~~были~~ всех направили на стекольный завод, который находится от станции в 6-7 километрах, здесь и прерывается нить дальнейшего следования вывезенного из Кисловодска еврейского населения.

Официальных сведений об участи вывезенных немцами еврейских семейств из городов Кисловодска, Ессентуки, Пятигорска и сельских местностей нет. Но упорные слухи передают, что всё еврейское население, вывезенное немцами, погибло на стекольном заводе, здесь их всех немецкое гестапо убило. Если получу какие-либо дополнительные данные, незамедлительно сообщу.

Мелания, как преданная медсестра, изъявила желание следовать вместе с доктором Баумгольц[ем], несмотря на то, что она имела право остаться в Кисловодске, так как она по происхождению не еврейской национальности.

---

[1] Сокращение от Einsatzkommando 12 (айнзацкоманда 12) — структурного подразделения айнзацгруппы D — специального формирования, осуществлявшего террор на юге СССР.

Леопольд Петрович, сочувствую Вашему горю. Я просил гр[аждан]ку Андрееву написать Вам лично, так как она более осведомлена в вывозе из Кисловодска Вашей мамы, доктора Баумгольц[а] И. Л. и медсестры Мелании, на что Андреева охотно изъявила своё согласие.

П. Аксаков.

Мой адрес:

Гор. Кисловодск, ул. им. Чкалова, дом 58

Аксаков П. А. (Павел Александрович)

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 61, 62; 65.

«СТРАШНО ОТ МЫСЛИ, ЧТО МЫ ЕГО БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМ, НЕ УСЛЫШИМ»

Н. М. Фрисман с женой — Г. П. Ермолаевой

***Фрисман Исаак Михайлович (1924–1945)**. Родился в г. Новозыбков Гомельской губ. (ныне — Брянской обл.). До войны жил в Москве. Призван в РККА из эвакуации из г. Алма-Аты КазССР (ныне — Республика Казахстан). Окончил артиллерийское училище. Младший лейтенант, командир взвода в 868-м сп 287-й сд (1-й Украинский фронт). Погиб 3 февраля 1945 г. в бою за высоту 147,7 около г. Фрауштадт в Германии (ныне — Всхова, Польша). Похоронен близ дер. Уршкау.*

***Фрисман Наум Михайлович (1916–1943)**. Родился в г. Мглин Черниговской губ. (ныне — Брянской обл.). До войны жил в Москве. Работал журналистом. В РККА с 1938 г. На фронте — с ноября 1942 г., защищал г. Туапсе. Легко ранен в конце января 1943 г. Старший лейтенант, агитатор 45-го горнострелкового полка 83-й горнострелковой дивизии (Северо-Кавказский фронт). Награждён орденом Боевого Красного Знамени (1943). Погиб 30 мая 1943 г. в бою за высоту 100,9 у ст. Неберджаевской Краснодарского кр., предположительно похоронен на территории мемориала «Сопка героев» у пос. Экономическое. Жена Н. М. Фрисмана — **Галина Павловна Ермолаева** — была эвакуирована в г. Ашхабад ТуркмССР (ныне — Туркменистан), в 1944 г. переехала с детьми — Борисом (1941 г. р.) и Еленой (1943 г. р.) — в Москву к родителям погибшего мужа — Михаилу Наумовичу Фрисману и Нехаме Арнштейн.*

Письма Исаака Фрисмана адресованы родителям, находившимся в эвакуации в г. Свердловске (ныне — Екатеринбург), позднее — в Москве. Им же адресованы письма Г. П. Ермолаевой из Ашхабада. Письма из действующей армии о гибели Наума и Исаака написаны их боевыми товарищами.

Копии писем и фотографии переданы руководителем проекта «Живой голос Победы» В. В. Нарским (Москва).

Письма Г. П. Ермолаевой родителям мужа в Свердловск

27 января [1943 г.]

Мои дорогие!

Очень давно не имела от вас писем. Не знаю, чем объяснить. Неужели вы на меня сердитесь за что-нибудь. Я, наоборот, последнее время пишу вам сравнительно часто. От Наума последнее письмо было от 30/XII. Я Вам сразу же дала телеграмму и написала письмо. От Иси вчера получила письмо с адресом: Ташкент, воинская часть 47. Пишет, что ему хорошо во всех отношениях, и просит за него не волноваться. Детишки здоровы. Беспокоюсь, что Наум пишет редко. В последнем письме писал, чтобы я не волновалась, если не будет долго писем, писать нет возможности. Жду от вас писем. Здоровы ли вы? Целую крепко. Ваша Галя.

2 февраля 1943 г.

Мои дорогие!

Получила, наконец, ваши письма от 6/I и 10/I. Также телеграмму срочную, она шла очень долго. От Наума была открытка от 12/I, я вам сразу же дала телеграмму. От вас было одно письмо из училища, я ему ответила, но ответа пока ещё не получила. Детишки здоровы. Спасибо, родные, за сульфидин, я его буду беречь на всякий случай. Здесь достать трудно. Жизнь [идёт] по-старому. День прожили — и ладно. Наум писал в предыдущем письме, что будет посылать ежемесячно по 300 рублей, но я ничего не получила, а все жёны получают, кроме [помимо — Сост.] аттестата. После его отъезда получили 560 руб. фронтовых процентов и всё. <…> Сдала 300 гр. крови, получаю 800 гр. хлеба. Будьте здоровы. Целую крепко. Ваша Галя.

13 октября [1943 г.]

Дорогие мои, любимые!

Сообщаю Вам, что мы здоровы, чтобы вы не волновались за нас. Письмо моё и открытку от 5 и 6 октября вы, видимо, уже получили. Также ответила на ваши телеграммы. Сегодня моим деткам исполнилось 2 г. 1 м[есяц]. Бориска — замечательный мальчик, от так забавно говорит, а Леночка всё же немного отстаёт от него, но сейчас она стала лучше, не такая вялая, как была раньше. Все хорошо, но мучительная боль за нашего дорогого Наума не даёт жить. Так страшно от мысли, что мы его больше не увидим, не услышим. Сколько слёз я проливаю при воспоминании о нём, так же как и вы, мои родные и близкие роди-

тели. От Исачка получили подробное письмо, где он пишет, что аттестат перевел на вас. Так лучше. Я ему об этом писала раньше. Пишите о своём здоровье. Утешайтесь мыслями об Исачке и внуках. Будьте здоровы. Целуем крепко. Ваша Галя.

Письмо старшего лейтенанта Савина Г. П. Ермолаевой о гибели мужа

14 октября 1943 г.

Старший лейтенант т. Фрисман Наум Михайлович в бою за социалистическую родину убит 30.4.1943 года. Похоронен: Краснодарский край, Крымский район, поляна «Героев».

Правительственной наградой награждался один раз, орденом Красного Знамени.

Личных вещей ст[аршего] л[ейтенан]та Фрисмана Вам не выслано ввиду отсутствия таковых.

Подробности смерти: при выполнении боевого задания по освобождению нашей родины от фашистских захватчиков был убит вражеской пулей.

На остальные вопросы начфин Вам ответил.

Зав. делопроизводством гвардии ст[арший] л[ейтенан]т [подпись] (Савин)

Письма И. М. Фрисмана родителям в Москву

5 декабря 1944 г.

Здравствуйте, дорогие, любимые мои!

Вот я и выбрался написать вам письмецо, хотя особенно-то и писать нечего. 20 числа написал вам письмо, где указал, что уезжаю в часть. Жаль вот, не успел от вас письмецо получить. Совершили поход в км 120. Устал, но выдержал. Теперь в части. Ещё не на передовой, но, видимо, скоро буду в боях. Плохо вот, что используют меня не как миномётчика, а дают стрелковое подразделение. Здоров, бодр — а это главное. Пишите, миленькие, о себе чаще и подробнее, ибо письма на фронте — все! Как детки, Галечка, здоровы ли все? Привет всем, всем фронтовой. Жду писем. Целую и обнимаю крепко. Ваш Исаак.

7 декабря 1944 г.

Дорогие мои! Пару дней назад писал вам открытку, указывая

адрес. Но… Писал я уже, что используют меня не по специальности миномётчика. Так вот: вопрос теперь стоит иначе. Отправляют из полка в отдел кадров дивизии. Там, видимо, должны направить уже как миномётчика. Думаю, что так оно и будет. Значит, на адрес мой п/п 03419 больше не пишите. С места сообщу новый адрес. Очень обидно, что так много времени я не знаю ничего о вашей жизни и здоровье. Но что ж поделаешь?! О себе писать совсем нечего. Жив, здоров — а это основное! Итак, завтра в путь!!!.. Будьте здоровы, миленькие мои, папуська, мамуська, Галечка, деточки. А они уж, наверное, совсем большие стали?! Не грустите, не скучайте. Привет всем.

18 декабря 1944 г.

Родные, любимые мои!

Пишу вам не так уж часто, но и не редко: ведь писать совершенно нечего, да и времени совершенно нет. Что я могу написать о себе? Жив, здоров. Основное, правда, ведь?! Заниматься приходится очень много: тяжело в учении, легко в бою! Верно, очень верно. Проводим занятия со стрельбами (артиллерией, миномётами и т. д.). Само собой разумеется, что чем лучше обучу я своих бойцов, тем легче будет мне с ними воевать, тем больше жизней будет сохранено.

Милые мои! Прошу вас только меньше горевать обо мне, а встреча наша уже не за горами!!! Жду писем, тогда веселее будет мне. Так ведь? Как здоровье, как Галечка, деточки? Привет всем, всем и поцелуй. Целую крепенько, крепенько.

Ваш Исаак.

Письмо майора Соколова М. Н. Фрисману о гибели Исаака

7 апреля 1945 г.

Тов. Фрисман!

Ваш сын, младший лейтенант Фрисман Исаак Михайлович, сражаясь храбро и отважно в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, пал смертью храбрых 3 февраля 1945 года. Похоронен с отдачей воинских почестей в фольварке[1] восточнее Уршкау, Германия.

Командование части разделяет с Вами тяжёлую утрату любимого Вашего сына и нашего боевого товарища по оружию.

Начальник штаба
Воинской части 03419
Майор [подпись] /Соколов/.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 575, 578; 572.

[1] Поместье.

«КУКЛУ Я ЕЙ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИВЕЗУ»

Л. В. Кабб

Е. М. Шкилько с дочерью Ириной

***Кабб (Каб) Лев (Лейб) Вениаминович (Беньяминович) (1912–1944)**. Родился в г. Вильна Виленской губ. (ныне — г. Вильнюс, Литовская Республика). Учился в г. Полтава УССР (ныне — областной центр, Украина). В 1934–1937 гг. проходил службу в РККА. До войны работал инженером-теплотехником на Харьковском тракторном заводе. В 1938 г. женился на Еве (Фриме-Хаве) Моисеевне Шкилько (1913–2009), в 1941 г. родилась дочь Ирина.*

Призван на фронт в первые дни войны. Участник Сталинградской битвы. Старший лейтенант, нач. связи батальона 237-й танковой бригады (1-й Украинский фронт). Награждён медалью «За отвагу» (1943). Погиб 24 января 1944 г. в р-не с. Брицкое Винницкой обл. УССР (ныне — Украина) в первый день Корсунь-Шевченковской операции.

Письма Л. В. Кабба адресованы жене и дочери, эвакуированным в г. Барнаул Алтайского кр.

Копии писем и фотографии переданы дочерью Л. В. Кабба — И. Л. Кабб (Хадера, Израиль).

4 февраля 1943 г.

Здравствуй, дорогая Евонька! На днях послал тебе письмо из г. Ногинска, в котором писал тебе, что оно является последним, ибо мы должны покинуть г. Ногинск в ближайшие дни. Данное письмо пишу в пути на фронт. Перед самым отъездом из г. Ногинска я получил твой ответ на мою телеграмму. Очень рад, что у вас всё благополучно, и я очень доволен тем, что телеграмма меня застала на месте. Обмен телеграммами дал нам возможность получить друг о друге свежие известия. Однако я никак не могу понять, почему ты беспокоишься в то время, когда я ясно тебе телеграфировал, что жив и здоров. Что тебе ещё нужно? Короче говоря, ты «пошла» в свою мамашу и создана для беспокойства.

Теперь немного о себе. В г. Ногинске мы были на отдыхе, а теперь снова едем на фронт добивать бандитскую шайку Гитлера. Чувствую себя хорошо, настроение отличное, дух непоколебимый, как всегда. Помнишь, я как-то написал тебе в письме о том, что немцы в этом году, 1942, получат удар под Сталинградом ещё сильнее, чем в 1941 под Москвой? Как видишь, мои пророческие слова оправдались. Разгром немцев под Сталинградом — это крупнейший успех на фронтах, который является началом полного разгрома вшивых немцев в 1942 г.

В пути получили погоны, которые введены с целью повысить выправку, требовательность, чёткость, дисциплину снизу доверху[1]. Это мероприятие будет способствовать чёткой организации наступательных действий для полного разгрома врага в 1943 г.

Пиши побольше о себе, как растет и развивается наша дочурка. Куклу я ей обязательно привезу, а если не достану, то мы с тобой постараемся сами сделать, не правда ли?

Деньги я тебе посылал на домашний адрес, возможно, ты уже их получила. В ближайшие дни постараюсь выслать ещё немного денег. <…> Папка крепко целует мамку и дочку. Ваш Лев.

Отвечай мне по адресу, указанному на конверте. Лев.

26 июня [1943 г.]

Здравствуй, дорогая Евонька! <…>

У меня всё в порядке. Жив и здоров. На нашем фронте относительно спокойно, а что будет дальше — будем посмотреть.

Могу тебе сообщить, что я уже принят в члены партии, с чем можешь меня поздравить.

Тётка в своем письме пишет, что Ируська — очень хорошая де-

[1] В январе 1943 г. в РККА были введены погоны.

вушка, и мне очень приятно знать об этом. Хочется скорей с вами повидаться и быть уже вместе. Но впереди ещё много трудностей и упорная борьба. Нужно набраться терпения.

Евуник! Напиши, пустила ли ты в ход твои часики «Зиф» и пошила ли ты пальто из того материала, который был у тебя?

Жду подробных писем. Целую мамку и дочку нежно, нежно. Ваш папка. <…>

13 июля 1943 г.

Здравствуй, дорогая Евонька! Уже давно я тебе, дорогая, ничего не пишу, но если бы ты знала причину моего молчания, я не сомневаюсь в том, что ты бы меня простила. Сейчас у нас происходят жаркие бои, начиная с 5-го числа[1]. Мы упорно сдерживаем бешеный натиск врага, который лезет на новые авантюры. Веришь, золотко, я уже несколько дней не умываюсь, уже оброс солидной бородой, очень мало сплю, по 2-3 часа в сутки, и всё это по одной и той же причине. Теперь ты должна понять, почему я не писал и впредь в это время не смогу тебе часто писать так, как я писал тебе раньше. Прошу тебя очень, моя дорогая, не волнуйся и терпеливо жди редкие письма мои, которые я буду писать при первой возможности.

Твоё письмо от 26.06.43 г., за которое тебе очень благодарен, я получил. Не понимаю, почему, когда ты думаешь о будущем, тебе становится страшно. По-моему, наоборот: будущее в нашу пользу, и мы должны трезво смотреть на вещи, хотя на пути к этому будущему у нас ещё много трудностей.

Я тебя спрашивал в одном из писем, думаешь ли ты шить себе пальто на зиму, но ты не ответила мне на этот вопрос. Считаю, что тебе нужно неотлагательно заняться этим вопросом и к зиме иметь пальто.

Целую нежно-нежно мамочку и дочечку. <…>

16 июля 1943 г.

Здравствуй, дорогая Евонька! Пользуюсь свободной минуткой между боями и пишу тебе письмо. Спешу тебе сообщить, что я жив и здоров. Должен тебя обрадовать, что мы фрицев остановили и не дали им возможности поганить снова нашу землю.

Очень ожесточённые бои происходят на нашем фронте: противник бросил много танков в бой, в том числе, его пресловутого «тигра», о котором ты слыхала, вероятно, по газетам. Танки поддерживаются большим количеством авиации. Но лето 1943 года не похоже на предыдущие

[1] 5 июля 1943 г. началась Курская битва.

лета. На танки противника идут в бой наши танки, действия авиации противника парализуются действиями нашей авиации. Противник остановлен, потерял большое количество техники и живой силы.

При моей радиостанции был хороший шофёр. Его в боях ранило, и теперь я никак не могу найти такого парня. Это был исключительный водитель. Ну, ничего, как-нибудь выйдем из этого положения.

Сейчас у нас небольшое затишье, и я воспользовался этим случаем и пишу тебе пару слов. Золотко! Не волнуйся, если будешь иногда получать редко письма. Это будет связано с тем, что у нас сдельная работа по уничтожению фрицев, и нужно спешить, как больше заработать. Извини, что так плохо нацарапал: пишу в полевых условиях.

Теперь я буду редко получать твои письма, но я наберусь терпения и буду терпеливо ожидать их. Целую мамочку и дочечку нежно-нежно. <…> Пишите мне почаще. Целую крепко-крепко. Ваш папочка.

19 июля 1943 г.

Здравствуй, дорогая Евонька! Получил твоё письмо от 30.06.43 г., за которое тебе очень благодарен. Несколько дней тебе ничего не писал, т. к. не имел никакой возможности. Теперь у нас некоторое затишье, и я пользуюсь случаем и даю о себе знать, что я жив и здоров.

Фрицевское наступление захлебнулось, и мы все вместе отстояли нашу родную землю от новых издевательств и надругательств. Конечно, трудно утверждать, что фашист не пойдет на новые авантюры, но факт остается фактом: мы его потрепали крепко и подорвали его наступательный дух.

Ты спрашиваешь, доволен ли я своей новой работой. Отвечаю тебе откровенно, что нет, и на это имеется ряд причин, которые, конечно, в письме трудно и неудобно описывать. Обождём, когда встретимся. Я тогда тебе подробно обо всем расскажу. Согласна?

Ривин адрес ты мне сообщила, но писать сейчас ей не буду, т.к. совсем некогда. Я даже тебе не в состоянии писать так часто, как это было раньше. Когда немного разгрузимся, тогда я напишу ей подробное письмо.

Напиши мне, получила ли ты мою вторую передачу в 300 рублей. У нас задерживается получка, и я не имею возможности послать тебе ещё немного денег, но я думаю, что они тебе всегда пригодятся, когда бы я их не отослал.

Дорогая моя, прошу тебя не волноваться, если будут задержки в письмах. Сердечный привет всем нашим. Мамочку и дочечку целую много-много раз. Ваш папочка.

7 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая Евонька!

Получил твои письма от 18.09, 22.09 и 25.09 почти одновременно, а также получил Дусино письмо от 19.09. Очень тебе благодарен за твои письма и за подробное изложение о ваших делах. <…>

Очень рад, что Ируська понемногу поправляется, будем надеяться, что её здоровье скоро восстановится. Солидарен с твоим желанием вернуться поскорее домой, но это пока мечты. Ведь ты сама пишешь, что нам предстоит ещё много дел. Евунчик! Мы стоим пока на месте и усиленно занимаемся. Здоровье хорошее. Ты пишешь, чтоб я писал побольше о себе. Родненькая, ведь ты должна понять, что о многих вещах писать не имею права, поэтому мои письма почти всегда однообразные и скучные. Но не это сейчас главное. Самое важное, чтобы ты знала о моём здоровье и понапрасну не волновалась.

На этом, родненькая, заканчиваю. Сейчас напишу пару слов ~~Иру~~ Дусе, чуть не написал «Ируське». Кстати, расцелуй много-много раз шалунью и спроси её, довольна ли она моим фронтовым подарком. Целую крепко-крепко.

23 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая! Получил твоё письмо от 8.10.43 г., за которое очень тебе благодарен. Очень рад, что мои фронтовые подарки принесли мамочке и дочурочке много удовольствий. Я желал бы часто радовать вас чем-нибудь хорошим, но, к сожалению, мои возможности очень ограничены. Получил открытку от Ани: она живёт в г. Ташкенте вместе со всей семьёй. Зина находится с ними. Получил письмо от Ривы. Письмо подробное, настроение у неё неважное. Она, наверно, хочет замуж, так я понимаю.

Как видишь, моя переписка стала обширной, но по-прежнему твои письма доставляют мне наибольшее удовольствие, а посему прошу писать мне как можно чаще. Рива пишет, что Володя уезжает в наш родной город на восстановление завода. Возможно, и у вас намечаются такие планы? Это было бы совсем неплохо. Я сейчас от нашего города нахожусь далеко, и никаких видов пока нет побывать в нём.

У нас ещё сравнительно тепло, и зимнего обмундирования мы ещё не получали. Осень в этом году прекрасная: ни одного дождя ещё не было, а ведь осень подходит к концу.

Вообще у меня всё в порядке. Жив и здоров. Находимся на месте и по-прежнему пока не воюем.

Вот примерно всё о себе. Написал подробно обо всём и ответил

на твои вопросы. На этом заканчиваю. <…> Мамочку и дочечку целую нежно-нежно. Всегда помнящий вас, ваш папка.

8 ноября 1943 г.

Дорогая жёнка! Спешу ещё раз тебя поздравить с радостным праздником[1] и заверить тебя в том, что все последующие большие торжества будем встречать вместе в иных условиях. Праздник проходит у нас хорошо и весело. Получили к празднику сливочное масло, печенье, была водка. Вчера в торжественной обстановке мне была вручена медаль «За отвагу», о которой я тебе писал давно. Чувствую себя снова хорошо, выздоровел полностью, настроение прекрасное. Да как оно не будет таким, когда мы уже овладели г. Киевом, Ростовом[-на-Дону] и движемся уверенно к нашим границам.

Дорогая жёнка, напиши, как вы провели праздники и вообще, как идут дела? От наших давно ничего не получал. Объясняется это, видимо, тем, что они писать вообще не большие любители.

Сегодня вторично перечитывал приказ т. Сталина от 7.11 и доклад от 6.11. Остался, как всегда, очень доволен мудрыми предсказаниями нашего Вождя.

Дорогая мамочка, теперь как никогда хочется побыть с тобой вместе и делить радости, но придётся ещё немного потерпеть, и будем с надеждой ждать (ведь мы больше ждали) этой счастливой минуты. Поцелуй нежно-нежно наше юное создание и скажи ей, что папочка был бы счастлив её увидеть, но он ещё очень занят и не может себе позволить такой роскоши. <…>

Мамочку и дочечку целую нежно-нежно. Ваш папка.

30 декабря 1943 г.

Здравствуй, дорогая Евонька! Вот уже недели три, как я от тебя не получаю писем, а ведь бывало, каждые 3-4 дня имел письмо. Всё время я терпеливо ожидал со дня на день письма, но пока мои надежды не увенчались успехом. Правда, я и сейчас не теряю надежду и верю в то, что получу целую пачку писем. Очевидно, получилась какая-либо задержка на «почтовом фронте».

У меня всё по-прежнему: как ни странно, но мы всё ещё на старом месте. Поскольку это тебя устраивает больше всего, как ты сама выразилась, то я каждый раз тебе об этом сообщаю.

Спешу, родненькая, тебя поздравить с надвигающимся Новым годом, который, несомненно, принесёт нам много радости и счастья, и

[1] 7 ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

мы сможем после столь продолжительной разлуки снова быть вместе. Мы уже готовимся к встрече Нового года и постараемся достойно его встретить и отметить. <…>

Посылаю Ируське картинку «С Новым годом!» и желаю ей расти хорошей девочкой и слушаться мамочку.

Евуник! Посылаю тебе вырезки из газеты. 1 вырезка — Харьковский южный вокзал. 2 вырезка — тот же вокзал, взорванный отступившими мерзавцами. Сохрани их как память о нашем родном городе, где мы с тобой провели лучшие минуты жизни.

Чувствую себя хорошо, здоровье также хорошее.

С нетерпением жду твоих писем.

Ну, на этом заканчиваю. Давай условно выпьем за счастливый 1944 год! <…>

Целую мамочку и дочечку много-много раз. Ваш Лев.

30 декабря 1943 г.

Дорогой дочурке! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе расти умницей и слушаться мамочку. Твой папочка никогда тебя не забывает и очень хочет тебя увидеть. Будем надеяться на 1944 год. Твой папа.

2 января 1944 г.

Здравствуй, моя дорогая Евонька! Шлю тебе мои наилучшие пожелания и надеюсь, что 1944 год будет для нас радостным и счастливым. Спешу тебе сообщить, что я жив и здоров и пока нахожусь ещё на старом месте. Вчера получил твоё письмо, которое где-то ездило около месяца. Я доволен хоть этим, т. к. в декабре прошлого года почти не получал твоих писем.

Новый год встретил неплохо: конечно, в лесу, среди своих боевых товарищей; но гулять долго не пришлось, т. к. 1-го числа у нас был день серьёзной боевой учёбы, а не так, как у вас (наверное, выходной).

От Ривы имел открытку: она лишь дает о себе знать, что она жива и здорова, и больше ничего. Спасибо и за это, т. к. мои дорогие родственники и этого не делают.

Жду с нетерпением твоих частых и подробных писем. Напиши, Евуник! Получила ли ты мой новогодний «подарок»? Ирусик, наверно, осталась им довольна, не правда ли? Она была бы больше довольна, если бы папа прислал ей пару валенок или красивую куклу, но увы! <…>

Папка крепко целует и обнимает свою Евуську и Ируську. Ваш Лев.

9 января 1944 г.

Здравствуй, моя дорогая!

Ты уже, наверное, изрядно волнуешься, т. к. я чувствую, что мои письма теперь доходят к тебе с большим опозданием. Я твои письма получаю также редко. Причина заключается в том, что мы снова на колёсах, едем на фронт — отдохнули больше, чем достаточно. Проехали Харьков и Полтаву — 2 города, в которых я провёл всю свою жизнь, — остались далеко позади. Движемся вперёд и вперёд, навстречу врагу, с которым должны встретиться в последний раз, дабы нанести ему смертельную рану.

Пишу в поезде, под монотонный звук постукивающих колес. Настроение бодрое. Жаль, что наша переписка будет некоторое время хромать, постепенно она войдёт в свою колею. Заранее предупреждаю, что иногда некогда будет писать, будут перебои, прошу тебя, родненькая, не волнуйся, а терпеливо жди моих писем, и, без сомнения, дождёшься, т. к. можешь не сомневаться, что первые свободные минуты будут предоставлены тебе. Поцелуй нежно, нежно Ируську. Сердечный привет всем нашим. Папочка никогда не забывает свою мамульку и дочурку. Все свободные мысли с вами. Ваш Лев.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 580, 581, 582; 579.

«ГОЛОВА МОЯ ПОСЕДЕЛА»

***Серпик (Куклина) Зинаида (1912 — конец 1950-х или начало 1960-х)**. Родилась в г. Туапсе Черноморской губ. (ныне — Краснодарского кр.). Жила в Ростове-на-Дону. Пережила с дочерью две оккупации города в 1941 и 1942–1943 гг. После войны работала лаборантом в детской поликлинике. Её муж — Лев Михайлович Серпик — военврач, прошёл всю войну.*

Письмо З. Серпик адресовано семье брата мужа — Исаака Михайловича Серпика (1907–1960). И. М. Серпик (в семье его звали Ина) был на фронте. Инженер-майор, награждён орденом Отечественной войны II степени (1945). Его жена — Елена (в письме — Леся) Яковлевна Серпик (Радзиковская) (1911–1998) и девятилетняя дочь (в письме — Реночка) — пережили первую оккупацию Ростова-на-Дону (21–29 ноября 1941 г.), после чего эвакуировались в г. Армавир Краснодарского кр., далее — на Урал.

Письмо З. Серпик — ответ на запрос о судьбе родных, оставшихся в оккупации.

Копия письма и фотографии переданы дочерью И. М. Серпика — Л. И. Ивановой (Москва).

14 марта 1943 г. [Ростов-на-Дону]

Леся, прочти письмо сначала сама

Дорогие Ина, Леся и Реночка!

Очень рада, что вы все живы, здоровы и что семья ваша вся в сборе, что вы были далеко и не видели того, что видела и пережила я. Голова моя поседела.

Немцы превзошли всё, что мы могли читать в газетах. К газете мы привыкли, читали в ней эпизоды о сём-то и о ком-то. Сами этих ужасов не переживали и относились к написанному именно как [к] эпизоду. От таких эпизодов голова ни у кого не седела.

Ина, мужайтесь. Поверьте, мне очень больно причинять вам этими строками горе. А горе большое, неизмеримое. Рано или поздно, но вы его должны знать. Оттягивать нет смысла, а, может быть, даже было бы вредно. Потом вы могли бы мне сказать: почему я не сказала правду сразу и что вы потеряли время для мщения, для борьбы.

Я много думала, прежде чем написать это письмо, и пришла к заключению, что знать вы должны всю горькую правду. Правду должны знать все люди, все национальности, все страны, весь мир. Чтобы не осталось ни одного человека, который бы не знал, что такое германский национал-социализм и фашизм.

Чтобы каждый из нас мог ответить на вопрос наших детей: «Что

такое национал-социализм и фашизм в Германии?» Ответ должен быть вполне ясный и определенный — это есть западная сила, которая несёт смерть людям, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на национальность.

Эта чума унесла много жизней, пока свирепствовала эта зараза в оккупированных районах нашей страны. Она же унесла жизнь мамы и Бети. Дима, вероятно, погиб тоже[1].

Все евреи, начиная с только что рождённого и кончая глубоким стариком, и все русские жёны евреев и их дети расстреляны. Русских людей расстреляно не меньше. Расстреляны: армяне, греки, грузины, калмыки и много людей других национальностей, которыми изобилует наша родина. У немцев логика короткая, как у грабителя и убийцы. Убить и ограбить.

Задача уничтожать людей в России для того, чтобы народ не смог отомстить за всё, что они натворили. Ограбить для того, чтобы быть богатыми, независимыми от других стран, быть владыками мира. Но этому не бывать. Так сказало наше Правительство, так скажет каждый человек нашей страны, так скажет весь мир. Нам нужно быть дружными, как пчёлы, в этой совершенно правой борьбе. Пусть среди нас не будет наивных, не веривших в своё правое дело. А среди нас есть ещё такие сомневающиеся, хотя их очень мало. Их нельзя даже назвать наивными, а скорей тупоумными, которые понимают своё положение только тогда, когда им не дадут куска хлеба и не направят дуло автомата или в тюрьме не выломают руки и ноги из суставов.

Пусть такие люди уйдут с дороги тех, кто знает, за что он борется. Пусть не мешают нашим беззаветным защитникам родины завоёвывать, отстаивать, защищать счастье жизни, даже для таких тупоумных.

Пусть вечно здравствует наша Красная Армия, все народы нашей великой родины, наш полководец тов. Сталин, наше Правительство, которое знает в чём жизнь и счастье народов нашего Союза.

Дорогой Ина, описать все ужасы, весь кошмар, пока здесь были немцы, в одном письме невозможно. Скажу только, что я и дочь моя были бы расстреляны тоже, как и все, если бы попались им в лапы. В течение семи месяцев, каждый час и днём и ночью, я ждала, что вот придут и расстреляют, и это было бы, если бы они оставались здесь

[1] Погибшие родственники: мать — Лидия Леонтьевна Серпик и её дочь — Берта Михайловна Серпик, которые после первой оккупации в 1941 г. выехали в Армавир, но вернулись в Ростов-на-Дону перед второй оккупацией; Дима — сын Л. М. Серпика от первого брака, подросток 14-16 лет. Вероятно, все они погибли в Змиёвской балке (место на северо-западной окраине Ростова-на-Дону, где 11–12 августа 1942 г. произошло самое массовое уничтожение евреев на территории РСФСР).

дольше. Участь всех оккупированных одна; только одних немного раньше, других немного позже, так как кому-то нужно работать на них. Знайте, что оккупация — это смерть. И чем раньше будет освобождена Россия, тем больше будет спасено жизней.

Много хотелось бы сказать, что́ я видела, что пережила за это время, но боюсь утомить Вас, слишком уж большое горе. Надо мужественно пережить всё. У Вас есть семья. О жертвах будем помнить вечно. Пусть пролитая кровь погибших возродит в сердцах живых мощную любовь к родине и великую ненависть к убийцам.

О Льве, Фире[1] и моих родных ничего не знаю.

Крепко всех вас обнимаю и целую. Зина.

Б. М. Серпик

Л. Л. Серпик с внуком Димой

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 71; 75, 77.

[1] Фира Михайловна Каган (Серпик) — сестра Исаака и Льва Серпик.

«РАССТРЕЛЯЛИ ИХ ВО ДВОРЕ»

Панасенко Евгения В. *— жительница г. Воронежа. В 1943 г., после освобождения оккупированной части города, вела переписку с дочерью погибших соседей — Дорой Яковлевной Иоффе (1914–1995).*

Д. Я. Иоффе родилась в г. Воронеже Воронежской губ. (ныне — областной центр). Перед войной жила в Москве. В 1941–1943 гг. с дочерью — Еленой (1936 г. р.) и сестрой — Раисой — находилась в эвакуации в г. Горький (ныне — Нижний Новгород). Родители Д. Я. Иоффе — Яков Соломонович (1866–1942) и Евгения Борисовна (1870–1942) — жили в Воронеже и были расстреляны оккупантами в августе 1942 г.

К одному из писем Е. В. Панасенко приложено свидетельство ***Клавдии Соболевой*** *с указанием места захоронения жертв.*

Копии писем и фотографии переданы дочерью Д. Я. Иоффе — Е. С. Кокановой (Москва).

Д. Я. Иоффе. Люберцы. 1932 г.

Письма Е. В. Панасенко Д. Я. Иоффе

18 марта 1943 г.

Т. Иоффе Д. Я.

Открытку вашу получили. Очень тяжело сообщать вам эту тяжёлую весть. Стариков Иоффе немцы расстреляли в их дворе в конце августа [19]42 г. Это мы узнали из рассказа Бондаревского Петра Фёдоровича, проживавшего по ул. Ср[едне]-Московской, дом 18. В данное время его в городе нет. Он нам сказал, что трупы находятся в щели[1] во дворе, мы хотели их обнаружить, но нам это не удалось, т. к. очень много снегу. Дом № 9 весь сгорел. Если только мы обнаружим трупы, то вам сразу сообщим.

Пишите по адресу гор. Воронеж, до востребования, Панасенко Жене.

[1] Щель — укрытие от бомбёжек и артобстрелов, вырытое в земле.

1 апреля 1943 г.

Тов. Иоффе Д. Я.

Я вам уже писала о стариках Иоффе. В данное время трупы обнаружены. Мы заявили в I отделение милиции. I отделение составило протокол. Трупы были убраны похоронным бюро. О всех подробностях можно узнать в 1 отделении милиции. Адрес: Воронеж, Мясная гора 17. I отд[еление] милиции.

Женя Панасенко

Записка К. Т. Соболевой[*]

На Средне-Московской улице немцы расстреляли Иоффе Якова Соломоновича и его жену Евгению Борисовну. Свидетельницей этого убийства была Наталья Ивановна Маркина, соседка Иоффе.

Братская могила в детском парке.

Мой адрес:

Воронеж, ул. Студенческая, дом 30, кв. 26, 3 этаж. Соболева К. Т.

Ехать от вокзала направо. Вторая остановка трамвая. Любого.

Остановка «Комиссариат».

тел.: 5-49-32. С приветом, Шурина подруга Клава.

Письмо Е. В. Панасенко Д. Я. Иоффе

6 мая 1943 г.

Уважаемая Дора Яковлевна, письмо ваше получила. Вы просите сообщить вам о ваших родителях. Напишу вам всё, что знаю. Ваших родителей я знаю около 3-х лет. Мы 2 года жили с ними в одном дворе (Ср[едне]-Московская, 9). В то время, когда мы там жили, у меня заболела мама, ваши родители очень хорошо за ней ухаживали, с этого времени мы их знаем. Вашего брата Абрашу я тоже хорошо знаю. О последнем времени их жизни мы знаем со слов соседей, которые здесь оставались. Мы ушли из города 6 июля[1] и находились всё это время на левом берегу в Сталинском р-не. Когда мы уходили, то звали ваших родителей с собой, но Яков Соломонович и Евгения Борисовна были очень слабы, последнее время Яков Соломонович очень часто приходил к нам и говорил, что здоровье у него плохое. Петр Фёдорович Бондаревский, житель дома

[*] Записка приложена к письму Е.В. Панасенко.

[1] 6 июля 1942 г. германские войска захватили правобережную часть Воронежа. Полностью город был освобождён советскими войсками 25 января 1943 г.

№ 18, и Марфуша, домработница Сумма, говорят, что у ваших родителей жили ещё какие-то старухи, их постигла та же участь. Пётр Фёдорович Бондаревский был очевидцем, он говорил, что, когда вышел из дому, то увидел, что Евгению Борисовну расстреливали, в это время Яков Соломонович вышел из квартиры, и его постигло то же. Это, по словам П. Ф. Бондаревского, произошло в конце августа.

Когда мы пришли в город после его освобождения, то сразу заинтересовались, где Иоффе, но нам рассказали всё то, что я вам написала. Остальные жильцы, т. е. Перельсон Марк Львович, Зинаида Исаак[овна] и Ливияс, две сестры, тоже были расстреляны. Раиса Абрамовна Перельсон со своей семьёй и Сумм выехали ещё в сентябре [19]41 года, а остальных постигла та же участь, что и ваших родителей. Нам сказали, что Иоффе были расстреляны немцами тут же во дворе и сброшены в щель. Когда мы пошли туда, то это было так. Моя мама, т. е. Панасенко Надежда, опознала их по одежде и лицу, точных лет их она не знала, и поэтому вышла разница между годами. Это всё, что я знаю.

Остаюсь с уважением к вам, Панасенко Женя.

Если будете в Воронеже, заходите. Ср[едне]-Московская, 18.

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 84, 87, 88, 90; 80.

«ПИШИ ПРАВДУ: ДЕТИ НЕ ГОЛОДАЮТ?»

Х. Е. Хаит

***Хаит Хона Ефимович (1906–1943)**. Родился в г. Двинске Витебской губ. (ныне — Даугавпилс, Республика Латвия). С 1936 г. жил в г. Уфе Башкирской АССР (ныне — Республика Башкортостан). Оттуда был призван в РККА. Красноармеец, разведчик 144-го отд. миномётного полка 2-й ударной армии Волховского фронта. Погиб 6 июня 1943 г. Похоронен в пос. Синявино Ленинградской обл. на территории мемориала «Синявинские высоты».*

Письма Х. Е. Хаита адресованы жене — Эле Давыдовне Гольцман (в письмах — Оличка), дочери — Эсфири (1934 г. р.) и сыну Борису (1939 г. р.) в Уфу. В письмах упоминаются сёстры Э. Д. Гольцман — Рая (Раиса Коган) и Соня (Софья Рубина), а также их мать — Инда Гольцман.

Копии писем и фотография переданы сыном Х. Е. Хаита — Б. Х. Хаитом (Москва).

Письмо Х. Е. Хаита дочери

16 апреля 1943 г.

Здравствуй, дорогая дочка Фирочка. Сообщаю тебе, что я жив и здоров.

Почему, доченька, ты мне никогда не пишешь? Хотя бы написала, как твоё здоровье и Борькино. Как ты живёшь, ходишь в школу и как ты учишься и т. д.?

Теперь пиши про маму, что она делает, слушает ли её Борička, он хороший хулиганчик был, а сейчас ещё хлеще. Он стал уже, наверное, большой, а ты тоже выросла большая барышня? Ты ведь у меня умница, Фирочка, надо папке писать, а ты писать можешь? Проси, мама тебе поможет написать. Фирочка, проси маму, чтобы она с вами сходила в фотографию и снимала тебя и Борю, и мне пришлите карточку. Что я вас год почти не видал. Будь здорова, дочка.

Слушай маму. Привет бабушке.

Твой папа, который хочет вас видеть. Скорее.

Хона.

Письма Х. Е. Хаита жене и детям

24 апреля 1943 г.

Здравствуй, дорогая Оличка и дорогие детки Фирочка и Бориска!

Сообщаю, что я жив и здоров.

Вчера я получил от тебя сразу два письма, от 29.03 и 04.04, за которое я был очень рад. Дорогая Оличка, я хочу тебе [написать] и каждый раз забываю, что, когда ты пишешь мне письма, то марки не нужны, а ты каждый раз наклеиваешь марки.

На днях я написал письмо на фабрику на имя Фишмана, и я очень просил его, чтобы он помогал тебе в отношении, если нужно будет для тебя и ребятам ботиночки или что-нибудь ещё. <…>

Уже я доволен, что ты деньги получила — и быстро, в течение 15 дней.

Оличка, ты писала мне, что я сэкономил, накопил и тебе прислал, не так, они у меня были и лежали без пользы. Я решил лучше отложить. Тебе они лучше пригодятся. Саламонка взяли в армию недавно, но у него нога больная, или он вылечил её. Трудненько будет без него, Рая работает на заводе. А Сёма здесь? Передай ему привет, Фане и ребятам. Одна ты мне про детей мало пишешь. Как Фира, как Боря — как он говорит, была ли ты с ним у врача? Если не была, то надо сходить. Обязательно.

Оличка, я несколько раз писал и просил фотографировать детей и прислать мне карточки. Хотя бы 2 штуки будет хорошо. Интересно, Лёня ещё работает на фабрику? Он спрашивает про меня когда-нибудь? Будь здорова, передай привет всем ребятам и знакомым передай привет. Целую детей.

Твой друг жизни, Хона.

28 мая 1943 г.

Здравствуйте, дорогая Оличка и дорогие детки Фира и Боря. Сообщаю вам, что я жив. 17.05 я получил от вас 2 письма, то есть от тебя и от Раи Давидов[ны]. За которые я вам очень благодарен, и это Фирочка написала сама [на] отдельный листок. Она очень хорошо пишет. Мне бы фотокарточки их получить.

21.05.1943 я выслал тебе, Оличка, 400 рублей. При получении — сообщи. Дальше насчёт табака — мне не присылай сейчас. Получаю,

и вполне хватает, даже остается. Насчёт здоровья вот у меня пока плоховато. С 21.05.1943 года меня положили в санчасть, страдаю ногами, прямо трудно стало шагнуть. Появились на ногах фурункулы, ни то цинга, ни то язва — не знаю. Меня лечат основное тем — переливание крови, но беда в том, что переливать особенно нечего. Дальше на руке палец болит, недавно пришлось его опять вскрывать. Идёт на улучшение с правой руки указательный палец. Я очень ослаб. Врач велит сидеть побольше на солнце, но бывают и дожди, что не будешь сидеть на улице.

Ну, дорогая Оличка, я тебе пишу про своё здоровье, а ты будешь, наверное, думать, что, наверное, ещё хуже. Я тебе пишу правду, потому что ты спрашиваешь всё время о здоровье, но это всё пройдёт.

Будь здорова! Целую детей, привет всем родным.

Ваш папочка, который хочет вас всех видеть!

30 мая 1943 г.

Здравствуй, дорогая Оличка!

И милые дети Фирочка и Боренька!

Сообщаю, что я жив и здоров. Ваши письма я все получил и всем я отвечаю. Написал я сегодня тебе, Рае и Гене, я всем благодарен за письма и за внимание. Дорогая Оличка, я ещё нахожусь в санчасти, но скоро, наверное, выпишут, ибо я чувствую себя лучше. Хожу и не так больно.

Оличка, я тебе выслал 400 рублей. При получении тут же сообщи.

Как насчёт фотокарточки, что ты мне обещала выслать? Я думаю, что не так уж легко, но и не так уж тяжело сфотографировать детей. Пять минут для карточки. Мне очень хотелось видеть их. Тебя я уже представляю, как ты выглядишь. Похоже на меня здорового, постарела. Хотя я сейчас голову побрил, стал намного моложе. <…>

Ну, Оличка, пиши, как ты живёшь с детьми? Ведь в такой дороговизне прожить, ведь много надо. Как ты пробиваешься с ребятами? Пиши правду, дети не голодают? И ты сама во многом себе отказываешь? Я тебе последний раз пишу, не будь упрямой, а моё барахло можешь всё продать. Продай пальто, костюм, сапоги, ботинки, брюки и так далее.

Если жив останусь, приду домой, то это барахло сумеем нажить. От Фани в пример не бери. Сама с ребятами зиму голодает, а мужу барахло что-нибудь продать жалела. Лучше они будут голодать — таких примеров не бери. Вещи — это дело нажитое, а здоровье, если сам потерял, так скоро не вернёшь.

Будь здорова, береги своё здоровье и детей.

Твой Хона.

1 июня 1943 г.

Здравствуйте, дорогая Оличка и дорогие детки, Фирочка и Боречка.

Сообщаю вам, что ваш незабвенный папочка жив и здоров, чего от всей души вам желаю. Дорогая Оличка, я всё ещё нахожусь в санчасти сегодня. Был на приёме. Врач хорошо и внимательно осмотрел ноги (язвы) на ногах и говорит, что хорошо, скоро будете шагать вовсю. Делали опять переливание крови и перевязали, и всё в порядке. И действительно, чувствую себя сейчас намного лучше. Хожу и сижу на солнце. Принимаю солнечные ванны, конечно, когда солнце есть, а то 3 дня были холодные, ветреные. Погода, да ещё дождливая, то эту процедуру принимать нельзя было вообще. Погоды в Ленинградской области, погоды.

Завидовать нельзя. День — холод, день — ветер, день — дождь, день — солнце, и так далее. Да, Оличка, я забыл Гене ответить в письме на её вопрос, как у меня с желудком. Желудок у меня работает на все 100%. Только было бы побольше, чтобы желудок перерабатывал, а так, всё в порядке.

Два дня тому назад я написал тебе письмо.

Рае и Гене и так как свободное время я сейчас имею, решил ещё письмо написать. Оличка, мне интересует этот вопрос про Лучовкина, ты слыхала? Или ничего не знаешь о нём? Он погиб уже более двух месяцев тому назад, я тебе писал про него несколько раз, но ты про него ничего не спрашивала. И Федосимов, который вёз тебя в Уфу из Покровки, также погиб уже более м[ося]ца, также я уже тебе писал. Ну ладно, пиши из своей жизни. Как ты с ребятами живёшь, как мамаша поживает? Как её здоровье? Как родня живёт? Адольф и Таня приходят к тебе часто? Уже раз в год по обещаниям; Исаак, Соня ходят, наверное, часто, навещают тебя.

Пиши. Всё, будь здорова! Привет Мамаше. Рае, Борису с ребятами, Соне, Арону с ребятами, Науму и Хане и Гене с ребятами, Исааку и Соне с дочерью, Адольфу (Тане), Рахили, Хациму и Марлу с детьми. Гигель с семьёй. Желаю всего хорошего!

Твой Хона.

4 июня 1943 г.

Здравствуйте, дорогая Оличка и дорогие детки Фирочка и Боречка!

Сообщаю, что я жив и здоров. На днях я получил от Гени 2 письма, за которые я ей конкретно очень благодарен. Сегодня пишу тебе и Гене письма. Могу сообщить тебе, что сегодня меня выписали из санчасти, что я выздоровел уже и на вид поправился. Хорошо, что ни-

чего не делал, отдыхал, спал и ел — всё. Дорогая Оличка, мне Геня писала, что ты была у них с ребятами, заказала шить Борьке (озорнику) костюмчик, мне бы хотелось увидеть в нём и как он воображает в костюмчике. Фотокарточки от детей я не дождусь. Наверное, скорее война кончится!

В конце [19]43 года война закончится — это сбудется, будет здорово.

Целую крепко детей. Привет всем!

Твой Хона.

Письмо Х. Е. Хаита дочери

[Без даты]

Здравствуй, дорогая доченька Фирочка!

Как ты поживаешь, как ты учишься?

Ходишь ли ты сейчас в школу, и как твои успехи в учении? Напиши мне, я буду очень рад. Как Боричка поживает? Не обижаешь ли ты его?

Боря стал, наверное, большой мальчик.

Слушайте маму. Мама из-за вас не плачет?

Так вот, Фира, ты большая и умная девочка, слушай маму и смотри, чтобы мама из-за вас не плакала, скоро я приеду домой, будем опять жить вместе.

Твой папа, Х. Хаит.

Письмо однополчан Х. Е. Хаита Э. Д. Гольцман о смерти мужа

7 июня 1943 г.

Тов. Гольцман!

Бойцы и командиры Н-ского подразделения шлют Вам горячий товарищеский привет и соболезнуют о смерти Вашего мужа — Хаита Хоны Ефимовича.

Ваш муж, Хаит Хона Е[фимович], был одним из самых дисциплинированных, бесстрашных бойцов нашей славной армии. Он участвовал в наступательных боях по прорыву блокады города Ленина. В этих боях показал себя преданным, стойким воином Красной Армии. За что был он [у]достоен награждения медалью «За оборону гор. Ленинграда»[1]. Но фашистская кровавая пуля вырвала из наших рядов пла-

[1] Правильно — «За оборону Ленинграда».

менного бойца. 5.VI.43 года он пал смертью храбрых при выполнении боевого приказания. Наши бойцы и командиры перед гробом Хаита поклялись отомстить и уничтожить немецких захватчиков за жизнь и детей погибшего нашего бойца.

Вы, товарищ Гольцман, будьте спокойны, наша славная Родина будет помогать воспитывать Ваших детей. Вы работайте на трудовом фронте с удвоенной энергией.

Командир подразделения лейтенант: [подпись]

Парторг подразделения ст[арший] сержант: [подпись]

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 590, 591, 594; 597.

«ПОГИБ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА, КАК НАПИСАЛ ВАМ ПИСЬМО»

Ш. Г. Коган

***Коган (Каган) Шая (Александр) Гиршевич (Григорьевич) (1905–1944)**. Родился близ г. Березино Минской губ. (ныне — Минской обл., Республика Беларусь). В 1929–1930 гг. служил в РККА. Жил в БССР, перед войной с семьёй переехал в г. Выборг Ленинградской обл. На фронте с июня 1941 г. Лейтенант, командир батареи артполка. В 1943 г. был ранен на Волховском фронте. Погиб в ночь на 13 февраля 1944 г. у д. Букштыны[1] Витебского р-на Витебской обл. БССР (ныне — Республика Беларусь). Позднее перезахоронен в братской могиле № 4420 в д. Шапуры.*

Письма Ш. Г. Кагана адресованы жене — Галине Сергеевне Струлёвой и дочерям — Евгении (в письмах — Жемочка) (1935 г.р.) и Марине (Рине) (1941 г. р.), эвакуированным в г. Казань Татарской АССР (ныне — Республика Татарстан). Письмо о гибели Ш. Г. Кагана адресовано его жене.

Копии писем и фотография переданы дочерью Ш. Г. Кагана — М. А. Струлёвой и внуком — А. М. Струлёвым (Казань).

6 мая 1943 г.

Жемочка, вчера получил твою открытку. Спасибо. Я давно не писал тебе. Некогда и негде было, а потом заболел. Пиши, как учишься? Риночка уже выросла большая?

Я скоро поправляюсь и поеду опять воевать. Целую крепко, папуля.

Галя, письма пишите по адресу Эммы, ибо пока придёт ответ, меня уже выпишут, а Эмма мне перешлёт. Целую, Шура.

[1] Ныне не существует.

4 февраля 1944 г.

Галя!!!

Я уже несколько дней не писал, всё хотел узнать свой адрес. Ну, теперь я уже на месте, то есть в полку. Но на какую работу определят меня — не знаю. Пока временно остались в штабе работать. Прибыл я как раз к началу доставки. Пока письмо доедет, уже, наверное, в газетах будет напечатано о нашем продвижении. Правда, продвигаться очень трудно во всех отношениях, да к тому же, погода такая противная дождь, грязь, юнец, умазанный в глине, что смотреть страшно.

Галя, по этому адресу пиши ответ сразу. Пиши, что слышно, как живёте? Хочется скорее узнать, как вы там живёте.

Пока кончаю. Целую крепко, Шура. Привет всем домашним. Через пару дней напишу более подробное письмо. Если, конечно, обстановка позволит.

13 февраля 1944 г.

Галя!!!

Уже почти месяц как я уехал, а от тебя ещё ничего не имею. А так хотелось бы знать, что у вас делается? Как живёте? Как Маринка живёт?

У меня пока нового нет ничего. Пока жив и здоров. Дома буду, правда, не особо быстро, но всё же продвигаемся вперёд. Хотел я вчера помыться в бане, но не удалось построить баню. Надо день, а то и два вечером собираться идти в баню, а днём, если <…>* было как-то тихо, но фриц начал наступать, пришлось оставить всё и приступить к стрельбе. Результатом оказалось, что мы заняли большую деревню, ибо она вся спалена, она ещё и теперь горит вовсю. Теперь 2 часа ночи, сижу в немецком блиндаже. Это впервые за всё время, что ночую в помещении. Немцы нам оставили немного рому, лимонов. Переодел я бельё шёлковое, новое, и думаю заснуть часа в 3, если только будет тихо. Вот это все мои новости. Галя, я передам начальнику свою расчётную книжку, и он должен тебе выслать деньги. Когда получишь, то напиши мне. Пиши, что нового у вас? Купила ли ты картошку мне? Тут хватает, что купить, но нет аппетита. Кушаю один раз в день, а то бывает, что пока принесут обед, ухожу дальше, и так остается. Но ничего.

Ну, пока. Всего. Целую крепко. Привет всем домашним.

Шура.

Адрес мой. Полевая почта 08779 В

* Одно слово неразборчиво.

Письмо старшего сержанта Колоскова Г. С. Струлевой о гибели мужа

14 февраля 1944 г.

Здравствуйте, Галина С[ергеевна].

Во-первых, приятно получить от мужа письмо, да ещё любимого, но неприятно получить такие вести, какие пишу я и посылаю вам в одном письме.

Сообщаю вам, что ваш муж, а может быть, брат Коган Ш. Г. погиб при выполнении боевого задания в борьбе с немецкими оккупантами 12-II-44 г. 3 ч. 00 м. после полчаса, как он писал вам письмо. Прошу вас не расстраиваться, а быть героиней в упрёк погибшего вашего мужа.

С боевым приветом,

Ст[арший] сержант. Подпись.

Документы и фотокарточки будут высланы в следующем письме.

14-II-44 г. Колосков.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 600, 601; 605.

«ВСЕМУ ЕВРЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ НАДО БЫЛО ЯВИТЬСЯ НА СБОРНЫЙ ПУНКТ»

Ольга и Арутюн Хитарьян. Ростов-на-Дону

***Хитарьян (Глумова) Ольга Аркадьевна (1914–1984)**. Родилась в г. Ростов Области Войска Донского (ныне — Ростов-на-Дону, областной центр). В годы войны находилась в оккупации в Ростове-на-Дону с сыном Георгием (1939 г. р.). Её муж — старший сержант Арутюн (Артём) Георгиевич Хитарьян (1902–1944) — погиб на Белорусском фронте.*

Письмо О. А. Хитарьян адресовано из Ростова-на-Дону в Москву Михаилу (Мойше) Израилевичу Йоффе (1898–1983) — сыну бывших соседей, убитых в Змиёвской балке, — Израиля Абрамовича Йоффе (1870-е — 1942) и Фейги Лазаревны (Лейзеровны) Йоффе (Пац) (1870-е — 1942).

Михаил Йоффе родился в семье раввина. До Первой мировой войны жил в мст. Ширвинты Виленской губ. (ныне — г. Ширвинты, Литовская Республика) с отцом, матерью и братьями — Борисом

(Борухом) (1900–1984)[1] и Шимоном (Симоном) (1902–1985). Михаил и его братья учились в хедере[2]. В 1915 г. семья была выселена в г. Ростов. После революции 1917 г. Михаил Йоффе жил, главным образом, в Москве. Учёный-химик, перед войной работал на Первом заводе синтетического каучука в г. Ярославле. Награждён медалью «За оборону Москвы».

Шимон в 1924 г. эмигрировал во Францию, где женился на польской еврейке Алис Дрилевич; в браке родились трое детей — Жорж (1939 г. р.), Элен (1944 г. р.) и Флоранс (1947 г. р.). В 1938 г. получил гражданство. С началом Второй мировой войны был призван во французскую армию. После капитуляции Франции с семьёй скрывался в центральной части страны. В 1964 г. передал письмо братьям в Москву — с гастролировавшей в Париже труппой Большого театра. Михаил и Борис до того момента были убеждены, что Шимон в 1924 г. уехал в г. Монтевидео (Уругвай). Первая их встреча состоялась в Москве в 1965 г.

Борис в конце 1920-х, как нэпман[3], был сослан со своей семьёй в Тюменскую обл. Перед войной переехал в Москву. В 1941 г. — начфин 22-го Бронетанкового ремонтного завода. Призван в РККА в октябре 1942 г. Красногвардейским РВК. В дальнейшем служил в системе снабжения ГСМ, дошёл до Берлина, где находился до 1947 г. Жена — Розалия Матвеевна и дочери — Елена и Наталия в 1941 г. — были эвакуированы в Саратов. Б. И. Йоффе служил в Советской Армии до 1964 г. Подполковник. Получив известие о родственниках за границей, ушёл из армии и около 15 лет проработал в НИИ шинной промышленности.

Копия письма и фотографии переданы внуком Б. И. Йоффе — Б. Н. Ройзом (Москва) и внуком О. А. Хитарьян — А. Г. Хитарьяном (Ростов-на-Дону).

<u>26 мая 1943 г.</u>

Михаил Израилевич!

Я соседка ваших родителей, сообщаю о них, что знаю.

11 августа 1942 г. по приказу немецкого командования всему еврейскому населению надо было явиться на сборный пункт для отправки их на новое место жительства (взяв с собой все ценности и первые необходимые вещи), и вот бабушка и дедушка взяли чемодан с мешочком, пошли и больше не вернулись до сего времени.

---

[1] В личных документах год рождения сознательно изменён на 1898-й.

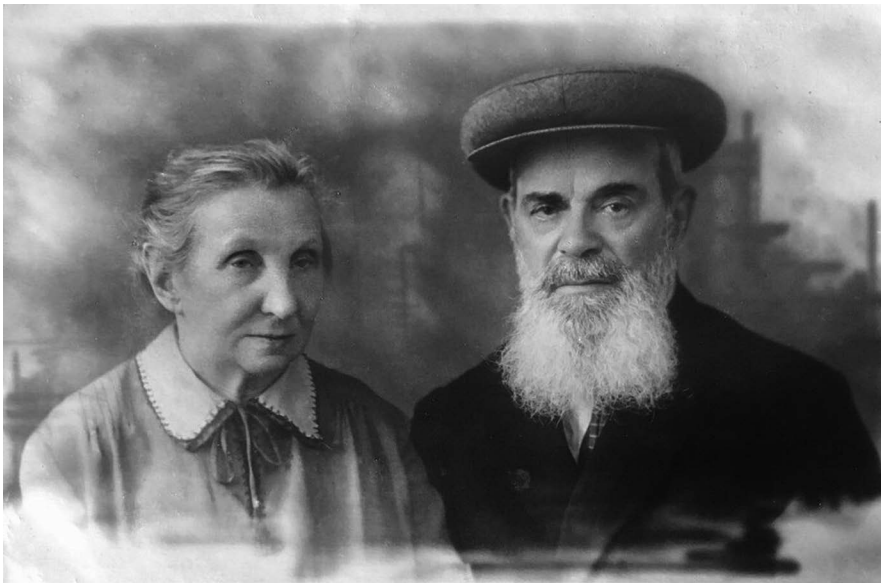
[2] Еврейская религиозная начальная школа.

[3] Советский предприниматель в годы Новой экономической политики (НЭП).

Последнее время они очень плохо жили, бабушка очень болела, чуть не умерла, мы за ними ухаживали, прибирали у них, давали кушать и носили воду. Как мы уговаривали ещё в первые дни войны, когда был мой муж дома, чтобы они уехали к детям, бабушка соглашалась, а дедушка — нет. Комната проходная, где они жили, пока пуста, мы всё думали, может быть, они приедут, и [мы] обстановку от немцев скрыли (гардероб, 2 малые кроватки, столик и сундучок), они по-прежнему стоят в комнате — и больше ничего.

Напишите, что с ними делать. Если приедете, возьмите, или просто пришлём вам деньги.

С приветом, [подпись]



Фейга и Израиль Йоффе. Ростов-на-Дону

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 102; 101, 103.

«СРЕДИ ЕВРЕЕВ ЕЩЁ МНОГИЕ НЕ ВЕРЯТ В ЖЕСТОКОСТЬ НЕМЦЕВ»

***Криворучко Семён Семёнович (1897 — не ранее 1960 г.)**. Родился в с. Геническ Таврической губ. (ныне — г. Геническ Херсонской обл., Украина). Окончил Харьковский технологический институт (ныне — Харьковский политехнический институт). Работал инженером-коксохимиком. После начала войны не смог эвакуироваться и находился в оккупированном Харькове с 24 октября 1941 г. по 16 февраля 1943 г. С середины декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. — узник Харьковского гетто. Чудом избежал казни[1]. 16 февраля 1943 г., после временного освобождения города в результате Харьковской наступательной операции[2], перешёл с семьёй линию фронта, затем был направлен на работу в шахту в г. Сталиногорск Московской обл. (ныне — Новомосковск Тульской обл.). В августе 1944 г. призван в РККА. Гв. рядовой, санитар 43-го гв. сп 16-й гв. сд (3-й Белорусский фронт). Участник боёв в Восточной Пруссии. После ранения направлен в эвакогоспиталь № 1478 в г. Нерчинск Читинской обл. (ныне — Забайкальского кр.), затем до марта 1945 г. лечился в Москве. Оттуда отправил письмо с описанием жизни в оккупации писателю И. Г. Эренбургу[3]. По излечении зачислен в 33-ю запасную сбр в г. Муром Владимирской обл., далее служил в 321-й отдельной роте военно-почтовой распределительной базы. Награждён медалями «За отвагу» (1944) и «За боевые заслуги» (1945). После войны работал по специальности в Харькове. В 1949–1964 гг. изданы его учебное пособие «Машинист коксовых печей» и другие учебники по коксохимии. Публикуемое здесь письмо-воспоминание — первое[4] из свидетельств С. С. Криворучко о Холокосте.*

Письмо С. С. Криворучко из г. Сталиногорска адресовано его тёте.

Машинописная копия письма передана А. Л. Амстиславским (Харьков).

---

[1] Со 2 января 1942 г. в овраге Дробицкий Яр близ Харькова были расстреляны около 9000 евреев.

[2] Харьков вновь был захвачен германской армией в середине марта 1943 г.; окончательно освобождён в августе 1943 г.

[3] И. Г. Эренбург совместно с В. С. Гроссманом с 1943 г. работал над составлением «Чёрной книги» — сборника литературных очерков об уничтожении евреев на территории СССР и Польши. В газете «Эйникайт» («Единство») Еврейского антифашистского комитета был опубликован призыв присылать свидетельства о преступлениях оккупантов.

[4] С. С. Криворучко, изменяя некоторые детали, как минимум трижды описывал своё пребывание в оккупации: в письме тёте (публикуется в данном сборнике), в письме И. Г. Эренбургу, ещё один вариант воспоминаний опубликован в «Неизвестной “Черной книге”» (М., 2015. С. 85–99).

3 августа 1943 г.

Дорогая тётя!

Сейчас пришёл на шахту и получил Ваше письмо от 22.07. Живу я сейчас значительно лучше, чем первое время. От Толи получил первую посылку и приоделся, а главное, надел чистое бельё, которое не менял почти с февраля месяца. От Лины и Ниночки имел несколько писем. Лине, бедняжке, приходится очень тяжело. Ниночка же не служит уже в госпитале, готовится продолжать свои занятия, и им приходится сидеть на одном пайке.

У меня сердце разрывается, когда я чувствую своё бессилие им помочь.

Только благодаря Лине я остаюсь жив. Ещё тогда, когда прожил 2 недели в еврейском лагере, за тракторным заводом, она с опасностью для жизни прошла 1 раз в бараки, приносила мне еду и, главное, поддержала морально. Затем, когда я скрывался, не будь её, меня некому было бы скрывать, кормить.

Вы спрашиваете, как я вырвался из когтей немецкого зверя. Кажется, я Вам писал уже раз, но повторяю ещё раз.

С 15.12. до 2.1-42 г. нас, около 18000 чел., продержали в лагере за Тракторным заводом. Условия жизни там были ужасные. Не разрешали доставлять не только еду, но даже воду. Ведро воды доходило до 100 руб. Жили в бараках, полуразрушенных, и в такой тесноте, что пройти по комнате можно было с трудом. Многие, особенно старухи, за 2 недели ни разу не прилегли, и ноги у них поопухали. С голоду умирало по 30-40 человек в день. Кроме того, немцы убивали без всяких причин по 20-30 человек ежедневно. Ходили по комнатам, грабили, а при малейшем сопротивлении убивали.

2.1 из нашего и соседнего бараков вывели всех способных ходить на ногах, мужчин, женщин, детей в количестве 1500 чел., и сказали, что эвакуируют нас в Полтаву. Вещи велели увязать и оставить во дворе лагеря. Повели нас не в Полтаву, а за Тракторный завод в глубокую балку. Балка была усеяна разным тряпьём от предыдущей партии. Балка была окружена двойным кольцом часовых: снизу полицейские, а сверху немцы — стояли через 3-4 метра один от другого. Кроме того, тут же стояли машины с пулемётами. Для всех стало ясно, для чего нас сюда привезли. Поднялась душу раздирающая картина. Истерические крики, вой, вопли, плач, матери душили детей. Появились сумасшедшие. Я стоял как истукан. В голове почти никаких мыслей, кроме того, что на моей могиле не будет и памятника. Тут я встретил Лизу Бук. Незнакомые люди целовались и прощались друг с другом, вынимали из карманов еду, угощали друг друга, деньги рвали на клочки, а ценно-

сти ломали или втаптывали в снег. Одним словом, ужас этой картины одними словами передать нельзя. На улице стоял мороз в 25°. Посредством палок немцы отделяли от колонны небольшие группы по 100 человек и, прогнав их вперёд метров на 50, заставляли раздеваться. Раздетых гнали за выступ оврага, откуда время от времени раздавались взрывы. Немцы боясь, чтобы оставшиеся не разбежались с отчаяния, начали раздевать в 2-х местах. Я и не заметил, как за моей спиной раздался крик немца, который длинной палкой погнал ту группу, где я был, вперёд. Но впереди появился другой немец, кричавший, чтобы мы взяли влево, где был организован второй «раздевалочный» пункт. Появилось маленькое замешательство обречённых. Часть подалась назад, я рванулся влево и вдруг прохожу сзади грузовой крытой машины, куда складывали 2 ребят-евреев по приказу немцев вещи казнённых. Вмиг я вскочил в машину, и ребята закидали меня вещами. Неподалеку стоящие немцы этого не заметили. Эти же ребята тоже спрятались в машине среди вещей. Я начал задыхаться из-за отсутствия воздуха и кричать. Тогда один из ребят немного раскидал одежду надо мной, и мне стало легче. Привезли нас во двор «Гестапо» [так в тексте — Сост.]. Там во дворе был построен специальный новый деревянный навес, который уже был набит вещами убитых до нас евреев. Открыли машину и нас обнаружили. Мы включились в выгрузку и начали выбрасывать вещи наружу, а там стояло 10 человек заключенных, которые передавали вещи с рук на руки и укладывали вещи под крышу навеса. Когда окончили выгрузку, я хотел соскочить на землю, но тут подошёл немецкий офицер и загнал нас 3-х обратно в машину. Затем нас закрыли в машине и отправили назад на место казни. С тоской смотрели мы друг на друга. Один из них говорил, что он потерял уже свою мать и сестру, так как при выгрузке узнал их вещи. Затем мы решили попробовать бежать из машины. С обоих боков были большие оконца, в которых были вставлены большие рамы. С помощью случайно оказавшегося в машине топора мы вынули всю рамку целиком, и образовалось большое отверстие. Первым на ходу выбросился я. Мы проезжали уже по окраинам города. Упав, я потерял сознание, но, как видно, нашлись добрые души, которые оттянули меня с дороги на тротуар, привели в чувство и поставили на ноги. Я пришёл в себя, уже будучи на ногах. При падении кости оказались целы, но всё тело было в огромных ушибах, а на глазу огромный синяк. Мне показалось почему-то, что я иду из сумасшедшего дома, но затем, ощупав руками за пазухой 3 куска сала, подобранных мною при разгрузке машины, я уверился, что я ещё жив. Потихоньку дошёл до дома, куда Лина была переселена ещё при мне. Переночевав в комнате всего одну ночь в доме, на следующий день Лина устроила меня в квартире у своей под-

руги, где я прожил 6,5 месяцев, скрываясь, не выходя даже в коридор, в условиях страшного голода, холода и страха, что если поймают, то повесят и меня, и Лиину, и Ниночку. Затем 4 месяца ходил по сёлам[1]. К зиме вернулся обратно в Харьков, где прожил, опять скрываясь, до прихода Красной Армии.

О моём сидении в комнате, хождении по деревням тоже можно написать целую книгу.

Ежедневно был на волоске от смерти. Когда-нибудь увидимся, и расскажу подробно.

При отходе из Харькова в марте с[его] г[ода] я, Лина и Ниночка были под страшной бомбёжкой и под пулемётным огнем на самой линии фронта, но всё пока окончилось благополучно.

Кончаю письмо. Прочти его сама и дайте читать другим. Среди евреев есть ещё много таких, которые не верят в жестокость немцев. Пусть они убедятся из писем непосредственно переживших эти ужасы.

Целую вас всех крепко, Сёма

Тётя, в адрес угольной промышленности, говорят, принимают посылки, если можно, то я был бы Вам очень благодарен, если б прислали сухих фруктов.

АНПЦХ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 111.

[1] В письме И. Г. Эренбургу С. С. Криворучко сообщал, что после своего побега он все девять месяцев укрывался у жены и падчерицы.

«САЛЮТЫ МОСКВЫ НЕЗРИМОЙ НИТЬЮ СОЕДИНЯЛИ НАС»

Я. Ю. Попелянский. Апрель 1945 г.

Попелянский Яков Юрьевич (Иегудович) (1917–2003). *Родился в с. Самгородок Киевской губ. (ныне — Винницкой обл., Украина). Там во время еврейского погрома в 1919 г. был убит его отец. В 1935 г. Я. Ю. Попелянский окончил в г. Виннице Первую среднюю школу им. Л. Н. Толстого (ныне — Гуманитарная гимназия № 1 им. М. И. Пирогова). В 1940 г. окончил 1-й Московский медицинский институт (ныне — Первый МГМУ им. И. М. Сеченова). В том же году призван в РККА. На фронте с июня 1941 г. С осени 1941 г. служил в 233-м иап 6-го иак ПВО, с августа 1943 г. — старший врач 836-го бап 113-й отд. бад. Воевал на Западном, Брянском, Ленинградском, 1-м Белорусском, 3-м Белорусском и Забайкальском фронтах. Службу окончил в 1946 г. в Маньчжурии в г. Дайрен (ныне — Далян, КНР). Капитан м/с. Награждён орденом Красной Звезды (1945), медалями «За боевые заслуги» (1944) и «За оборону Москвы» (1945). В 1947–1950 гг. — аспирант Института неврологии АМН СССР. Работал в медучреждениях Кишинёва, Новокузнецка, Москвы, Куйбышева (ныне — Самара), д. м. н. (1963). С 1967 г. — зав. кафедрой нервных болезней Казанского медицинского института (ныне — КГМУ). В 1989–1992 гг. — руководитель Всероссийского центра вертеброневрологии при Казанском мединституте. Профессор, автор фундаментальных работ по неврологии. Заслуженный деятель науки РФ, почётный член Евро-Азиатской академии медицинских наук. С 2000 г. жил в г. Сиэтл (США).*

Тётя Я. Ю. Попелянского с мужем и детьми погибла в оккупации.

Письма Я. Ю. Попелянского адресованы невесте — студентке Московского авиационного института, Галине Абрамовне Блиндер (1923–2015) в Москву. В августе 1941 г. она уехала в г. Бузулук Чкаловской (ныне — Оренбургской) обл., оттуда — в Казань, где продолжила учёбу в Казанском авиационном институте (ныне — Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева). Вернулась из эвакуации в Москву летом 1943 г. В 1947 г.

вышла замуж за Я. Ю. Попелянского.

Одно письмо Я. Ю. Попелянского адресовано родным невесты в Москву.

Копии писем и фотографии переданы М. А. Подольской (Казань) — автором книги «Война и мир профессора Якова Попелянского» (готовится к публикации).

Письма Я. Ю. Попелянского Г. А. Блиндер

29 октября 1943 г. [дер. Жировка Смоленской обл.]

Галочка! Если бы мне четыре года тому назад сказали, что молодость моя будет протекать в армии, я воспринял бы это как смертный приговор. Я по складу своему человек сугубо штатский, никак уж не армеец. А между тем, я ношу шинель четвёртый год, и большинство моих товарищей находят, что я на своем месте. Может быть, это и так, но это достигается ценой мучительных усилий. Теперь, в условиях войны, только подлец не прилагает всех стараний своих, чтобы быть в армии на своем месте. Поэтому-то и работаешь во всю силу свою, «становясь на горло собственной песне»[1]. А собственная песня там, в будущем. Я тебе писал уже, как дорог мне мой труд. Но, вместе с тем, я люблю свободу, капризную, прихотливую свободу распоряжаться своим временем. Это пока мечта, кощунственная фантазия. Хотелось бы читать любимые книги, слушать любимую музыку, хмелеть театром. Хочется общения с интересными, умными друзьями. С ними шире взор, глубже дыхание жизни. Нет пока что у меня этих друзей. Не время. Все эти лишения способны сделать из страстного человека сплошной концентрат жажды. Заметь, над этой жаждой, над всеми этими помыслами — твой образ, моя нежная, далёкая мечта. И все страсти, весь ветер юности, шальной, благоухающий ветер, приходится подавлять во имя тяжёлой, необходимой борьбы.

Я бесконечно счастлив, что ты в студенческом коллективе, живом, полном умственного движения и благородных порывов. Хотелось бы только, чтобы ты сумела упиться этой удачей, чтобы не прошло мимо тебя счастье студенческих лет.

Ты пишешь, что живёшь надеждой на будущее. Это хорошо. Я хотел бы, чтобы ты в своей надежде не прозевала музыку настоящего, научилась искусству ощущать дыхание счастья в любом проявлении жизни. Разве не учишься ты в одном из лучших коллективов, в одном из лучших институтов страны? Разве ты не хозяйка своего времени, своих стремлений? Разве ты не ощущаешь бодрящей свежести ветра,

[1] Цитата из поэмы В. В. Маяковского «Во весь голос» (1930).

пламенеющих закатов золотой осени? И когда при всём при этом в груди бьётся здоровое сердце, — Галюсь! твоё сердце! — разве можно не быть счастливой?!

Прости за каракули, пишу при свете коптилки. В общем, устроился неплохо. Если бы пробыть здесь до твоих каникул, да если бы тебе добраться сюда. Ах, Галочка! Что ты сделала из меня? Был я нормальным человеком, а стал — влюблённым. Если сойду с ума и умру от любви, мудрец создаст эпитафию:

Так ему и надо, пёрся сам во врата ада.
Ах ты сладкий ад мой, блаженство горечи моей.
Целую, Яша.

25–26 марта 1945 г. Познань

Друг мой! Уже двадцать пять дней длится наша разлука. Вот я еду по старому европейскому городу. В эту страшную, беспощадную ко всему войну я ещё не видел таких разрушений. И впечатление этого апокалипсиса усиливается контрастом его с изящной роскошью всего уцелевшего. Я не видел ещё таких красивых, роскошных городов. Невольно представляешь себе этот город в мирное время, до того, как на мир обрушилась рука фашистского варварства. Когда по улицам идёт аккуратно одетый мещанин, изящная женщина (женщины здесь стройны, красивы, лица их — одухотворённые и сохранили ещё печать извечной гордости и достоинства), невольно удивляешься: «Откуда ещё они взялись? Как они сохранились?». Остовы многоэтажных зданий. Разбитые, расчленённые, поверженные в прах, продырявленные, повисшие многоэтажные дома. На краю рухнувшего третьего этажа клавиатурой на улицу распростёрлось пианино. Чьи пальцы бегали по этим клавишам в последний раз? Чья песня умерла и повисла над развалинами на краю разрушенного дома? И сквозь эту боль невозможно не восхищаться роскошным богатством города. Представь себе узкие улицы (опять узкие улицы), плотно застроенные по одной и по другой стороне многоэтажными дворцами одинаковой высоты. Большинство домов центральных кварталов, по-видимому, построены в начале нашего столетия, они в стиле модерн. Почти все они тёмной окраски с многочисленными вычурными балконами, с различнейшими окнами, чаще разными на разных этажах, с волнистыми линиями выступающих стен, крыш, с множеством архитектурных украшений. Представь себе московскую гостиницу «Метрополь», рядом гостиницу «Националь», и ещё далеко впереди сплошную стену таких зданий. Все они празднично, но не крикливо, соревнуются своей красотой и роскошью, и все они всё-таки составляют одно целое. Присовокупи к

этому богатейшие костёлы, цирк, театры, тёмную реку Варту (вблизи неё — огородники с миниатюрными домиками, по-видимому, для развлечения горожан-любителей), и ты представишь впечатление, производимое таким городом. Некогда его осматривать, мы видим его всего минут 15, и то — с кузова грузового «Форда». Случайно остановится на минуту машина, и обратишь внимание на прохожих красавиц. Ребята особого интереса к ним не проявляют. Но до чего же делается приятно и светло, когда на перекрёстке увидишь стройную девушку, нашу, русскую, в серой шинели, бойко поворачивающуюся, размахивающую флажками, с чисто женским изяществом приветствующую проезжающих. Ребята все оживают, на ходу сыплются шутки, и девушка, широко улыбаясь, помахивает нам флажком. До свидания, девушка, до скорой весёлой и счастливой встречи! И вспоминаются такие же девушки, провожавшие наши машины в 1941 году. Помашешь ей на прощание рукой и поникнешь виновато головой. Через час, через два и она продолжит свой обидно-горестный путь на восток. И даже в песне свидания назначались в Туле, и дальше на востоке — в Омске, Томске... Теперь легче на душе. Но легко настолько, насколько это возможно, пока война ещё не закончилась. Всюду следы поверженного в прах врага. В крепости трупы и куски трупов немцев.

Вчера я не дописал своё письмо, не было времени. Сейчас, перечитывая его, я ещё раз убеждаюсь, что такие описания если не тщетны, то, по крайней мере, способны оставить в воображении лишь бледный след. Это надо видеть. Если на минуту отвлечься от привычных мыслей и наблюдать такие руины, легко представить, что пребываешь в кошмарном сне. Как будто объятый ужасом бродишь в подземельях засыпанной лавой Помпеи. А в крепости, вокруг неё — трудно себе представить эту картину! Былинки не осталось, ни на одном дереве не уцелела ни одна ветка. Надо посмотреть разрушенные стены толщиною во много метров, преодоленные широкие рвы, множество разбитой техники и трупов, чтобы осознать, что́ за война буйствует над землёй. Если на минуту забыть, что с этими фрицами на каждом шагу здесь похоронены их мечты о мировом господстве, если на минуту укротить свой гнев и подумать о трагедии неукротимо разъяренного человечества, представить, сколько тревог, ужасов и молитв с одной и другой стороны пережито и похоронено в этих местах, останется грусть, такая тяжёлая грусть, которую не рассеять годам. И, возможно, через много лет видевшие это содрогнутся, слушая раздирающие сердце слова «...О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»[1], и вспомнят эту крепость, и дрожь охватит их где-нибудь в тихом партере старого театра.

[1] Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

Галочка, дитя моё, я забыл, что пишу это тебе. Прости меня, я больше не буду писать тебе таких писем, бесценный перл мой, цветок мой. Пусть тебе светит ясное солнце, пусть снятся тебе сладкие сны о людях, о звёздах, о мире, прекрасном, как ты. Будь всегда счастлива и спокойна, и в этом будет моё счастье и моё спокойствие. До свидания, Галочка, Галюсь моя, до свидания, вспоминай иногда нежно любящего тебя Яшу.

7 мая 1945 г.

Дорогая моя!

Опять, вероятно, наступит для меня голодное время — долго не будет твоих писем. Всё мне осточертело в бродячей жизни, по-глупому тоскую по тебе, а надежды на скорую встречу очень неопределённые.

Остаётся только надеяться, но мадам Надежда, при всей своей красоте, мне уже приелась.

Напиши мне одну открыточку до востребования, авось я её получу.

Обними маму и Фирочку[1], поцелуй их вкусно — чтобы они убедились, что это от моего имени. Привет всем родным и блудному сыну Марку[2] тоже.

Обнимаю, твой Яша

Письмо Я. Ю. Попелянского родным

9 мая 1945 г. [Шауляй]

Дорогие друзья мои!

Какие слова скажут убедительнее даты этого письма?!

Написать вам праздничное слово — «поздравляю»? Но оно сегодня произносилось сто раз — вам ли произнести его в сто первый? Когда мы снова вернёмся в Москву (правда, это будет не так уж скоро), мы по-настоящему, в первый раз за 4 года, вздохнём полной грудью. Мы встретим ласковые взгляды ваши, милые, до боли милые взгляды любимых очей, мы на радостях будем немножко неуклюжи, чуть растеряемся в хмеле праздника — и тогда вы убедитесь, к кому обращены первые слова наши, с кем нам праздник — в праздник и радость — в радость.

Я не знаю, где сегодня Абрам Яковлевич[3]: в Берлине ли, в Прус-

[1] Вероятно, сестра Галины — Эсфирь Абрамовна Файнштейн (1927–2009).

[2] Брат Я. Ю. Попелянского.

[3] Абрам Яковлевич Блиндер (1893–1955) — отец Галины. Акушер-гинеколог. В 1941–1946 гг. служил в РККА, майор м/с. В 1945 г. находился в рядах 2-й ударной армии 2-го Белорусского фронта.

сии ли, в Чехословакии или на Эльбе — мы прошли так много дорог, так много стран и рек, — я знаю, он сегодня вместе со мною — с вами. И где бы мы ни были, мы празднуем с вами, и сердца наши в доме по 3-му Красносельскому [переулку]. Сердца наши с нашими многострадальными друзьями: мамусей моей, моими сёстрами и братьями, моими истосковавшимися родными. А ещё наши сердца с теми, память о которых не сотрут ни радость победы, ни восторг свободы, ни упоение жизнью.

Я не забыл и не забуду, что моё имя — Яша — и что среди 5 имён таких не нашёлся сегодня среди моих родных ни один тёзка, который поздравил бы друзей своих с праздником. И если щемяще тяжела боль за 4-х, если больно за миллионы жертв, как же тогда бесконечно велик праздник пресечения миллионов горестей. Пусть больше тучи не омрачают ваши прекрасные жизни, созданные для радости, будьте счастливы, встречайте как можно скорее Абрама Яковлевича. До скорого свидания, Яша.

Родным и знакомым — праздничный, мирного времени привет.

Письма Я. Ю. Попелянского Г. А. Блиндер

10 мая 1945 г. [Шауляй]

Галочка!

Конец войны застал меня далеко от своих боевых товарищей, и вот уже 4-й день не могу вызваться обратно.

Это обстоятельство, да ещё то, что я ещё и вообще не дома, что меня окружает обычная за последние 4 года обстановка, те же моды, те же неудобства, да по многим ещё другим причинам я полностью ещё не проникся величием совершившегося.

Появляются отдельные мысли, образы войны, аналогии, сравнения, но через некоторое время только мы осозна́ем, что́ это за день — 9 мая 1945 г.

3 мая я был в Берлине, это был первый день после взятия его. Тогда, по существу, был праздник победы, и там я это ощутил особенно остро. Особенно остро я ощутил праздник (о, какое ликование было в тот день в разбитой и жалкой столице!), он вызывал множество впечатлений, особенно острых по своим контрастам. Об этом как-нибудь расскажу тебе при встрече. А вчера в общем ликовании вспыхивали отдельные только блики. И как всегда, при совершении великого появляются детали, загромождающие картину, а зачастую — заслоняющие общий её смысл.

Я мысленно представил себе ваш дом, вашу радость, ваши надежды. Вчера вечером в 22:00 я почти физически слился с тобой: салюты Москвы незримой нитью соединяли нас в те минуты, и я знал, что мы вместе.

Когда-то мы встретимся? Теперь-то именно не так скоро. Я не говорю уже о встрече «навсегда» — предстоит мне для меня большая борьба, в которой мне не обещают победы. Но есть во мне силы выше убеждения — любовь — она нас сблизит навсегда.

Обнимаю тебя, надеюсь всё-таки скоро с упоением целовать мою голубку. Яша

Привет родным

15 августа 1945 г. [Монголия]

Галочка, милая!

Когда ты ещё спала глубоким сном, а у нас уже был день, и мы узнали о решении Микадо[1] сложить оружие. Итак, «противное человеческому естеству»[2] состояние войны сменяется миром, нашей победой. Такие события осознаются не сразу, т. к. мы подходим к ним исподволь. Представь себе на минуту, что ты узнала о происшедшем не сегодня, а летом 1940 года! Ты просыпаешься летним утром 1940 года и узнаешь, что японский и немецкий фашизм повержены в прах! Вот бы… Слишком многого эти победы стоили нам трудов и лишений, смертей и отчаянной боли, выпавших волос и разлук... Да и теперь ещё не расстилается перед нами дорога цветов. Жизнь — не детская мечта, а реальность для взрослых. В реальности не преобладают розовые тона. Да и есть ли счастливцы, для которых жизнь соткана из одних розовых благ? Просто существуют люди весёлые, не унывающие (у нас с тобой хватит пороху добиться и весёлых дней), и люди безвольные, растрачивающие весь жизненный порох на своё уныние. Напиши мне, что ты не унываешь, что ты полна надежд, что не растрачиваешь своих сил в ненужной тоске, напиши мне правду об этом, и я обрету новые силы и спокойствие. Не надо надеяться на слишком скорую встречу, нетерпеливое ожидание — тяжёлая и изнуряющая пытка. Бог терпел и нам велел. Постараюсь в будущем дать тебе счастье взамен нынешнего терпения. Авось мы воздадим друг другу сторицею. Порукой этому — наша любовь, да немеркнущая надежда твоего Яши.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 609, 610; 612.

[1] Титул для обозначения японского императора. В 1926–1989 гг. им был Хирохито (1901–1989).

[2] Цитата из романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

«ЗАБРАЛИ ВСЕХ ДЕТЕЙ ОТ ЕВРЕЙСКИХ МАТЕРЕЙ ИЛИ ОТЦОВ»

Сегеда Александра Петровна *проживала в годы оккупации в пос. Корюковка Черниговской обл. УССР (ныне — г. Корюковка, Украина). Её тётя (сестра отца) — Ксения Сегеда — была замужем за евреем Борисом Меримовым (Миримовым). Трое их детей — Мара (1927 или 1930 г. р.), Виктор (1934 г. р.) и Миля (1939 г. р.) — в годы оккупации жили вместе с матерью в Корюковке в доме Петра Сегеды, отца автора письма. Детей, чей отец был еврей, расстреляли в г. Чернигове в конце 1942 г.*[1]

Письмо А. П. Сегеды об обстоятельствах гибели детей и о судьбе их матери адресовано родственнику погибших.

Копия письма передана двоюродным внуком упоминаемой в письме Ольги Грайфер — Л. И. Школьниковым (Санкт-Петербург).

2 января 1944 г. Щорс[2]

С Новым годом, Лев Фадеевич!

Желаем Вам успехов в работе в жизни этого нового года! Для нас это новый, самый настоящий новый год! Мы переступили порог тех прошедших ужасных годов, о которых не хочется вспоминать. Ваше письмо, писаное в Корюковку мы получили, но ответить ещё не отвечали, так как Вы писали, что скоро уезжаете. Второе письмо получили 31-го. Вы спрашиваете о своей матери, о Миримовых. Как они погибли, мы точно этого не можем сказать, мы жили тогда ещё в Корюковке. Знаем только то, что их, как всех остальных, увезли в Чернигов и там совершили свою гнусную расправу. Да, они вместе с т[ётей] Ксеней жили, только не в [селе] Андроники, а в Переделе, недалеко от Корюковки и там оставались до занятия Щорса немцами. Потом приехали в Щорс, где уже начался разбой немецких извергов. Т[ётя] Ксеня жила первое время у нас, а потом также с двумя меньшими деточками уехали в Сновск[3]. Старшая оставалась у нас. Вскорости мы услышали, что Ксения куда-то ушла, и так прошло немалое время, и мы считали, что она где-нибудь погибла. Что принудило её к бегству, не знаем, но её знакомые говорили, что её нарочно выпроводили, чтобы воспользо-

[1] На оккупированной территории СССР дети от смешанных браков также подлежали уничтожению, хотя часто это происходило позднее или отдельно от основной части местных евреев. Последние евреи Чернигова были уничтожены зимой 1941–1942 г.

[2] Город Щорс, до 1935 г., в годы оккупации и ныне — г. Сновск, Украина.

[3] Вероятно, имеется в виду с. Сновское недалеко от нынешнего г. Сновска.

ваться её добром. Говорят, как будто Каминский, может, знаете. Ведь она вещи свои поразносила на сохранение кому-то, и где эти вещи, никто не знает, а если и знают, так не признаются. Как только мы узнали, что Ксения пропала, мы забрали детей к себе в Корюковку, а мебель нам не дали, сразу же в дом ихний кого-то поселили. Это всё ничего, можно было без этого прожить, мы жили в Корюковке в своём доме — и свой сад, огород, корова, вообще, на жизнь хватало, трудновато было с одеждой, ведь вещей т[ёти] Ксениных никто не отдал нам. Так прожили мы совместно с детьми Ксениными около года.

И вот в 8 часов вечера 10 ноября 1942 года ворвалась в дом пьяная полиция, перевернули всё в доме и забрали с собой девочек и маму… Этой минуты никогда, никогда нам не забыть. Невинных малюток вели под конвоем, точно разбойников! Как они плакали, кричали: «Тётя Шура, спасите нас! Нас расстреляют!», а Марочка, была же сама ещё ребенок, всё успокаивала их… Их заперли в камере и продержали там 3 дня, а на 4-й день всех собрали (тогда забрали всех детей в Корюковке от еврейских матерей или отцов), их стали выводить и усаживать в машину, огороженную колючей проволокой.

Сколько крику, стонов, рыданий, нельзя объяснить, было. Толпа, собравшаяся при этом, вся стонала. Как Витинька кричал папе всё время: «Дядя Петя, заберите меня отсюда, мне страшно!». Только Марочка не плакала и всё уговаривала нас не плакать, всё уверяла «я ещё вернусь, вернусь». Я не могу больше писать об этом, у меня руки дрожат от одного воспоминания о них, сердце замирает и хочется сделать что-то такое, чтобы вернуть, вернуть их, милых деток… Помню, Мара стояла на краю и смотрела на нас таким спокойным, светлым взглядом, такая бледная-бледная до синевы, последние слова при прощании её были о маме своей. «Мне бы не так было тяжело, если б я увидела свою маму».

Нет, всего пережитого не опишешь, нельзя написать всё, что чувствуешь, не хватает слов для выражения… Пережитое нами всё ужасно и до того ужасно, что страшно и думать, что это было в действительности. Папа тогда и то плакал рядом, точно женщина; мама, вернувшись из камеры, слегла, ей всё казалось, что вот откроется дверь — и придут и заберут обратно всех. Да, их тогда увезли в Чернигов. Папа через неделю ездил в Чернигов узнать, как дальше будет, но никто ничего не сказал, и только недели через две полицейский, который возил их, кому-то с насмешкой сказал, что «избавились от большевиков». После этого мы жили в повседневной тревоге, и, верно, не то, так другое случалось, пока совершенно немцы не сожгли Корюковку[1].

[1] 1–2 марта 1943 г. карателями в Корюковке было сожжено 1390 домов, погибли, по разным оценкам, от 1700 до 7500 жителей.

Кое-как спаслись, мы пришли в Щорс, так как здесь всё же есть знакомые, думали, что кто-нибудь поможет. Правда, нашлись такие, что помогли нам, как нищим, даря всякую мелочь, но нашлись и такие, что говорили бог весть что. И теперь мы живём в Щорсе, папа в Армии, а мама и я с сестрой дома, сестра работает в лесничестве кассиром. Правда, сейчас она в декрет-отпуске, и у неё вчера родился сын, муж её также в Армии. Вот таковы наши дела.

Мама очень сожалеет о Грайфере и Оле, очень неожиданно уж это, то умер младший сын, то муж. А где же Юля, старший сын Оли[1]? Тётя Ксеня сейчас находится в г. Карачеве Орл[овской] обл. Она нам прислала сразу письма также в Корюковку, а теперь пишет сюда. Пишет о своем состоянии, конечно, нелёгком. Да, ей много пришлось и приходиться переживать. Она писала, что шла к нам, а потом, как это случилось, что она попала в Городню, сама не знает, а из Городни уже на Орёл. И так она жила в надежде снова обнять своих родных детей, и надежды рухнули. Вы ничего не слышали о Борисе Наумовиче М.? Может, что-нибудь? И так всё описать, описать так, как это было, нет возможности. Да и в письме не передашь всех чувств, объемлющих в данную минуту при воспоминании об этих чёрных днях.

Чтобы знать всё, и как, и что, нужно только лично поговорить. Если будете ещё когда в Чернигове или вообще вблизи Щорса, заезжайте. Будем рады хотя [б] одному своему человеку

Итак, привет всем! До свидания!

Надеемся, что при случае заедете, конечно.

Пишите на такой адрес: г. Щорс Черн[иговской] обл., ул. Жореса (или Владимирская, всё равно), д. № 11

Сегеда А. П.

Уважаемые Вас, Александра Петровна Сегеда, Вера и Соня.

АНПЦХ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 124.

[1] Ольга Грайфер и её сын Юлий — дальние родственники Л. И. Школьникова, передавшего копию письма.

«БУДУ ИХ БИТЬ, ПОКА ЦЕЛ МОЙ АВТОМАТ»

С. И. Рубенчик

***Рубенчик Соля (Александр) Исаакович (1925–1944)**. Родился в Минске в семье оперного певца Исаака Боруховича (Симховича) Рубенчика (Рубинчика) (1897–1938), расстрелянного «за членство в шпионской организации "Левый Гехалуц"[1]» (реабилитирован в 1956 г.). После начала войны С. И. Рубенчик с матерью — Хаей (Гнесей) Мордуховной и младшим братом — Владимиром (1937/1938 г. р.) — бежал из Минска в г. Куйбышев (ныне — Самара). Призван в РККА Куйбышевским РВК в ноябре 1943 г. Подготовку проходил в 66-м учебном снайперском полку 11-й учебной сбр. Сержант С. И. Рубенчик, командир отделения 1295-го сп 160-й сд (2-й Белорусский фронт) в сентябре 1944 г. признан пропавшим без вести. По некоторым сведениям, погиб летом 1944 г. под г. Орша Витебской обл. БССР (ныне — Республика Беларусь).*

Старший брат С. И. Рубенчика — Мордехай[2] (1922–1941), призванный в начале войны, пропал без вести. Тётя — Берта (Бася) Боруховна (Симховна) Галенсон (Рубенчик) — погибла с мужем Лазарем в Минском гетто[3]. Их дочери — Лиза (1926–2013) и Кима (1925–2006) — спаслись, бежав из гетто благодаря местным жителям. После войны они были удочерены дядей — Менделем Симховичем Рубенчиком, вернувшимся в Минск из эвакуации.

Письма С. И. Рубенчика адресованы матери и младшему брату в Куйбышев.

Копии писем и фотографии переданы внучкой В. И. Рубенчика — Е. М. Рубенчик (Самара).

---

[1] Гехалуц (ивр. первопроходец) — сионистская международная организация, задачей которой была подготовка еврейской молодёжи к поселению в Палестине. Левое крыло организации, главным образом, работало над созданием сельскохозяйственных коммун и производственно-технических артелей в районах компактного проживания советских евреев (действовало легально в РСФСР в 1923–1928 гг.).

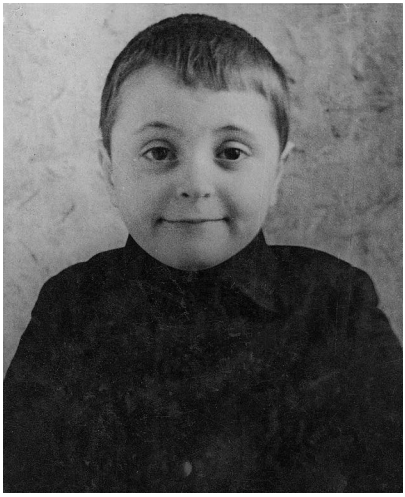
[2] В списке безвозвратных потерь — Моисей.

[3] Минское гетто существовало с июля 1941 г. по 21 октября 1943 г.

[23 марта 1944 г.]

Письмо послано 23/III — 44 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама и братишка Вовочка. После долгого молчания пишу вам письмо и сообщаю, что я жив-здоров, что и вам желаю. Мама, ты, я думаю, очень беспокоилась обо мне, но ты меня извини, что долго не писал, не было возможности, так как мы находимся в такой местности, что именуется Пинской областью, очень болотистая. Позавчера вышибли немцев из двух сёл. Как он драпал, сразу видно, у него сил мало. Ребята у нас молодые воюют лучше стариков. Идут в атаку — не гнутся. И я не отстал, а наоборот, с несколькими товарищами вырвались вперёд и зажали отступающих фрицев к реке Припяти и всех побили в этом бою. Я лично хлопнул около 10 (десятки). Это им за братву, но этого ещё мало, буду их бить, пока цел мой автомат. Ну а живём мы неплохо, тяжеловато в походах, да ещё в немецких сапогах, а на счёт пищи — всего полно, хлеба ешь сколько влезет, да и молока население вёдрами выносит, в общем, ждут с победой. Не беспокойся, писать буду, как будет возможность да бумага. Постараюсь почаще. Передай привет всем знакомым и соседям. Горячо целую тебя и Вовочку. Береги себя. Пока. Твой сын А. И. Рубенчик.



В. И. Рубенчик

18 июня 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мои мамочка и братик Вовочка. Шлю вам свой горячий красноармейский привет и сообщаю, что я жив, здоров, что и вам также желаю. Также сообщаю, что я ваше письмо получил, которому очень рад и за что очень вам благодарен. Живём мы по-прежнему. Никаких новостей у нас пока нет, сейчас воюет артиллерия. Так как мы пока стоим в обороне, и над нами свистят снаряды и мины — то от нас к немцу, то от фрица к нам.

Но и настанет и наш черёд, и мы по первому зову т. Сталина перейдём в последнее решительное наступление. Мы давно к нему готовы и ждём только приказа.[1] Находимся всё время на передовой. Думаю заняться снайперским делом.

[1] Через пять дней началась Белорусская наступательная операция «Багратион» (23 июня — 29 августа 1944 г.).

Живём весело, так сказать, не тужим. Пока о себе кончаю. Пиши о себе и своём здоровье. Береги себя и Вовочку. О мне не беспокойся. Передай привет и поклон тёте Гуте и другим знакомым и соседям. Пока. До свидания. Горячо целую тебя и Вовочку. Твой сын и Вовин брат А[лексан]др Рубенчик.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 615; 617.

«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ МЕНЯ ЗАСТРЕЛИЛ»

***Бранопольский Яков Абрамович (1921–1997)**. Родился и жил в г. Новогеоргиевск[1] Екатеринославской губ. В 1939 г. призван в РККА. В годы войны — лейтенант интендантской службы 1070-го ИПТАП 11-го тк. Воевал на 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Награждён орденом Красной Звезды (1944). После демобилизации служил в МВД УССР, был начальником паспортного стола в г. Донецке. Брат — Пётр Бранопольский 1919 г. р., рядовой — погиб от разрыва бомбы 28 октября 1943 г. под г. Кривой Рог Днепропетровской обл. УССР (ныне — Украина). Родители — отец, Абрам (Аврум) Моисеевич (50 лет), и мать, Голда Яковлевна (48 лет), — были убиты оккупантами в Новогеоргиевске в январе 1942 г.*

Письмо Я. А. Бранопольского о смерти родителей адресовано брату — Михаилу (1915–1995) и сестре — Екатерине Бранопольской (Проскуровской) — в с. Жёлтое Зианчуринского (ныне Саракташского) р-на Чкаловской (ныне — Оренбургской) обл., куда они в августе 1941 г. уехали в эвакуацию со своими семьями из г. Кременчуг Полтавской обл. УССР. К письму прилагается рисунок-схема места расстрела родителей Бранопольских.[2]

Копия письма и фотографии переданы сыном Я. А. Бранопольского — А. Я. Бранопольским (Калининград) и внучатым племянником — С. А. Прокоповым (Полтава, Украина).

П. А. Бранопольский

Письмо Я. А. Бранопольского родным

29 марта 1944 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Сегодня я вынужден написать одно из самых грустных писем. Вам всем уже, очевидно, известно, через наших соседей, о смерти наших родителей.

24 марта 1944 года в 16 ч. 20 мин. я прибыл в наш дом, где никто не мог мне ответить родное слово после моего пятилетнего отсут-

[1] Город на территории Кировоградской обл. УССР. В 1961 г. затоплен после сооружения Кременчугской ГЭС.

[2] См. илл. вкладку.

ствия там. О тоске и переживаниях моих я не могу написать, а также о муках и страданиях наших родненьких родителей.

За нашего папу три деревни (крестьяне) ходили к старосте города просить, чтобы сохранить жизнь, и в результате чего ему было разрешено выехать в д. Чернечево, но через некоторое время он был вызван оттуда, и совместно с мамашей и всеми остальными евреями города [они] машинами были вывезены за город и расстреляны 9-го января 1942 года.

Вечная слава нашим дорогим родителям!!

Находился я в Ново-Георгиевском 3 дня.

Каждый встречающий житель города, знающий меня, со слезами на глазах разговаривал со мной с тяжёлым сожалением о наших родителях.

Папин «приятель», который жил напротив, в финотделе, Степан Шевченко, оказался на стороне немцев и всячески старался своими гнусными действиями изжить наших родителей, забрать их имущество и занять дом.

Но с ним расправились партизаны, однако и я бы ему пощады не дал и расстрелял бы как собаку.

Чувствуя приход смерти, наш папа впустил в дом жить младшего сына Милютина — Ростю Милютина. Сейчас в доме живёт его жена Ира со своими детьми. Из имущества не осталось ничего. Даже не сохранились фотографии. А в другой половине дома живёт ещё одна семья.

Мамаша, перед тем что её забрали из дому, просила Иру, что если кто-либо из нас приедет, то чтобы она сообщила о их смерти. Она всё же как чувствовала, что кто-нибудь приедет.

В общем, не могу всего описать, что здесь происходило. Достаточно один пример: Поле Слуцкой полицейский Кабачок, из лагерного, выбил золотые зубы изо рта и забрал, после чего она сошла с ума. Над Лизонькой было вообще невидимое [невиданное — Сост.] в мире издевательство. К ней домой приходил немецкий офицер и делал с ней, что ему хотелось. А когда её забрали на расстрел, то её заставили раздеться. Она разделась, причесала свои волосы и подошла к этому офицеру, и говорит ему, что я хочу, чтобы ты меня застрелил, и он без жалости расстрелял её и отнёс в овраг.

Всех зверств не описать.

АНПЦХ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Ед. хр. 137; 129.

«Я ВЫНУЖДЕН БЫЛ НАКИНУТЬ ЭТУ ПЕТЛЮ НА ШЕЮ»

Б. А. Орлов

***Орлов Борис (Борух) Абрамович (Александрович) (1909–1974)**. Родился в г. Миргороде Полтавской губ. (ныне — Полтавской обл., Украина), где начал трудовую деятельность на табачной фабрике. Затем жил в Харькове (с перерывами на службу в РККА в 1931–1934 гг. и участие в Советско-финляндской войне). Работал на Харьковском паровозостроительном заводе им. Коминтерна (ныне — Харьковский завод транспортного машиностроения имени В. А. Малышева), затем руководил артелью и фабрикой по производству мебели «Коопреммебель». Снова призван в РККА в июне 1941 г. Попал в плен. По воспоминаниям Б. А. Орлова, его спас от смерти немецкий врач, который «не заметил», что перед ним еврей. В дальнейшем Боруху Абрамовичу Орлову удалось бежать и скрываться на оккупированной территории до мая 1942 г, когда он перешел линию фронта. Был направлен в штрафную часть за пребывание в плену, «смыл вину кровью». Далее воевал под именем Бориса Александровича Орлова, значился в документах русским, оставался членом ВКП(б). В 1943 г. был трижды ранен, в августе 1943 г. ошибочно признан убитым, родным была отправлена «похоронка». Родственники считали его погибшим до весны 1944 г. Б. А. Орлов воевал на 2-м Украинском и 1-м Украинском фронтах. Освобождал Молдавию и Румынию. Старшина 49-го сп 50-й сд. Вновь ранен 21 апреля 1945 г. в Германии, после выздоровления демобилизован. Награждён орденом Отечественной войны II степени (1945). После войны жил в Харькове.*

Письма Б. А. Орлова адресованы сестре-близнецу — Берте Абрамовне Орловой (1909–1986) в Харьков, куда она вернулась после освобождения города. Благодаря сестре Б. А. Орлову удалось восстановить связь с семьёй и подтвердить, что он жив.

В письмах Б. А. Орлова упомянуты: жена — Мария (Маня) Абрамовна Бейлина, сын — Ян (1935 г. р.) и дочь — Алла (1938 г. р.), кото-

рые жили в эвакуации в г. Ленинске Андижанской обл. УзССР (ныне — Асака, Республика Узбекистан). В 1944 г. они вернулись в Харьков. Одно письмо адресовано Тувию Абрамовичу Бейлину (в письмах — Толя) — брату М. А. Бейлиной, мужу сестры Б. А. Орлова — Анны. Анна и её дети — Фалик (Файвел) и Римма — также упоминаются в переписке.

Письма и фотографии Б. А. Орлова были переданы вдовой сына Б. А. Орлова — И. Орловой (Нью-Йорк, США) в Коллекцию военных писем Л. Смиловицкого Архива Центра диаспоры Тель-Авивского университета.

Копии документов предоставлены для публикации Л. Смиловицким (Израиль).

Письма Б. А. Орлова Берте Орловой

31 марта 1944 г.

Дорогая Берта!

Вчера я получил твоё письмо — ответ на моё письмо, которое, вероятно, тебе запечатлелось. Очень мне жаль Лёву[1], но на войне этому не удивляешься. Жалко и живых, которые осуждены к неутешному горю, но что поделаешь.

Живу по-старому. На новую работу пока не переходим: во-первых, не отпустили, а во-вторых, устроили на месте. Желания как такового перейти на новую работу не было и нет.

Сейчас мы находимся в движении. Немцам мы устроили в Румынии[2] такую баню, которую трудно забыть. Я видел за эту войну очень много, но такой разгром или погром трудно представить. По дорогам тянутся нескончаемые колонны пленных. Немецкой падали столько, что дышать трудно. И, главное, нет в помине тех самодовольных рож из «великой Германии», которые так ярко сияли в 1941 г. Именно поэтому у каждого из наших солдат очень хорошее настроение и не жалко ничего. Мы полностью удовлетворены тем, что немцам пришлось получить полный расчёт за всё зло, которое причинили они нам. Но это пока в Румынии, а мы ведь надеемся побывать и в Берлине!

За последнее время я от Мани[3] не получаю писем и не пишу ей на Ленинск. Может, они уже переехали и находятся в Харькове? Если

[1] Лев Беленький, муж одной из сестер Б. А. Орлова — Сони. Призван в РККА в 1943 г. Погиб в первом же бою.

[2] Речь идёт об освобождении территории Буковины, вошедшей в состав СССР в 1940 г.

[3] Жена автора.

Берта Орлова с мужем Борисом Бедзиком. 1929 г.

Маня и дети, и Аня[1] и дети в Харькове, то передай им глубокий поклон и пожелание получше устроиться. Когда уже настанет такое время, что я смогу быть для своей семьи не посторонним человеком? Когда же я услышу детский возглас «папа»?

На днях я заходил в гости к румынским евреям. Живут неплохо, но большие эгоисты. Они, конечно, не знают, что такое война. На этом будь здорова.

Твой Боря.

27 апреля 1944 г.

Бертуся! Дорогая моя!

Я сердечно благодарю тебя за ту радость жизни, которую ты доставляешь. Вчера получил письмо, которое ты писала по возвращении из командировки, т. е. 23 марта. Но ты, родная, нетерпелива. Придётся применить своё терпение к работе нашей почты.

Я рад, что Яник пишет тебе письма. Я рад, что Аллочке 6 лет исполнилось. Я рад — дети мои живы. Прошу тебя, родная, вышли мне адрес Мани. Бертуся! Я просто уже не знаю, хватит ли у меня в жизни лет и возможности отблагодарить тебя за всё то добро и любовь, кото-

[1] Сестра автора.

рую ты отдаёшь мне. В общем, будем живы — я постараюсь не оставаться перед тобой в долгу. Сейчас некогда. Найдётся же когда-либо свободная минута, и я напишу тебе все мои похождения. Целую. Боря.

23 апреля 1944 г.

Бертуся, родная!

Поздравляю с Первым мая (на деле это поздравление, дай Бог, чтобы прибыло на первое июня). Хочу верить, что на следующий год мы на праздник Первомай будем сидеть в саду, вспомним невзгоды, поднимем бокалы красного вина и выпьем за здравие наших людей. А пока повторим то, что повторяли наши предки: «ЛЕЙШОНО ГАБО БИ ЕРУШАЛАИМ» [1].

Пока будем думать в этот день друг о друге. Это всё, что мы можем делать. Надеюсь, что завтра у нас будет веселей день <…> Целую. Боря.

Письмо Б. А. Орлова Т. А. Бейлину

8 мая 1944 г.

Дорогой друг Толя!

Я рад, что почти после трёх лет войны могу тебе снова писать письмо. Спасибо Фалику. Я получил от него письмо, и он пишет мне твой адрес. Я жив и здоров, чего и тебе желаю. Сейчас нахожусь в Руменешты[2]. Обрабатываем противника, а он нас. У нас здесь очень много грому, а вообще, устал я до одурения. Я бы не прочь попасть в наркомздрав, но тут ближе наркомзем[3].

Словом, дело доходит до одурения. Я рад бы тебе что-либо написать о своей жизни, но всё несчастье в том, что жизни-то именно и нет. Всё же с нетерпением буду ждать твоего письма.

<…> Радует меня то, что, наконец, мне всё же удалось восстановить связь с семьёй и всеми вами. Убедительно прошу тебя — пиши.

На этом будь здоров. Твой Боря.

---

[1] Традиционное пожелание евреев «В следующем году в Иерусалиме» (иврит). В тот же день автор отправил сестре второе поздравление с Первым мая, но без слов на иврите — вероятно, опасаясь, что первое письмо может не пройти военную цензуру.

[2] Село Ромэнешть в Страшенском р-не МолССР (ныне — Республика Молдова).

[3] Шутка о возможных вариантах исхода боя: смерть — Наркомат земледелия, либо ранение — Наркомат здравоохранения.

Письма Б. А. Орлова Берте Орловой

8 мая 1944 г.

Бертуся, родная!

Целую неделю тебе не писал. За это время я получил одно письмо и две открытки от тебя, самые, вероятно, первые. Получил письмо от Яника, и письмо от Ани, и письмо от Риммы и Фалика. Я жив и здоров, чего и тебе желаю. Меня очень волнуют твои письма, ты просто бушуешь — и совсем напрасно. Во-первых, надо знать, что имеешь дело с почтой, и хорошенько набраться терпения и ждать. Ждать спокойно, не теряя уверенности, что одно письмо из десятка, по законам вероятности, придёт наверняка. Пойми, если всех начнут вешать из-за того, что нет письма или задержалось письмо, то где же набраться верёвок?

Напрасно ты себя терзала, что это не я, ибо извещение твоё — это приятная ложь, хотя могло быть и правдой[1]. Дело в том, что 23.8.43 <…> меня списали после боя, но я опоздал и вернулся после списания живой, хотя и очумелый. Писарю, видно, неудобно было исправлять свою ошибку, т. к. бои были каждый день, и, следовательно, его обман мог стать истиной.

Между прочим, я после 23.8 в этой же части провоевал больше месяца и в том же подразделении. Впрочем, кому суждено жить, тому не помешают 40 извещений. Хуже, когда бывает наоборот, т. е. человек уже сгнил, а его считают живым. Но оставим эту тему Чичикову и Собакевичу, они в этих делах большие специалисты[2]. Я послал тебе такое количество писем, что уверен — одно из них ты получишь, и потому, когда придёт это письмо, у тебя пройдут сомнения.

На этом целую. Твой Боря.

Пиши: ПП49861, Орлову Бор[ису] Александр[овичу]

29 июня 1944 г.

Здравствуй, дорогая Берта!

Вчера, наконец, получил твоё первое письмо и фото. Спасибо. Да, родная, список покойников большой, но это неизбежно: война требует жертв. До боли жалко нашу молодёжь, но ничего не поделаешь. Новостей у меня нет никаких — живу. Тем более что я пишу тебе так часто, что приходится из-за отсутствия событий придумывать, чем заполнить небольшой листок письма. Пожалуй, мне придётся прибегнуть к общесолдатскому шаблону, т. е. «пущено письмо такого-то к дражайшей супруге такой-то и ещё скучно-сердечный поклон такому-то» и т. д.

[1] Берта Орлова получила извещение о гибели брата.

[2] Отсылка к поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» (1841).

В общем, «я жив и здоров» приходится уже писать возле адреса.

Не дождёмся, когда начнёт наступать наш фронт. Этого хочет и ждёт каждый солдат с нетерпением. На этом целую крепко.

Твой брат Боря.

31 июля 1944 г.

Дорогая Бетя!

Сегодня получил два твоих письма. На днях я рылся в твоих старых письмах и нашёл в твоём давнем письме один вопрос, на который не дал тебе ответа. Между прочим, в письме от 12.7 ты его напоминаешь. Ты пишешь в адресе «Борису Александр.» и, конечно, не подозреваешь, что этот «Александр.» для меня всё равно, что петля на шее. Не от хорошей жизни затеял я с ним знакомство. Трудно описать сейчас всю нахлынувшую бурю гнева и тоски за все муки, которые я принял от людей, в поддержке которых я нуждался, и к которым пришел как брат. Не знаю, поймёшь ли ты меня. Говорят, тоску и гнев определяют по глазам. Но их невозможно вместить в какую-то ёмкость, хотя они исходят из маленьких глаз.

Я очень хочу видеться с тобой, чтобы ты могла увидеть, и выслушала, и поняла, и определила, т. к. это дело совести, а в вопросах совести мне не к кому обратиться, кроме как к тебе. Ты спрашиваешь — не я ли писал «Записки артиллериста»? Нет, я артиллеристом не был и записок не составлял. Но войну я узнал хорошо, когда был в штрафной [роте] и по нескольку раз в день поднимался в атаку. Пока научился ходить, как полагается, т. е. я шёл и видел, как идут другие бойцы (а до этого я не видел людей и сам себя не чувствовал).

Потом я продолжительное время был разведчиком и также немало потрудился, пока приучил свой организм держать покрепче сердце, чтобы оно не ускользало в пятки. Но и в первые дни войны, как только я попал на фронт, я также не был трусливее других, во всяком случае, в бою руки у меня не дрожали, и в панику не бросался.

Советский военнопленный-еврей. 1941 г.

Советские военнопленные-евреи. Лето 1941 г.

В 1941 г. я однажды попал в неловкое положение. Я один очутился перед ротой немцев. Я не сомневался, что они меня в лучшем случае расстреляют, но в последнюю секунду я решил схитрить и прикинулся убитым, и хорошо помню, что спокойно выдержал эту сценку. Меня обшарили и ушли. Всё это я говорю к тому, чтобы ты поняла меня — я не был трусом. А ведь таких, как я, очень много, и всё же я вынужден был накинуть эту петлю на шею. Теперь надеюсь, что после фамилии ты просто поставишь инициалы, и это[го] будет достаточно. Получив твоё письмо, я буду знать, что ты думаешь так, как думаю я, и простит меня отец родной за внешнее искажение. Не знаю, может быть, у меня слишком болезненное настроение, но ведь печально, когда в таком деле, когда человек отдаёт для своего государства самое ценное — жизнь — и в этих условиях приходится отказываться от самого себя.

Уверен, что ты понимаешь всё, о чем я тебе не досказал. Однако, надеюсь, что всё это пройдёт, как только кончится это великое несчастье народов, населяющих земной шар.

На этом будь здорова. Привет всем. Твой Боря.

18 августа 1944 г.

Дорогая Берта!

Вчера получил два твоих письма — за 25.7 и 4.8. Я им очень обрадовался, ибо за последнее время я тоже писем не получал, и объясняю это тем, что Маня и Аня, вероятно, находятся это время в пути. А где они сейчас? Я не знаю, но, возможно, в Харькове, и вот по той же причине я и сам в последнее время не пишу писем. Хотя с неделю тому получил два письма от Мани, одно от Яна, от Ани одно письмо. Правда, не только этим объясняется то, что недели две не писал. Ну, поверишь, был занят. У Пушкина есть такие слова: «Родные люди вот какие!»[1] Как будто бы так.

Ты поверишь, Берта, мне очень трудно писать письма, и это, несмотря на то, что до войны, где бы я ни был на совещаниях, мне всегда приходилось писать резолюции и решения, и я мог резолюцию в несколько страниц написать одним духом, а вот написать письмо из нескольких слов не могу. Мне обязательно нужно заполнить все свободные места, ты представляешь.

Маня упрекает за то, что мало пишу. Аня упрекает за это же. Рима требует писем. Сара[2] предупреждает, что знает мою привычку не писать, и т. д. Да ведь и про тебя нельзя забыть, и надо Толе, как старшему, послать большее письмо, чем получаешь сам. И никто не хочет

[1] Цитата из «Евгения Онегина».

[2] Сестра Б. А. Орлова.

представить себе, что мы здесь не только делаем то, что спим да едим! Ты не подумай, что я жалуюсь, я просто рассказываю. Причем, мне, ей-богу, всегда хочется вовремя написать ответ и поговорить, рассказать. Нового у меня пока ничего нет. Живу по-старому.

Берта, я послал на адрес Парфёновой[1] ходатайство на имя Харьковского облисполкома о том, чтобы Мане предоставили квартиру. Привезти самому — об этом не может быть и речи. Думаю, что Маня устроится. Я послал на твоё имя 300 руб. Вот и всё. <…> Посылаю справку.

На этом желаю здоровья. Твой Боря.

[1] Соседка Орловых.

«РИВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА ОТ „ПЕРЕСЕЛЕНИЯ“ КАК ЖЕНА РУССКОГО»

Бормотова Надежда Андреевна *— жительница г. Симферополя Крымской АССР (ныне — Республика Крым). В 1941–1942 гг. была свидетельницей уничтожения евреев города. После освобождения Крыма Н. А. Бормотова вела переписку с Евгенией Аркадьевной (Айзиковной) Мерзон (Канищиковой) (1903–1969) о судьбе её близких.*

Е. А. Мерзон родилась в г. Могилёве Могилёвской губ. (ныне — областной центр, Республика Беларусь). Дочь Михли и Айзика Канищиковых, погибших в оккупации в Могилёве. До войны жила в Москве. Была эвакуирована с дочерью Ларисой (1936 г. р.) в г. Сталинград (ныне — Волгоград), оттуда — под Новосибирск. В 1943 г. вернулась в Москву. Муж — Григорий Евсеевич Мерзон (1904–1969) — в годы войны работал в Москве. Сестра — Мэти (Мэри) Розенблат (Канищикова) — с двумя детьми эвакуировалась из Могилёва в Челябинск. Младшая сестра Рива училась до войны в Симферополе в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе (КГПИ, ныне — Таврический национальный университет им. В. В. Вернадского). Вышла замуж за Петра Митрофановича Михайлова[1] — доцента КГПИ, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы. Супруги с сыном — Женей (1941 г. р.) — погибли в Симферополе в начале 1942 г.

Рива Канищикова и Евгения Мерзон. 1941 г.

Копии писем и фотографии переданы дочерью Е. А. Мерзон — Л. Г. Рубановой (Москва).

[Май-июнь 1944 г.]

Пишу по просьбе Марии Васильевны[2], которую я регулярно навещаю, скорблю вместе с ней, ужасаюсь произошедшим… Пишу,

[1] Автор монографии «О художественном произведении и его спецификуме», изданной в 1934 г. Перед войной написал докторскую диссертацию, посвящённую творчеству русского писателя И. А. Гончарова.

[2] Мать П. М. Михайлова

как очевидец: Рива, Женечка и Пётр Митр[офанович] — все погибли одновременно, через месяц после того, как она была «помилована» как жена русского[1]. Переживания этой семьи, их страдание, слёзны, наконец, последний прощальный поцелуй Ривы — и по сегодняшний день тяжёлым кошмаром лежат у меня на душе. За 2 дня до их чудовищной гибели я виделась с ними, беседовали долго, строили планы на возможность спасения, а через 2 дня (в пятницу) их уже не стало. Мать — Мария Васильевна — доживает дни с глубокой раной в душе, она не плачет, почти не жалуется, но сердце разрывается, смотря на неё. Она почти не ходит. Время не изгладило глубины её переживаний. Она очень стара, хлопочу ей пенсию.

Михля и Айзик Канищиковы

Но ещё пока хлопоты не увенчались успехом. Её почти разорили и немцы, и другие. Доживает в нужде, но эта сторона её мало интересует. За ней ухаживает соседка, которой М[ария] В[асильевна] платит, продавая кое-что из своих вещей.

Завтра пойду к ней, а сегодня написала Вам. Если Вы пожелаете подробнее узнать, я постараюсь Вам описать всё, что Вам хотелось бы знать. Как человек, который много пережил, присоединяюсь к Вашему горю, скорблю и прошу поверить мне в этом.

[С] уваж[ением], Надежда Андреевна Бормотова, ул. Желябова 34, кв. 2.

9 июля 1944 г.

Сегодня приехала я из деревни, где была по делам службы, получила Ваше письмо, побывала у Марии Васильевн[ы], получила на почте посланные Вами деньги. М[ария] В[асильевна] бесконечно Вам благодарна за тёплое отношение к ней, но просила Вас не стеснять

[1] Имеется в виду дата казни около 10600 евреев и 1500 крымчаков Симферополя у противотанкового рва на 10-м км Феодосийского шоссе — 9–13 декабря 1941 г.

Рива Канищикова с сыном Женей

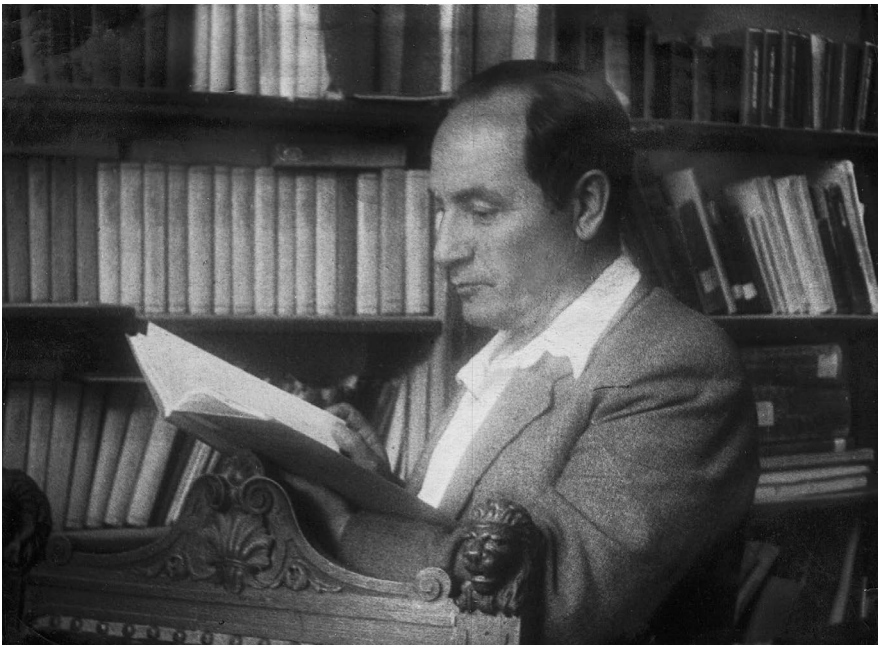
себя в деньгах и отрывать от себя.

Живёт М[ария] В[асильевна] в другой квартире по Битакской ул. № 24. Она имеет маленькую комнатку.

Еле передвигается по комнате, ноги совсем отказываются ей служить, но лежать не хочет. Она ~~поч[ти] совсем~~ никогда не плачет, но смотреть на её переживание слишком тяжело. Как-то я пришла к ней, когда она убирала письменный стол, уставленный [фото]карточками близких ей людей. Она держала [фото]карточку Ривы и со стоном произнесла: «Бедная голубка, какую ты страшную казнь приняла, в какие ты чудовищные руки попала». Долго, долго сидела она потом, задумавшись, а я рядом с ней тихонько плакала, глядя на эту старуху, поистине страдалицу, на её неописуемое горе. Затем она спросила меня, могу ли я себе представить лицо Петрика, лицо, с которым он пошёл на казнь. Много горя переживаю я, навещая её, но оставить её не могу. Сейчас я в затруднении: женщина, которой поручено за ней смотреть, должна уехать в деревню.

Я обещаю М[арии] В[асильевне] взять её к себе, но условия мои не совсем мне это позволяют.

Но, конечно, оставить её одну на зиму нельзя. Ещё подумаю над этим вопросом. Она меня считает в Симф[ерополе] самым близким и



П. М. Михайлов

родным человеком. Так обстоит дело с М[арией] В[асильевной].

На другие вопросы, которые Вас интересуют, тоже постараюсь ответить. Когда Ваша семья жила счастливо, я почти не бывала у них. Но то хорошее, что сделал для меня П[ётр] М[итрофанович], всегда тянуло к этим людям. А когда вдруг 12 декаб[ря] 1942 г. [1941 г. — Сост.] была произведена казнь евреев, я тесно сдружилась с Вашей семьёй. Рива была освобождена от «переселения» как жена русского. На паспорте сделана была надпись об этом. Мы вместе ходили за этой надписью. Ко мне относились по-родственному и Рива, и П[ётр] М[итрофанович], ждали меня, долго разговаривали почти весело, старались забыть случившееся. Но вдруг (приблизительно через 1,5-2 м[есяца] проползла страшная весть о том, что забирают и жён русских. Эти минуты слишком тяжело мне вспоминать.

Каждый день, навещая их, я видела неописуемые муки этих людей. Обыкновенно Рива провожала меня до калитки и, обливаясь слезами, она молила меня поддержать морально П[етра] М[итрофановича] и любить Женечку и навещать их, пока они забудут её.

Она прощалась с солнцем, с садом, с жизнью.

За 3 дня до своей гибели она крепко, вся в слезах, поцеловала меня, обещала быть у меня на 2-й день, хотела обязательно сказать

мне о чём-то, что её так томит и что она хочет только мне доверить, а через 3 дня её уже не стало, да ещё погибла и вся семья. Женечку пришедший агент сказал взять тоже, тогда Рива просила его зайти в 5 ч., когда придёт П[ётр] М[итрофанович], чтобы он простился с сыном. Агент пришёл через час. П[ётр] М[итрофанович] пошёл со всей семьёй и больше никто не возвратился.

Так погибла семья, это было, если я не ошибаюсь, в феврале месяце 1942 г. Я тяжело заболела и психически, и физически. Смерть этой семьи слишком тяжело отразилась на мне. Да и нельзя было в тот период времени быть здоровой, тот ужас, который нам пришлось пережить в связи с чудовищной казнью евреев, навсегда останется в памяти. Мне слишком больно всё вспоминать, при встрече, дорогая, я расскажу подробнее, а сейчас всё слишком больно для меня, а для Вас, родная, уж и представить трудно. Посылаю Вам фотографию: Рива, снятая с сыном П[етра] М[итрофановича], о котором мы ничего не знаем, Ривочка одна и П[ётр] М[итрофанович].

Кончаю своё письмо. Следующий раз напишу более толковее, сейчас устала.

Всего хорошего. Ваш друг Н[адежда] А[ндреевна].

АНПЦХ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 114, 119; 114, 116, 120, 122.

«ВСЕ ОНИ ПОГИБЛИ В ОДИН ДЕНЬ С МОЕЙ ФРИМОЙ»

*Письмо **Ф. Я. Тарло**, чьи родственники погибли в г. Бар Винницкой обл. УССР (ныне — Украина), было отправлено из г. Анжерка (ныне — Анжеро-Судженск) Кемеровской обл. сёстрам **Эсфири (Эде)** и **Фаине Пивенштейн**, эвакуированным в пос. Ак-Булак Чкаловской обл. (ныне — Акбулак Оренбургской обл.). Их родители — Ефим (Хаим) Давидович (род. в 1870-е)[1] и Клара (Хая) Моисеевна (род. в 1870-е) — были расстреляны оккупантами в Баре 19 августа 1942 г. Упоминаемая в тексте Рая — сестра Эсфири и Фаины — Раиса Пивенштейн (Чулкова) (1923–1982). Краснофлотец, в 1942–1946 гг. служила в частях ПВО КБФ. Её муж — И. Л. Чулков также служил в ПВО КБФ.*

Копия письма и фотографии переданы дочерью Р. Е. Пивенштейн — Л. И. Киселёвой (Реховот, Израиль).

19 июля 1944 г.

Уважаемые мои.

Получил ещё в Баре Эдена письмо, но не успел ответить, ибо я уже собирался ехать сюда, решил ответить уже отсюда. К великому горю, я вам должен писать всё. Ваши родители и Сруль с женой[2], Инда с мужем[3] и Энця с семьёй[4], и Мира с ребенком[5] — погибли от немецких бандитов, остался живой только муж Миры Лахтерман — Ноех. Мать Лейба тоже погибла, все они погибли в один день с моей Фримой[6], т. е. 19-го августа [19]42 года. Дома все разобраны: ваши дома и дом Лейба, и мой. Меня и Бранця, и Арон с семьёй[7] тоже погибли уже

[1] Здесь и далее — у лиц, убитых в 1942 г. в Баре, год смерти дополнительно не оговаривается.

[2] Израиль Исаакович Пивенштейн (род. в 1870-е). Погиб с женой — Сарой Моисеевной Пивенштейн (Вулер) (род. в 1870-е). Вероятно, двоюродный брат Ефима Пивенштейна.

[3] Инда Израилевна Хаслер (Пивенштейн) (ок. 1900 г. р.). Погибла с мужем — Яковом (ок. 1900 г. р.).

[4] Энця Израилевна Эльстершамес (Пивенштейн) (ок. 1897 г. р.). Погибла с мужем — Григорием (ок. 1897 г. р.) и сыновьями — Моисеем (1920 г. р.) и Абрамом (1930 г. р.).

[5] Мира Израилевна Лахтерман (Пивенштейн) (род в. 1900-е) — погибла с двухлетней дочерью (её имя неизвестно).

[6] Фрима Тарло (ок. 1887 г. р.) — вероятно, жена автора письма.

[7] Арон Пивенштейн (ок. 1887 г. р.). Погиб с женой (имя неизвестно, ок. 1892 г. р.), дочерью — Зинаидой (1922 г. р.) и сыном — Моисеем (1926 г. р.).

15-го октября того же года[1]. Было бы хорошо, чтобы кто из вас приехал сюда, поговорим обо всём, а также относительно вещей, что я знаю, вам скажу, видел в Виннице Бранцю и Иду, они меня провожали на станцию, помогали вещи подать в вагон, выглядят хорошо. Ида — красавица, она работает в военном госпитале. Волька я видел ещё в Баре, когда он ехал в Гречаны. Феня мне сказала, что Феця хочет приехать к нам. Приглашаем с удовольствием, приезжай мы тебя примем хорошо. От вас Рае я взял ещё в Баре письмо в горсовете и сейчас же я ей написал ответ, в общем, старайся приехать поговорить обо всём.

Всего хорошего, в[аш] уважаемый,

Тарло.

АНПЦХ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 152.

[1] Евреи Бара, расстрелянные 15 октября 1942 г., в составленных после освобождения города списках значатся убитыми во время предыдущей массовой казни — 19 августа 1942 г. (Тарлов Е. И. Холокост: свидетельство очевидца. Трагедия еврейской общины г. Бар. Запорожье, 2001. С. 38. См. также: Додик С. Д. Судьба и жизнь мальчика из расстрелянного гетто. М. Центр «Холокост», «Калейдоскоп», 2004).

«МНЕ НЕ СУЖДЕНО ИЗМЕНИТЬСЯ»

Я. Г. Эйдельман. Надпись на обороте: «На память маме от Яши».

***Эйдельман Яков Гаврилович (Габриэлевич) (1919–1944)**. Родился в г. Уфа Башкирской АССР (ныне — Республика Башкортостан). В 1923 г. с семьёй переехал в Москву. В 1937 г. окончил десять классов, в 1938 г. поступил на экономический ф-т МИИС (ныне — МТУСИ). Там был инструктором ПВХО, председателем боксёрской секции. Призван в РККА в августе 1941 г., однако уже осенью, согласно приказу Наркомата обороны, возвращён в МИИС, зачислен на отдельный военный ф-т связи и вместе с ним эвакуирован в г. Ташкент УзССР (ныне — Республика Узбекистан). В октябре 1942 г. лейтенант Я. Г. Эйдельман — командир роты связи 804-го сп 229-й сд. С февраля 1943 г. — командир взвода связи в том же подразделении. Воевал на Волховском, затем Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. Легко ранен 3 августа 1944 г. Спустя двое суток был тяжело ранен, умер 7 августа 1944 г. Похоронен на территории санатория в г. Балви ЛатвССР (ныне — Латвийская Республика). В 1973 г. на месте погребения была установлена именная могильная плита. Награждён орденом Красной Звезды (посмертно) и медалью «За боевые заслуги» (1944).*

Родители Я. Г. Эйдельмана — Гавриил Матвеевич (Мордухович) (1878–1942) и Минна Яковлевна (1887–1943) — умерли в эвакуации в г. Молотов (ныне — Пермь). С ними находились сестра Я. Г. Эйдельмана — Дора (Двойра) Эйдельман (1915–1985), её муж — Борис Михайлович Сарычев (1904–1961) и их сын — Сергей (1936 г. р.). До декабря 1943 г. сестра работала в Молотове санитарным врачом, её муж — инженером-электриком, затем они вернулись в Москву.

Письмо Я. Г. Эйдельмана адресовано сестре и её мужу в Москву. Сестре также адресовано письмо его однополчанина — Н. А. Головина.

Копии писем и фотографии переданы племянником Я. Г. Эйдельмана — С. Б. Эйдельманом (Москва).

Письмо Я. Г. Эйдельмана сестре и её мужу

30 июля 1944 г.

Дорогие Дора и Боря!

Наконец появилась возможность писать вам.

Как ни странно, а я уже в Советской Латвии. Гуляю по её просторам и гоню с неё проклятую немчуру.

Здесь замечательная природа, прекрасные леса, рощи, много садов, преимущественно небольшие. Все селения состоят из отдельных хуторов, красиво расположенных. Имеются небольшие самосадные рощицы. Вначале мне встречалось исключительно русское население, сейчас всё больше и больше попадаются латвийцы.

31 июля 1944 г.*

Всё продвигаемся вперёд на запад, даже не успеваю в один день письмо написать. Погоды стоят замечательные, но ночи холодноватые. У меня пока всё в порядке.

Интересно, бывает ли у вас Марк Полян[1], Если его увидите, передайте, чтобы черкнул пару строк. Он теперь совсем большой, скоро, очевидно, окончит институт. Это до некоторой степени завидно. Но ничего. Постараюсь упущенное наверстать. С Олей[2] переписываюсь регулярно. Нет смысла терять с нею дружбы, ведь почти все юношеские годы мы провели вместе. Интересно, что она из себя сейчас представляет. Наверное, стала мадмуазель, что и не подойдёшь. Да, скорей бы возвратиться в родной дом. Всё очевидно сильно изменились, а я, как видно, мне не суждено измениться, остался, по-моему, таким же, каким и был.

Ну, пока всего хорошего. Жду ваших писем.

С приветом, Ваш Як.

---

* Продолжение письма от 30 июля.

[1] Марк (Мордехай) Павлович Полян (1922–2011). В годы войны — студент ММИ/МВТУ им. Н. Э. Баумана (ныне — МГТУ им. Н. Э. Баумана). Его мать — Эмма Матвеевна — была внучкой долгиновского раввина Эйдельмана. В 1942–1943 гг. М. П. Полян был эвакуирован в Ижевск. После окончания вуза работал на протезно-ремонтном заводе в Казани, в Главном управлении протезной промышленности Министерства социального обеспечения СССР, директором и зав. отделом Экспериментального завода Центрального научно-исследовательского института протезирования и протезостроения, доцентом Московского государственного института культуры.

[2] Девушка Я. Г. Эйдельмана.

Д. Г. Эйдельман с Б. М. Сарычевым и сыном Сергеем. Май 1948 г.

Письмо ст. лейтенанта Н. А. Головина сестре Я. Г. Эйдельмана

19 августа 1944 г.

Здравствуйте, уважаемая т. Эйдельман Д. Г. Это пишет не знакомый для вас, а товарищ по оружию вашего брата Эйдельмана Якова Гавриловича, который пятого августа тяжело ранен и отправлен в госпиталь[1]. Фото были у него в сумке, направляю вам, как получите, сообщите мне, он вам напишет с госпиталя. И пришлите мне его адрес, который он вам пришлёт. На этом, с фронтовым приветом, ст[арший] л[ейтенан]т Головин.

Мой адрес: Полевая почта 10982

Головин Николай Алексеевич

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 630, 631; 625, 628.

[1] Автор ещё не знал о смерти однополчанина.

«ТЫ ДАЖЕ НА РАССТОЯНИИ БУДЕШЬ ЧУВСТВОВАТЬ МОЮ ЛЮБОВЬ И ПРЕДАННОСТЬ»

Обшадко Мира (Мирьям) Григорьевна (Гиршановна) (1913–2006). *Родилась в г. Камышине Саратовской губ. (ныне — Волгоградской обл.) в религиозной семье Гирша Молчадского (умер в 1947 г.). Младшая дочь (всего детей в семье было шестеро). В 1914 г. её семья переехала в г. Рязань, где Мира окончила музыкальную школу и училище. В 1937 г. поступила в Московскую консерваторию (ныне — МГК им. П. И. Чайковского) на дирижёрско-хоровой ф-т. В 1938 г. вышла замуж за Б. И. Обшадко. В 1941–1943 гг. вместе с коллективом консерватории находилась в эвакуации в г. Саратове. После войны работала в Москве в Детской музыкальной школе № 21 (ныне — Детская школа искусств им. И. С. Баха). Заслуженный работник культуры РСФСР (1972).*

Б. И. Обшадко

Обшадко Борис Иосифович (1908–1977). *Родился в дер. Охматов Киевской губ. (ныне — Черкасской обл., Украина). До 18 лет жил в г. Умань, затем переехал в Москву. Работал токарем, в 1940 г. окончил механический ф-т Всесоюзного заочного индустриального института (ныне — Московский политехнический университет). Инженер-механик. После института работал на оборонном предприятии, в августе 1941 г. отказался от брони[1] и был призван в РККА. С октября 1941 г. по март 1942 г. — курсант эвакуированного в Горьковскую обл. Ленинградского училища военных сообщений им. М. В. Фрунзе (ныне — Военный институт Железнодорожных войск и военных сообщений). Воевал на Юго-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Степном и 2-м Украинском фронтах; командир взвода, позднее — начальник подвижной ремонтной мастерской. Участник Советско-японской войны в августе 1945 г. Старший лейтенант. Демобилизован в марте 1946 г. Награждён орденом Красной Звезды (1944), медалями «За оборону Кавказа»,*

[1] Освобождение от призыва в армию.

«За взятие Будапешта» и «За взятие Вены». После войны — автор учебников по токарному делу и технологии, канд. тех. наук. Заслуженный учитель профтехобразования РСФСР (1964).

Сохранилось одно письмо М. Г. Обшадко мужу на фронт.

Копия письма и фотографии переданы их дочерью — Л. Б. Обшадко (1946 г. р.) (Москва).

25 августа 1944 г. [Москва]

Голубочек мой родной, любимый!

Не то чтобы ждать до воскресенья, не писать тебе 2 дня, как думалось, но сейчас, сегодня, ни минуты не могу ждать. Только что приехала с вокзала домой, с Курского вокзала, столь памятного мне и тебе. Вся грязная, пыльная, лохматая, очень уставшая, окинула комнату, всё в порядке, от всей комнаты дышит страшнейшим безмолвием, даже часы остановились, вот деньги, оставленные тобой, мне стало как-то нехорошо, очень нехорошо, и я, ослабевшая, прилегла на диван, но тут же вскочила и, грязная, неумытая, но всё ещё тёплая от твоих прощальных поцелуев, бросилась тебе писать. Ничего другого не могу сделать, это моё спасение сейчас, иначе буду рвать, метать, рыдать, кричать, не знаю даже, что и делать буду от отчаянной тоски по тебе. А вот пишу тебе, и слёзы мои тихие, безропотные, молчаливые.* Борик! Такой глубокой грусти никогда, кажется, и не было. Мне безумно хочется тебя вернуть, ещё и ещё целовать тебя, бесконечно целовать, уверять тебя в своей любви, мой единственный, да, единственный, страшно горько от сознания, что я мало уверяла тебя в любви своей, что я огорчала тебя, во всём этом убедишься по приезде своём домой.

Мысль, что ты будешь сомневаться в этом или будешь неспокоен, терзает и ранит меня, но, Борик, золотенький, всё сделаю так, что ты даже на расстоянии будешь чувствовать мою правдивость, искренность, любовь и преданность тебе. Знай, Борик, что никогда я не лгала, не умею и не буду уметь.

Хочу, чтоб всю жизнь ты был таким, как был сейчас, об этом мечтаю, и для этого со своей стороны сделаю всё, чтоб заслужить от тебя того, о чём мечтаю. И вот, когда ты вернёшься, мы будем счастливы, всё плохое останется позади, и начнётся наша жизнь, вечная молодость, ведь так, мой гуленька?

Мне страшно кончать письмо, я опять одна осталась, как бесконечно и писала бы, но ведь надо дела делать. Сейчас 4:30, умоюсь, потом, возможно, поеду в твой институт. Ты скажешь, «не могла сразу поехать, сделать дело, а потом писать?» Не сердись, милый, не мог-

* На письме видны следы слёз.

ла — не могла, мне* надо было успокоиться на письме к тебе, мне очень тяжело.

В институт, конечно, уже поздно, ну завтра поеду. Соседи говорят, что никто не приходил, всё в полном порядке с квартирой.

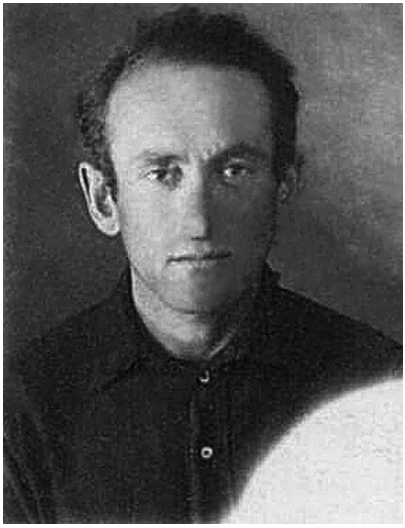
Целую тебя бесконечно. Твоя Мира. <…>

Мира Обшадко встречает Бориса, вернувшегося с войны. Москва. 1945 г.

АНПЦХ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 71; 79, 82.

* Далее одно слово неразборчиво.

«НАВЕРНОЕ, ПИШУ ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО»



Г. А. Браславский

***Браславский (Брославский) Гавриил Аронович (1906–1945)**. Родился в г. Томске Томской губ. (ныне — областной центр). Призван в РККА 24 ноября 1943 г., боевую подготовку проходил в Омске. Рядовой пулемётной роты 302-го сп 29-й сд (1-й Прибалтийский фронт). Награждён медалями «За отвагу» (1944) и «За боевые заслуги» (1944). После ранения, полученного 17 октября 1944 г., направлен в 49-й гв. сп 16-й гв. сд (3-й Белорусский фронт). Погиб 6 апреля 1945 г., похоронен на территории усадьбы Вундлакен в Восточной Пруссии (ныне не существующий н. п. в Гурьевском р-не Калининградской обл.). Имя увековечено на мемориале «Память» в г. Калининграде.*

Письма Г. А. Браславского адресованы брату — Моисею (Михаилу) и матери — Прасковье Браславской в г. Белово Кемеровской обл., а также сёстрам — Итте и Раисе в дер. Новиково Парабельского р-на Томской обл[1]. Упомянутый в письмах Исай (1912–1992) — брат Г. А. Браславского, был призван в РККА до войны, проходил службу на Дальнем Востоке.

Письмо о гибели Г. А. Браславского от его однополчанина — Логинова — адресовано Моисею Браславскому.

Копии писем переданы внучатой племянницей Г. А. Браславского — Е. И. Эрбсман (Екатеринбург).

Письмо Г. А. Браславского брату

29 ноября 1944 г.

Здравствуй, дорогой брат! Я вам послал 2 открытки от 24.10 и 3.11, где сообщал, что был ранен. Находился с месяц в Двинске в сортировочном госпитале, а сейчас в стационарном, км в 10 от города Двинска. Раны заживают, но не знаю, сколько здесь пробуду, — пиши скорее на этот адрес — возможно, получу. Здесь ещё нет снега.

[1] На письмах ошибочно указана Новосибирская обл.

Пиши — привез ли к себе мать — жива ли, здорова она! А также где устроились сестра, где Исай и другие братья — живы ли, здоровы? Как живёшь? Здорова ли твоя семья? Пишу одной рукой. Ну, пока прощай. Гавриил.

Письмо Г. А. Браславского сёстрам

3 февраля 1945 г.

Здравствуйте, дорогие сёстры! Я вам пишу впервые после ранения, о котором вы, наверное, знаете, я думаю, от Моисея, т. к. я ему только и писал. Был ранен 17.10.44 в левую руку осколками мины в 3 местах. Сейчас раны зажили, но рука ещё плохо работает. Я вам послал телеграмму, но ответа не имел. От Моисея, вернее, от Михаила, из Новосибирска имел телеграмму, что все здоровы, за что я рад. Хотелось бы узнать как вы живёте! Вместе ли с Иттой, т. к. я от неё имел всего 2 письма. В последнем она осенью сообщала, что ты была в Томске — ездила к Давыду[1] и, возможно, станет работать завшколой в км 10 от Новиково. Не знаю, где живёт мама. Нахожусь в госпитале в 5 км от Двинска в дачной местности в сосновом бору. Питание ничего. Не знаю, куда направят после выздоровления. Я как-то имел письмо от вашей приятельницы осенью до ранения во время наступления, где она просила узнать о родных в Риге. Так передайте, что я извиняюсь, что не ответил. Ну, прощайте. Гавриил.

Письма Г. А. Браславского брату и матери

21 марта 1945 г.

Здравствуйте, дорогие! Пишу вам из Восточной Пруссии, недалеко от Кёнигсберга. Сегодня отправляют часть на фронт. Я посылал вам ранее из Двинска 2 письма. Работал месяц в пекарне после госпиталя. Потом комиссия признала годным к строевой службе в очках –6Д, а ранее считали 7Д. От Итты имел 1 письмо 8.2 и долго не отвечал. Спасибо. Сфотографироваться я не успел. Хотел знать о Рае, Давыде, Исае. Буду жив — напишу. Будьте здоровы. Гавриил.

29 марта 1945 г.

Здравствуйте, дорогие! Пишу вам из В[осточной] Пруссии. Нахожусь недалеко от Кёнигсберга. Наверное, пишу последнее письмо,

[1] Брат Г. А. Браславского.

т. к. скоро пойдём в бой. Но вы обо мне не горюйте, такая, видно, моя судьба. Я вам посылал ранее письма, от Итты имел одно, когда был в госпитале. Рука ещё как следует не работает. Хотелось бы узнать, где Давыд, Исай и другие. Если останусь жив, то напишу. Вы пишите. Ну, будьте здоровы! Дорогие, живите дружно и не ссорьтесь, помогайте друг другу. Гавриил.

Письмо однополчанина — Логинова о гибели Г. А. Браславского

21 мая 1945 г.

Здравствуйте, т. Браславский

С гвардейским приветом, Логинов.

Вы писали нам на часть письмо и просили, чтобы вам сообщили, при каких обстоятельствах погиб ваш брат, это, конечно, я могу описать. Дело было так. Находились мы на исходном положении на подступах к городу Кёнигсберг, ещё за два дня до начала наступления, точно не помню, какого числа, как будто 3 апреля. Они с одним бойцом днём ходили за завтраком, но там, где проходил передний край, днём ходить было нельзя, активничали его снайпера́, и вот они пошли с переднего края, было темно, но, покуда ходили, задержались и шли обратно, уже рассвело. Несли они на себе термоса́, и как раз немецкий снайпер попал ему в голову, и он сразу был убит, даже слова не сказал. Вот при таких обстоятельствах постигла его смерть, похоронили его там недалеко от Кёнигсберга. Конечно, вам его жаль. Но мы — гвардейцы, на его похоронах поклялись отомстить врагу за вашего брата, и мы свою задачу выполним. Участвовали в разгроме немцем в Кёнигсберге. За что каждый боец получил личную благодарность т. Сталина[1]. Также нанесли удары — гвардейские удары в боях за город Пиллау. <…>

Наш пламенный гвардейский привет вам, дорогие друзья.

До свидания.

[Подпись]

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 640, 638.

[1] Грамота-благодарность от Верховного Главнокомандующего за взятие (освобождение) населённого пункта — распространённый вид поощрения в РККА в 1944–1945 гг.

«ВАШЕ БЛАГОСЛОВЛЕНИЕ ВЕРНЁТ МЕНЯ К ВАМ»

Смоляр Александр (Абрам) Львович (1915–1945). *Родился в Москве. Призван в РККА в октябре 1941 г. Воевал на Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 2-м Прибалтийском фронтах в 1242-м сп и 1244-м сп 374-й сд. Химинструктор батальона, затем — старшина роты. Ранен в 1942 г. и дважды в 1943 г. Получив увечье, отказался возвращаться домой и остался на фронте. Звание — старшина. Награждён тремя медалями «За отвагу» (1944 — дважды, 1945), медалью «За оборону Ленинграда» (1942). Погиб после окончания войны, 1 июня 1945 г., в г. Вентспилс ЛатвССР (ныне — Латвийская Республика), похоронен там же на братском кладбище.*

Младший брат А. Л. Смоляра — Зис (Николай) (1919–1984) — в РККА с 1939 г., лейтенант. Служил в военкомате. С декабря 1941 г. — командир роты на Северо-Западном фронте. 2 мая 1942 г. был тяжело ранен, перенёс пластическую операцию, по личному желанию остался в действующей армии — командиром взвода 1263-го сп 381-й сд (1-й Прибалтийский фронт). Вновь тяжело ранен 6 февраля 1944 г. в Витебской обл. БССР (ныне — Республика Беларусь), потерял ногу, был ошибочно признан погибшим и оставлен на поле боя. Подобран наступающими войсками второго эшелона, проходил длительное лечение в Москве. Награждён орденом Отечественной войны II степени (1945).

Родители — Лев Абрамович и Рахиль Ицковна, сёстры — Анна и Циля — жили в Москве, в 1941 г. уехали в эвакуацию, затем вернулись домой. Анна Смоляр (после замужества — Люлько) (1925–2004) в годы войны работала в Москве на Авиационном заводе № 23 (ныне — Государственный космический научно-производственный центр им. М. В. Хруничева).

Письмо Александра Смоляра адресовано брату — Николаю (находился в госпитале), сёстрам и родителям в Москву.

Копия письма и фотографии переданы мужем А. Л. Люлько (Смоляр) — С. Я. Люлько[1] *(Москва).*

З. Л. Смоляр

[1] Семён Яковлевич Люлько (1926 г. р.). В РККА с 1943 г. Ефрейтор 100-й Свирской вдд, войну закончил в Праге.

13 декабря 1944 г.

Боевой фронтовой привет!

Здравствуй, дорогой братишка Коля, шлю тебе я свой горячий братский привет и желаю тебе много лет жизни и счастья в твоей молодой жизни.

Дорогой братишка, поздравляю тебя с Новым годом — 1945 и желаю успехов в твоей жизни. Скорей бы нам собраться вместе, в родном доме.

Дорогуша, где я нахожусь, по-моему, ты представляешь, уже погода осенняя, то дождь льёт, то снег, в общем, не лето и не зима. Дорогой братишка, до Нового года осталось 18 дней, и вот я пишу тебе это письмо в землянке, горит лампочка и печка жужжит. Жизнь фронтовая тебе, по-моему, понятна. Коля, посылаю песенку к тебе. Она говорит о прошедших делах, там, где и я проходил и своей кровью эту землю окрасил.

Вот перед тем как вам, сидя за столом, встречая Новый год, спойте эту песенку, поднимите бокалы вина. Это будет в честь меня, очень хотелось бы быть в эти минуты с вами, но, наверное, не пришло ещё время. Но не так далёк этот час, когда я вернусь к вам.

Эта песенка:

«Волховская застольная песня»[1] <…>

Дорогие мои, встречая Новый год, стоя, в руках держа стаканчик вина, вспомним мы светлые и чистые сердца павших героями <…>[*]

Дорогие мои, далеко вы от меня собираетесь, но мои сердце и мысли будут с вами, и не далёк тот день, когда вернусь к вам, и мы все вместе будем вокруг вашего общего стола, ждите же, мои дорогие, и я вернусь к вам, ваше благословление вернёт меня к вам, оно предохранит меня от всех горь.

Будьте же живы и здоровы, ваш преданный сын и брат, который желает быть с вами в вашем родном доме. Целую вас всех много-много раз, ваш Смоляр Саша. Жду ответ, пишите почаще, буду очень рад. Жду ответ, Латыш[2].

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 700; 685.

---

[1] Далее автор приводит текст «Волховской застольной» — популярной в годы войны песни на стихи военного корреспондента, поэта и журналиста П. Н. Шубина.

[*] Фрагмент письма не сохранился.

[2] Автор письма находился в тот момент в Латвии.

«ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ! КАК ДОЛГО МЫ ЖДАЛИ ЭТИХ ДВУХ ПРОСТЫХ СЛОВ»

Е. В. Гохман

***Гохман Евсей Вульфович (1921–1980)**. Родился в Минске. До войны жил в Москве, оттуда призван в РККА в 1940 г. На фронте с августа 1942 г. Воевал на Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах. Дважды был контужен. Старший сержант. Участник Сталинградской битвы. Авиационный механик, в конце войны — начальник наблюдательного поста 55-й отд. роты ВНОС. Награждён медалью «За боевые заслуги» (1945) и «За оборону Сталинграда» (1943). В годы войны вёл переписку с матерью — А. Е. Сегалевич.*

Копии писем и фотография переданы вдовой Е. В. Гохмана — Б. Я. Гохман (Москва).

Письмо Е. В. Гохману от матери

[13-19 апреля 1945 г. Москва]

Дорогой сыночек!

Я счастлива каждый раз, получив от тебя весточку. Твои письма такие хорошие, они меня согревают. Сыночек, постарайся описывать всё пережитое. Я и мои друзья убеждены, что у тебя писательский талант, и все советуют, чтобы ты это постарался воспитать в описании пережитых тобой событий. Поздравляю тебя, дорогой, с взятием Вены, уже скоро наступит час, когда мы с тобой увидимся, и я тебя сумею видеть каждый день, какое это счастье. А пока ты прав, надо ещё с большей яростью уничтожать врага и добиться полной победы. Желаю тебе здоровья и счастья. Поздравляю с праздником 1-го мая.

Пиши нам почаще. Твои письма — это самая большая радость для меня. Целую тебя крепко. Мама.

Напиши дяде Ефиму, ведь ему очень тяжело после гибели семьи. Очень прошу тебя. Полевая почта 5211. Е. Е. Сегалевич[1].

[1] Ефим Евсеевич Сегалевич (1896–1961). Родился в дер. Городея Минской губ. (ныне — пос. Городея Несвижского р-на Минской обл., Республика Беларусь). Призван в РККА Минским ГВК 22 июня 1941 г., служил в системе снабжения фронта горючим. Майор административной службы.

Е. В. Гохман (слева) в госпитале

Письмо Е. В. Гохмана матери в Москву

9 мая 1945 г.

Здравствуй, дорогая милая мама!

Поздравляю тебя, мамочка, Кима, тетю Фаню[1], дядю Ефима, всех родных и знакомых. Победа!!! Полная и окончательная.

Это нельзя передать словами. Наш лексикон ещё слишком беден. Хочется сделать что-то из ряда вон выходящее. В общем, не могу передать всех тех разнообразных чувств, которые сейчас бушуют во мне. Я безмерно рад, даже слишком рад. Моментами кажется, что это происходит не наяву, но трезвая, всегда трезвая, действительность возвращает меня на землю.

Война кончилась! Как мы долго ждали этих двух простых слов. Сколько счастья и надежд принесли нам эти слова! Сколько бодрости они в нас влили!

Если б вы знали, до чего хорошо жить. Работать на благо нашей любимой родины, любить, мечтать. В этом и заключается счастье. Теперь я уже твёрдо знаю, что всё это у меня впереди, в недалеком будущем. Скоро, очень скоро не буду видеть ни немцев, ни австрийцев, ни прочей… Надоело быть в чужих краях. Я сыт ихней «цивилизацией» по горло. Скорей домой, скорей в Москву! Подведу небольшой итог.

Я с боями прошёл часть Румынии и часть Югославии, Венгрию, часть Австрии. Проехал Болгарию с востока на запад. Правда, нашему фронту не пришлось быть в Германии. Но, что поделаешь. Я солдат. Приказ есть приказ. Выше себя не прыгнешь. Немного обидно. Не полностью рассчитался со сволочью. Однако меня утешает, что братья по оружию, войны 1-го Белорусского и 2 Украинского фронтов постарались на славу. Отомстили за весь наш многострадальный советский народ.

Довелось мне быть в Бухаресте, Софии, Белграде, Будапеште и в Вене. Видел всякое. Приеду — расскажу. Несколько слов о себе.

[1] Фаина Евсеевна Сегалевич (1904–1974).

Я по-прежнему жив здоров.

Надеюсь скоро быть дома.

Очень хочу: «Учиться, учиться и учиться»[1]. Мне уже 23 года. Из них 4,5 года я провёл в армии. Немного грустно. Немного завидно тем, кто эти годы провёл в семье, дома. Но то, что я с августа месяца и по сие время провёл на фронте, с небольшими перерывами, и не вышел из строя, — это тоже кое-что значит. Это зачтётся. Новгород и Калинин, Сталинград, снова Новгород, Бухарест, София, Белград, Будапешт и Вена. Не скоро сотрутся из памяти эти города. Так что грусть моя — это чепуха. Обойдётся. Кончаю. Сейчас ночь, тихо. Непривычно тихо. Ещё раз. Передайте привет и поздравление с Победой всем родным и знакомым. Привет тёте Фане и дяде Ефиме, крепко обнимаю и целую, тебя, мамочка, Кима, Соню. 09.05. Австрия.

P. S. Написал письмо дяде Ефиму. Старался быть осторожным в выражениях. Не знаю, каков будет эффект.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 714; 707, 719.

[1] Известное высказывание В. И. Ленина.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«ЛАГЕРЬ ИМЕЛ 3500 ЧЕЛОВЕК, ИЗ НИХ УМЕРЛО С ГОЛОДУ 1200»

Н. И. Жосан и Э. И. Жосан (Райтбурд). Надпись на обороте: «Люби меня, как я тебя, и будем вечно друзья. На долгую память любимой Эточке от Мити. 18/V 45 г. [подпись]. Город Кечкемет. Венгрия».

***Жосан (Жасан) Никита (Мыкита) Игнатьевич (1915–1968)**. Родился в с. Митрофановка Херсонской губ. (ныне — Кировоградской обл., Украина). Украинец. В 1931–1934 гг. учился в школе ФЗУ в г. Рыково (ныне — Енакиево) Артёмовского округа (ныне — Донецкой обл.), после окончания которой работал машинистом на местном металлургическом заводе. В 1934–1938 гг. проживал в Закавказье. С 1938 г. жил в г. Днепропетровске (ныне — Днепр, Украина), работал техником-строителем в воинской части № 420, оттуда призван в РККА. Служил в 515-м сп, затем в 469-м сп 150-й сд. Воевал миномётчиком на Южном фронте. При отступлении подразделения остался в группе прикрытия. Вместе с товарищами 21 июля 1941 г. попал в плен и был направлен в г. Васлуй (Румыния), откуда через три дня бежал. Был пойман на р. Прут, помещён в лагерь Владени недалеко от г. Брашов (Румыния). Находился в нём до августа 1943 г., когда в лагерь прибыла комиссия, которая отобрала группу истощённых пленных. В их числе Н. И. Жосан был отправлен на работу в частное хозяйство. 8 июля 1944 г. совершил побег и 12 августа 1944 г. был подобран в истощённом состоянии бойцами Красной Армии. После этого воевал до взятия г. Слободзея, там был помещён в фильтрационный лагерь. После прохождения проверки 8 января 1945 г. повторно призван в ряды РККА и в звании гв. рядового направлен миномётчиком в 311-й гв. сп 108-й гв. сд (3-й Украинский фронт). 10 февраля 1945 г. получил тяжёлое ранение в живот. Награждён медалями «За отвагу» (1945) и «За взятие Будапешта». После ранения в течение*

6,5 месяцев проходил лечение. В эвакогоспитале № 3321 познакомился с санитаркой Эсфирью Исааковной Райтбурд. 24 мая 1945 г. между ними был заключён брак. С 1 сентября 1945 г. Н. И. Жосан вёл дневник и переписывался с супругой, с которой был временно в разлуке. В дневнике и письмах Н. И. Жосан фигурирует под именем Митя; Э. И. Райтбурд — Этя. В 1946 г. у воссоединенных супругов родилась дочь Галина. До 1949 г. Н. И. Жосан вместе с женой работал на заводе в г. Макеевка Донецкой обл., затем переехал в Днепропетровск. Трудился на различных предприятиях, был награждён медалью «За восстановление предприятий чёрной металлургии юга».

***Жосан (Райтбурд) Эсфирь (Эсфира) Исааковна (Ицковна) (1925–1986)**. Родилась г. Екатеринослав УССР (ныне — Днепр, Украина), где летом 1941 г. окончила 9-й класс. После начала войны в 1941 г. вместе с семьёй эвакуировалась из Днепропетровска в Воронцово-Александровский (ныне — Советский) р-н Орджоникидзевского (ныне — Ставропольского) кр., где работала в колхозе и училась в 10 классе. Дальние родственники остались в Днепропетровске и погибли в оккупации. В октябре 1941 г. Э. И. Райтубрд вместе с родными на барже вторично эвакуировалась в г. Красноводск ТуркмССР (ныне — г. Туркменбашы, Туркменистан), оттуда переехала с семьёй в г. Фергана УзССР (ныне — Республика Узбекистан), где работала ткачихой на кирзово-ткацкой фабрике. С марта 1942 г. служила в госпиталях НКВД на должности санитарки и секретаря санчасти. Работала в т. ч. с немцами, пленёнными в Сталинграде.*

Копии дневника, писем и фотографии переданы дочерью — Г. Н. Жосан (Хадера, Израиль).

Письма Э. И. Райтбурд мужу

31 августа 1945 г.

Сегодня, 31/VIII-45 г. в 4:15 дня, мы должны с тобой, Митенька, расстаться. Вместе ушли на пересыльный пункт и там, по-видимому, придётся сидеть до 10 ч. вечера, но я не возражаю даже до утра сидеть с тобой.

Эх, Митенька, как тяжело мне расставаться с тобой, сегодняшний день стоит мне здоровья очень много, а на душе зимний хлад, да если бы мне пришили крылушки, я летела бы за тобой, и мы всегда были бы вместе, но, видно, наша судьба такая, чтобы разлучиться с тобой на время. Но ничего, я уверена, что ты вернёшься ко мне, и я буду верно ждать.

«Я верю, я жду, я тоскую.
Я знаю, что ты вернешься и тогда,
Я так тебя, мой милый Митя,

Поцелую, как ещё не целовала никогда».

Но ничего, я буду верно ждать, и мы встретимся <…>

Кончаю писать, Митенька, свои строки и надеюсь, что ты часто будешь перечитывать мои слова, а я на что в комнате не гляну и всё буду тебя вспоминать.

Не забывай меня, мой родной Митенька, ведь между нами не было никогда плохого, может быть, иногда мы немного ссорились, но это было только потому, что мы крепко любили друг друга и ревновали безумно.

Знай и не забывай, я люблю тебя, это говорит о многом, многом.

Ну, до скорой встречи, родной мой Митенька, пусть наша встреча возобновится так быстро, как быстро было написано моё письмо.

Твоя до гроба

Любящая тебя Этя.

<…>* май — 31 августа 1945 г.

[1 сентября 1945 г.]

Родненький мой, Митенька, здравствуй! Как много часов прошло со времени нашей разлуки — 10-11-12 и т.д., а сейчас уже без 17 минут 8 следующего утра. Почему именно без 17 м[инут]? Да это число глубоко заляжет в моей памяти, и я его никогда не забуду. Митенька, родненький, помнишь, когда мы сидели на станции, на скамейке, я спросила время, и ты ответил «без 17 м[инут] 8», а я пришла домой, и сердце у меня сразу оборвалось, будильник остановился на без 17 м[инут] восемь. Очень стало мне обидно и жаль, что нет хозяина, и некому было завести будильник. Я, конечно, крепко заплакала, но моя розовая маленькая подушечка, которую и ты, и я крепко любили, никому не расскажет.

Где только у меня берутся слёзы, ведь я была такая чёрствая на слёзы!

Вся дорога от станции до нашей комнаты усеяна слезами, моими горькими слезами ото всей души. Митенька! Я тебя послушала, ты велел мне идти позавтракать, я одела фуфайку и пошла, да, но как ты думаешь, полез ли мне тогда завтрак, конечно, нет, слёзы заволакивали глаза, и я вынуждена была уйти со столовой. Я пишу тебе всё-всё, что произошло со мной за целый день. Пришла домой, настроение аховское, в комнате переворот, но руки мои не поднялись утром, и я легла спать в одной фуфайке, так как очень замёрзла, но кто мог бы спать в такие часы, в такие минуты, мне кажется, что никто. Я встала, подошла к умывальнику, чтобы умыться, и от моего сердца сразу оторвался кусочек — Митя, родной, я не могу успокоиться, не могу смириться с тем, что ты уехал, ведь всё-всё на каждом шагу напоминает мне тебя: и подставка возле умывальника, и абажур, и кровать, собранная твоими

* Край письма оборван.

умными руками, и картины над моей головой, и всё-всё, на что я ни погляжу. Моё сердце разрывается на части, глаза уже опухли от слёз, меня ругают Белла и Шура, когда они ни войдут, а я вся в слезах. Но я не могу, я знаю, что мне нельзя, но что я сделаю, если они сами идут.

Митенька, в обед ушла стирать, постирала всё, что ты раздел, и стала гладить, да, родненький, уже дома не придётся мне наглаживать твои рубашки.

Но знай, родной, мне глубоко запомнились твои прощальные слова у вагона, ты сказал: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди»[1]. Я буду ждать и ждать верно, знай, что моё сердце ждёт твоего возвращения, как соловей ожидает возвращения лета.

Ты от меня далеко, далеко, нас разделяют поля и леса, но я хочу, чтобы услышал ты, как тоскует мой голос живой[2]. целую крепко

Митенька, долго-долго я ночью не могла уснуть, я спала с Шурой Бражниковой, я перебирала все ласкательные слова, которые ты мне говорил, «ты моя маленькая»… *целую тебя крепко*.

Ну, пока, родной, всё. Сегодня выписывают ещё 10 ч[еловек] из команды, я передам эту писульку, а ты, в свою очередь, старайся передавать, ибо старшина с пересыльного будет там не раз. И ещё укажи адрес, я буду писать. *целую крепко*

До свидания, до скорой встречи, твоя любящая тебя до гроба жена Этя. (Не забывай!) *целую крепко* <…>

[сентябрь 1945 г.]

Митенька! Родненький ты мой, нет предела моего счастья — получила от тебя весточку, родненький, сколько радости. Утром написала тебе письмо, а в обед мне Лена принесла письмо, я работала в ОВС[3], чинила бельё и прочее. Она вошла и сказала — Этька, танцуй, от Мити письмо. Я вскочила, раскраснелась и сразу прочитала его, твоё крохотное письмо 4 раза, а до вечера, это я уж не знаю, сколько раз я читала. Я показывала его нашим лучшим друзьям. Митенька, родненький, я тебя буду верно ждать, не волнуйся.

С обеда меня вызвали в штаб на работу письменную. Рапорт уже готов с печатью.

Родненький мой, сегодня моя голова немного рассеялась, потому что работала, а вчера, думала, что лишусь ума. Глаза болят и сегодня.

Целую тебя 10000000 раз, твоя любящая тебя жена Этя, та, которая никогда не забудет.

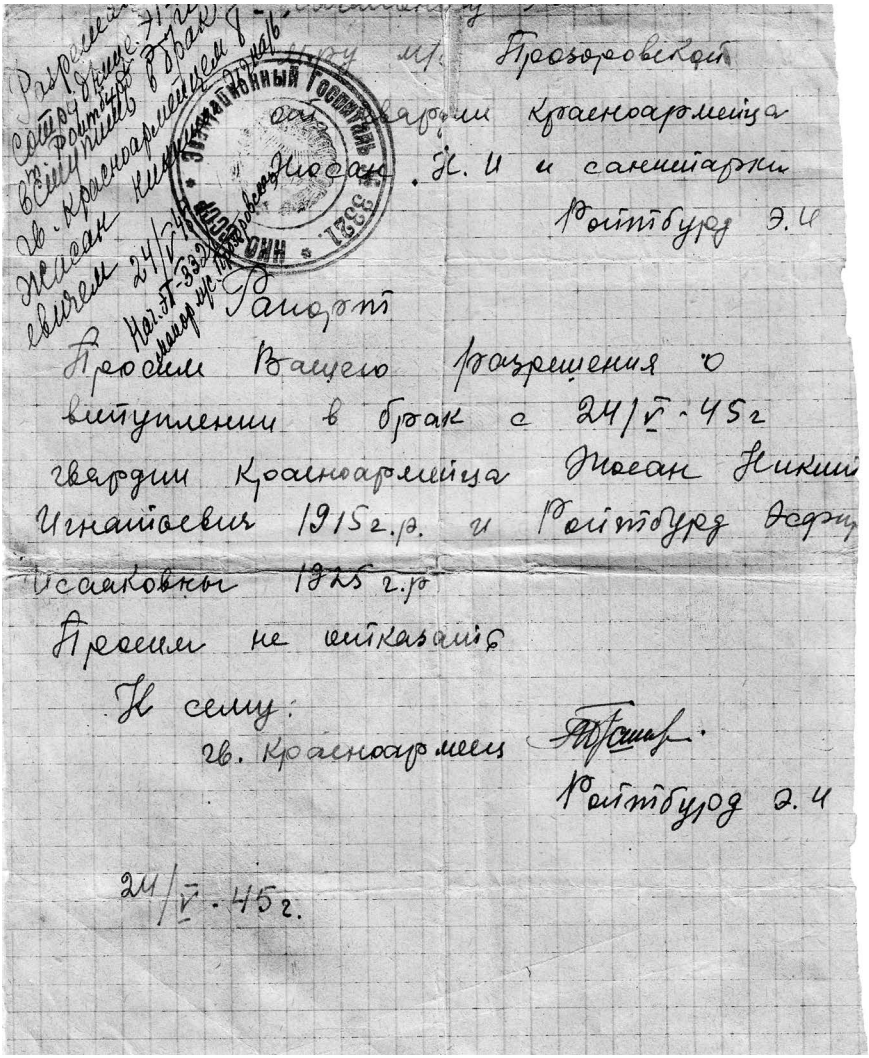
Этя.

---

[1] Строки из стихотворения К. М. Симонова «Жди меня» (1941).

[2] Парафраз строк из песни «Землянка» (1942).

[3] Отдел вещевого снабжения.



Рапорт начальнику эвакогоспиталя № 3321 с просьбой о заключении брака между Н. И. Жосан и Э. И. Райтбурд. 24 мая 1945 г.

Дневник Н. И. Жосана

1 сентября 1945 г. 9:35

Сегодня я расстался с моей любимой женой Этинькой и покинул город Кечкемет, в 2 ч. прибыл в город Сегед. В Сегеде прочёл второй раз письмо[1], просмотрел фотоснимки с моей любимой Этинькой, в настоящее время день на исходе.

6:53 вечера, но на сердце такая тоска, что нет сил удержать слёз. <…>

1 сентября 1945 г. Воскресенье. 3:00. Сегед

Только что прослушал выступление тов. Сталина о новой победе над Японией и теперь могу уверенно надеяться, что скоро буду дома. Сегодня посмотрел кинофильм об Отечественной войне в России, где было показано, как героически защищали города Ленинград, Москву и Сталинград. Сегодня был с Кечкемета человек, которого я не видел, но от ребят узнал, что в госпитале вечер прощальный, очень жаль, что я нахожусь в стороне и не могу провести вечер с тобой, моя Этинька.

[Подпись]

3 сентября 1945 г. Понедельник. Сегед

Подъём в 7 часов утра, встал, побрился, вымылся — и завтрак, завтрак хороший, после завтрака митинг, посвящённый дню победы над Японией, после митинга пошли в кино. В кино взяла такая тоска, что нету сил описать, эх, мечты, мечты, как мне тяжело от вас… <…>

4 сентября 1945 г. Вторник. Сегед

Время 4:25 дня, суточный наряд, я дежурный по пищеблоку, ребята вредные, не хотят работать, прячутся от работы, мне приходится много ходить, но в 10 ч. утра меня подменили, и я пошёл в кино. В кино я немного отдохнул, и сердце моё как будто успокоилось, потому что кино было очень хорошее, был показан американский фильм об одной группе бандитов большого масштаба и об одном молодом человеке, который жертвовал собой ради девушки, которую крепко любил[2]. Остаток дня без перемен. Вечером взяла сильная тоска.

[Подпись]

[1] См. выше письмо Э. И. Райтбурд от 31 августа 1945 г.

[2] Вероятно, вестерн «Дилижанс» (Stagecoach) 1939 г., реж. Джон Форд. Советскому зрителю был знаком в сокращённой редакции под названием «Путешествие было опасным».

5 сентября 1945 г. Среда. 2:15. Сегед, Венгрия

Сегодня у меня большая радость, получил весточку от моей любимой Этиньки и с большим трудом смог написать ей несколько строчек в ответ, описал бы больше, но не было времени, а с письма узнал, что она пока жива и здорова, только тоскует по мне так же, как и я по ней[1]. От ребят я узнал, как провели праздник Победы и как Этинька не пила вино, а отдала другому парню, нашему старому знакомому. Был в кино, где мог свободно мечтать о прошлом и будущем в нашей жизни. Теперь иду на обед и готов уже к отъезду, который должен быть сегодня вечером.

[Подпись]

<…>

7 сентября 1945 г. Пятница. 9 утра. Трансильвания

Стоим на одной небольшой станции, причина стоянки неизвестна.

Сегодня я заметил во мне то, что я никогда не ожидал. Ведь я ещё молодой. Но ничего, что ж, война оставила во мне большие следы, которые ничем не изгладить, но всё же очень обидно. <…> Воздух довольно хорош — свежий лесной, но на душе очень грустно, ведь меня по этой дороге везли в карательный лагерь № 2 в Брашове, где я без малого не оставил мою жизнь, а, что хуже, потому что именно здесь, в Трансильвании, погибли мои лучшие товарищи голодной смертью и от румынско-фашистских издевательств. Лагерь имел 3500 человек, из них умерло с голоду 1200 человек, а 200 человек получили туберкулёз. Везде работа была жуткая, долбили тоннель. В тоннеле сыро и лилась вода со стен и потолка, а снаружи мороз и снег. Так что человек намокал, а на дворе он замерзал, и поэтому так много получили заболеваний туберкулёзом. Пища была 300 грамм мамалыги[2] на сутки и пол-литра тёплой воды, потому что её не хотели даже вскипятить.

3 часа 15 минут. Город Дева

Красивая местность, гор. Дева стоит в середине горной цепи. Над городом возвышается старинная крепость. Город имеет большую историю в прошлом, но и в настоящее время этот город увенчал себя славой. Только слава какая, в этом городе на западе был лагерь пленных № 9, где лучшие русские люди умерли от румыно-фашистской

[1] См. выше письмо Э. И. Райтбурд от 1 сентября 1945 г.

[2] Каша из кукурузной муки или крупы.

каторги. В этом лагере был мой лучший друг Барамба Антон[1], который сумел бежать полуживой и влился в ряды Красной Армии.

<…>

14 сентября 1945 г. Пятница. 1 ч. дня

Сегодня был на комиссии, признали хронический колит желудка ввиду операции живота.

Вспомнилась палата № 6. Когда я пришёл, а Этя пришла, встала сзади стула, обняла за шею и говорит больным, что это мой земляк, которого я крепко люблю, и прижала мою голову к своей груди, хотя у нас с ней тогда не было никаких отношений, но, вероятно, её сердце чувствовало, что она будет и должна любить, и любить по-настоящему.

[Подпись]

15 сентября 1945 г. Суббота. 8 ч. утра. Брашов

Интересная встреча. Провожали домой старшие возраста́, смотрю, ко мне походит старик и спрашивает, откуда вы. Я говорю: с Новой Праги. А он говорит: ваша фамилия Жосан? Отвечаю, да. Вот встреча, ведь я знаю вашего брата Лёню, я с ним служил больше года, а вас узнал, потому что он похож на вас.

Вечером, просмотрел кино о нашей девушке, которая вышла замуж за американца, и как они вдвоем помогали нашей стране во время Отечес[твенной] войны[2].

<…>

28 сентября 1945 г. Воскресенье [Пятница — Сост.]. Брашов

В настоящее время живу, как говорится, чемоданным настроением, всё готово, только ждем эшелона. По комиссии признан негодным к строевой, получил маленькую весточку с Кечкемета. Леля пишет Николаю, что 9-го сентября госпиталь выехал, так что, возможно, доставят Этю в Митрофановку. Очень долго тянутся минуты ожидания.

[Подпись]

<…>

[1] Антон Павлович Барамба, рядовой 136-го сп 97-й сд. Попал в плен в августе 1941 г. на Юго-Западном фронте.

[2] Американский художественный фильм «Песня о России» (Song of Russia) 1944 г., реж. Григорий Ратов и Ласло Бенедек.

4 октября 1945 г. Суббота [Четверг — Сост.]. Брашов

Сегодня получил полностью документы о демобилизации и жду посадки на эшелон. Был бы очень рад, чтобы дома я смог увидеть тебя, родная.

[Подпись]

6 октября 1945 г. Понедельник [Суббота — Сост.]

Итак, нахожусь в поезде, движущемся по направлению родных краёв. Брашов покинул 4-го в 11 час. вечера, предварительно хорошо выкупал дождь до ниток. Эх, как мне надоели все эти нации, от которых не знаю, когда избавлюсь. Сильно хочется увидеть и услышать свой родной язык и свои города и села.

АНПЦХ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 722, 754; 798, 812 .

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список сокращённых слов

АМН СССР — Академия медицинских наук СССР
АО — акционерное общество
артдивизион — артиллерийский дивизион
артобстрел — артиллерийский обстрел
артполк — артиллерийский полк
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
бад — бомбардировочная авиационная дивизия
бап — бомбардировочный авиационный полк
бр. — бригада
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВА — воздушная армия
ВВС — военно-воздушные силы
вдд — воздушно-десантная дивизия
ВИА — Военно-инженерная академия
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНМУ — Винницкий национальный медицинский университет
ВНОС — служба воздушного наблюдения оповещения и связи
ВО — военный округ
ВС РФ — Вооружённые силы Российской Федерации
вторсырьё — вторичное сырьё
гв. — гвардейский, гвардии
гл. — главный
главк — главный комитет
горсовет — городской совет
горуправа — городская управа
ГСМ — горюче-смазочные материалы
ГСОВГ — Группа советских оккупационных войск в Германии
ГТА — гвардейская танковая армия
губ. — губерния
ГУЛаг — Главное управление лагерей и мест заключения
ГЭС — гидроэлектростанция
д. и. н. — доктор исторических наук
д. м. н. — доктор медицинских наук
д-р — доктор
д-р техн. наук — доктор технических наук
ж/д — железная дорога, железнодорожный
зав. — заведующий
зам. — заместитель
замминистра — заместитель министра

замнаркома — заместитель народного комиссара
замполит — заместитель командира по политико-воспитательной работе
иак — истребительный авиационный корпус
иап — истребительный авиационный полк
им. — имени
ин-т — институт
ИПТАБр — истребительно-противотанковая артиллерийская бригада
ИПТАП — истребительно-противотанковый артиллерийский полк
КазССР — Казахская Советская Социалистическая Республика
канд. техн. наук — кандидат технических наук
КБФ — Краснознамённый Балтийский флот
КГМУ — Казанский государственный медицинский университет
КГПИ — Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе
КНР — Китайская Народная Республика
КОВО — Киевский особый военный округ
комсомол — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ)
комсостав — командный (командующий, командирский) состав
кр. — край
лат. — латынь
ЛатвССР — Латвийская Советская Социалистическая Республика
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
Ленэстрада — ленинградская эстрада
ЛитССР — Литовская Советская Социалистическая Республика
м/с — медицинская служба
мал. — маленький
МБОУ — Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
мбр — механизированная бригада
МВД — Министерство внутренних дел
МВО — Московский военный округ
МВТУ — Московское высшее техническое училище
МГК — Московская государственная консерватория
МГМУ — см. Первый МГМУ
МГТУ — Московский государственный технический университет
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
мединститут — медицинский институт

медсанбат — медико-санитарный батальон
мехкорпус — механизированный корпус
МИИС — Московский институт инженеров связи
минрота — миномётная рота
ММИ — Московский механико-машиностроительный институт
МО РФ — Министерство обороны Российской Федерации
МолССР — Молдавская Советская Социалистическая Республика
мст. — местечко
МТС — машинно-тракторная станция
МТУСИ — Московский технический университет связи и информатики
н. п. — населённый пункт
н. э. — наша эра
наркомат — народный комиссариат
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
нач. — начальник
начдив — начальник дивизии
начфин — начальник финансовой службы
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НККХ — Народный комиссариат коммунального хозяйства
НКО — Народный комиссариат обороны
о. — остров
ОБД «Мемориал» — Обобщённый банк данных «Мемориал»
обком — областной комитет партии
обл. — область
облисполком — областной исполнительный комитет партии
оз. — озеро
ОПА — Отдельная Приморская армия
ОПИ — Одесский политехнический институт
отд. — отдельный
п/п — полевая почта
п/я — почтовый ящик
партбюро — партийное бюро
парторг — партийный организатор
партсобрание — партийное собрание
ПВО — противовоздушная оборона
ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона
Первый МГМУ — Первый Московский государственный медицинский университет
п-ов — полуостров
политотдел — политический отдел
политрук — политический руководитель (комиссар), лицо воен-

но-политического состава, руководившее политработой и идеологическим воспитанием в подразделениях РККА
политчасть — политическая часть
пом. — помощник
почт. — почтовый
ППС — полевая почтовая станция
проф. — профессор
профтехобразование — профессионально-техническое образование
профтехшкола — профессионально-техническая школа
ПТР — противотанковое ружьё
ПТУ — Полтавское военное тракторное училище
рабкор — рабочий корреспондент
рабфак — рабочий факультет
разведрота — разведывательная рота
райвоенкомат — районный военный комиссариат
райжилотдел — районный жилищный отдел
райотдел — районный отдел
РВК — районный военный комиссариат
РГАУ-МСХА — Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйственная академия
РГК — Резерв Главного Командования
реж. — режиссёр
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
р-н — район
РПК(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль
РФ — Российская Федерация
с/с — сельский совет
санрота — санитарная рота
сбр — стрелковая бригада
сд — стрелковая дивизия
СКВО — Северо-Кавказский военный округ
Совинформбюро — Советское информационное бюро
СП — Союз писателей
сп — стрелковый полк
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ССР — Советская Социалистическая Республика в составе СССР
ССРБ — Советская Социалистическая Республика Белоруссия (1919)
СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — станица; станция
СтГМУ — Ставропольский государственный медицинский университет
США — Соединённые Штаты Америки
т. (тов.) — товарищ
ТаджССР — Таджикская Советская Социалистическая Республика
тд — танковая дивизия
тех. — технический
тк — танковый корпус
торгпредство — торговое представительство
ТуркмССР — Туркменская Советская Социалистическая Республика
УзССР — Узбекская Советская Социалистическая Республика
УК — уголовный кодекс
УкрВО — Украинский военный округ
укрепрайон — укреплённый район
ул. — улица
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗУ — см. школа ФЗУ
ф-т — факультет
х. — хутор
ХНМУ — Харьковский национальный медицинский университет
ХНУ — Харьковский национальный университет
худрук — художественный руководитель
ЧФ — Черноморский флот
шад — штурмовая авиационная дивизия
шап — штурмовой авиационный полк
школа ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества
эвакогоспиталь — эвакуационный госпиталь
эвакопункт — эвакуационный пункт
ЭССР — Эстонская Советская Социалистическая Республика

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Перечень авторов писем и дневников

Письма из действующей армии

Брагилевский И. Э. 5, 9, 18, 23, 32
Браславский Г. А. 329
Вайнер Д. М. 6, 9, 82
Вайнер М. Л. 9, 83
Васильев К. В. 153
Войскунский Е. Л. 9, 18, 19, 21, 23, 45
Головин Н. А. 323, 325
Гольденштейн М. Е. 5, 22, 129
Гольдштейн М. Б. 7, 9, 10, 20, 30, 212
Гохман Е. В. 9, 19, 23, 334
Грановский А. М. 12, 13, 22, 23, 144
Жосан (Райтбурд) Э. И. 21, 337
Ивянский Г. Б. 154
Ивянский И. Б. 21, 147
Игдалов А. С. 13, 14, 247
Кабб Л. В. 262
Каплан М. И. 23, 103
Карасик Я. И. 19, 79
Коган (Каган) Ш. Г. 23, 282
Колосков 284
Крупкин Б. Р. 7, 232
Логинов 331
Мостинский М. И. 7, 9, 11, 22, 184
Орлов Б. А. 6, 20, 23, 307
Паперно (Поперно) М. Ш. 18, 136
Паперно С. Ш. 10, 136
Пасков Я. Г. 5, 29, 122
Плоткин Я. Ю. 10, 20, 22, 238
Попелянский Я. Ю. 7, 9, 19, 21, 23, 292
Рафальзук Л. М. 8, 18, 172
Ревзин Б. И. 9, 162
Ревзин В. Б. 20, 162
Рубенчик С. И. 7, 302
Рудинский Е. Я. 8, 23, 24, 109
Савин 260
Сигал М. П. 7, 9, 12, 13, 19, 20, 89
Смоляр А. Л. 8, 332
Соколов 261

Сорока Л. Г. 8, 20, 22, 203
Фарбер А. И. 12, 113
Фарбер И. И. 113
Фарбер И. М. 113
Фрисман И. М. 258
Хаит Х. Е. 22, 276
Хейфетц А. Н. 5, 7, 8, 180
Эйдельман Я. Г. 19, 323
Якуб З. И. 5, 7, 20, 23, 29, 241

Письма из тыловых, прифронтовых и освобождённых районов

Аксаков П. А. 16, 254, 255, 257
Баумгольц А. И. 16, 254, 255, 256, 257
Бормотова Н. А. 15, 316, 317
Брагилевская И. А. 33
Бранопольский Я. А. 11, 13, 17, 305
Бриккер Ф. М. 11, 16, 197
Глущенко Б. М. 20, 140
Гурович (Коган) Ш.-Д. Б 11,125
Ермолаева Г. П. 258
Ивянские (семья) 147
Игдалов С. Д.
Игдалова Р. С. 18, 249, 252
Иткина Р. Р. 106
Криворучко С. С. 14, 288
Лазарис Я. А. 16, 198, 200, 201
Мазель М. М. 226
Обшадко М. Г. 21, 30, 236
Панасенко Е. В. и Соболева К. Т. 16, 273, 274
Пеккер Д. М. (адресат) 15, 17, 193
Сегалевич А. Е. 334
Сегеда А. Л. 14
Серпик З. 10, 16, 17, 270
Сонина (Брагилевская) Г. М. 6, 42
Сонина Л. Б. 42
Сонина М. Б. 42
Стейкер З. С. 18, 35
Тарло Ф. Я. 14, 321
Токаренко Е. и Токаренко М. 16, 184, 192
Фарбер С. А. 10, 113, 114, 115
Хитарьян О. А. 15, 17, 285, 286
Черневич А. и Черневич А.-Р. Л. 29, 106, 108

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Перечень лиц, предоставивших документы для сборника

Амстиславский А. Л. (Украина) 288
Бранопольский А. Я. (Россия) 305, илл. вкладка 31
Броун Ю. А. (Россия) 173
Вайнер М. М. (Израиль) 83
Василенко Е. А. (Россия) 162, илл. вкладка 3
Войскунский Е. Л. (Россия) 6, 9, 18, 19, 21, 25, 45, 46, 62, 68, 74, 78
Галутина М. М. (Россия) илл. вкладка 29
Гельфанд Е. А. (Россия) 212, 227, илл. вкладка 30
Гензель Р. (Израиль) илл. вкладка 19
Говорова Н. М. (Россия) 33, 42, илл. вкладка 31
Гольденштейн Б. М. (Россия) 129
Гольдина Р. М. (Россия) 122
Гохман Б. Я. (Россия) 334
Гурович П. В. (Израиль) 125
Друзь А. А. (Россия) илл. вкладка 12–16
Дуэль И. И. (Россия) илл. вкладка 17–18
Жосан Г. Н. (Израиль) 338, илл. вкладка 2
Зельвенский Д. А. (Израиль) 30, 184, илл. вкладка 28
Зельцер Б. И. (Израиль) 193
Иванова Л. И. (Россия) 270
Иванов А. Ю. (Россия) 31, илл. вкладка 1
Кабб И. Л. (Израиль) 262, илл. вкладка 19
Казакова О. Л. (Россия) 203
Каплан (Сигал) Р. П. (Россия) 90, 103, 104
Киселёва Л. И. (Израиль) 321, илл. вкладка 24
Климова Е. В. (Россия) 198
Кованова Е. С. (Россия) 273, илл. вкладка 11
Копылова П. И. (Израиль) 180, илл. вкладка 23
Люлько С. Я. (Россия) 332, илл. вкладка 10–11
Нарский В. В. (Россия) 31, 258
Обшадко Л. Б. (Россия) 327, илл. вкладка 32
Ольховикова Т. И. (Россия) илл. вкладка 20–21
Ожегова М. Э. (Россия) 141, 144, илл. вкладка 19
Петрова О. В. (Россия) 30, 107, 248
Плоткин Г. Л. (Россия) 238
Подольская М. А. (Россия) 293
Прокопов С. А. (Украина) 305, илл. вкладка 31
Ройз Б. Н. (Россия) 286
Рубанова Л. Г. (Россия) 316

Рубенчик Е. М. (Россия) 302
Рудинский Е. Я. (Россия) 8, 19, 23, 24, 30, 109–112, илл. вкладка 4–8
Рябов Ю. А. (Россия) 254
Славицкий В. (США) 137
Смиловицкий Л. (Израиль) 20, 308
Старик Д. Э. (Россия) илл. вкладка 22
Стратонникова С. А. (Россия) 148, 155 илл. вкладка 21
Струлёв А. М., Струлёва М. А. (Россия) 282
Теслер О. С. (Россия) илл. вкладка 25–28
Фарбер И. А. (Россия) 113
Хагуэль М. (Израиль) илл. вкладка 9
Хаит Б. Х. (Россия) 276
Шапиро И. А. (Россия) 233
Шатохин В. А. (США) илл. вкладка 8, 30
Школьников Л. И. (Россия) 299, 301
Шмерман Л. Х. (Израиль) илл. вкладка 22
Щедрова И. А. (Россия) 79
Эйдельман С. Б. (Россия) 323
Эрбсман Е. И. (Россия) 329

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Географический указатель

А
Австрия 335–336
Ак-Булак 321
Акбулак — см. Ак-Булак
Алатырь 138–139
Александров 243–244
Александровская 92–93, 99
Александровский р-н 243–244
Алма-Ата 15, 17, 162–163, 193, 238, 258
Алма-Атинская обл. — см. Алматинская обл.
Алматинская обл. 184
Алтайский кр. 198, 262
Алтыарыкский р-н 241
Андижан 113, 117
Андижанская обл. 308
Анжерка 321
Анжеро-Судженск — см. Анжерка
Антарктида 53
Арктика 70
Армавир 152, 270–271
Архангельск 109, 111
Асака — см. Ленинск
Ашдод 193
Ашхабад 258
Б
Бабий Яр 11, 125
Багерово 195
Байрам-Али 46, 71–73
Байрамали — см. Байрам-Али
Баксан 99
Баку 26, 45–46, 49, 52, 61–62, 65, 67–68, 76
Балаково 93
Балви 323
Балтийск — см. Пиллау
Бар 12, 14, 89–90, 100, 101–104, 321–322
Барнаул 246, 262
Башкирия — см. Башкирская АССР
Беларусь (Республика Беларусь, Белоруссия, Белорусская ССР, ССР Белоруссия) 5, 11, 19, 109, 113, 136, 232, 238, 247, 282, 302, 316, 332, 346, 349

Белая Церковь 203
Белгород 39
Белград 19, 335–336
Белебей 32–34
Белово 329
Беловщина 122
Березино 19, 112, 282
Березоточа 33
Берлин 19, 23, 100, 109, 112, 154, 190, 241, 286, 296–297, 308
Бесков 19, 112
Бессарабия 5, 125, 129
Бийск 200, 202
Бишкек — см. Фрунзе
Бобруйск 19, 112, 136
Болгария 335
Бологое 77
Борисов 7, 232–233
Борки 106, 247
Бостон 137
Брашов 337, 344–345
Британский Золотой Берег 70
Брицкое 262
Брянск 30, 115, 292
Брянская обл. 5, 30, 40, 42, 122, 203, 258
Бугуруслан 88
Будапешт 19, 249, 335–336
Бузулук 292
Буковина 308
Букштыны 282
Бураево 33, 35–37, 39–40
Бухара 243
Бухарест 19, 335–336
В
Ванновск 241
Варта 295
Варшава 111
Васлуй 337
Великий Новгород — см. Новгород
Вена 19, 30, 334, 336
Венгрия 184, 335, 337, 343
Вентспилс 332
Виленская губ. 262, 285
Вильна — см. Вильнюс
Вильно — см. Вильнюс

Вильнюс 262
Винница 50, 100, 292, 322
Винницкая обл. 14, 89, 90, 262, 292
Витебская губ. 106, 247, 276
Витебская обл. 232, 247, 282, 302, 332
Витебский р-н 282
Владени 337
Владикавказ — см. Орджоникидзе
Владимир 82–84, 93, 129, 130–134
Владимир-Волынский 6, 82–84
Владимирская обл. 288
Волга 67, 254
Волгоград — см. Сталинград
Волжский р-н 147
Вологодская обл. 248, 251
Волынская губ. 82
Воронеж 16, 30–31, 68, 273–275
Воронежская губ. 273
Воронцово-Александровский р-н 338
Ворошиловград 83–84, 87, 198
Ворошиловск (РСФСР) 11, 16, 181, 197–198, 201
Ворошиловский р-н 90
Восточная Пруссия 89, 99, 101, 288, 330
Всхова — см. Фрауштадт
Вундлакен 329
Вязьма 129
Вячка 163
Г
Гана — см. Британский Золотой Берег
Гангут — см. Ханко
Геническ 288
Георгиевск 94, 99
Георгиевская 92
Германия 19, 20, 100, 112, 167, 172, 258, 261, 271, 307, 308, 335, 346
Головановский р-н 189
Голубицкая 147
Гомель 10, 114–115, 238
Гомельская губ. 42, 113, 258
Гомельская обл. 113
Городея 334
Городок 247
Горький 198, 226–228, 273
Горьковская обл. 242, 326
Гречаны 322

Гродно 114
Грозный 68, 180–181, 184, 187
Гурьевский р-н 329
Гута 119–120
Д
Дагестанская АССР 184
Даго 79
Дайрен 292
Дальвитц 19, 112
Дальний Восток 26, 329
Далян — см. Дайрен
Даугавпилс 241, 276
Двинск — см. Даугавпилс
Дева 343
Джусалы 184, 186
Дзержинский 109
Днепр (город) — см. Днепропетровск
Днепр (река) 91, 212, 216
Днепропетровск 79, 91, 99, 180, 182, 337–338
Днепропетровская обл. 79, 180, 305
Долгиново 324
Донецк — см. Сталино (Украина)
Донецкая обл. 337–338
Дробицкий Яр 288
Дубово-Умётский с/с 147
Дубовый Умёт — см. Дубово-Умётский с/с
Дудичи 11, 113–116, 119
Душанбе — см. Сталинабад
Е
Екатеринбург — см. Свердловск
Екатеринополь 13, 140, 142, 144–146
Екатеринослав — см. Днепропетровск
Ельня 168
Енакиево — см. Рыково
Ерки 140
Ессентуки 16, 256
Ж
Жёлтое 305
Жировка 293
Житомир 82–86, 88
Житомирская обл. 82
Жусалы — см. Джусалы
З
Забайкальский кр. 288

Западная Африка 70
Звенигородка 145–146
Зианчуринский р-н 305
Золино 243
Золотой Берег — см. Британский Золотой Берег
Золочев 144
И
Ивановск 95
Ивановская обл. 129, 243–244
Ижевск 324
Износковский р-н 113
Израиль (Государство Израиль) 25, 30–31, 83, 107, 125, 180, 184, 193, 262, 308, 321, 338
Или 184, 186–187, 191
Иркутск 11, 50, 198
Италия 20, 167, 254
К
Кабардино-Балкарская АССР 96
Кабардино-Балкарская Республика — см. Кабардино-Балкарская АССР
Кабыланбек — см. Капланбек
Кавказ 5, 19, 68, 91, 96, 184, 187
Казань 282, 292–293
Казахстан (Республика Казахстан, Казахская ССР) 26, 162, 184, 193, 198, 238, 258
Калинин 19, 226, 336
Калининград — см. Кёнигсберг
Калининград (Московская обл.) 138–139
Калининградская обл. 329
Калужская обл. 113
Камышин 326
Камышлов 116–117
Капланбек 162–167
Карачевский р-н 203
Катеринополь — см. Екатеринополь
Кего (Кегостров) 109
Кемеровская обл. 321, 329
Кёнигсберг 100, 330–331
Керчь 5, 15, 17, 193, 195
Кечкемет 337, 342
Киев 11, 16, 26, 33, 43, 82–83, 101, 106–108, 125, 170, 201–202, 212, 226, 254, 267
Киевская губ. 140, 144, 292, 326
Киров 212, 227

Кировоградская обл. 305, 337
Кировский р-н 180
Кисловодск 5, 16, 254–257
Китай (КНР) 292
Кишинёв 129, 292
Клайпеда 100
Колыма 51
Комсомольск-на-Амуре 107
Конотоп 109
Королёв — см. Калининград (Московская обл.)
Красноводск 338
Краснодарский кр. 14, 91, 140, 147, 258, 260, 270
Красное 140–141
Кременчуг 305
Кривой Рог 305
Кронштадт 19, 62–63, 66, 68, 72
Крутое 119
Крым (Республика Крым, Крымская АССР) 5, 106, 109–110, 162, 172, 174, 193, 316
Крымский р-н 260
Кудиркос-Науместис 89
Кузнецк 32, 35–36
Куйбышев 149, 226, 232, 292, 302
Куйбышевская обл. 147
Кулаковка 82
Кулебаки 242
Кума 93–94
Кура 95
Курск 19
Кызылординская обл. 184
Л
Латвия (Латвийская Республика, Латвийская ССР) 19, 25, 30, 45, 241, 276, 323–324, 332–333
Левокумки 180
Левокумское — см. Левокумки
Ленинград 5, 8, 9, 19, 45–46, 57, 69, 71, 73, 75, 107–108, 111, 122, 124, 136, 138–139, 180, 232–234, 235, 242, 247–248, 252, 280, 332, 342
Ленинградская обл. 138, 180, 232, 276, 279, 282
Ленинск 308
Лианозово 210
Либава — см. Лиепая
Лиепая 45
Липский с/с 120
Литва (Литовская Республика, Литовская ССР) 5, 26, 32–34, 89, 100,

262, 285
Лодзь 19, 112
Луганск — см. Ворошиловград
Львовская обл. 144
Люберцы 273
М
Майка 97
Макеевка 338
Маньчжурия 292
Марьины Колодцы 92
Махачкала 74, 187
Мглин 258
Мелитополь 109
Мемель — см. Клайпеда
Мендонский с/с 241
Минеральные Воды 5, 16, 19, 94, 180, 254
Минск 26, 65, 113–115, 119–120302
Минская губ. 232, 282, 334
Минский р-н 113
Митрофановка 337, 344
Могилёв 316
Могилёвская губ. 113, 238, 316
Монголия 298
Монтевидео 286
Моозундский архипелаг 19
Москва 6, 11, 18, 21, 30–36, 38, 40–51, 61, 70, 75–77, 79, 81, 90, 100, 103, 109, 111–113, 115, 118, 121, 123, 129, 131–132, 134–135, 138, 141–142, 144, 147–150, 153–155, 162, 167, 170, 172–173, 198, 200, 202–203, 210, 212–214, 217–220, 226–231, 238, 242, 254, 258, 260, 263, 270, 273, 276, 285–286, 288, 292–293, 296, 298, 316, 323, 326–328, 332, 334–335, 342
Московская обл. 109, 139, 166, 288
Муром 288
Мытки 89
Мюнхен 100
Н
Надькалло 184
Нахабино 166
Неберджаевская 258
Невель 5, 11, 14, 30, 106–107, 248, 251
Нерчинск 288
Несвижский р-н 334
Нижегородская обл. — см. Горьковская обл.
Нижний Новгород — см. Горький

Нижний Тагил 122, 148, 154, 156, 160
Никитское 148
Николаев 91, 99
Новая Зеландия 70
Новая Прага 344
Новгород 18–19, 336
Новгород Великий — см. Новгород
Новиково 329–330
Новогеоргиевск 305
Новозыбков 258
Новомосковск (Россия) — см. Сталиногорск
Новомосковск (Украина) 180
Новосибирск 198, 242, 316, 330
Новосибирская обл. 203, 329
Ногинск 263
Нью-Йорк 53, 141, 308
О
Обильное 94–95, 99
Область Войска Донского 285
Одесса 11, 16, 83, 86, 90–91, 99, 103, 147, 154, 172, 184, 189–190, 192, 201
Одесская губ. 184
Одесская обл. 184, 189
Омск 295, 329
Омская обл. 117
Онохино 117
Орджоникидзе 91, 99
Орджоникидзевский кр. 89, 180–181, 184, 197, 338
Орёл 301
Оренбургская обл. — см. Чкаловская обл.
Орловская обл. 40, 122, 203, 301
Орша 232, 302
Осиновка 119
Охматов 326
П
Парабельский р-н 329
Париж 286
Пахтакорский р-н 83
Пенза 42
Пензенская обл. 32, 35
Первомайск 93
Першотравневое — см. Кулаковка
Петровский с/с 203
Петроград — см. Ленинград

Печенежский р-н 82
Пиллау 45, 331
Пинская обл. 303
Подмосковье 238
Подольская губ. 89
Познань 294
Покровка 279
Полтава 137, 262, 305
Полтавская обл. 33, 307
Польша 45, 105, 258
Помпеи 295
Поркалла-Удд 45, 73
Почеп 30, 41–44
Починок 170
Прохладный 96
Пруссия 101
Прут 337
Псковская обл. 5, 106, 247
Пуховичский р-н — см. Минский р-н
Пятигорск 89–92, 94, 98–99
Р
Республика Башкортостан — см. Башкирская АССР
Республика Татарстан — см. Татарская АССР
Реховот 125, 321
Рига 31, 104, 330
Рогачёвский уезд 113
Ромэнешть 310
Рославль 170
Россия (Российская Федерация, РСФСР) 2, 5, 7, 23, 24-25, 33, 45, 108, 113, 201–202, 243, 271–272, 302, 326, 342, 344
Ростов-на-Дону 2, 5, 10, 13, 15–17, 30, 65, 140, 144, 198, 267, 270–271, 285–287
Ростовский р-н 205
Рудня 119
Румыния 337
Рыково 337
Рязань 326
С
Самара — см. Куйбышев
Самарканд 83
Самарская обл. — см. Куйбышевская обл.
Самгородок 292
Санкт-Петербург — см. Ленинград
Саракташский р-н 305

Саратов 46, 64, 68, 108, 286, 326
Саратовская губ. 326
Саратовская обл. 93
Свердловск 18, 113–115, 137–138, 240, 248–249, 251, 258–259
Свердловская обл. 117, 122, 148, 154, 248
Свинемюнде 45
Свиноустье — см. Свинемюнде
Севастополь 8, 57, 147, 172
Сегед 342–343
Семёновка 32, 42
Семипалатинск 166
Симферополь 5, 15, 172, 194, 316–318
Синявино 232, 276
Сиэтл 292
Скасиев Фонтан 195
Славянская 99
Слободзея 337
Смоленск 162, 168, 170–171
Смоленская обл. 5, 113, 293
Смоленская губ. 162
Сновск — см. Щорс
Сновское 299
Советск — см. Тильзит
Советская 95, 194, 218, 346–350
Советский р-н 338
София 19, 336
Средняя Азия 139
Ставрополь — см. Ворошиловск (РСФСР)
Ставропольский кр. — см. Орджоникидзевский кр.
Сталинабад 11, 83, 198
Сталинград 19, 263, 316, 336, 338, 342
Сталино (Узбекистан) 165
Сталино (Украина) 79, 199, 305
Сталиногорск 288
Сталинский р-н 274
Старая Басань 106
Стародуб 5, 17, 122–124
Страшенский р-н 310
Сумская обл. 109
Сурхандарьинская обл. 180
США 2, 20, 25, 65, 136–137, 141–142, 292, 308, 350, 354
Т
Таврическая губ. 172, 193, 288
Таганрог 168

Таджикистан (Республика Таджикистан, Таджикская ССР) 83
Тайвань 142
Талгар 184, 190–191
Таллин 53
Татарская АССР 282
Татарстан — см. Татарская АССР
Ташкент 65, 103, 165–167, 171–172, 242, 259, 266, 323
Ташкентская обл. 113, 166
Тверь — см. Калинин
Темрюк 147, 153
Темрюкский р-н 147
Тильзит 100
Томск 203–204, 206, 295, 329–330
Томская губ. 329
Томская обл. 329
Трансильвания 343
Троицк (Челябинская обл.) 144
Трудовая коммуна № 2 им. Дзержинского — см. Дзержинский
Туапсе 258, 270
Тула 122, 295
Тульская обл. 288
Туркестанская обл. 162
Туркменбашы — см. Красноводск
Туркмения (Туркменистан, Туркменская ССР) 46, 258, 338, 350
Туровка 113
Тушино 112
Тюменская обл. 286
Тюменский р-н 117
Тюмень 117
У
Уваровичевский р-н 120
Уваровичи 119–120
Узбекистан (Республика Узбекистан, Узбекская ССР) 18, 83, 103, 113, 165, 172, 180–181, 233, 241, 243, 308, 323, 338
Украина (Украинская ССР) 2, 5, 7, 9, 11, 25, 32–33, 42, 79, 82–83, 89, 103, 106, 109, 140, 144, 147, 154, 177, 180, 182, 184, 187, 197, 203, 220, 262, 288, 291, 299, 305, 307, 321, 326, 337–338, 350, 353
Ульяновск 41
Умань 326
Урал 14, 123, 270
Уругвай 286
Уршкау 258, 261
Уфа 184, 255, 276, 279, 323

Ф
Фергана 338
Ферганская обл. 241
Финляндия 19, 45–46, 78
Фиолент 172, 177
Форос 110
Франкфурт-на-Одере 19, 112
Франция 52, 254, 286
Фрауштадт 258
Фрунзе 155
Фурманов 244
Х
Хадера 25, 30–31, 83, 180, 184, 262, 338
Ханко 6, 19, 45–46, 49, 54, 57–63, 68
Харьков 11, 14, 82, 87, 125–127, 144, 168, 182, 197–198, 202, 262, 269, 288, 291, 307–309, 314
Хельсинки 77
Херсон 91, 99
Херсонская губ. 103, 147, 154, 337
Херсонская обл. 288
Холочье 113–115, 119
Ц
Царицын — см. Сталинград
Ч
Челябинск 65, 125, 212, 227, 316
Челябинская обл. 144
Черкасская обл. 13, 140, 144, 326
Чернечево 13, 306
Чернигов 17, 299–301
Черниговская губ. 32, 42, 109, 258
Черниговская обл. 32, 42, 106, 299
Черноисточинск 148, 154, 160
Чехословакия 297
Чечено-Ингушская АССР 181
Чечерский р-н 113
Чечня (Чеченская Республика) 11
Чимкент 102
Чирчик 113
Читинская обл. 288
Чкаловск 181
Чкаловская обл. 305, 321
Чокракское о. 194
Ш
Шапуры 282

Шауляй 296–297
Шахрихан — см. Сталино (Узбекистан)
Швейцария 33
Ширвинты 285
Шпола 146
Шпрее 100
Штейнгартовский р-н 140
Шурчи 180
Шымкент — см. Чимкент
Щ
Щорс 299, 301
Э
Экономическое 258
Эльба 297
Эстония (Эстонская Республика, Эстонская ССР) 6, 79, 246, 350
Ю
Югославия 335
Южно-Казахстанская обл. 162
Я
Ялта 179
Ялтушков 100
Япония 142, 342
Ярославль 286
Ярославская обл. 122